

А. Э Р Н У

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ЛАТИНСКОГО
ЯЗЫКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

И*Л

*Издательство
иностранной
литературы*

A. ERNOUT

**MORPHOLOGIE HISTORIQUE
DU LATIN**

NOUVELLE ÉDITION REVUE ET CORRIGÉE

P A R I S

1 9 4 5

А. Эрну

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ЛАТИНСКОГО
ЯЗЫКА

Перевод со второго французского издания

М. А. БОРОДИНОЙ

Под редакцией проф. И. М. ТРОНСКОГО

Предисловие Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВА

1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Историческая морфология латинского языка» Альфреда Эрну, как об этом говорит и сам автор, является продолжением известной советскому читателю «Исторической фонетики латинского языка» Макса Нидермана. Она построена на тех же принципах и по тому же методу, отличаясь от последней лишь наличием элементов сравнения с другими индоевропейскими языками, чего обычно избегал Нидерман.

А. Эрну — французский филолог-латинист — известен как издатель ряда текстов Плавта, Петрония, Лукреция и как автор многочисленных исследований в области истории латинского языка, из которых наиболее важными являются «Диалектальные элементы латинского словаря» (*Éléments dialectaux du vocabulaire latin*, Париж, 1909) и «Разыскания об употреблении латинского пассива в республиканскую эпоху» (*Recherches sur l'emploi du passif latin à l'époque républicaine*, Париж, 1909). Кроме того, Эрну в сотрудничестве с Мейе составил капитальный труд «Этимологический словарь латинского языка, история слов» (*Dictionnaire étymologique de la langue latine, histoire des mots*, 2-е изд., Париж, 1939).

Предлагаемое пособие не представляет собой оригинального исследования, являясь скорее сводкой взглядов французских языковедов по данному вопросу; тем не менее, сочетание интересов филолога и лингвиста выгодно отличает Эрну от прочих авторов пособий подобного рода, использующих данные, собранные компилятивным путем из других работ, и подвергающих их собственному истолкованию. Он свободно ориентируется в первоисточниках, хорошо знает тексты и умеет при необходимости использовать этот материал для иллюстрации своих теоретических положений.

Книга Эрну преследует прежде всего цели учебного характера и предназначена служить пособием по истории латинского языка для студентов, а также для преподавателей-практиков, желающих внести элементы историзма в преподавание латинской грамматики. Такая целевая установка определяет все ее особенности.

А. Эрну при изложении фактов истории латинского языка вносит элементы сравнения его с другими индоевропейскими языками, но делает это крайне сдержанно, стремясь сделать книгу более популярной и доступной читателям. Он чаще всего ограничивается привлечением фактов греческого языка как более известного, прибегая к данным других языков лишь в редких случаях и пользуясь при этом вполне очевидными этимологическими сопоставлениями. Такая осторожность в сравнении, объясняемая указанными соображениями, будучи целесообразной в одних случаях, в других является недостатком, так как часто не позволяет автору глубже раскрыть сущность изучаемого явления. Нельзя также признать вполне удачным и стремление автора сделать свою книгу органическим продолжением «Исторической фонетики латинского языка» Нидермана. Пренебрегая данными других индоевропейских языков, Нидерман, естественно, не мог дать в своем пособии более или менее полной истории звуков латинского языка. В то же время отсутствие раздела об исторической фонетике в учебном пособии по истории латинского языка является весьма существенным композиционным минусом, так как, в силу тесной органической связи фонетических изменений латинского языка в ходе его истории с морфологическими изменениями, уяснение явлений исторической морфологии без предварительного знакомства с исторической фонетикой оказывается весьма затруднительным.

Одной из своих задач автор считает замену эмпирического и бессвязного изложения фактов склонения и спряжения более рациональной классификацией. Однако рациональный отбор фактов и логически стройное, систематическое их изложение не всегда ему удаются. Так, мы видим это в разделе о чередовании гласных. В главе о спряжении автор, перечисляя глаголы с различным характером корневого гласного, входящие в состав того или иного спряжения, не пытается показать, какие конкретные образования легли в основу четырех спряжений, в то

время как у Зоммера, Кента, Кикерса и других авторов работ по исторической грамматике латинского языка этот вопрос освещен более наглядно. При изложении истории форм латинского конъюнктива автор не упоминает о предполагаемом существовании двух типов конъюнктива — с долгими и краткими гласными.

Другим недостатком работы Эрну является отсутствие указания на различные теории, объясняющие то или иное явление, и анализа их положительных и отрицательных сторон. Все это создает впечатление бесспорности теоретических положений, выдвигаемых Эрну, в то время как в действительности многие его положения являются весьма сомнительными. К ним относятся, например, объяснение происхождения латинского имперфекта сослагательного наклонения, отрицание наличия форм вспомогательного глагола *sum* в производных образованиях системы перфекта типа *laudav-eram*, *laudav-ero* и др.

Как было уже отмечено, Эрну при объяснении различных явлений истории латинского языка исходит из данных, добытых путем применения сравнительно-исторического метода.

Этот метод до последнего времени третирировался сторонниками Н. Я. Марра как идеалистический и всячески изгонялся из практики научно-исследовательской работы. И только появление гениальных работ товарища Сталина по языкознанию, указавшего на целесообразность применения сравнительно-исторического метода, позволило правильно подойти к оценке возможностей использования последнего в лингвистических исследованиях.

Н. Я. Марр и его «ученики» обвиняли сторонников сравнительно-исторического метода в жесткости языковых восстановлений и в сведении сопоставляемых фактов к обязательному единству в прошлом, считая, что морфологическое сходство может возникать в процессе параллельного развития или поздних сближений. Такое обвинение является преувеличенным.

Всякое материальное родство слов и форм предполагает происхождение из одного источника. Случаи параллельного развития в языках с использованием одинаковых, материально родственных средств, во-первых, довольно редки, а, во-вторых, если и возможны, то опять-таки в языках, материально родственных между собою. Что же

касается утверждения о возможности взаимопереплетения морфологических моделей различных языков при всякого рода сближениях, скрещениях, схождениях и т. п., то эта нелепая теория Марра блестяще опровергнута товарищем Сталиным в его работе «Относительно марксизма в языкознании». Товарищ Сталин учит: «Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»¹.

Совершенно очевидно, что при изучении исторической морфологии всевозможные ссылки на материальное родство морфологических элементов, возникшее в результате различных сближений, скрещений и т. п., лишены всяких оснований. Наблюдаемое заимствование словообразовательных элементов—префиксов, суффиксов и т. п.—никогда не ведет к переплетению морфологических моделей языков.

Предположение о происхождении ряда материально родственных форм из одного источника вовсе не означает происхождения их из одного библейского расового праязыка, чего так боялся Марр, сам в действительности метавшийся от одного библейского праязыка (яфетический субстрат) к другому (четыре первоначальных элемента).

Если при скрещивании языков побеждают основной словарный фонд и грамматический строй одного языка, то это означает, что определенная этническая группировка на протяжении своей истории может приобретать язык какой-либо иной этнической группировки. Таким образом, сходство системы склонения латинского и греческого языков отнюдь не означает обязательного антропологического единства их носителей.

Утверждение о том, что все индоевропейские народы говорят на языках, продолжающих их некогда общее праязыковое состояние, если это утверждение возводится в

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 29—30.

абсолют, слишком прямолинейно, и эта прямолинейность в объяснении происхождения индоевропейских языков, несомненно, свойственна и А. Эрну, как буржуазному языковеду.

Все же необходимо признать, что материальное родство этих языков, особенно в области морфологии, несомненно, свидетельствует о наличии в древности какого-то одного языка народа и даже племени, основной словарный фонд и грамматический строй которого могли быть навязаны другим племенам и народам в процессе скрещивания разнотипных языков.

Весьма возможно, что язык этот мог быть навязан не одновременно и отдельные индоевропейские языки приобрели системы неодинаковых хронологических периодов его развития, однако эта сложность исторического процесса отнюдь не исключает возможности происхождения различных материально родственных форм всегда из одного исходного источника, против чего особенно ревностно выступали сторонники теории Марра.

Возможен также и другой путь происхождения групп родственных языков. В «Ответе тов. Санжееву» товарищ Сталин пишет: «Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином языке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком»¹.

Не исключена возможность, что именно таким путем возникли некоторые языковые группы индоевропейской семьи языков. Учет этих возможностей происхождения родственных языков делает весьма целесообразным применение сравнительного метода при изучении их истории.

Правда, сравнительный метод нельзя рассматривать как средство, абсолютно пригодное во всех случаях, так как он нередко оказывается совершенно бессильным при решении исторических вопросов, особенно там, где отсут-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 44.

ствует материал для сравнения, но, как указывает товарищ Сталин: «сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»¹.

Для лингвиста, применяющего сравнительный метод, важно установить более древний облик слова или его формы путем сравнения на материале родственных языков слов и форм более законсервированных с соответствующими словами и формами, более подвинутыми в своем развитии. Само собой разумеется, что жесткость «праязыковых» архетипов может существовать только в представлении сторонников теории Марра, так как всякий гипотетически восстанавливаемый архетип слова или его формы всегда условен. Когда мы, сравнивая русское слово зуб, старославянское зѣбъ и греческое γὸμφος (собственно «гвоздь»), гипотетически восстанавливаем более древний его облик ḡombhos, то эта научно восстанавливаемая форма свидетельствует о пределах нашей досягаемости при использовании наличного материала сравнения и вовсе не означает исходной, первоначальной формы в абсолютном значении этого слова.

«Ученики» Марра обвиняли своих противников также в том, что они отрывают как морфологические изменения языка, так и различные процессы этого изменения — звуковые законы, контаминации, переразложения, аналогические воздействия и т. п. — от конкретной истории говорящего на этом языке народа, не давая им никакого конкретно-исторического обоснования. Сами же они понимали эту увязку вульгарно-материалистически, связывая фонетические изменения в языке, изменения его грамматического строя с особенностями общественно-экономических формаций и отдельными эпизодами исторического развития народа.

Энгельс справедливо писал в свое время: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, ... объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвиже-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 33.

ния согласных, расширившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судетов до Таунуса, до настоящей трещины, проходящей через всю Германию»¹.

«Язык порожден, — учит товарищ Сталин, — не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков»². Поэтому указание товарища Сталина о том, что язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, категорически опровергает марровскую, типично вульгаризаторскую увязку отдельных фонетических и морфологических изменений в языке с некоторыми явлениями в истории народа, вроде борьбы патрициев с плебеями в древнем Риме или изменением характера сельского хозяйства в более позднюю эпоху. Эта увязка предполагает многостороннее исследование, учет самых различных взаимодействующих причин при дифференцированном подходе к каждой отдельной области языка.

Совершенно естественно, что Эрну, как буржуазный лингвист, не мог следовать этим положениям. Неудивительно поэтому, что его работа отражает те недостатки, которые присущи буржуазному языкознанию в целом, и их всегда должен иметь в виду читатель.

Однако, несмотря на это, книга Эрну обладает и целым рядом достоинств. Обилие фактического материала и его доброкачественность, отсутствие краткости, типичной для подобного рода работ, простой и понятный язык делают ее полезным пособием по изучению истории латинского языка.

Б. Серебренников.

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, 1948, стр. 423.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 7.

ОТ АВТОРА

Настоящая книга является продолжением «Исторической фонетики латинского языка» Нидермана (появившейся в этой же серии)¹ и построена на тех же принципах и по тому же методу. Цель ее — заменить эмпирическое и бессвязное изложение фактов склонения и спряжения более рациональной классификацией. Принятые в наших лицезях и колледжах грамматики целиком основываются на понятии «правильного» (т. е. классического) и «неправильного» (до- и послеклассического). Такое различие, совершенно искусственное, может иметь известные преимущества с педагогической точки зрения в целях элементарного преподавания, но оно ограничивает изучение языка одним периодом, вне которого все остальное — «варварство». Вместо того чтобы проследить развитие языка, большинство грамматик рассматривает его как готовую и неизменную конструкцию: все, что отступает от классической нормы, представляется «исключениями» или «отклонениями».

Наоборот, в предлагаемой работе рассматривается вся эволюция морфологических фактов, начиная от исторически засвидетельствованного момента появления латинского языка и до романского периода. Заимствуя парадигмы склонений и спряжений из классического языка и рассматривая их с классической точки зрения, мы стремились, кроме того, расширить представление о латинском языке у изучающих этот язык.

Для достижения этого нам пришлось обратиться к архаическим памятникам, а также к документам позднейшей эпохи и к данным романских языков, используя, кроме

---

¹ Русский перевод, Издательство иностранной литературы, Москва, 1949. (Прим. ред.)

того, для освещения неясных фактов латинского языка свидетельства и других индоевропейских языков.

В этом отношении я отступил от метода Нидермана, который в целях большей доступности своей работы для молодежи средних учебных заведений, обычно знакомой только с латынью, исключил из своей книги весь сравнительный материал, в частности сопоставление латинского языка с греческим. Имея в виду, что настоящая книга предназначена главным образом для студентов и преподавателей грамматики и словесности, я позволил себе привлечь в своем изложении целый ряд сравнений, в особенности с оскско-умбрской группой и с греческим языком. Впрочем, как это будет видно из дальнейшего, я пользовался такими сравнениями очень сдержанно, привлекая лишь ясные и определенные формы и ограничиваясь самым необходимым.

А. Эрну.

Часть I

СКЛОНЕНИЕ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ

Именная форма в латинском языке обозначает одновременно и род, и число, и падеж; однако ни одна из этих категорий не имеет свойственных только ей одной признаков. Так, в слове *bonum* (именительный падеж среднего рода) окончание *-um* указывает и на единственное число в противоположность множественному на *-a*, и на именительный падеж в противоположность родительному на *-i*, дательному на *-o* и т. д., и, наконец, на средний род в противоположность мужскому на *-us* и женскому на *-a*.

Род

1. В латинском языке мы находим три рода: мужской, женский и средний. Однако заранее установить во всех случаях род того или иного слова трудно. Существительное не содержит в себе таких признаков, которые позволили бы отнести его к мужскому или женскому роду. Так, *nauta* — слово мужского рода, между тем как *fāgus* — женского, хотя, как правило, конечный элемент *-a* характеризует имена женского рода, а конечный элемент *-us* — имена мужского рода.

И только прилагательное совершенно определенно указывает на мужской или женский род существительного: «существительное мужского рода требует в прилагательном основы мужского рода, существительное женского рода — основы женского рода»¹, например *bonus nauta, alta fāgus*.

---

¹ А. Мейе, Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков, перев. проф. Д. Кудрявского, 1911, стр. 157; в позднейших изданиях книги Мейе и в русском переводе 1938 г. эта фраза отсутствует. (Прим. ред.)

Средний род, в отличие от мужского и женского, характеризуется специальными формами в именительном, винительном и звательном падежах обоих чисел, например *templum, templa*; в остальных случаях он совпадает с соответствующими падежами мужского рода.

Мужской и женский род в тех случаях, когда они имеют определенное значение, указывают на различие полов, средний род обозначает обычно неодушевленные предметы. Но это определение не всегда сохраняет свою значимость. Естественный род не следует смешивать с грамматическим: последний выражает отношение между существительным и определяющим его прилагательным и имеет лишь морфологическое и синтаксическое значение.

Если для некоторого количества имен или категорий имен можно обнаружить те причины, которыми в мышлении полуцивилизованного человека определялся выбор «одушевленного» рода (мужской и женский) или «неодушевленного» (средний)¹, то в большинстве случаев категория рода не находится в соответствии с каким-либо определенным значением. Для латинян сохранение рода — по большей части лишь беспредметный пережиток².

2. Поскольку разделение на роды чаще всего уже не соответствовало четко осознаваемым семантическим различиям, между родами происходили смешения. В частности, уже с наиболее древних времен обнаруживается тенденция к

---

¹ В теории грамматического рода, выдвинутой Мейе, на которого ссылается Эрну, правильным представляется, повидимому, то наблюдение, что делению имен на три рода — мужской, женский и средний — предшествовала двучленная классификация, не проводившая различия между мужским и женским родом; эта двучленная классификация исторически засвидетельствована в древнейшем письменном документированном индоевропейском языке, хеттском, и сохранилась в более или менее явственных пережитках также и в ряде других языков; следы этого имеются и в латинском языке, например неразличение мужского и женского рода в так называемых прилагательных двух окончаний. В основе двучленной классификации лежит противопоставление предметов по степени их активности, однако в различных языках и в разные периоды она принимала самые разнообразные формы («лицо» и «вещь», «разумные» и «неразумные» предметы, «активные» и «инертные» и т. п.) и не может быть сведена к одной лишь противоположности «одушевленных» и «неодушевленных». (*Прим. ред.*)

² Meillet, *Linguistique historique et linguistique générale*, стр. 199—229.

устранению среднего рода и замене его женским и, в особенности, мужским родом.

а) Смешение среднего и женского рода. Фонетическое сходство между *rosă* (им. п. ед. ч. ж. р.) и *templă* (им.-зват.-вин. п. мн. ч. ср. р.) привело к ряду смешений между средним родом и женским. Отсюда дублеты:

<i>caementum</i> , -ī	<i>caementa</i> , -ae
<i>gāneum</i> , -ī	<i>gānea</i> , -ae
<i>mendum</i> , -ī	<i>menda</i> , -ae
<i>gāmentum</i> , -ī	<i>gāmenta</i> , -ae
<i>gārum</i> , -ī	<i>gāra</i> , -ae и т. д.

Эта двойственность сохранилась и в романских языках, что объясняет французские дублеты: *grain* (лат. *grānum) и *graine* (вульг. лат. *grāna); *cerveau* (лат. *cerebellum*) и *cervelle* (лат. *cerebella); *bras* (лат. *brāchium*) и *brasse* (лат. *brācia*).

В других случаях сохранился лишь женский род:

<i>joie</i> (лат. * <i>gaudia</i>)
<i>poire</i> (лат. * <i>pira</i>)
<i>feuille</i> (лат. * <i>folia</i>) наряду с <i>cerfeuil</i> .

б) Смешение мужского и среднего рода. В латинском языке в причастиях действительного залога настоящего времени и в прилагательных с основой, оканчивающейся на согласную или на -ī-, синкопированное в именительном падеже единственного числа, форма мужского рода распространилась и на именительный падеж единственного числа среднего рода. Таким образом, именительный падеж для всех трех родов выражается здесь одной и той же формой: *ferēns*, *dīves*, *audāx*, *atrōx*, *prūdēns*; что касается древней формы именительного и рунительного падежей среднего рода без -s, то она исчезла, не оставив никаких следов.

Подобное же смешение мужского и среднего рода, не смотря на противодействие этому грамматиков и образованных людей, происходило, начиная со времени возникновения письменности, и в основах на -o/e- второго склонения, причем преобладание здесь получает мужской род. Так, у Плавта мы находим *dorsus* вместо *dorsum*, у Катона — *rāster* вместо *rāstrum*, позднее у Петрония — *caelus* вместо *caelum*

(хотя мн. ч. caeli), *candēlābrus* вместо *candēlābrum*, *fātus* вместо *fātum*, *vīnus* вместо *vīnum*, у Цельса — *scalper* вместо *scalprum* и т. д. Следует отметить, что эта тенденция относится к эпохе, предшествующей возникновению латинского языка, и некоторые слова, род которых колеблется, например *aevus* и *aevum*, *collus* (нем. Hals) и *collum*, *uterus* и *uterum*, в других языках индоевропейской семьи также встречаются то как слова мужского, то как слова среднего рода. Так, последнее слово имеет в санскрите форму *udāgam* «живот» среднего рода, в греческом же — *ὄδερρος γαστήρ*. Такое же смешение наблюдается и в других основах: Плавт пишет *paraverem* (Trin., 410).

Основной причиной устранения среднего рода служит его смешение с мужским родом во всех падежах, кроме именительного, звательного и винительного.

Другая причина исчезновения среднего рода, с очевидностью вытекающая из смешения мужского и среднего рода, — это употребление для образования множественного числа имен мужского рода древнего собирательного имени среднего рода с основой на *-ā-*, которая образовывала также именительный, звательный и винительный падежи множественного числа среднего рода.

Так, известно, что в греческом языке множественным числом от *μήρως* является *μήρα* и что слову *κύκλος* «круг» соответствует собирательное *κύκλα* «колеса»; этот тип встречается и в славянских языках, ср. русск. дом, дома. *Μήρα*, *κύκλα* были первоначально не именительными падежами множественного числа среднего рода, а именительными падежами единственного числа собирательных имен; поэтому в греческом языке глагол, подлежащее которого стояло во множественном числе среднего рода, употреблялся в единственном числе: *τὰ ζῶα τρέχει*.

В латинском языке с этими формами можно сопоставить:

<i>acinus</i>	<i>acina</i>
<i>jocus</i>	<i>joca</i>
<i>lacertus</i>	<i>lacerta</i>
<i>locus</i>	<i>loca</i>
<i>sībilus</i>	<i>sībila</i>

У Вергилия под влиянием греческого языка встречаются также: *carbasus*, *carbasa*; *Tartarus*, *Tartara*; *Maenalus*, *Maenala*; *Ismarus*, *Ismara*.

Наряду с формами мн. ч. *josa*, *iosa* существуют и формы *josi* и *iosi*. С другой стороны, от собирательного множественного числа на *-a* образовалось единственное число среднего рода, заменившее мужской род: наряду с *collus* под влиянием *colla* возникло *collum* и т. д. Это состояние неопределенности, корни которой восходят к индоевропейскому языку, способствовало исчезновению среднего рода в латинском языке. В романских языках средний род не сохранился, за исключением местоимений, где он имел вполне определенное значение: лат. *qui* > франц. *qui*; лат. *quid* > франц. *quoi*.

в) И наконец, смешения происходили также между мужским родом и женским. Названия деревьев на *-us*, бывшие первоначально именами женского рода, стремились перейти в мужской род по аналогии с другими именами мужского рода, количество которых в склонении основ на *-o/e-* было весьма значительно. Наоборот, имена на *-i-* мужского рода стремились перейти в женский род, потому что большинство имен на *-i-* было женского рода.

Число

3. В латинском языке различаются два числа: единственное и множественное. Двойственное число, которым в индоевропейском языке обозначались два предмета, совершенно исчезло.

В именах числительных: *duo*, гр. *δύο*, гомер. *δύω*; *ambo*, гр. *ἄμφω*; *viginti*, гр. дорийск. *ἑξήκοντα*, этимология позволяет вскрыть древние формы двойственного числа (хотя *o* в *duo* не встречается ни в одном из известных типов двойственного числа). Однако в сознании говорящего *viginti* было несклоняемым словом, в котором элементы формообразования больше не различались: *duo* и *ambo* как в употреблении, так и по своей флексии функционировали как множественное число.

Некоторые исследователи хотели видеть двойственное число и в формах на *-o*, которые встречаются в нескольких надписях типа:

Q. K. Cestio Q. f. Hercole donu dederо (C. I. L., I², 61)
 «Q(uintus) K(aeso) Cestii Q(uinti) f(ili) Herculi donum

dederunt»¹, где форму *Cestio* можно сопоставить с *duo*. Не входя здесь в обсуждение этого весьма сомнительного толкования, можно сказать, что для доказательства существования двойственного числа в историческую эпоху латинского языка этих изолированных форм недостаточно.

Падеж

4. Латинский язык имеет шесть живых падежей: три грамматических — и м е н и т е л ь н ы й, з в а т е л ь н ы й и д а т е л ь н ы й, указывающие на функции слова в предложении; два падежа одновременно грамматических и с конкретным значением — р о д и т е л ь н ы й и в и н и т е л ь н ы й; один падеж с конкретным или реальным значением — о т л о ж и т е л ь н ы й, древний падеж пространственных отношений, с которым смешался о р у д и й н ы й падеж, первоначально самостоятельный и тоже с конкретным значением, — падеж сопровождения и средства. Кроме того, сохранились некоторые следы еще одного падежа с конкретным значением — м е с т н о г о, находящегося в стадии исчезновения. Количество падежей с конкретным значением очень невелико; этот недостаток восполняется предлогами. Именительный, винительный прямого дополнения, родительный, дательный и звательный падежи употребляются без предлогов, в то время как при отложительном сопровождении и при падежах, выражающих пространственные отношения, употребление предлогов обязательно, за исключением некоторых остатков местного падежа и некоторых случаев употребления винительного и отложительного падежей.

5. Значение падежей. а) И м е н и т е л ь н ы й падеж — обычно определяется как падеж, в котором ставятся «подлежащее» и именное сказуемое.

б) З в а т е л ь н ы й падеж — указывает на лицо, к которому обращаются, и занимает в предложении обособленное место. Эта обособленность способствовала исчезновению

---

¹ Родовому имени (*nomen*) *Cestio* предшествуют два личных имени (*praenomena*) в бессоюзном соединении, как это часто наблюдается в архаической латыни. Форма *Cestio* поддается различным толкованиям; правильнее считать, что это им. п. ед. ч. *Cestios* с опущением конечного *-s*; см. § 26, п. а, и Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 48. (*Прим. ред.*)

звательного падежа. В латинском языке он сохранился лишь в единственном числе основ на -o/e- мужского и женского рода (второе склонение), за исключением типа *puer*; в остальных случаях он совпадает с именительным. И даже в основах на -o/e- именительный падеж может иметь значение звательного. Плавт, например, пишет (*Asin.*, 664, ямбические септенарии):

Da, meus ocellus, mea rosa, mi anime, mea voluptas,
Leonida, argentum mihi.

В романских языках все следы звательного падежа уже исчезли.

в) В и н и т е л ь н ы й падеж — имеет различное употребление, но в основном служит для уточнения значения глагола (прямое дополнение): *amō patrem*.

Кроме того, он обозначает:

1) Протяженность в пространстве и во времени:

oppidum aberat milia passuum octō (Цезарь, *V. G.*, II, 6, 1); *tot annōs bella gerō* (Вергилий, *Aen.*, I, 47).

2) Цель движения:

eō Rōmam (латив); *Catinam cum vēnisset* (Цицерон, *Verr.*, II, IV, 50).

Подобное беспредложное употребление сохранилось лишь в некоторых именах, где оно было закреплено обычаем: *domum, rūs*, в стандартных выражениях — *infitiās, suppetiās ire*; *vēnum ire (dūcere)*, *pressum ire* и, как общее правило, в первом супине при глаголах движения.

3) Отношение:

quid hoc differt? (Цицерон, *pro Saec.*, 14, 39).

И, наконец, винительный падеж в латинском языке употребляется также в сочетании с некоторыми предлогами, которые первоначально были самостоятельными приставками. Однако это относится скорее к лексике, чем к морфологии.

г) Р о д и т е л ь н ы й падеж — служит для выражения дополнения к имени; бывает субъективный — *Italiae facultātēs* (Цезарь, *V. G.*, VI, 1, 3) или объективный — *rēgnī cupiditāte* (там же, I, 2, 1).

Он употребляется, далее, с конкретным значением

для обозначения целого, от которого берется часть (родительный партитивный); в этом случае он также может быть дополнением к существительному, прилагательному, местоимению, глаголу и т. д., например:

ebrium ūna pars (Цезарь, В. Г., I, 1, 5);
interea loci (Теренций, Eun., 256);
hoc noctis (Плавт, Amph., 164a);
divēs opum.

Кроме того, родительный падеж часто употребляется для уточнения рассматриваемого явления, качества: aeger animi «страдающий душою, опечаленный», dēsipere mentis «безумствовать».

Некоторые случаи употребления родительного падежа плохо поддаются обобщенной формулировке; ознакомиться с ними можно только на практике.

д) Д а т е л ь н ы й падеж — указывает, кому или для чего предназначается предмет:

sī quid peccat filius, mihi peccat (Теренций, Ad., 116);
castris locum dēlegit (Цезарь, В. Г., I, 49, 1).

Аналогично объясняется дательный падеж: servīre, pāgere alicui и т. д.

е) О т л о ж и т е л ь н ы й падеж — представляет собой одновременно и индоевропейский отложительный падеж и орудийный, а также, частично, местный.

1) С о б с т в е н н о о т л о ж и т е л ь н ы й падеж обозначает место отправления, происхождение; он встречается с предлогами и без предлогов:

oppidō fugit (Цезарь, В. Г., III, 29, 1);
caelō vēnere volantēs (Вергилий, Aen., VI, 191).

Однако чаще он употребляется с предлогами: ā, ab, dē, ē, ex.

К собственно отложительному падежу относится и употребление отложительного падежа со сравнительной степенью. Последняя, в сущности, представляет собой усиленную форму, т. е. форму, подчеркивающую значение прилагательного; doctior Petrō означает «особенно ученый» (по отношению к Петру).

2) Отложительный - орудийный падеж указывает или на сопровождение (социативный), причем в этом случае он обычно употребляется с предлогом *cum*:
cum legiōnibus... p̄ficiscitur (Цезарь, В. Г., VI, 3, 6),
или на орудие, средство, образ действия:

pulcherrimō vestītū et ornātū rēgālī in soliō sedentem (Цицерон, *De fin.*, II, 21, 69);

magnō dolōre adficiēbantur (Цезарь, В. Г., I, 2, 4);
gladiīs pugnātum est (там же, I, 52, 4).

3) Отложительный - местный падеж, как правило, употребляется с предлогами:

(*legiōne*) *quae in eōrum fīnibus hiemāverat* (Цезарь, В. Г., VI, 7, 1);
sub monte consēdit (там же, I, 48, 1).

Во множественном числе отложительный падеж в функции местного может употребляться и без предлогов:

homō idem duōbus locīs ut simul sit (Плавт, *Amp.*, 568).

Подобное употребление мы находим иногда также и в единственном числе; однако в классической прозе это было исключением.

Примечание. Так называемый «самостоятельный» отложительный падеж равносителен либо орудийному: *incitātō equō se hostibus intulit* (Цезарь, В. Г., IV, 12, 6), либо местному: *M. Messālā, M. Pīssōne cōsulibus* (там же, I, 2, 1).

ж) Местный падеж — указывает, в каком месте или в какое время происходило действие: *domī, humī, rūī, vicīniae (vicīniai), Lugdūnī, lūcī, mānī, vesperī, herī, postridiē, diē quīntī, septimī*.

Уже с момента своего засвидетельствования в латинском языке местный падеж представляет собой пережиток. Он сохранил особую форму только в основах на -o/e-, где местный падеж *Dēle-i* первоначально отличался от родительного *domin-i* (первый оканчивался дифтонгом, образовавшимся из соединения тематической гласной *e* с окончанием *i*; второй — простой гласной *-ī*); в основах на -a- он смешивается с дательным падежом: *Rōma-i*. Начиная со II в. до н. э., когда дифтонг *ei* перешел в *i*, а *ai* в *ae*,

никакого различия между местным и родительным падежами в обоих склонениях уже не наблюдается. Во всех остальных случаях, во множественном числе первых двух склонений, в единственном и во множественном числе третьего, четвертого и пятого склонений, он слился с отложительным падежом (за исключением некоторых встречавшихся в период республики форм на *-ī*, типа *Carthaginī*, образованных, к тому же, по аналогии). В классический период о существовании местного падежа свидетельствует лишь одно явление, а именно: формы единственного числа, чередующиеся во множественном числе не с родительным, а с дательным-отложительным падежом: *domī*, но *Tarquiniis*, а не *Tarquiniōrum*. Следовательно, *domī* не относится к системе родительного падежа, а представляет собой нечто иное. Однако это лишь косвенное доказательство существования местного падежа.

Почти во всех формах слившийся с отложительным местный падеж, даже в тех случаях, когда он имеет особые формы, употребляется весьма ограниченно; мы находим его лишь в нескольких стандартных выражениях (см. выше), а также в названиях городов или небольших островов. В остальных случаях в латинском языке распространилось употребление отложительного падежа с предлогом *in*; см. Плавт (*Cas.*, 71—72, ямбические сенарии):

At ego aiio id fieri in Graecia et Carthagini
Et hic in nostra terra, in <terra> Apulia.

И даже в архаическую эпоху беспредложный местный падеж заменялся часто предложным (с *in*); подтверждение этому мы находим, например, у Теренция (*Phorm.*, 873, 1004): *in Lemnō* наряду с *Lemnī* (там же, 680, 942, 1013). Более того, имена в местном падеже рассматривались как своего рода наречия и не допускали ни приложения, ни приименного дополнения; говорят: *Rōmae*, но *in urbe Rōmā*; *domī*, но *in domō patris*, *in locuplētē domō*. Такие конструкции, как *domī meae*, *proximae vicīniae*, являются архаическими и встречаются только в виде исключения. У классических авторов древние формы местного падежа на *-ī*: *lūcī*, *mānī*, *tempētī*, *vespētī* и т. д., заменились соответствующими формами отложительного падежа. Плавт пишет *tempētī*, в то время как у Цицерона мы находим *tempore*, у Тита Ливия — *in tempore*. *Diē quintī*, *diē septimī*

заменялись *diē quintō*, *diē septimō*. В императорскую эпоху всякое ощущение местного падежа уже исчезло, и у латинян существовали тогда лишь формы родительного падежа, попутно указывавшие и на место, в названиях городов в единственном числе основ на *-ā-* и *-o/e-*: *Rōmae*, *Lugdūnī*, а также в некоторых наречных выражениях: *domī*, *humī*, *domī bellīque*, *domī mlītiaequē*. Во всех остальных случаях древний беспредложный падеж, наследие индоевропейского языка, заменился отложительным, обычно в сопровождении предлога.

6. В латинском языке уже со времени его засвидетельствования наблюдается тенденция к сокращению количества падежей. Так, в единственном числе исчез орудийный падеж; существование местного падежа — непрочное; звательный и именительный падежи стремятся к слиянию. Что касается множественного числа, то в латинском языке всегда существовала лишь одна форма для дательного, отложительного, орудийного и местного падежей, не говоря уже об именительном и звательном падежах, совпадение которых восходит к индоевропейскому языку. Другие падежи, например родительный и винительный, не имеют определенных и точных значений и употребляются непоследовательно, иногда противоречиво. К этим смещениям, свойственным отчасти и другим языкам и восходящим к периоду общеталийского языка, присоединились и другие, являющиеся результатом фонетических изменений конечных слогов; так, в единственном числе смешались родительный и дательный падежи в первом и пятом склонениях, во втором склонении — дательный и отложительный-орудийный падежи.

В силу этого в процессе развития латинского языка все более четко обнаруживается тенденция к уточнению значения падежей с помощью предлогов. Падежи становятся все менее нужными, и в романскую эпоху из шести первоначальных падежей остаются только два: именительный — падеж подлежащего и винительный — универсальный падеж дополнения. И только в румынском языке для имен женского рода сохранился дательный падеж единственного числа. Наоборот, употребление предлогов неуклонно расширяется и становится обязательным: *dē* и *ad* применяются для выражения родительного и дательного падежей, *dē* и *per* — для выражения отложительного-орудийного.

Приемы латинского склонения

Тон

7. Перемещения подвижного индоевропейского тона, некоторые следы которых мы находим, например, в греческом языке (*πίδα, ποδός*), в латинском языке исчезли. Уже с доисторических времен латинский язык имел тон на определенном месте¹, поэтому чередование тона не играет никакой роли в склонении (о зват. п. *Válegī* см. § 27).

Чередование гласных

8. Индоевропейские чередования бывают двоякого рода: чередование тембра и количественное чередование. В первом случае *ō* чередуется с *ě*², *ō* с *ē*; во втором — *ō*, *ē* чередуются с соответствующими краткими гласными или с отсутствием гласной. Эта очень сложная и тонкая картина чередований не сохранилась полностью ни в одном из языков; в латинском языке от нее остались лишь незначительные следы.

а) Ч е р е д о в а н и е т е м б р а в л а т и н с к о м я з ы к е почти не обнаруживается в силу начальной интенсивности³, изменившей тембр краткой гласной в срединном слоге.

¹ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, §§ 9 и 10.

² Там же, § 38.

³ Проблема «начальной интенсивности» принадлежит к труднейшим вопросам латинской исторической фонетики. Чаще всего считают, что причиной сужения кратких гласных в срединных и конечных слогах (например, в срединном открытом слоге *a > e > i*) было динамическое ударение на начальном слоге, «пралатинское» ударение (см. Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 9). Фонетическим эффектом такого начального ударения было бы, однако, скорее появление шопотных гласных, а не такого энергично артикулируемого звука, как *i*; с другой стороны, теория, постулирующая в истории латинского ударения замену «долготатурного» динамического ударения классическим музыкальным (и притом на других слогах) и последующий возврат к динамическому ударению в поздней латыни, явно искусственна. Заслуживает поэтому внимания другое предположение — о более медленном темпе первого слога, что приводило к сокращению длительности прочих слогов и соответственно к закрытию гласных. Это замедление темпа, которое не следует смешивать с двухморной «долготой» гласного, могло явиться результатом скрещения латинской звуковой системы с звуковой системой одного из тех языков Италии, которые имели, наподобие этрусского, ударение на первом слоге. (*Прим. ред.*)

В слове *generis* (гр. *γένεσις), род. п. от *genus* (гр. γένος), ё срединного слога может отражать в латинском языке любую краткую гласную: ä, ё, ĩ, ö, ŷ, причем нельзя с уверенностью определить, какую именно. В закрытом слоге, например в *ferentem*, -en- может одновременно представлять и -en- и η¹ (η — гласная). Чередование ё/ö сохранилось в латинском языке только в одном случае: *icns, euntem* (из *euontn).

Чередование ö/ē сохранилось в *Aniö, Aniēnis, Neriö, Neriēnis*, представляющих собой имена собственные и притом диалектные. Неправильность этой флексии была очевидна для латинян; поэтому Энний склоняет: *Aniö, Aniönis* (*Ann.*, 603 — *Aniönem*), а Катон — *Anien, Aniēnis*.

В противопоставлении им. п. *lupus* из *lupos и зват. п. *lupe* несомненно имеется чередование ö/ё: **lupo-, lupe*; однако оно относится к флексии, и ё в *lupe* получает значение окончания подобно -ī и -ö в *lup-ī, lup-ö*. Чередование ö/ē появляется только в застывших формах наречий *certö, certē*.

б) Количественное чередование сохранилось в известной степени в третьем склонении.

1) Чередование долгой и краткой гласной:

<i>abiēs</i>	<i>abiētis</i>
<i>pariēs</i>	<i>pariētis</i>
<i>pübēs</i>	<i>pübēris</i>
<i>arbös</i>	<i>arböris</i> ,

где благодаря особым условиям² ё и ö сохранились в срединном слоге.

Другой случай представлен в *homö, homĭnis, cupidö, cupidĭnis*; однако именительный падеж, не имея конечного п, отделился здесь от остального склонения, причем

¹ Гласный η предполагается в «п्रायस्के» как слабая ступень чередования для ep. В латинском языке η нет. (*Прим. ред.*)

² Под «особыми условиями» разумеется положение после ĩ (*abiētis*; Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 17) и перед r (*pübēris*; там же, § 16). Сохранение ö в *arböris* обычно рассматривается как аналогическое (см. § 63). (*Прим. ред.*)

долгая гласная служит в этом случае показателем именительного падежа.

Наконец, в некоторых односложных словах долгая гласная именительного падежа противопоставляется краткой других падежей:

Lār	lāris
mās	māris
pār	pāris
sāl	sālis

Происхождение этой долгой гласной, свойственной только латинскому языку, неизвестно. Очевидно, латинский язык не допускает односложных тонических слов с краткой гласной; и только в *pēs*, *pēdis* чередование, повидимому, древнее, что подтверждается гр. *πόδες*, дорийск. *πῶδες*, род. п. *ποδός*.

2) Чередование гласных *ě*, *ǫ*/нуль. Латинский язык сохранил несколько единичных следов этого чередования в основах, оканчивающихся на *г* или *п*:

pater, *patris*; ср. гр. *πατήρ*, *πατρός*;
carō, умбр. *karu*, род. п. *carnis*; оск. род. п. *carneis*; умбр. дат. и отл. п. *karne*.

То же наблюдается и в четвертом склонении, где мы находим чередование *-o*/нуль в род. п. *manūs* из **manous* и им. п. *manus* (основы **manou-* и **manu-*).

9. Все приведенные выше чередования гласных представляют собой лишь скудные остатки древнего состояния, не имевшие в глазах самих латинян никакого морфологического значения. Действительно же характерной для латинского склонения чертой является употребление падежных конечных элементов.

Как известно, индоевропейское имя состояло из основы и присоединявшегося к ней окончания, которое совместно с изменениями в огласовке основы обозначало число, род и падеж. Поскольку эти чередования гласных почти полностью исчезли в латинском языке, то для того, чтобы знать латинское склонение, казалось бы достаточным изучить только окончания. Однако характер окончаний сильно затемнен фонетическими изменениями: в основах, оканчивающихся на гласную (а таких большинство), все гласные окончания слились с гласной, предшествующей

окончанию, и отделить основу от окончания в историческое время уже не представляется возможным; см., например, дат. п. *lupō, classī* и т. д. Правда, латинские грамматики установили в конце концов пять типов склонения, в зависимости от соотношения между именительным и родительным падежами: 1) *rosā, rosae*; 2) *dominus, dominī*; 3) *dux, mēns, classis: ducis, mentis, classis*; 4) *manus, manūs*; 5) *diēs, diēī*; однако это различие, до сих пор принятое в преподавании, очень искусственно¹. В действительности нужно различать две большие группы: 1) основы на -а- и на -о/е- (первое и второе склонения) и 2) основы, оканчивающиеся на согласную, на -i- или на -u- (третье и четвертое склонения). Основы, оканчивающиеся на -ē- (пятое склонение), имеют уже смешанную флексию, элементы которой заимствованы у обеих предшествующих групп.

Последнее деление на три группы в значительной части продолжает деление, характерное для индоевропейского языка. В период общеиндоевропейского языка различались три типа флексии существительных и прилагательных в зависимости от того, оканчивалась ли основа 1) гласной *-ā- (*-ē-), 2) гласной *-о-, чередовавшейся с *-е-, и 3) согласной или сонантом, т. е. фонемой, которая могла быть или гласной, или вторым элементом дифтонга, или же согласной; ср. *u, i* в *uetus (vetus), audāx, iacis (jacis), gegeī «gēgī»*, которые являются согласными в *ue-, ia-*, гласными в *-tus, -cis*, вторыми элементами дифтонга в *au-, -geī*. Все эти три типа мы находим и в латинском языке, с той только разницей, что в третьем типе сонанты *r, l, m, n* превратились в настоящие согласные, в результате чего мы имеем основы, оканчивающиеся на согласные: смычные, свистящие, плавные и носовые, а также на сонанты *i, u*.

Склонения основ, оканчивающихся на гласную, -а- или -о/е-, имеют параллельные системы со времени индоевропейского языка. В прилагательных основа на -о/е- была характерна для мужского и среднего рода, основа

---

¹ В изложении Эрну нередко смешиваются точка зрения описательной грамматики и исторической. В описательном плане традиционное деление склонений отнюдь не является «искусственным». (Прим. ред.)

на -а- — для женского рода: гр. *αἰσχροῦς*, лат. *bonus*; гр. *αἰσχροῦ*, лат. *bona*.

Кроме того, поскольку основы на -o/e- были по большей части мужского рода, а основы на -ā- женского рода, то во многих языках в процессе их самостоятельного развития производные женского рода на -ā- стали образовываться от основ мужского рода на -o/e-; например, от *Iupus*, *dominus* были образованы *Iupa*, *domina*. Представляя, таким образом, в прилагательном, а вторично и в существительном, стройную систему, элементы которой были тесно связаны между собой, оба эти склонения оказывали друг на друга глубокое влияние, почему в них и наблюдаются одни и те же характерные новообразования.

В свою очередь, флексия согласных основ, несмотря на некоторые отличия в деталях, образует единую систему с флексией сонантных основ и четко противопоставляется флексии гласных основ.

Окончания¹

1. Единственное число

10. а) Именительный падеж мужского рода — характеризуется либо конечным -s, либо отсутствием всякого окончания. -s служит окончанием во всех склонениях, кроме первого (за исключением нескольких архаических форм в именах мужского рода): *rosā*, и основ на -l, -r, -n третьего склонения: *sōl*, *exsul*, *pater*, *auctor*, *homō*, *liēn*.

В среднем роде именительный падеж не отличается от винительного. В основах на -o/e- окончанием служит -m: *templū-m*, но третье и четвертое склонения имеют нулевое окончание, т. е. именительный падеж

---

¹ В изложении раздела об окончаниях падежей четко проявилась компаративистская позиция автора, его стремление обязательно усматривать в расхождениях латинского языка с другими индоевропейскими языками «новшества» по сравнению с «праязыком». Теория «местоименного» происхождения окончаний именительного и родительного падежей множественного числа в первом и втором склонениях, предположение об исконной долготе -om в родительном падеже множественного числа, о распространении окончания -d из основ на ð/ě и т. п. вызывают серьезное сомнение. (*Прим. ред.*)

образован из одной только основы: *carut*, *pōmen*, *subtle*, *cornū*.

б) **З в а т е л ь н ы й** падеж — отличается от именительного лишь во втором склонении в единственном числе имен мужского и женского рода на *-us*: *domine*.

в) **В и н и т е л ь н ы й** падеж мужского рода — в гласных и сонантных основах оканчивается на *-m*, в согласных основах на *-em* (происходящее из гласной *-m̄*): *rosa-m*, *dominu-m*, *duc-em*, *classe-m* (из **classi-m*), *manu-m*, *die-m*.

г) **Р о д и т е л ь н ы й** падеж — имеет окончание *-ī*, общее основам на *-a-* и на *-o/e-* (а также на *-ē-*); *-ī* противопоставляется окончаниям *-s*, *-is* (из **-es*) сонантных и согласных основ: *rosā-ī* (архаическая форма), *domin-ī*, *diē-ī*, *duc-is*, *classi-s*, *manū-s*.

(Различие между *classis* и *manū-s* относится к позднему времени; в сонантных основах перед *-s* гласная, предшествовавшая окончанию, имела ступень *e* или *o*: **classei-s* подобно **manou-s*; *classis* образовано по аналогии с *duc-is*; о чередовании основы в *manū-s* см. § 8.)

Это противопоставление основ на *-a-* (*-ē-*) и *-o/e-*, с одной стороны, и основ на согласные и на гласные, с другой, представляет собой новообразование латинского языка. Первоначально основы на *-a-* и *-ē-* имели в родительном падеже *-s* (см. §§ 16 и 91), и только основы на *-o/e-* имели в родительном падеже *-ī*, характерное для западного индоевропейского языка (ср. галл. *Segomari*, род. п. от *Segomagos*). Это — странная форма, не содержащая в себе тематической гласной, которая в более или менее видоизмененном состоянии наблюдалась во всех других падежах; падежное значение ее, повидимому, вторичного происхождения. Именно отсюда родительный падеж на *-ī* и распространился по аналогии (несомненно, через посредство прилагательного) на основы на *-a-*: *bonī* повлекло за собой **bonā-ī*, которое впоследствии распространилось на существительные.

д) **Д а т е л ь н ы й** падеж — образуется от основ на *-a-* (*-ē-*) и *-o/e-* путем прибавления окончания **-i* к долгой ступени гласной, предшествующей окончанию: **rosā-i* (классическое *rosae*), **dominō-i*, ср. *Numasioi* «*Numeriō*» (в архаической надписи — *C.I.L.*, I², 3), *diē-i*; в остальных основах окончание **-ei* фонетически перешло в *-ī*: *duc-ī*, *class-ī*, *manu-ī*.

е) **Отложительный падеж** — образовывался от основы на -o/e- путем прибавления окончания *-d к долгой ступени гласной, предшествующей окончанию: *lupō-d. Это окончание распространилось на основы на -a-, не различавшие в индоевропейском языке отложительного и родительного падежей (гр. *χώρας*), отсюда *rosā-d, а позднее на сонантные основы, тоже не имевшие специальной формы отложительного падежа: *classīd, ср. *loucarid* «lūcārī, lūcō» (С. I. L., I², 401), *manū-d, и, несомненно, на основы на -ē-: *diēd, ср. фалиск. *foied* «*hodie*». В начале исторической эпохи конечное -ī после долгой гласной отпало.

Основы на согласную оканчиваются на -ĕ без конечного *-d (которое сохранилось бы после -ĕ): *duc-ĕ*. В историческое время это окончание перешло по аналогии и к основам на -i: *classĕ*.

ж) **Местный падеж** — в основах, оканчивающихся на гласную, имеет окончание -ī, прибавляемое к тематической гласной основы: *Romae, Tusculī, peregrī* произошли из *Romai* (засвидетельствованного еще в С. I. L., I², 561), *Tuscule-i, *peregre-i. Основы на -o/e- имеют огласовку e, как это видно из сравнения с итальянскими диалектами: оск. *terēi* «*in territōriō*» (местн. п. от *terum*), умбр. *kumne* «*in comitiō*» с e, происходящим из ei (местн. п. от *комитом); ср. гр. *οἴχει* наряду с *οἴχοι*. Для основ на -i- в латинском языке нет ясных примеров, но в умбрском имеется *осре* «*осгī*» из *осрей (т. е. **осреу-i?*). Основы на согласную имеют окончание -ī, происшедшее несомненно из -ei: *Accheruntī* (Плавт, *Capt.*, 988), *Carthaginī* (Cas., 71; Poen., 1056), *lūcī, gūgī, tempregī*. Следовательно, такая форма, как *Tībure*, не может считаться древним местным падежом на -ī; это отложительный падеж, употребленный в функции местного (ср. отложительный падеж с предлогом *in*: *in agrō* и т. д.).

2. Множественное число

В латинском языке основы на -a- и -o/e- противопоставляются во множественном числе основам на сонант и согласный. В основах на -ē- множественное число засвидетельствовано только для корневых слов *diēs, rēs*, которые, собственно, являются основами на сонант и только вследствие фонетических изменений оказались в пятом склонении (см. § 89).

а) Именительный падеж мужского и женского рода. Для основ на -а- и -о/е- окончанием здесь служит -i, которое прибавляется к конечной гласной основы: *rosa-i > rosae; *dominō-i > dominī. Остальные основы имеют окончание *-ēs, которое в основах на сонант прибавляется к ступени е или о гласной, предшествующей окончанию: *duc-ēs (впоследствии ducēs по аналогии с classēs), *classei-es > classēs, *manou-es (замененное manūs, образованным по аналогии).

Это противопоставление является особенностью латинского языка; в общейталийском языке основы на -ā- и -о/е- имели окончание *-es: оск. aasas «ārae» из *asa-es, Núvlanús «Nōlānī» из *Noulanō-es. В основах на -о/е- i конечного -oi было заимствовано у указательных местоимений, несомненно через посредство прилагательных, и по аналогии распространилось также на основы на -а-.

Именительный и винительный падежи среднего рода повсюду имеют конечный элемент -ā: templā, capitā, corniā. Это -ā первоначально чередовалось с -ā, засвидетельствованным в италийских языках (см. оск. prúftū «posita» с -ú из ā); в латинском языке следы этого -ā сохранились лишь в нескольких, ставших несклоняемыми именах числительных: trigintā «три десятка», quadrāgintā и т. д.

б) Винительный падеж мужского-женского рода. Основы на гласную, согласную и сонант имеют здесь единое окончание *-ns, в котором n перед -s отпало, что привело к удлинению предшествующей гласной: rosās из *rosa-ns, dominōs, ducēs, classīs (впоследствии classēs по аналогии с ducēs), manūs, diēs; ср. оск. feihúss «mūrōs», víass «viās», умбр. vitluf «vitulōs», buf «bovēs» с -ss или -f, происходившими из *-ns, и гр. крит. τῆρας, καρτερος, πολινς, υιονς, соответствующие аттич. τῆρας, καρτερός, πόλεις, υιός.

в) Родительный падеж. В основах на -а- (-ē-) и -о/е- общее всем основам окончание -um (происшедшее из *-ōm) было замещено в порядке новообразования конечным элементом родительного падежа указательных местоимений: rosārum, dominōrum (древнее *dominōm > dominum), gērum наряду с duc-um, classi-um, manu-um.

г) Дательный, отложительный, орудийный и местный падежи. В основах на -а- и

-e/o- конечный элемент -īs, происходящий из *-a-is, *-o-is, окончания орудийного падежа, противопоставляется окончанию -bus других склонений: duc-i-bus, classi-bus, manu-bus, diē-bus. Повидимому, конечный элемент -īs основ на -a- образован по аналогии с основами на -o/e-.

За исключением винительного падежа единственного и множественного числа мужского-женского рода, а также винительного падежа множественного числа среднего рода и до некоторой степени именительного падежа единственного числа, схождения между основами на гласную, с одной стороны, и основами на согласную и сонант—с другой, не наблюдается. При этом каждая из этих двух флексий отличается исключительной целостностью.

11. Как в той, так и в другой группе латинский язык стремится свести воедино оба типа флексии, а именно: в одном случае флексии основ на -a- и -o/e-, в другом — основ на согласные и сонанты. Почти все схождения в склонении основ на -a- и -o/e- являются нововведениями; они наблюдаются в родительном и отложительном падежах единственного числа, в именительном и родительном падежах множественного числа и, возможно, даже в дательном и отложительном падежах множественного числа. С другой стороны, в эпоху общелатинского языка вследствие стяжения гласной, предшествовавшей окончанию, с гласной окончания флексия основ на сонант отделилась от согласной флексии: целый ряд новых аналогических, а также фонетических воздействий восстановил единство в родительном, винительном и отложительном падежах единственного числа и в именительном, винительном, дательном и отложительном падежах множественного числа. Кроме того, в флексии основ на -a- и -o/e- латинский язык усилил, а в флексии основ на согласные и гласные восстановил схождения, нарушенные фонетическими изменениями. Все это свидетельствует о высокой активности латинского языка, — активности, не наблюдаемой в равной степени в других италийских диалектах; это характерная форма его эволюции, фаза его самостоятельного развития, протекающая почти целиком в историческое время, что дает возможность наблюдать все ее этапы. Можно сказать, что в историческое время в латинском языке имеется уже не более двух типов флексии.

Таким образом, латинский язык уже к началу историче-

ского периода сократил количество падежей, отбросил двойственное число и стремился к слиянию мужского и среднего рода; он устранил сложную игру чередований и ударения, сохранив лишь флексии, характеризующиеся окончаниями. Все это — уже начатки и предвестники романского языкового строя.

СКЛОНЕНИЯ

Первое склонение

12. К первому склонению относятся в основном существительные и прилагательные женского рода, а также некоторые имена мужского рода. Форм среднего рода в этом склонении нет, за исключением единичной формы прилагательного, употребленного Плинием (Н. N., XIV, 6, 72): *indigena vīnum*.

Единственное число

Им., зват.	<i>rosā</i>	<i>bonā</i>
Вин.	<i>rosam</i>	<i>bonam</i>
Род.	<i>rosae</i> (архаич. <i>rosāi</i>)	<i>bonae</i> (архаич. <i>bonāi</i>)
Дат., местн.	<i>rosae</i> (архаич. <i>rosai</i>)	<i>bonae</i> (архаич. <i>bonai</i>)
Отлож., оруд.	<i>rosā</i> (архаич. <i>rosād</i>)	<i>bonā</i> (архаич. <i>bonād</i>)

Множественное число

Им., зват.	<i>rosae</i> (архаич. <i>rosai</i>)	<i>bonae</i> (архаич. <i>bonai</i>)
Вин.	<i>rosās</i>	<i>bonās</i>
Род.	<i>rosārum</i>	<i>bonārum</i>
Дат., местн., отлож., оруд.	<i>rosīs</i>	<i>bonīs</i>

Единственное число

13. Именительный падеж. В латинском языке именительный падеж имеет окончание -ā, в то время как оскско-умбрские диалекты имеют -ā, которое мы находим и в других индоевропейских языках: оск. *vīu* «via», *molto*, умбр. *mutu* «multa» (конечное -ā в оскском и умбрском диалектах стремится к закрытию и обозначается *ū*, *o*, *u*, указывающими на гласную, менее открытую, чем латинское -ā, и произносимую близко к звуку *o*), гр. *χώρα*. Это привело к предположению, что -ā латинского языка восходило всюду к древнему -ā, сократившемуся в конечном слоге. Однако теория эта основана на спорных примерах: -ā встречается только в цезуре, например у Энния (Ann., 147):

в свою очередь редуцировалось в -e¹. Отсюда в вульгарном латинском языке встречаются такие написания, как *postre* (C. I. L., IX, 3743), *divine* (VI, 206).

Тип -āī напоминает по своему образованию греческий гомеровский тип на -āo: Ἄτρείδᾱο.

Примечание. В надписях I в. до и после н. э. встречается родительный падеж на -aes: *Valeriaes* (C. I. L., III, 2583), *bonaes feminaes* (C. I. L., VI, 6573). Объясняются эти варваризмы или влиянием греческого родительного падежа на -ης типа Μοῦσης, или же контаминацией оскско-умбрского родительного падежа на -as с латинским родительным на -ae, в результате чего получилось смешанное окончание -aes. Образованию этого окончания способствовало совпадение форм родительного и дательного падежей единственного числа в именах на -a. *Valeriaes*, которое относится к *Valeriae* так же, как *Veneris* к *Venerī*, вызвано в известной мере аналогией².

17. Дательный падеж. В древнюю эпоху дательный падеж оканчивался на -ai, происходившее из *-āi: *Fortunai Publicai* (C. I. L., IX, 1543); ср. оск. *deivai*, гр. *χώρᾱ*. Однако в отличие от родительного падежа он никогда не был двусложным, за исключением, возможно, *aquai* у Лукреция (I, 453):

pondus uti saxis, calor ignist, liquor aquai.

В классический период дательный падеж слился с родительным.

Как в умбромском, так и во всех латинских говорах, кроме римского, дифтонг -ai, -ae с очень давнего времени редуцировался в -e; ср. *tute* «*civitatī*», дат. п. от *tūtā; в Пизавре встречаются *Diane* (C. I. L., I², 376), у марсийцев — *Fortune* (C. I. L. I², 48), *Victorie* (I², 388). В других местностях дательный падеж оканчивался на -ā: в Пренесте — *Fortuna* (C. I. L., I², 60), в Капуе — *Loucina, Tuscolana* (C. I. L., X, 3807), в Неми — *Diana* (C. I. L., I², 41). Все эти формы несомненно предполагают древний дательный падеж на *-āi³. О различии в трактовке -āi и -ōi см. § 31.

Примечание. Местный падеж подобно дательному оканчивается на -ai: *Romai* (C. I. L., I², 561); в классический период на -ae и в позднейшее время — на -e: *Rome* (C. I. L., XI, 628, 22).

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 30.

² Meillet, «B. S. L.», 67, стр. 225.

³ Ernout, «M. S. L.», XIII, стр. 322 и сл.; ср., однако, Bartholomae, *Der Dat. Sing. Ausgang der o-Deklination im Lateinischen*, «Sitzb. d. Heidelberger Ak. d. Wiss., Phil.-Hist. Klasse», 1910.

18. Отложительный падеж. Итальяское окончание этого падежа -ād (оск. toutad «civitatē») возникло по аналогии с *-ōd (ср. § 10, п. 1 е). В S.C. de Vac. (C.I.L., I², 581) читаем: sententiad, exstrad, suprad; точно так же praidad (C.I.L., I², 48, 49). Об отпадении конечного -d см. у Нидермана¹.

Множественное число

19. Именительный и звательный падежи. В общеиталийском языке именительный и звательный падежи оканчивались на -ās; ср. оск. aasas «ārae», умбр. urtas «ortae». В латинском языке следы этой формы сохранились лишь в стихе Помпония (Ribb., 141; трохеический септенарий):

Quot laetitias insperatas modo mi inrepsere in sinum,

где laetitias insperatas может быть только диалектным именительным падежом оскско-кампанского типа; ср. местоимения has «hae» (Помпоний, 151), quas «quae» на одной из tabellae devotionis². Пизаврская эпиграфическая форма matrona Pisause (C.I.L., I², 378) также несомненно произошла из *mātrōnās.

Позднее форма на -ās была вытеснена формой на *-āi, -ai, ср. tabelai, datai (S.C. Vac., C.I.L., I², 581); в классический период—на -ae, образованной по аналогии с *-oi основ на -o/e-. Здесь возможно и влияние двойственного числа на -ai (ср. duae).

20. Винительный падеж. Этот падеж оканчивается на -ās; о происхождении окончания см. § 10, п. 26.

21. Родительный падеж. В родительном падеже на -ārum представлено древнее окончание *-sōm, присоединенное к долгой гласной основы; ср. оск. eehīanasum «ēmittendārum», egmazum «gērum» (с z, обозначающим озвонченную s), гомер. θεᾶων < *θεᾶσων, заимствованное в свою очередь у указательных местоимений: гомер. τᾶων из

¹ «Историческая фонетика латинского языка», § 44.

² Опубликовано в «Am. Journ. of Phil.», XXXIII, 1.

Tabella devotionis — дощечка (обычно свинцовая) с заговором, содержащим проклятие. (Прим. ред.)

*áσov. О времени озвончения *s* между гласными см. у Нидермана¹.

Древний родительный падеж имел, повидимому, окончание *-um* (из **-ā-ōm*). Это мы находим и у некоторых сложных слов мужского рода на *-cola* и *-gena*; в родительном падеже они оканчивались на *-um*: *agricolum* (Лукреций, IV, 584):

et genus agricolum late sentiscere, quom Pan;

Grajugenum (Вергилий, *Aen.*, III, 550):

Grajugenumque domos suspectaque linquimus arva.

Все эти случаи можно истолковать как отражение родительного падежа на **-ā-ōm* > **-aom* > *-um*. Однако вероятнее и проще предположить, что они образовались по аналогии с основами на *-o-*.

22. Д а т е л ь н ы й, о т л о ж и т е л ь н ы й, о р у д и й н ы й и м е с т н ы й падежи. Конечный элемент *-is* произошел из **-ā-is* (оск. *kerssnaís* «*cēnīs*», умбр. *tekuries* «*decuriīs*» с *e*, происшедшим из *ai*; ср. гр. *κεφαλαῖς*) через промежуточную ступень *-eis*, сохранившуюся в *soueis* «*suīs*» (С. I. L., I¹, 1297). В древнюю эпоху в основах на *-ia*, типа *grātia*, окончание *-iīs* не имело стяжения: *grātiīs* (см. § 37). Позднее (довольно рано) появляется стяжение. Так, Энний употребляет *Jūniīs* (происшедшее из *Jūniīs* путем синицезы?); в надписи 117 г. до н. э. встречается *ianuaris*; Лукреций употребляет *grātiīs* (III, 935). В императорскую эпоху употребляются как стяженные, так и нестяженные формы.

В *Monumentum Ancyranum* находим *coloniīs* = *coloniīs* (IV, 27) и *manibiīs* (III, 8).

Диалектная форма дательного падежа *devas corniscas* (С. I. L., I², 975) предполагает древнее **deivāis corniscāis*. Эта форма соответствует дательному падежу единственного числа на *-ā*.

Наконец, в некоторых словах дательный и отложительный падежи оканчиваются на *-ābus*, соответствующее формам санскритского языка на *-ābhuāḥ*: *áçvābhuāḥ* «*equābus*». В первую очередь сюда относятся имена числительные

¹ «Историческая фонетика латинского языка», § 47.

женского рода: *diābus*, *ambābus* и слова специальных языков, сохранивших дательный падеж на *-ābus* во избежание смешения мужского и женского пола. Отсюда в религиозном языке находим *dīs deābusque*, в юридическом — *filiābus* (ср. у Катона: *dōtēs filiābus suis nōn dant*), в языке скотоводов — *asinābus* (форма, засвидетельствованная глоссариями), *equābus*. Помимо этих форм, известна только форма *dextrābus* у Ливия Андроника, возникшая несомненно под влиянием предшествующей ей формы *manibus*.

23. ГРЕЧЕСКИЕ ИМЕНА

Склонение имен, заимствованных латинским языком из греческого, развивалось двумя путями: первый, наиболее древний и сохранившийся в разговорном языке, заключался в том, что греческие существительные первого греческого склонения переходили в первое латинское склонение: *māchina*, *nauta*. Такому переходу благоприятствовало то обстоятельство, что дорийский диалект, из которого производились заимствования, имел формы на *-ā*: *μαχανᾶ*, *ναυτᾶς*. То же наблюдалось и в начале литературного периода даже для ученых слов типа *roēta* и собственных имен типа *Nesuba*, заимствованных поэтами. Плавт склоняет их следующим образом: им. п. *Alcimēna* (Amp., 99), вин. п. *Alcimēnam* (Amp., 103), отлож. п. *Alcimēnā* (Amp., 110); у Цицерона также встречается отлож. п. *Alcmēnā*.

Однако по мере формирования литературного языка, отличного от разговорного, греческие имена, заимствованные ученым языком, стали передаваться в форме, свойственной тому диалекту, который являлся литературным по преимуществу, т. е. ионийско-аттическому, с их подлинным склонением. Как сообщает Варрон (L. L., X, 70), Акции первый стал передавать греческие имена в их подлинном склонении; то же мы видим и у поэтов конца республики и августовской эпохи. Однако полностью сохранить в латинском языке греческое склонение, которое имело сильно отклоняющиеся формы, было невозможно. В результате возникло смешанное склонение — полулатинское, полугреческое, совершенно искусственное, в котором некоторые формы, например отлож. п. *Persē*, *comētē*, *Alcmēnē*,

представляются чудовищными как с греческой, так и с латинской точки зрения.

Им.	Aenēās	Persēs	Alcmēnē (-a)
Зват.	Aenēā	Persē (-ā, -a)	Alcmēnē (-a)
Вин.	Aenēān (-m)	Persēn (-am)	Alcmēnēn (-am)
Род.	Aenēae	Persae	Alcmēnēs (-ae)
Дат.	Aenēae	Persae	Alcmēnae
Отлож., оруд.	Aenēā	Persē (-ā)	Alcmēnē (-ā)

Во множественном числе слова на -adēs, -idēs в родительном падеже оканчиваются на -um: Dardanidum, Aenēadum, подобно гр. -ῶν. В остальных словах склонение чисто латинское: comētae, comētārum и т. д.

Именительный падеж единственного числа на -ēs давал основание для смешений; так, satrapēs имеет род. п. satrapis и вин. п. satrapem, заимствованные из третьего склонения; Sōcratēs имеет зват. п. Sōcratē и вин. п. Sōcratēn (и Sōcratem) по аналогии с Thūcydidē (Θουκυδίδης), Thūcydidēn (Θουκυδίδην).

Второе склонение

24. Во второе склонение входят имена существительные и прилагательные мужского и среднего рода и существительные женского рода. К последним относятся в основном названия деревьев: alnus, fāgus, fīcus, rōmus, rōpulus и т. д., а также несколько единичных слов: alvus, colus, humus (несомненно, древняя основа на -m, ср. гр. χθών из *χθωμ; именительный падеж был восстановлен по местному humī по аналогии с dominus, -ī), vannus и др. Все эти основы женского рода на -o/e- несомненно древние: они встречаются и в греческом языке (см. ἡ ἄμπελος, ἡ νῆσος). Если бы эти слова были первоначально мужского рода, то непонятно, почему они могли перейти в женский род. Естественно, что все они оказались изолированными среди других слов второго склонения, куда входят в основном имена мужского и среднего рода и где прилагательные типа bonus, bonum характеризуют мужской и средний род в отличие от женского bona. Поэтому в дальнейшем большинство имен женского рода во втором склонении утратилось, или приняв мужской род, как, например, alvus (Акция, Ann., фр. 1 и 7), colus (Катулл, 64, 311; Проперций, IV, 1, 72, и IV, 9, 48), или перейдя в четвертое склонение, в которое входило большее количество

имен женского рода. Примером колебаний в склонении (по второму и четвертому склонению) может служить слово *domus*, имевшее смешанную основу — одновременно на *-и* и на *-о/е-* (см. § 88). Точно так же и некоторые другие имена женского рода колеблются между вторым и четвертым склонениями: *colus* (ж. р.) имеет склонение *colus, colūs* (отлож. п. *cum tuā colū*; Цицерон, *De Orat.*, II, 277); то же *ficus* и др. Наоборот, *pīnus* с древней основой на *-и-* (ср. гр. *πίκος*) колеблется между *pīnus, -ūs* и *pīnus, -ī*; см. *pīnōsque ferēns* (Вергилий, *Georg.*, IV, 112), но *pīnū* (*Aen.*, IX, 72). Эти колебания показывают, что основы женского рода на *-о/е-* казались латинянам отклонениями от правила: это были пережитки, которым предстояло исчезнуть.

25. Во второе склонение входят только основы на *-о/е-*, причем слова с основой, оканчивающейся на *-го-*, имеют в некоторой своей части отклоняющийся от правила именительный падеж. Приведем поэтому несколько парадигм.

Единственное число

	Мужской род ¹		
Им.	<i>bonus</i>	<i>dominus</i>	<i>puer</i>
Зват.	<i>bone</i>	<i>domine</i>	<i>puer</i>
Вин.	<i>bonum</i>	<i>dominum</i>	<i>puerum</i>
Род., местн.	<i>bonī</i>	<i>dominī</i>	<i>puerī</i>
Дат., отлож., оруд.	<i>bonō</i>	<i>dominō</i>	<i>puerō</i>
	Мужской род ¹		Средний род
Им.	<i>pulcher</i>	<i>vir</i>	<i>templum</i>
Зват.	<i>pulcher</i>	<i>vir</i>	<i>templum</i>
Вин.	<i>pulchrum</i>	<i>virum</i>	<i>templum</i>
Род., местн.	<i>pulchrī</i>	<i>virī</i>	<i>templī</i>
Дат., отлож., оруд.	<i>pulchrō</i>	<i>virō</i>	<i>templō</i>

Множественное число

Им., зват.	<i>bonī</i>	<i>dominī</i>	<i>puerī</i>
Вин.	<i>bonōs</i>	<i>dominōs</i>	<i>puerōs</i>
Род.	<i>bonōrum</i>	<i>dominōrum</i>	<i>puerōrum</i>
Дат., отлож., местн., оруд.	<i>bonīs</i>	<i>dominīs</i>	<i>puerīs</i>
Им., зват.	<i>pulchrī</i>	<i>virī</i>	<i>templā</i>
Вин.	<i>pulchrōs</i>	<i>virōs</i>	<i>templā</i>
Род.	<i>pulchrōrum</i>	<i>virōrum</i>	<i>templōrum</i>
Дат., отлож., местн., оруд.	<i>pulchrīs</i>	<i>virīs</i>	<i>templīs</i>

¹ И имена существительные женского рода.

26. Именительный падеж. а) Именительный падеж классического языка на *-us*, *-um* происходит из более древнего *-o-s*, *-o-m*; ср. гр. *-ος, ον*: *λόγος, δῶρον* (оскско-умбрские диалекты, имеющие здесь формы с синкопой конечной гласной, ни о чем не свидетельствуют). В архаических латинских надписях имеются многочисленные следы *-os*, *-om*: *duenos* «*bonus*», *filios* (C.I.L., I², 9), *vecos* «*vīcus*» (I², 388), *Novios Plautios* (I², 561), *praifectos* (IX, 4204), *rosolom* (I², 439). В конце III в. до н. э. *-us* заменило прежнее *-os*. В декрете Эмилия Павла (C.I.L., II, 5041, 189 г. до н. э.) читаем: *L. Aimilius, populus Romanus*; в S. C. de Bac. (186 г. до н. э.): *Q. Marcius, S. Postumius, scriptum*¹.

В архаических надписях конечные *s* и *m* именительного падежа часто опускаются: *M. Fougio* (C.I.L., I², 49), *dono* (I², 379), *rosolo* (I², 422)².

б) Слова на *-ios*, *-ius*. В общеиталийском языке слова, образованные при помощи вторичного суффикса *-yo*³, оканчивались в именительном падеже на *-is*, в винительном — на *-im* из **-y(o)-s*, **y(o)-m*; ср. оск. *Pakis, Pakim* «*Pacius, Pacium*», умбр. *Atiersir* «*Atiedius*», *Fisi(m)* «*Fisium*», *tert(m)* «*tertium*». Это окончание именительного падежа сохранилось и в латинском языке у некоторых древних собственных имен: *Saecilis* «*Saecilius*» (C.I.L., I², 1028), *Mercuris* (I², 563), *Vibis* (I², 552), а также в *alis* наряду с *alius*. Позднее формы на *-is* были вытеснены формами на *-ius*.

в) Слова с основой, оканчивающейся на *-go-*. В основах на *-go-* о после *g*, как правило, выпадало, после чего *s* именительного падежа ассимилировалось с предыдущим *g*, причем *-rs* > *-rr*⁴.

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 22, п. 5.

² Там же, §§ 48 и 52.

³ Вторичный суффикс — суффикс, присоединяемый не непосредственно к корню, а к существующей в языке основе (хотя бы эта основа и имела «нулевой суффикс», т. е. фонетически совпадала бы с корнем). (Прим. ред.)

⁴ Об *-rs* > *-rr* см. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 24, п. 2, и § 80.

В свою очередь двойное -гг- упростилось, и г, ставшее слоговым после согласной, развило перед собой гласную е; грамматики обозначают это явление санскритским именем *samprasāraṇa*. Так, -gos > -gs > -гг > -г > er¹; отсюда умбр. *ager*, лат. *ager* из *agros (ср. гр. ἀγρός), *sacer* из *sakros*, сохранившегося еще на одной очень древней надписи форума (C.I.L., I², 1). Однако здесь имеется и несколько исключений. Конечный слог -os, -us сохранился:

1) после г, происходящего из древнего s, ставшего звонким: *umerus* из *omesos, ср. умбр. *onse* «in *umerō*», гот. *ams*; *numerus*, ср. *Numasioi* «*Numeriō*» (C.I.L., I², 3);

2) в тех случаях, когда предпоследний слог содержит долгую гласную или дифтонг: *austērus*, *clārus*, *mātūrus*, *sēcūrus*, *taurus*;

3) в двухсложных словах, первый слог которых краткий: *ēr*us, *fēr*us, *mēr*us.

Vir представляет исключение, несомненно по аналогии с именами родства на -er, -or: *pater*, *māter*, *ixor*, *soror*, а также со словом *mulier*.

Далее, народный язык стремился обобщить конечный элемент -us, чем и объясняются следующие дублеты: *inferus* и *infer*, *superus* и *super*, встречающиеся у Катона (*Agr.*, 149,1); *socerus* и *socer* у Плавта (*Men.*, 957 и 1046); *uterus* и *uter*—последнее у Цецилия (*Ribb.*, 94); *mōrigerus* и *armiger*.

Прилагательное *pauper* из *ravi-paros (ср. *rau-cus* и *par-iō*) первоначально, как и *opiragus*, принадлежало к основам на -o/e-; им. п. ж. р. *paupera* встречается в одном из фрагментов Плавта: *paupera est haec mulier* (Линдсей, 67). Но уже в раннюю эпоху на него оказало влияние *dīves*, с которым оно образовывало пару; по аналогии с последним оно перешло в третье склонение основ на -г, откуда *pauper*, -eris и т. д.

г) Слова с основой, оканчивающейся на -lo-. В противоположность тому, что происходило с основами на -го-, плавная l не поглощает следующей гласной, и эти слова, как правило, имеют именительный падеж на -us: *aemulus*,

---

¹ Это движение от -гōs к -ĕг следует понимать как показ отдельных сторон процесса, а не как реальную хронологическую последовательность; в частности, момент появления гласной ĕ отнюдь не обязательно является последним по времени. (*Прим. ред.*)

crēdulus, famulus. Однако у Энния и Лукреция встречается famul:

ossa dedit terrae proinde ac famul infimus esset

(Лукреций III, 1033), а в надписях императорского периода — figel «figulus» (C.I.L., X, 423), mascel «masculus» (II, 1100). Это диалектизмы кампанского происхождения; ср. оск. famel «famulus».

Nihil «ничего», происшедшее из ne и hilum (quod grano fabae adhaeret, P. F., 90 L), представляет собой обобщение формы с элизией nihil(um), которая употреблялась перед словом, начинавшимся с гласной; точно так же pōn¹ из *ne oīnom >noenu >pōn.

27. З в а т е л ь н ы й падеж. Этот падеж выражается основой, имеющей форму на -ё; ср. гр. ἄνθρωπος, умбр. Tefre «*Tefer». В основах на -го-г основы поглотило конечную гласную, так что звательный падеж совпал с именительным: magister, vir. Однако в языке Плавта сохранился и древний зват. п. ruere, например i prae ruere (Pseud., 241). Теренций знает только ruer.

В словах на -ius звательный падеж оканчивается на -ī: Publi Corneli (C.I.L., I², 10). По свидетельству Авла Геллия (XIII, 26), один из современников Цицерона, Нигидий, делал в звательном падеже ударение: Vālerī, из чего, повидимому, можно заключить, что и первоначально в этих основах звательный падеж оканчивался на -ī, а не на -ie. Однако у Ливия Андроника мы встречаем зват. п. filie (цитированный Присцианом, G. L., II, 305 K), в умбрском также -ie: arsie «sancte», подобно гр. ἁλβιε. Гр. Dāgīus с ī, передающим дифтонг ei, имеет зват. п. Dāgīe. Звательный падеж от Pompeius может быть как Pompeī, так и Pompeī.

Итак, для слов на -io- в италийском языке существовали как формы без тематической гласной: им. п. -is, вин. п. -im, зват. п. -ī, так и формы с тематической гласной: им. п. ius, вин. п. -ium (из *-yo-s, *-yo-m), зват. п. -ie; однако уточнить распределение этих форм не представляется возможным.

¹ Происхождение pōn неясно; если оно действительно восходит к *ne oīnom, то вряд ли через промежуточную форму noenu. (Прим. ред.)

28. В и н и т е л ь н ы й падеж. Именительному падежу на -os первоначально соответствовал винительный падеж на -om: оск. *húrtúm* (ú, обозначающее o), умбр. *roplo(m)* «*ropulum*»; ср. гр. *λόγον*. Это -om встречается еще в архаических надписях: *Louciom*, и с отпадением конечного -m: *oino* «*ūnum*», *optumo* «*optimum*» (C.I.L., I², 9). Переход -om в -um произошел одновременно с переходом -os в -us.

29. Р о д и т е л ь н ы й падеж. Окончанием родительного падежа является -ī, не восходящее к древнему дифтонгу (см. § 10, п. 1г). S.C. de Vas., где тщательно отмечаются дифтонги, дает род. п. *Latini, urbani, sacri*. И только позднее, когда *ei* и *ī* перестали различаться в произношении, -*ei* стало обозначать *ī*. Поэтому в надписях мы встречаем в родительном падеже как *ei*, так и *ī*, например *ropuli Romanei* (Lex Agraria, C.I.L., I¹, 220, l. 1).

Родительный падеж единственного числа основ на -io оканчивается на -ī от слияния -iī, о чем свидетельствует ударение *Valéri* у Нигидия. Как надписи, так и метрика республиканского периода свидетельствуют о форме -ī, а не -iī. Это мы находим даже у Горация и Вергилия (Гораций, Epist., II, 1, 57):

dicitur Afrani toga convenisse Menandro.

Как исключение у Вергилия (Aen., III, 702) встречается и *fluvī*.

Можно предполагать, что первоначально -iī распространилось в именах прилагательных; так, Лукреций пишет *patriī* (I, 832; III, 260), *mediī* (I, 1082), в то время как у него же родительный падеж существительных на -ius, -ium всегда оканчивается на -ī. Родительный падеж на -iī начал распространяться в именах существительных только к концу правления Августа и стал всеобщим лишь при Домициане; однако стяженный родительный падеж все же сохранился в нескольких застывших формулах типа *gēs mancipī nes mancipī, comprehendī faciō* и т. д.

30. М е с т н ы й падеж. Этот падеж образуется (см. § 10, п. 1ж) с помощью окончания -i, прибавляемого к гласному *e* основы: *Delei* (C.I.L., I², 747), *Ladinei* (C.I.L., I¹, 25b); ср. оск. *tereī* «in territorio», умбр. *onse* «in umerō» из *onseī, гр. *οἴκει*, чередующееся с *οἴκοι*. При этом в основах на -yo- слияния -ī, присшедшего из -*ei*, с предше-

ствующим *i* не наблюдается, во всяком случае в республиканский период. Подтверждение этому мы находим у Энния (*Hedyphagetica*, 4):

Brundisii sargus bonus est

и у Теренция (*Eun.*, 519, ямбический сенарий):

rus Sunii equod habeam et quam longe a mari

из *Brundisie-i, *Sunie-i.

31. Д а т е л ь н ы й и о т л о ж и т е л ь н ы й падежи. Смещение дательного и отложительного падежей — явление сравнительно новое. Древнее окончание дательного падежа было *-ōi*, оск. *húrtúí* «hortō», гр. λόγῷ; то же мы встречаем и в архаической надписи из Пренесте — дат. п. *Numasioi* (*C. I. L.*, I², 3), и у грамматика Мария Викторина (*G. L.*, VI, 17 K) — дат. п. *populoi romanoi*. Позднее дифтонг *-ōi* с первым долгим элементом редуцировался в *-ō*, подобно тому что мы наблюдаем в греческом языке, где подписное *ι* не произносилось. Таким образом, между трактовкой *-āi* > *-ae* (дат. п. *rosae*) и *-ōi* > *-ō* (дат. п. *dominō*) имеется резкое различие.

Что касается отложительного падежа, то вначале он оканчивался на *-ōd*: оск. *sakaraklúd* «sacellō»; то же мы видим и в одной из надписей Циционов: *Gnaivod* (*C. I. L.*, I², 7) и в *S. C. de Vas.*: *poplicod, preivatod* и т. д. Наличие в последней надписи формы *in agro Teurano* (добавление, сделанное другой рукой и не принадлежащее к официальному тексту) без конечного *-d* показывает, что это *-d* к концу III в до н. э. начало исчезать.

Отложительный и орудийный падежи слились полностью; тем не менее, в наречиях типа *certē* прослеживается древнее окончание орудийного падежа *-ē*; ср. дорийск. гр. πῆ-ποχα (наряду с отлож. п. *certō*). *d* в слове *rected* (*C. I. L.*, I², 365) и др. было введено по аналогии с отложительным падежом на *-ōd*.

32. Что касается слова *deus*, то оно произошло из древнего *deivos*, сохранившегося в так называемой надписи Дуэноса (*C. I. L.*, I², 3). Поскольку *v* перед конечным *ō* фонетически закономерно отпало, *deivos* дало *deios,

затем deus аналогично *oleivom > oleum. Таким образом,

Им.	deus	(из *deivos),
Вин.	deum	(из *deiwom)

противопоставлялись

Зват.	dīve	(из *deīwe),
Род.	dīvī	(из *deiwī),
Дат., отлож.	dīvō	(из *deiwōi и *deiwōd).

Отметим, что по аналогии с им. п. deus и вин. п. deum были образованы падежи deī, deō, в то время как по аналогии с dīvī было образовано dīvus, dīvum — форма, употреблявшаяся в период республики на равных правах с deus, а в императорскую эпоху служившая прилагательным для обозначения обожествленного лица: dīvus Augustus. Формой звательного падежа, фонетически соответствующей deus, является dīve; dee встречается только начиная с Тертуллиана¹.

Формы именительного, а также дательного и отложительного падежей множественного числа: dīī, dīīs, происшедшие из *deīwei, *deīweis после выпадения *w между двумя одинаковыми дифтонгами и перехода еі в і с последующим сокращением первого і перед гласной, фонетически дали стяжение dī, dīs. Deī, deīs были образованы по аналогии с deus, подобно вин. п. deōs, который заменил dīvōs; древний род. п. deum образован правильно; deōrum — новообразование: фонетически закономерной формой было бы *dīvōrum.

Множественное число

33. Именительный и звательный падежи мужского и женского рода. В классическом языке эти падежи оканчивались на і, восходящее к древнему дифтонгу -oi; в этом случае латинский язык, как и греческий, пошел по пути новообразования, заменив древнее именное окончание окончанием указательных

¹ Древние римляне, как и греки, обычно обращались к мужскому божеству, называя его индивидуализованным собственным именем, а не нарицательным. Ни в архаической латыни, ни в классической прозе мы не находим звательного падежа от deivos > deus. И только начиная с поэтов времени Августа в единичных случаях мы встречаем зват. п. dīve (всего четыре случая, если не считать поздней латыни) и употребление deus в функции обращения. У христиан обычно deus; тертуллиановское dee почти не нашло последователей. (Прим. ред.)

местоимений: *dominoi, λόγοι по типу οί. В оскском и умбрском языках сохранился индоевропейский конечный элемент -ōs, образовавшийся из слияния тематической гласной -o- с окончанием -es: -oes > -ōs; последнее обозначается как -us, -ūs: умбр. Ikuvinus «Iguvinī», оск. Nūvlanūs «Nōlānī». У Феста (224, 4 L) дифтонг -oi засвидетельствован в форме -oe: pilumne poploe, in carmine saliarī, velut pilis uti assueti, vel quia praecipue pellant hostis. То же мы находим и в сокращении Павла Диакона (76, 16): fescenne (=fesceninoe) vocabantur qui depellere fascinum credebantur. В pilumne, poploe, fesceninoe -oe является модернизированным написанием, которое, несомненно, должно быть исправлено на -oi; ср. adelphoe = ἀδελφοί. Затем -oi ослабилось в -ei, просуществовавшее до начала II в. до н. э.; ср. S. C. de Vas.: foideratei, oinvorsei, virei. Впоследствии, в надписях республиканского периода встречаются одновременно и -ei и -ī, причем благодаря влиянию грамматиков -ei сохранялось долго. Луцилий учил, что употребление -ī надлежит ограничить родительным падежом единственного числа, а -ei — именительным падежом множественного числа ¹:

«Jam puerei venere» E postremum facito atque I
 ut puerei plures fiant. I si facis solum
 «pupilli, pueri, Lucili», hoc unius fiet ²

(ср. у Квинтилиана, I, 7, 15). Согласно Авлу Геллию (XIII, 26, 4) того же придерживался и Нигидий. Во времена империи преобладание получило -ī.

Что касается основ на -io-, то во множественном числе они оканчивались на -ieī, давшее -iī, причем эта форма сохранилась, во всяком случае в написании. Она поддерживалась учением грамматиков, согласно которому именительный падеж множественного числа должен иметь столько же слогов, сколько и именительный падеж единственного числа. Так, Лукреций дает radiī (I, 147), Вергилий — fluvii (Aen., I, 607). Однако встречается и несколько стя-

¹ О смысле этого учения Луцилия см. Sommer, Hermes, XLIV, 1909, стр. 70 и сл.

² «Уже пришли мальчики» (puerei) — ставь на конце E и I, чтобы обозначить множественность мальчиков; если ставить одно I, pupilli, pueri, Lucili, то это будет означать принадлежность к одному предмету» (т. е. род. п. ед. ч.).

женных форм, например Gabī у Проперция (IV, 1, 34, дактилический пентаметр):

et, qui nunc nulli, maxima turba, Gabi.

П р и м е ч а н и е. Именительный падеж множественного числа на -eis, -es, -is встречается спорадически в разных латинских говорах Италии в основах на -o/e-, например в Капуе — magistreis (С. I. L., I², 677), в Пренесте — coques, magistres (С. I. L., I², 1447), в Капуе — ministris (С. I. L., I², 618), в Тибуре — profaneis (С. I. L., XIV, 3574). Главным образом распространены эти формы в именах собственных, в особенности для обозначения двух лиц: Q. M. Minucieis, Q. f. Rufeis «Quintus Marcus Minucii, Quinti filii, Rufi» (С. I. L., I², 584), M. P. Vertuleieis G. f. «Marcus Publius Vertuleii, Gaii filii» (С. I. L., I², 1175). Они засвидетельствованы только в эпиграфическом языке, и происхождение их неясное; возможно, что они возникли в результате контаминации *-ei, -ī латинского языка и *-ōs других италийских диалектов.

34. **И мен и т е л ь н ы й и в и н и т е л ь н ы й** падежи среднего рода. Эти падежи в латинском языке имеют окончание -ā: templā, pulchrā, foliā подобно гр. δῶρᾱ; о происхождении их см. § 2, п. б. В противоположность этому оскский и умбрский языки имеют -ā: оск. prúftū «posita», умбр. iuku «precēs»; ср. trīgintā.

35. **В и н и т е л ь н ы й** падеж. Винительный падеж на -ōs произошел из древнего *-ons; см. § 10, п. 26.

36. **Р о д и т е л ь н ы й** падеж. Древнее окончание этого падежа было *-ōm¹. Позднее оно сократилось в -om, превратившееся впоследствии в -um; ср. оск. Núvlanúm «Nōlānōgum», умбр. pihaklu «pīāscūlōgum», гр. λόγων. Подтверждение этому мы находим на старых римских монетах: Romanom «Rōmānōgum» (С. I. L., I¹, 1). Форма классического языка -ōgum была образована по аналогии с окончанием -āgum первого склонения; ср. местоименные формы istōrum и istārum (§ 110). Действительно, S. C. de Vas. различает eogum и socium «sociōgum». В архаический период родительный падеж на -um имел еще широкое распространение; поэты в зависимости от требований размера употребляют то -um, то -ōgum; так, Плавт пишет (Most., 120 и сл., бакхические тетраметры):

primumdum parentes fabri liberum sunt;
i fundamentum supstruont liberorum.

¹ См. прим. к стр. 30.

У Энния мы читаем: *meum factum pudet* (Scen., 59), *exitium exāmen* (Scen., 66), *līberum quaesendum causā* (Scen., 120) наряду с *līberōrum sibi quaesendum grātiā* (Scen., 129); *vestīna virum vīs* (Ann., 276) и *tēla virōrum* (Ann., 285); *verbum paucum* (Ann., 246) и *fructus verbōrum* (Scen., 281); *deum* и *dīvom* представляют собой наиболее обычные формы, однако у Плавта встречается также *deōrum* (Capt., 622).

В классическом литературном языке употребляется только окончание *-ōrum*. Во времена Цицерона родительный падеж на *-um* считался архаизмом и употреблялся лишь в особых случаях (Цицерон, *Orator*, 46, 155, 156). Тем не менее, он все же сохранился в некоторых случаях:

1) во избежание скопления *r*, например: *postrum līberum* (Теренций), *squāmigerum*, *horriferum* (Лукреций), *posterum* (*Pervigilium Veneris*), *barbarum*, *triumvirum*, *sēvirum*, *decemvirum*, *quīndecimvirum*;

2) в многосложных словах: *montivagum*, *cōnsanguineum*, *magnum*, *omnigenum*;

3) в ряде выражений, присущих специальным языкам: *praefectus fabrum*, *socium*; *deum* в *prō deum fidem* и т. д.; в названиях монет, мер и дней: *nimmum*, *dēnārium*, *sēs-tertium*, *modium*, *jūgerum*, *nūndinum*; у Плавта встречается также *augum*, *Pilipum*, *numerātum*; наконец, в некоторых числительных: *bjnum*, *trjnum*, *dicentum*.

37. Д а т е л ь н ы й, о т л о ж и т е л ь н ы й, о р у д и й н ы й и м е с т н ы й падежи. Для выражения всех этих четырех падежей во множественном числе служит одна и та же форма. Она оканчивается на *-is* из **-ois*; ср. оск. *Núvlanúis* «*Nōlānis*», гр. *λόγοις*. В этой форме одновременно представлены и древний орудийный падеж на *-ois* и местный падеж на **-oisu* или **-oisi*; ср. гр. *λόχοισι*. Эпитоматор Феста сохранил две формы на *-oes*: *ab oloes* «*ab illis*» (17, 22) и *privicloes* (224,1). В надписях республиканского периода часто встречается промежуточная форма *-eis*: *agreis* (*Lex Agraria*, C. I. L., I¹, 200, I. 29), *anneis* (*Lex Repet.*, C. I. L., I¹, 198, I. 13) и т. д.; мы находим ее и в некоторых рукописях (в Амвросианском палимпсесте Плавта, в Медицейских рукописях писем Цицерона): *Iudeis*, *Marseis*, *lateis*. В императорский период эти формы исчезают.

Что касается дательного и отложительного падежей основ на *-io-*, то они оканчиваются на *-ijs* из **-iois*, *-ieis*.

Подобно именительному падежу на -ī эта форма в течение всего республиканского периода остается нестяженной; примеры стяженных форм, на которые ссылаются у Плавта, например в *cantica*, малодостоверны. У Вергилия случаи синицезы очень редки и скорее являются поэтической вольностью, чем отражением действительного произношения; приводимое у Вергилия (*Aen.*, III, 136) *conūbīs* не более доказательно, чем *conūbīō* (там же, 173), так как ни *conūbīs*, ни *conūbīō* не укладываются в гекзаметр. Стяжение возникает лишь в императорский период. Так, в Анкирском памятнике мы читаем: *municipis* и *municipiis*, *auspicis*, *stipendis*, но *consiliis* и *iudiciis*. У Сенеки и у Марциала стяжение становится уже обычным явлением.

Примечание. Иногда в основах на -o/e- у авторов встречается дательный падеж на -bus: у Акция — *generibus* «*generis*» под влиянием *patribus*, у Помпония — *rannibus*, склоняемое как слова с основой на -u-. Позднее Петроний вкладывает в уста одного из своих персонажей варваризм: *diibus* «*dis*» (гл. 44, 6), образованный, несомненно, по аналогии с *deābus*. И наконец, в очень поздних надписях мы находим: *filibus*, *amicibus*, *sibi et suis*. Эти формы относятся к тому времени, когда чувство склонения было уже совершенно утрачено; падежи сохранялись лишь благодаря школьным традициям, и говорящие, не зная ни значения, ни формы дательного падежа, образовывали варваризмы из стремления следовать принятым правилам.

38. В трех существительных среднего рода, а именно: *pelagus*, *vīrus*, *vulgus*, именительный и винительный падежи единственного числа оканчиваются на -us. Первое существительное — позднее книжное заимствование, восходящее к гр. *πέλαγος*, что доказывается сохранением внутреннего *a*; кроме того, на него могли оказать влияние *mare* и *aequor*. *Vulgus* имеет дублет *vulgit* и употребляется иногда как существительное мужского рода. Что касается *vīrus*, то оно соответствует санскритскому существительному, ср. р. *viśām* и греческому существительному м. р. *ἴος*: латинская форма является продуктом контаминации *vīsos (м. р.) и *vīsom (ср. р.).

39. ГРЕЧЕСКИЕ ИМЕНА

Сходство склонения греческих имен на -ος с латинским склонением на -us было настолько велико, что латиняне не могли не заметить его. Поэтому заимствованные слова принимали окончание -us: *Σικελός* > *Siculus*, *σκόπελος* > *scopulus*, *Ἐβανδρός* > *Evander* или *Evandrus*.

Однако в императорский период для имен собственных в именительном и винительном падежах единственного числа поэты стали прибегать к греческим окончаниям -ος, -ον. В то время как Цезарь говорит Pharus, -um, Овидий склоняет Pharos, -on, Iion. У Вергилия встречается даже родительный падеж на -ō от стяженного имени на -έως: Androgeō (Aen., VI, 20).

Греческие существительные на -εός типа Προμηθεός благодаря своему окончанию -us вначале примкнули ко второму склонению: Promētheus, -ī, хотя и сохранили зват. п. Promētheu. В эпоху Марциала и Стация они передавались уже греческими формами: -eos, -ea и т. д.

В именительном падеже множественного числа в заглавиях комедий встречаются формы на -oe: Adelphoe, Cleptenoe (пролог к Casina). Эти формы представляют собой лишь транскрипцию гр. Ἀδελφοί, Κληρούμενοι и не имеют ничего общего с тем древним именительным падежом на -oe, примеры которого приводились выше.

Третье склонение

40. По сравнению с первым и вторым склонениями третье склонение, как уже указывалось выше, составляет особую, самостоятельную систему со своими основами и окончаниями. Здесь различаются две главные группы: 1) основы на согласную типа gēx из *rēg-s и 2) основы, оканчивающиеся на сонант -i-. Последние в свою очередь подразделяются на: 1) сонантные основы, утратившие в именительном падеже свою краткую гласную: mēns из *mentis¹, и 2) собственно сонантные основы: classi-s, secūri-s. Последовательность типов: gēx, mēns, secūris создает естественный переход к изучению типа, оканчивающегося на сонант -и-, тапи-s, близкого к secūris и составляющего четвертое склонение.

---

¹ «Утрата» i в mēns <*mentis вряд ли может быть обоснована какой-либо фонетической закономерностью латинского языка, и восстановление формы *mentis покоится в значительной мере на соображениях компаративного характера (др.-инд. matiḥ и т. д.). Возможно, что в латинском языке скрестились две основы — на согласную и на i. Если же форма им. п.*mentis действительно существовала, то замена ее формой mēns должна объясняться воздействием оскско-умбрских говоров, где такого рода «синкопа» является нормой. (Прим. ред.)

Из всех склонений третье — наиболее сложное. Помимо большого количества форм — от существительных, прилагательных, причастий в мужском, женском и среднем роде, — оно объединяет самые разнородные элементы, что вызывает необходимость распределить их по определенным категориям. Выше мы видели, как подразделяются основы, оканчивающиеся на гласную *-i-*. Основы на согласную в свою очередь могут быть подразделены на:

а) основы, оканчивающиеся на смычную согласную, губную, гуттуральную или зубную;

б) основы, оканчивающиеся на плавную *-l-*, *-g-* или на носовую *-n-* (имеется лишь одна основа на *-m-*);

в) основы, оканчивающиеся на свистящую *-s-*.

Казалось бы, что теперь остается изучить лишь эти категории: основы на согласную и основы на сонанты с их подразделениями. Однако фонетические явления всякого рода, а также воздействия аналогии сильно изменили древнее состояние; при этом взаимное влияние обеих флексий — на согласную и на сонант — было столь значительно, что в результате получилось смешанное склонение.

41. Эти флексии в период общеталийского языка представляются в следующем виде:

	Единственное число	
	Основа на согласную	Основа на сонант
Им., зват.	rēg из *rēg-s, ср. оск. meddiſs «meddix», гр. χήρῶξ	puppi-s, гр. πόλι-ς
Вин.	rēg-em из *rēg.m, гр. χήρῶκ-α	puppi-m, оск. slagim «regiōnem»
Род.	*rēg-es (диалект. -os), гр. χήρῶκ-ος	*puppei-s, оск. aeteis «partis»
Дат.	rēg-ei (C.I.L., I ² , 1), оск. Patereī «patrī», medikeī ¹	puppei из *puppei-ei(?), оск. Fuutrei «Genetricī»
Отлож., оруд.	rēg-e, умбр. kapiře ² «capide»	puppi-d, оск. slaagid «regiōne», др.-лат. loucarid
Местн.	*rēg-ī, гр. αἰ(F)εἰ из *αἰFεσ-ι	puppei из *puppei-i, умбр. *ocre «in monte» из *ocrei

¹ О дательном падеже см. Meillet, «M. S. L.», 18, стр. 378.

² В умбрском языке знак *ř* передает *d* между гласными, производившееся, несомненно, как дрожащий звук.

Множественное число

Им., зват.	*rēg-ēs, оск. humuns «*homōnēs, hominēs», гр. κήρουκ-ες	*ruppei-ēs, ruppēs, оск. trīs «trēs», умбр. pupes «quinionēs»
Вин.	*rēg-ens из *rēg-ns, гр. κήρουκ-ας	*ruppi-ns, умбр. trif «trīs» с f, происшед- шим из *-ns
Род.	*rēg-ōm, оск. fratrum, гр. κήρουκ-ων	*ruppi-ōm, оск. aittium «partium»
Дат., отлож., оруд., местн.	*rēg-(i)-bhos, оск. ligis «lēgibus» из *lēgi-i- bhos	*ruppi-bhos, оск. luisarifs «ūsoriīs» с -ifs, про- исшедшим из *-ibhos

42. Сходство, которое существовало между флексиями основы на согласную и основы на сонант в дательном падеже единственного числа, привело к образованию дат. отлож. п. мн. ч. rēgibus < *rēg-i-bhos и им. п. мн. ч. rēgēs вместо *rēgēs по аналогии с ruppi-bus из *ruppi-bhos и ruppēs из *ruppei-ēs; и обратно: род. п. ед. ч. *ruppeis был заменен ruppis с ĩ по образцу rēgis (из *rēgēs), rēgei.

Можно предположить, и это вполне правдоподобно, что у основ на -i- замена древнего родительного падежа на -eis родительным с краткой гласной произошла первоначально в типе fons, mens. Этой замене благоприятствовало то обстоятельство, что латинский язык создавал в некоторых древних основах на согласную именительный падеж на -i (см. § 72).

В некоторых же случаях основы с -i- и без -i-, повидимому, сосуществовали, например tage и *tag (см. § 69), sale и sal. В результате всего этого получилось смешение, облегчившее распространение одной формы за счет другой.

Таким образом, к началу исторического периода аналогические воздействия сблизили обе флексии.

Единственное число

Им., зват.	rēx	ruppis
Вин.	rēgem	ruppim
Род.	rēgis	ruppis
Дат.	rēgī (rēgei)	ruppī (ruppei)
Отлож., оруд.	rēgē	ruppid
Местн.	rēgē (и аналогическая форма *rēgī)	ruppī

Множественное число

Им., зват.	rēgēs	puppēs
Вин.	rēgēs	puppīs
Род.	rēgum	puppium
Дат., отлож., оруд., местн.	rēgibus	puppibus

В этот период еще имели место различия флексий: 1) в именительном, винительном и отложительном падежах единственного числа и 2) в винительном и родительном падежах множественного числа.

Общие формы были: 1) в родительном и дательном падежах единственного числа и 2) в именительном, дательном и отложительном падежах множественного числа.

В дальнейшем, с развитием латинского языка, конечный элемент *-im* превратился в *-em* (ср. *quiem*, вин. п. от *quis*), за исключением нескольких слов, основы которых оканчивались на первоначальное *-ī-* (например, *vīs*); в отложительном падеже конечное *-d* отпало, и аналогия с *rēgem*, *turrem* повлекла за собой замену *i* на *ē*: *puppī* было вытеснено формой *puppē*.

Кроме того, некоторые основы на *-i-* потеряли это *-i-* в именительном падеже, например *mēns*, *urbs*, *amāns* (ж. р.) и т. д. из **menti-s*, **urbi-s*, **amanti-s*¹.

Таким образом, единственное число основ на *-i-* все более стремилось слиться с единственным числом основ на согласную.

43. Во множественном числе аналогия с им. и вин. п. *rēgēs* повлекла за собой замену *puppīs* формой *puppēs*; эта замена началась в конце республиканского периода и закончилась во времена Квинтилиана. И только в родительном падеже множественного числа, который соответственно оканчивался на *-um* и *-ium*, основы на согласную и основы на *-i-* различались. Однако и здесь оба эти склонения настолько перемешались, что основы на согласную могли иметь родительный падеж на *-ium* (это имеет место, например, в причастиях настоящего времени мужского рода, за исключением нескольких отдельных пережитков, как *parentum*, *animantum*, которые едва ли можно считать причастиями), а основы на *-i-* — одновременно оба родительных: на *-um* и на *-ium*, например *apīs*, род. п. мн. ч.

¹ См. примечание к стр. 54.

arum и arum. К тому же, одно и то же слово могло иметь и две основы: одну на согласную, другую на -i-, например отвлеченные слова типа civitās, которые можно производить как от основы *civitat-, так и от основы *civitati-. Отсюда становится понятным, какую смесь должны были представлять в глазах латинян формы, объединенные под общим наименованием третьего склонения.

Смешение основ на согласную и основ на -i- оказывается, таким образом, тем решающим явлением, которое определяет всю историю третьего латинского склонения. Поэтому мы и должны были прежде всего остановиться на том, каким образом произошло это смешение. Перейдем теперь к изучению частных случаев.

44. ОСНОВЫ НА СОГЛАСНУЮ СМЫЧНУЮ, ГУТТУРАЛЬНУЮ, ГУБНУЮ ИЛИ ЗУБНУЮ

Единственное число

				Средний род
Им., зват.	dux	princeps	pēs	caput
Вин.	ducem	principem	pedem	caput
Род.	ducis	principis	pedis	capitis
Дат.	ducī	principī	pedī	capitī
Отлож., оруд.	ducē	principē	pedē	capitē

Множественное число

Им., зват., вин.	ducēs	principēs	pedēs	capita
Род.	ducum	principum	pedum	capitum
Дат., отлож., оруд.	ducibus	principibus	pedibus	capitibus

Единственное число

45. Именительный падеж. а) Именительный падеж мужского и женского рода основ на смычную имеет окончание -s: vox из *vōc-s, lex из *lēg-s, nix из *nigwh-s¹; ср. ninguīt «идет снег». При этом звонкая смычная на конце основы перед глухим -s окон-

¹ Знак *gwh означает лабиовелярную звонкую аспирированную, т. е. звонкое взрывное g, сопровождаемое губным звуком w и придыханием. Однако этот звук встречается редко; гораздо чаще мы находим простой лабиовелярный звук, звонкий или глухой: gw, kw (см. § 156).

чания приглушалась: pleb-s > plep-s; последняя форма часто встречается в рукописях и в надписях (С. I. L., II, 34, 53). Однако во многих случаях написание -bs по аналогии с другими падежами часто восстанавливалось.

В основах на зубную -d и -t, как правило, ассимилируются с -s окончания, причем образованное таким образом двойное -ss в конечном слого упрощается; отсюда: pēs из *pēd-s (промежуточная ступень *pess), miles из *mīlet-s (промежуточное mīless). У Плавта (Aul., 528, ямбический сенарий) читаем:

miless inpransus astat, aes censet dari¹,

причем -s, происходящее из -ss, в противоположность простому -s в архаической просодии никогда не элидируется.

В народном латинском языке -x упростилось в -s, в результате чего получилось смешение в написании этих двух букв; например conius «conjux» (С. I. L., VIII, 3617) и, наоборот, milex «miles» (С. I. L., VI, 37)².

Необходимо отметить, что в некоторых случаях именительный падеж этой группы имеет долгую гласную, чередующуюся с краткой в косвенных падежах: abiēs, ariēs, pariēs : abiētis, ariētis, pariētis; однако чаще гласная во всех падежах имеет одно и то же количество.

О pēs, pēdis см. § 8, п. б.

б) Именительный и винительный падежи среднего рода характеризуются отсутствием окончания, или, точнее, нулевым окончанием, например hallex «рассол», встречающееся у Плавта (Aul., фр. 5, ямбический сенарий):

qui mi olera cruda ponunt, hallex <ad>duint

наряду с дублетом ж. р. hallex (Плавт, Poen., 1310): hallex viri; ср. умбр. tuplak «furcam» — вин. п. ед. ч. ср. р. от той же основы, что и лат. duplex.

Cor и lac, из *cord, *lact, потеряли конечную зубную; форма lact, которую цитирует Ноний (483, 6 и 486, 5),

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 63, п. 4, и § 73.

² Milex, от которого предостерегает так называемый «Аппендикс Проба» (IV в.), проникло, повидимому, и в произношение. (Прим. ред.)

стоит в обоих случаях перед начальным *e* и должна читаться *lact'* с элизией конечного *e*. То же наблюдается и у Плавта (Трус., 903). Впрочем, в одном достоверном примере у Цецилия читается *lacte* (220, ямбический сенарий):

praesertim quae non peperit, lacte non habet.

Здесь *lacte*, выступающее в качестве именительного падежа, представляет собой аналогическое новообразование от род. п. *lactis* по образцу *mare: maris*. Если бы оно было древним, то отложительный падеж был бы *lacti*; между тем, встречается только *lactē*.

Из прилагательных мужского рода *s* распространилось и на средний род: *duplex argumentum, proelium anceps*.

Примечание. В основах на согласную только именительный падеж представляет особенности в зависимости от характера согласной. Дальнейшие замечания в отношении других падежей распространяются уже на все согласное склонение.

46. Родительный падеж. Окончание родительного падежа *-is* отражает древнее *-es*, сохранившееся в архаических надписях: *Apolones* (C.I.L., I², 37), *Salutes* (C.I.L., I², 450), *Veneres* (C.I.L., I², 451). Последнее окончание (*-es*) чередовалось с **-os* (ср. гр. *-ος: ποδ-ός*), появляющимся в диалектном латинском, например в Пренесте: *Diovo* «*Jovis*» (C.I.L., I², 60), *Salutus* (*-us* из **-os*, C.I.L., I³, 62), в Норбе: *Diovos* (C.I.L., I², 360), в Капуе: *Venerus* (C.I.L., I², 675) и т. д. Родительный падеж на *-us* sporadически встречается в языке древнейших официальных надписей, например *nominus* «*nominis*» (S.C. de Vas., C.I.L., I², 581); у авторов он отсутствует.

О чередовании гласных в *mīles, mīlitis, auspex, auspiciis* и т. д. см. у Нидермана¹; там же см. об *ausceps, auscipis*² и об аналогии в *seges, -etis* и т. д.³

Supellex имеет род. п. *supellectilis*, образованный от производного прилагательного **supellectilis* вместо ожидаемого **supellectis*.

47. Дательный падеж. Дательный падеж на *-ī* восходит к дифтонгу *-eī*, засвидетельствованному в архаических надписях: *reseī* «*rēgī*» (в надписи на форуме;

¹ «Историческая фонетика латинского языка», § 15, п. 1 б.

² Там же, § 15, п. 4.

³ Там же, § 19.

C.I.L., 1², 1), Virtutei (C.I.L., 1², 6), а также в оск. patereī. При этом -ei, прежде чем дать -ī, прошло стадию -ē закрытого, чем и объясняются дательные падежи на -ē, наблюдаемые в застывших формулах, как-то: jūre civīlī studēre, duomvir jūrē dīcundō, lex opere faciundō и т. д. (однако ē этих форм может быть и диалектным). Известна одна надпись, в которой одновременно встречаются все три окончания (-ē, -ei, -ī): Junone Seispitei Matri (C.I.L., XIV, 2090).

48. В и н и т е л ь н ы й падеж. Этот падеж всюду оканчивается на -em, восходящее к древней гласной -m (или -n), ставшей в греческом языке -α; pedem, ср. πῶδ-α (из *πῶδ-n). При этом конечное -m иногда исчезает из произношения, что наблюдается также и в наиболее древних текстах (C.I.L., 1², 9):

Nec cepit Corsica Aleriaque urbe

«Nec cepit Corsicam Aleriamque urbem».

49. О т л о ж и т е л ь н ы й падеж. Окончание -ē отложительного, орудийного и местного падежей унаследовано от индоевропейских окончаний местного падежа на -ī и орудийного на -ē в основах на согласную. Последние в индоевропейском языке не имели различных форм для родительного и отложительного падежей; ср. род. и отл. п. гр. πῶδ-ός.

По аналогии с основами на -i- отложительный падеж в нескольких единичных случаях также имеет -id или -ī: bovid «bove» (C.I.L., 1², 366), coventionid «conventionē» (S.C. de Vas., C.I.L., 1², 581), opid (C.I.L., 1², 364), carni (Плавт. Сарт., 914, ямбический октонарий):

adveniēns deturbavit totum cum carni carnarium.

Формы dictatored, navaled ростральной колонны являются лжеархаизмами.

О местном падеже на -ī см. § 10, п. 1 ж.

П р и м е ч а н и е. Зват. п. Dite от Dis (C.I.L., 1², 102) и Nargae от Nargax (Плавт, Pseud., 665) образован по аналогии со звательным падежом на ē основ на -o/e-.

Множественное число

50. И м е н и т е л ь н ы й и в и н и т е л ь н ы й падежи. В историческое время смещение именительного и винительного падежей м у ж с к о г о и ж е н с к о г о

рода представляет собой уже совершившийся факт. И только из сравнения латинского языка с языками, родственными ему, можно заключить, что ранее эти падежи имели два разных окончания. Первоначально именительный падеж мужского рода единственного числа оканчивался на *-ēs; ср. гр. πῶδ-ες, оск. *humuns* из *homonēs «*hominēs*»; косвенный след этого падежа сохранился в *quattuor* (см. § 156). Однако в дальнейшем это окончание (*-ēs), было заменено -ēs, заимствованным у основ на -i-. Если у Плавта мы и встречаем иногда им. п. *forēs, pedēs* (Stich., 311, ямбический октонарий):

*somnon operam datis? Experiar fores an cubiti
an pedes plus valeant,*

то это имеет место лишь в силу закона сокращения ямбических слов. *Grupēs* у Вергилия (Вис., 8, 27) представляет собой греческий именительный падеж.

Смешение основ на -i- и основ на согласные дало в нескольких случаях именительный падеж на -is, например:

ioudicis L lectei erunt

«*jūdicēs L lectī erunt*» (С. I. L., I¹, 198, l. 28), что вдвойне неправильно, потому что -is в основах на -i- является окончанием не именительного, а винительного падежа.

Конечный элемент -ēs винительного падежа восходит к *-ens, отражающему *-ns; ср. гр. πῶδ-ας из πῶδ-ης, умбр. *perf* «*uirōs*» из *per-ens.

Именительный и винительный падежи среднего рода оканчиваются на -ā: *capit-ā* подобно гр. σῆματ-α. Однако нам известно и несколько случаев метрического удлинения, например у Вергилия (Аен., III, 464):

dona dehinc auro grauiā sectoque elephanto.

О *trīgintā* см. § 158.

51. Родительный падеж. Окончание классического языка -um продолжает более древнее окончание -om, засвидетельствованное в эпиграфике, например *roumilionom* (С. I. L., I², 569). Гласная o этого окончания, повидимому, всегда была краткой, как об этом свидетельствует умбрское обозначение через o, а не через u: *patrom*.

52. Дательный и отложительный падежи. Окончание -bus этих падежей отражает древнее

*-bhos (ср. ст.-оск. *luisarifs* «*lūsōriīs*» с -ifs из *i-bhos) через промежуточное -bos. Последнее засвидетельствовано в латинском языке довольно слабо; правда, в надписи на ростральной колонне (C.I.L., I², 25) имеется *navebos*, однако эта надпись, высеченная в императорскую эпоху, написана на искусственном архаическом языке, формы которого нельзя считать доказательными. И только одна подлинная, довольно древняя надпись дает пример окончания -bos, правда — для основы четвертого склонения: *tribibus* «*tribubus*» (C.I.L., I², 398).

Прибавление такого окончания, как -bos, -bus, к основе на согласную представляло известные трудности: здесь могли произойти фонетические ассимиляции, в результате которых исказилась бы или основа, или окончание. Поэтому согласное склонение заимствовало у основ на -i- соединительную гласную i, откуда *ducibus*, где -ibus является как бы окончанием. В оскском языке мы наблюдаем то же, что и в латинском: в *ligis* «*lēgibus*» гласная была заимствована у основ на -i-, в умбрском — у основ на -u-: *fratrus* «*fratribus*» из *fratr-u-bhos. Таким образом, общая всем италийским диалектам тенденция реализовалась в каждом из них по-своему. Сходным образом в гомеровском языке *χρήμασι* было заменено формой *χρημάτων* по образцу *γένεσσι*.

53. ОСНОВЫ НА ПЛАВНУЮ

Единственное число

				Средний род
Им., зват.	<i>soror</i>	<i>pater</i>	<i>exsul</i>	<i>marmor</i>
Вин.	<i>sorōrem</i>	<i>patrem</i>	<i>exsulem</i>	<i>marmor</i>
Род.	<i>sorōris</i>	<i>patris</i>	<i>exsulis</i>	<i>marmoris</i>
Дат.	<i>sorōrī</i>	<i>patrī</i>	<i>exsulī</i>	<i>marmorī</i>
Отлож., оруд.	<i>sorōre</i>	<i>patre</i>	<i>exsule</i>	<i>marmore</i>

Множественное число

Им., зват., вин.	<i>sorōrēs</i>	<i>patrēs</i>	<i>exsulēs</i>	<i>marmora</i>
Род.	<i>sorōrum</i>	<i>patrum</i>	<i>exsulum</i>	<i>marmorum</i>
Дат., отлож., оруд.	<i>sorōribus</i>	<i>patribus</i>	<i>exsulibus</i>	<i>marmoribus</i>

Большинство имен на -r является именами родства или именами действителя на -tor типа *dātor*.

54. Именительный падеж. Именительный падеж основ на плавную мужского и женского рода не имел

окончания -s, а характеризовался удлинением конечной гласной основы: *sorōg, *patēr, *auctōr; ср. оск. patir «pater» с i, происшедшим из ē, censtur «cēnsor», умбр. uhtur «auctor» с u из ō, гр. πατήρ, дорийск. μάτηρ, δώτωρ. Такая долгая гласная засвидетельствована еще у архаических авторов; см. у Плавта (Amp., 229; кретик):

īmperatōr utrimque hīnc et illīnc Jovi.

В классический период гласная в конечном слоге перед -г, -l стала уже сокращаться: *sorōg дало sorōg. Однако в односложных словах долгая гласная сохранилась: fūr, гр. φῶρ, sōl. В Lār¹, pār и sāl гласная по природе не является долгой (см. § 8, п. б).

55. Ч е р е д о в а н и я. В основах на -г-именительный и косвенные падежи различались чередованием: гласная долгая/гласная краткая или ноль гласной. Вследствие сокращения гласных перед конечным -г эта долгая гласная в именительном падеже исчезла, и мы имеем парадигму: pater, patris. То же наблюдается и в других именах родства: māter, frāter; ср. род. п. оск. Maatreis, умбр. matrer. В греческом языке, сохранившем это чередование лучше, находим: πατήρς, μάτηρς и δώτωρς, ἀστέρως наряду с πατήρ, μάτηρ, δώτωρ, ἀστήρ. В некоторых же случаях долгая гласная именительного падежа по аналогии распространилась на другие падежи (*sorōg, sorōris); однако в то время как в именительном падеже фонетически она сократилась (*sorōg дает *sorōg), в срединном слогe она сохранилась (sorōris). Таким образом, именительный падеж дифференцирован от других падежей, но это различие имеет иной характер, чем в первоначальном склонении.

И наоборот, в других формах краткая гласная в косвенных падежах сохранилась, и противопоставление краткая : долгая исчезло из флексии: Caesār, -āris; ansēr, -ēris; augūr, -ūris; memōr, -ōris. То же мы имеем и в многосложных на -l: exsūl, -sūlis; consūl, -ūlis.

В Lāris, pārīs, sālīs чередование — вторичного происхождения, поскольку удлинение гласной в именительном

¹ Lār — древняя основа на -s; в песне Арвальских братьев (С. I. L., I², 2) находим Lases; см. также у Квинтилиана (Inst. Orat., I, 4, 13): «Lases» et «asa» fuerunt.

падеже является, повидимому, следствием закона, представляющего особенность латинской фонетики (см. § 8, п. б). *Fūris* имеет долгую гласную, как и гр. φωρός.

56. Имена среднего рода не допускали удлинения гласной в именительном падеже; поэтому гласная в склонении — всегда краткая, ср. гр. νέκταρ, κῶαρ: νέκταρος, κῶαρος. То же наблюдается и в латинском языке — -āg, -āris: *nectār*, -āris (заимствовано из греческого); -ēr, -ēris: *cadavēr*, -ēris, *parāver*, -ēris, *tübēr*, -ēris, *übēr*, -ēris, гр. ὄβθαρ; -ōg, -ūr, -ōris, -ūrīs: *aequōr*, -ōris, *marmōr*, -ōris, *ebūr*, -ōris, *murmūr*, -ūrīs. И только односложное *vēr* *vēris* имеет долгую гласную индоевропейского происхождения.

Far, оск. *far*, умбр. *far*, — вместо *fars, ставшего *farr, затем *far*; ср. производное умбр. *farsio* «*farrea*»; род. п. *farris* отражает *farsis.

Fel — древнее *feln, откуда *fellis* из *felnis; ср. нем. *Galle*.

Mel — несомненно синкопированная форма, потерявшая конечную согласную, так же как и *lac*; ср. гр. μέλι, μέλιτ-ος (основа *μελιτ-). На склонение этого слова повлияло, повидимому, *fel*, с которым оно образовало пару. Этим и объясняется двойное I род п. *mellis*.

57. Неправильные слова. Некоторые имена среднего рода имеют неправильный родительный падеж: *jesur* (*jocur*), род. п. *jesinoris* наряду с *jesoris*; *femur*, род. п. *feminis* наряду с *femoris*; *iter*, род. п. *itineris*. В эту группу входят те основы, именительный и косвенные падежи которых представляли в древности чередование -r/n-, как об этом свидетельствуют гр. ἵπαρ, ἵπατος (из *ἵπρτος), скр. *yákrt*, род. п. *yaknāh*, наряду с лат. *jesur*, *jesinoris*. Древнее склонение было: *jesur*, *jesinis; *femur*, *feminis*; *iter*, *itinis; по аналогии с ними были образованы нормальные формы: *jesoris*, *femoris*, *iteris*. Что касается других форм: *jesinoris*, *itineris*, то они произошли из смешения двух родительных падежей. С другой стороны, по образцу *feminis*, *jocinoris*, *itineris* язык заново образовал такие именительные падежи, как *femen*, *jocinus*, *itiner*, например у Плавта (*Merc.*, 929, трохеический септенарий):

quin tu ergo itiner exsequi meum me sinis?

Отсюда видно, что аналогия действовала здесь в двух направлениях.

Примечание. После озвончения *s* в *g* между гласными, которое произошло в течение IV в. до н. э., в группу основ на *-g-* вошло много древних основ на *-s¹*, например *mulier* (косвенное указание на существование *s* сохранилось в *muliebris* из **muliesris*; ср. *fūnus, funebris*); *dēgener* (*genus*), *dēdecor* (*decus*); сравнительная степень — *-ior* (наряду со средним родом на *-ius*): *melior, melius*. Однако во многих случаях, для того чтобы установить, имеем ли мы в данном случае основу на *-s* или на *-g*, данных латинского языка недостаточно, поскольку всякое указание на *-s* здесь исчезло.

Об основах на *-s-* см. § 62.

58. ОСНОВЫ НА НОСОВУЮ

Единственное число

			Средний род
Им., зват.	<i>praedō</i>	<i>homō</i>	<i>nūmen</i>
Вин.	<i>praedōnem</i>	<i>hominem</i>	<i>nūmen</i>
Род.	<i>praedōnis</i>	<i>hominis</i>	<i>nūminis</i>
Дат.	<i>praedōnī</i>	<i>homīnī</i>	<i>nūminī</i>
Отлож., оруд.	<i>praedōne</i>	<i>homine</i>	<i>nūmine</i>

Множественное число

Им., зват., вин.	<i>praedōnēs</i>	<i>homīnēs</i>	<i>nūmina</i>
Род.	<i>praedōnum</i>	<i>hominum</i>	<i>nūminum</i>
Дат., отлож., оруд.	<i>praedōnibus</i>	<i>hominibus</i>	<i>nūminibus</i>

59. **Именительный падеж.** а) Основы мужского и женского рода на *-on-* имеют нулевое окончание, причем конечная гласная основы (предшествующая окончанию) удлиняется, а сонант *-n*, следующий за этой гласной, исчезает уже в эпоху, предшествующую латинскому языку; отсюда *homō* и т. д. в противоположность гр. *δαίμων*. При этом в словах типа *catō*, происшедшего из основы **cato/e-* (ср. *catus*) + суффикс: **cato + on > catō*, долгая гласная, как и в греческом языке, распространилась на все падежи: ср. гр. *στράβων, στραβῶνος* из *στραβός*. Наоборот, в словах на *-ēn-* носовая согласная сохранилась: *liēn, gēn* (*giēn*); ср. гр. *ποιμήν, τερῆν*. Однако нам известны два слова мужского рода, имеющие именительный падеж на *-ēn*: *flāmēn*, несомненно древняя основа среднего рода, перешедшая в мужской род, и *pecten*, повидимому из

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, §§ 47 и 49.

*pectens; ср. гр. κτεΐς из *(π)κτέυς, род. п. κτεν-ός. В ямбических словах конечное *ō* сократилось; так, стиху Энния (Ann., 370):

unus homō nobis cunctando restituit rem

противостоит стих Лукреция (VI, 652):

nec tota pars, homō terrai quota totius unus.

В императорскую эпоху *-ō* по аналогии, а также из соображений метрического удобства, распространялось не только на ямбические слова, но и на другие, что мы находим, например, у Горация (Serm., II, 4, 93):

lividus et mordax videor tibi? mentiō siquae.

Примечания: 1. Слова сложные с *sanō*, как, например, *cogni-sen*, *os-sen*, *tubi-sen*, входят в категорию типа *jū-dex au-srex*, где второй член представляет собой основу с нулевым суффиксом; эти сложные слова ни в коем случае не могут быть сопоставляемы со словами на *-ēn*, *-ō(n)*.

2. На *-m* нам известна только одна основа: *hiem-. Последняя в противоположность основам на *-p* имеет характерное для именительного падежа *-s*: *hiems* или *hiemps*¹.

б) Имена среднего рода образуются большей частью при помощи орудийного суффикса *-men* (из **m̄n̄*), соответствующего гр. *-μα*; ср. *ag-men*, *seg-men*, *ter-men*.

Однако несколько имен среднего рода имеют в окончании только *-en*, например *inguen*, *unguen* (которое встречается и в умбрском языке: *umen*), *glūt-en* (ср. *glūs*, *glūt-is*). Равным образом, наряду с *sanguīs*, им. п. м. р. из *sanguin-s (как и гр. *ῥίς* из *ῥίγ-ς*, ср. *sanguin-is*, гр. *ῥίγ-ος*), у архаических авторов встречается ср. р. *sanguen*, например у Лукреция (I, 860):

scire licet nobis venas et sanguen et ossa.

Nōmen и *ῥνομα* представляют сложную проблему: *-μα* не может быть суффиксом в *ῥνομα*.

60. Ч е р е д о в а н и е. О чередованиях *homō/hominis*, *carō/carnis* см. § 8, п. б; об *Aniō*, *Neriō*: *Aniēnis*, *Neriēnis* см. § 8, п. а.

Apollō в отличие от гр. Ἀπόλλωνος имеет род. п. *Apol-līnis*, что несомненно объясняется стремлением сохранить

¹ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 95.

в латинском языке место греческого ударения: *Apóllinis* имеет ударение на третьем слоге от конца, в то время как *Apollōnis имело бы ударение на предпоследнем слоге. Форма *Apolones* (C. I. L., I², 399) — несомненное подражание греческой.

Все слова мужского рода (за исключением *cardō*, *homō*¹ и сложного с ним *pēmō*, *margō*, *ōrdō*, *turbō*, *Apollō*) имеют в родительном падеже окончание *-ōnis*; такое же окончание имеют и все отвлеченные имена женского рода (например, *pātiō*, *-ōnis*) и мужского рода (например, *rūgiō*, *-ōnis*).

За исключением вышеприведенных имен мужского рода, все остальные слова, имеющие в родительном падеже окончание *-inis*, принадлежат к словам женского рода с окончанием в именительном падеже на *-ō*, например *virgō*.

61. ОСНОВЫ НА -s-

Большинство основ на *-s-* — мужского или среднего рода. Из слов женского рода сюда относятся только: *arbōs*, *arbōris* и *venos* (ср. *Venos*; C. I. L., I², 558), *Venus* — древнее отвлеченное слово, ставшее именем женского рода, так как оно служило для обозначения богини (ср. обратное явление в имени *Cupidō*), а также *Cerēs*, *-ēris*, *Tellūs*, *-ūris* — имена богинь, и *cinis*, *cineris* — несомненно древнее имя среднего рода, перешедшее в мужской род под влиянием других существительных на *-is*; у поэтов это слово встречается иногда и в женском роде по образцу гр. *χόνις*.

Единственное число

Им., зват.	Мужской род		Средний род	
	<i>cinis</i>	<i>honōs</i> (<i>honor</i>)	<i>tempus</i>	<i>genus</i>
Вин.	<i>cinerem</i>	<i>honōrem</i>	<i>tempus</i>	<i>genus</i>
Род.	<i>cineris</i>	<i>honōris</i>	<i>temporis</i>	<i>generis</i>
Дат.	<i>cinerī</i>	<i>honōrī</i>	<i>temporī</i>	<i>generī</i>
Отлож., оруд., местн.	<i>cinere</i>	<i>honōre</i>	<i>tempore</i>	<i>genere</i>

Множественное число

Им., зват., вин.	<i>cinerēs</i>	<i>honōrēs</i>	<i>tempora</i>	<i>genera</i>
Род.	<i>cinerum</i>	<i>honōrum</i>	<i>temporum</i>	<i>generum</i>
Дат., отлож., оруд., местн.	<i>cineribus</i>	<i>honōribus</i>	<i>temporibus</i>	<i>generibus</i>

¹ У Энния (*Ann.*, 138), однако, встречается *homōnem*: *Volturus in spinis miserum mandebat homōnem*; ср. оск. *humuns* «*homōnēs, *hominēs*».

62. Именительный падеж. а) В именительном падеже имен мужского рода конечная гласная удлиняется: *honōs*, *rubēs*; исключение представляет лишь *lepūs*, *lepōgis* «заяц», оканчивающееся на *-ūs*, *-ōgis*, причем происхождение этого слова неясное.

В тех случаях, когда *s* в конце слова находилось в положении между гласными, оно переходило часто по аналогии в *г* и в именительном падеже; например, *honor* согласно *honōris* из **honōses* (ср. *generis* из **geneses*, гр. γένους из **γένεσος*, **γένεος*). При этом, в результате перехода конечного *s* в *г*, *о* сокращалось: *honōs* > *honōg*, что приводило к вторичному чередованию: *honōg*: *honōris*. Однако в односложных словах именительный падеж на *-s* сохранился: *flōs*, *glīs*, *glōs*, *mās*, *mōs*, *mūs* (но не в *Lār*). До императорской эпохи встречаются часто *honōs* и *lepōs* (С. I. L., I², 11, сатурнов стих):

quoiei vita defecit, non honos honore.

Кроме того, хотя и очень редко, и большей частью только у грамматиков, встречаются: *colōs*, *labōs*, *odōs*, *rapōs*, *timōs*, *varōs*.

Во многих словах никаких следов древнего *s* не сохранилось; ср. *decor* наряду с *decus*, *amor* и т. д. В классическую эпоху, под влиянием основ на *-г* и, в особенности, имен действителя на *-tor*, *-г*, как уже говорилось, перешло и в именительный падеж, что повлекло за собой сокращение *ō*; *honōs* превратилось в *honōg* и т. д. То же произошло в сравнительной степени, где *-iōs* было заменено *-iog* (см. § 98). В производных прилагательных форма на *-г* распространилась на все три рода: *bicorpor*, *dēdecor*, *dēgener*.

s сохранилось в *Cerēs*, *-ēris*, *rūbēs*, *-ēris*, а также в прилагательном *vetus*, *-eris* (ср. гр. ἔτος из **Fέτος*). Однако уже у Энния мы находим им. п. *veter*, образованный по род. п. *veter-is* (Ann., 17):

cum veter occubuit Priamus sub Marte Pelasgo.

Кроме того, наряду с *rūbēs* встречается также и им. п. *rubet* и *rubis*.

б) У имен среднего рода долгой гласной имен мужского рода соответствует краткая гласная, за исключением нескольких односложных слов на *-us* из **-os*; см. *opos* «орус» (С. I. L., I², 546) и гр. γένος, лат. *genus*. Долгая

гласная в *rūs* — следствие стяжения: *rūs* произошло из *revos; ср. скр. *gavaḥ* «пространство». Следовательно, гласная конечного слога была в этом случае краткой: -*ös*. *Jūs* «право», *jūs* «соус», *rūs*, *crūs*, *ös*, *ōris* — корневые слова, не имеющие окончания и суффикса; ср. скр. *uōḥ*, «благополучие», *uīḥ* «соус», гр. πῶ-ον, скр. *āḥ* «рот» (слова, в точности соответствующего *crūs*, не имеется). Следовательно, эти слова не являются древними именительными падежами, которые могут быть сопоставлены с *genus*. То же относится и к несклоняемому *fās*.

Имена среднего рода, как правило, сохранили в именительном падеже -s: *aes*, *crūs*, *rūs*, *ös*, *corpus*, *decus*, *genus*; см. также *melius* наряду с *melior*. Однако в некоторых случаях невозможно установить, имеем ли мы здесь основу на -r или основу на -s; это мы видим, например, в *rōbur*, имеющем дублет *rōbus* и производное *rōbustus*, и в *fulgur*, дублет которого *fulgus* засвидетельствован в сокращении Феста (74, 12, и 82, 13). Здесь, повидимому, мы встречаем древнее чередование основ на -r/s-, подобное чередованию гр. πεῖραρ и πεῖρας, πῖαρ и πῖος.

63. Ч е р е д о в а н и я. Чередование долгой и краткой гласной встречается в *Cerēs*, *Cerēris*, *rūbēs*, *rūbēris*, а также в *arbōs*, *arbōris*. С превращением *arbōs* в *arbor* всякие следы чередования исчезли. О *honōs*, *honōr*, *honōris* см. § 62.

Среди имен существительных среднего рода некоторые имеют чередование o/e, типа *opus*, *operis*, другие обобщили звук o, и именительного падежа: *corpus* (древнее *corpos), *corporis*; *fulgus* (*fulgur*), *fulguris*. Это различие остается необъясненным.

64. Os и vās имеют род. п. *ossis* и *vāsis*, где основами являются **oss-* и **vass-*; у Плавта (Merc., 781, ямбический сенарий) мы находим еще *vassa*:

haec vassa aut mox aut cras jubebo aps te peti.

Кроме того, наряду с основой **oss-* существовала еще основа **ossu-*, множественное число от которой *ossua* засвидетельствовано в надписях: *Primaе Pompeiaе ossua heic* (C.I.L., 1², 1219); род. п. от *vasa* — *vasōrum*, дат.-отлож. п. — *vāsis*, заимствованные у *vāsum*, основы на -o/e-, встречающейся у Плавта (Truc., 53, ямбический сенарий):

aut empta ancilla aut aliquid vasum argenteum.

65. ОСНОВЫ НА -i-

Единственное число

Им., зват.	turris	auris	clādēs
Вин.	turrim	aurem	clādem
Род.	turris	auris	clādīs
Дат.	turrī	aurī	clādī
Отлож., оруд.	tourrī(d) или -e	aure	clāde

	Прилагательное	Средний род
Им., зват.	ācer, ācris, ācre	animal
Вин.	ācrem, ācrem, ācre	animal
Род.	ācris	animālis
Дат.	ācrī	animālī
Отлож., оруд.	ācrī	animālī

Множественное число

Им., зват.	turrēs	aurēs	clādēs
Вин.	turrīs (-ēs)	aurīs (-ēs)	clādīs (-ēs)
Род.	turrium	aurium	clādium
Дат., отлож., оруд.	turribus	auribus	clādibus

	Прилагательное	Средний род
Им., зват.	ācrēs, ācrēs, ācria	animālia
Вин.	ācrīs, ācrīs, ācria	animālia
Род.	ācrium	animālium
Дат., отлож., оруд.	ācribus	animālibus

66. Именительный падеж единственного числа основ на -i- мужского и женского рода оканчивается на -is: *pāvis*, *piscis*, *puppis*. То же мы находим и у прилагательных: *fortis*, *gravis*; ср. гр. -ις: *μάγνις*, *ἄβρις*. Однако наряду с этим некоторые существительные имеют именительный падеж на -ēs: *caedēs*, *clādēs*, *sēdēs*, *verrēs*; происхождение этого конечного элемента точно не установлено, но оно, повидимому, древнее. Кроме того, многие из имен на -ēs имеют дублет на -is, более поздний и образованный по аналогии: так, наряду с *aedēs* имеется *aedis*, наряду с *fāmēs* — *fāmis* и т. д.; при этом некоторые из этих слов имеют формы, заимствованные у пятого склонения (см. § 89); другие же имеют синкопированный именительный падеж: *trabs*, *plebs*. В основах, оканчивающихся на -gī-, так же как и в основах на -gō- второго склонения,

В дальнейшем -im, происходящее из *-īm, распространилось по аналогии и на слова с -ī, например secūrgis (ī засвидетельствовано в слове secūrgicula), в результате чего произошли многочисленные смешения. Слова, сохранившие винительный падеж на -im, относятся преимущественно к области специального языка: nāvīm, puppīm, restīm (язык моряков), būrim, gāvīm, gūmīm, cuscūmīm, crātīm, sēmentīm (язык земледельцев) и т. д. Формы на -em принадлежат общему языку.

69. **Отложительный падеж.** Отложительный падеж основ на -i- первоначально оканчивался на -īd по аналогии с отложительным падежом на -ōd в основах на -o/e- (см. § 10, п. е). Так, в архаической надписи из Луцерии мы встречаем еще loucarid «lūcārī, lūcō» (C. I. L., I², 401). Вскоре, однако, конечное -d отпало. Отложительный падеж на -ī сохранился:

1) Во всех именах среднего рода, где он был свободен от влияния винительного падежа на -em. Единственное исключение здесь представляют: rēte, которое, впрочем, может происходить и от им. п. rētis; см. у Присциана (G. L., II, 332 K):

hic et haec retis

и у Плавта (Rud., 942, ямбический октонарий):

non vides referre me uvidum retem sine squamoso pecu?
и mare, встречающееся изредка и только в поэзии, например у Лукреция (I, 161):

e mare primum homines, e terra posset oriri.

Впрочем, в языках, родственных латинскому, засвидетельствована основа *mar-; так, у Присциана мы находим marum (G. L., II, 352 K) — род. п. мн. ч., употребленный Невием:

Neptunum, regnatorem marum.

В именах собственных, например в Praeneste, отложительный падеж также оканчивается на -e.

2) Во всех прилагательных на -er и на -is: fortī, ācī, facilī, где он сохранный несомненно в целях различения отложительного падежа от именительного и винительного среднего рода.

3) В словах, винительный падеж которых оканчивался на -im.

Слова, имевшие винительный падеж на -im или -em, имеют оба отложительных падежа: febrī/febre в соответствии с febrim/febrem.

Необходимо отметить, что некоторое количество слов, оканчивающихся согласно правилу в винительном падеже на -em, все же имеют иногда в отложительном падеже -ī. Так, мы находим: amnī и amne, avī и ave, стvī и стve, classī и classe, collī и colle, finī в наречном употреблении, например osse finī (Плавт, Мен., 859), и fine, fustī и fuste, ignī и igne (ср. ferrō ignīque vastāre, ignī и aquā interdīcere), imbrī и imbre, orbī и orbe, unguī и ungue. Эти колебания языка не подчиняются никакому правилу.

70. Родительный и дательный падежи сходны с соответствующими падежами основ на согласную; следов родительного падежа на *-īs, который первоначально должен был соответствовать именительному падежу на -is, в латинском языке не сохранилось (см. §§ 41 и 10, п. г).

Множественное число

71. Именительный и винительный падежи мужского и женского рода. В противоположность согласному склонению, где одна и та же форма на -ēs служит и для именительного и для винительного падежей множественного числа мужского-женского рода, в склонении основ на -i- именительный падеж на -ēs, происшедший из *-ey-es, и винительный падеж на -īs из *-i-nis четко различаются, во всяком случае первоначально. Это характерное противопоставление хорошо засвидетельствовано в архаическую эпоху и было широко распространено в течение республиканского периода. Так, в рукописях Плавта (Pseud., 140, размер неясен) вин. п. ovīs (основа на -i-) противопоставляется вин. п. custodēs (основа на согласную):

... ut mavelis lupos apud ovīs (oveis A) quam hos domi
linquere custodes.

То же мы имеем и в рукописях Теренция — fidēlīs и amātorēs (Нес., 59, ямбический сенарий):

fidelis evenire amatores, Syra.

Плавт также противопоставляет им. п. *trēs viri* (Amp., 155) вин. п. *trīs virōs* (Asin., 131).

На мильном столбе 622 г. от основания Рима (132 г. до н. э.) наряду с *homines* мы находим также (C. I. L., I², 638) вин. п. *ponteis, omneis, aedis*. Однако, начиная с этого же времени, именительный и винительный падежи часто смешиваются. Так, в *Sententia Minuciorum*, 117 г. до н. э. (C. I. L., I², 584), наряду с правильным вин. п. *fineis, omneis* (написание *ei* обозначает *i*), *Genuateis, Sextilis* мы встречаем и им. п. *fineis, finis* (вместо *fines*), а вместо *Genuensis находим вин. п. *Genuenses*. В *Lex agraria*, 111 г. до н. э. (C. I. L., I¹, 200), наряду с правильным вин. п. *calleis, finis, Octobris* встречается (вместо *ceiveis, ceivis*) и вин. п. *ceives*, образованный по аналогии с именительным. Влияние винительного падежа единственного числа на -em способствовало распространению винительного падежа множественного числа на -ēs¹.

Именительный и винительный падежи среднего рода регулярно оканчиваются на -iā.

72. Родительный падеж. Родительный падеж множественного числа обычно оканчивается на -ium. Исключения представляют: *canis, juvenis, mēnsis, vātēs*, имеющие в родительном падеже -um: *canum, juvenum, mēnsium* (наряду с *mēnsium*), *vātum*. Объясняется это тем, что каждое из этих существительных наряду с основой на -i- имело еще основу на согласную: **can-*, ср. гр. *κῶν*, *κυν-ός*; **juven-*, ср. *juven-cus*; **mēns-*, ср. гр. аттич. *μήν*, ионич. *μείς*, дорийск. *μής* из *μηγς; **vāt-*, ср. гот. *wōds* «вдохновенный, одержимый». Сюда же относятся: *arum* от *arēs* — слово неизвестного происхождения; *sēdum* от *sēdēs, caedum* (Силий Италик) — поэтические формы, образованные во избежание кретика, недопустимого в дактилическом гекзаметре; *volucrum* у Вергилия (Aen., VIII, 235):

dirarum nidis domus opportuna volucrum,

где, возможно, дело только в синицезе, как и в *agrestum* у того же автора. Наконец, *volucrum* можно было образовать от им. п. *volucer* по образцу *pater: patrum*. Некоторую роль могло сыграть также аналогическое воздействие дублетов *ferentum/ferentium*.

¹ A. Ernout, Cas en -e- et cas en -i- de la 3-me décl. dans Lucrèce, «Rev. Philol.», XLII. 1918, стр. 135 и сл.

73. СМЕШАННЫЕ ОСНОВЫ

Под этим названием объединяется ряд существительных, единственное число которых склоняется как в основах на согласную, а множественное — как в основах на *-i-*. Это древние основы на *-i-*, в которых *-i-* в именительном падеже единственного числа исчезло по аналогии с основами на согласные, например: *mors* от основы **morti-*, скр. *mṛtiḥ*¹; *mēns* от основы **menti-*, скр. *matīḥ*; *pars* от основы **parti-*. В единственном числе исчезновение этого *-i-* имело следствием переход к неравносложному склонению; что же касается множественного числа, то в республиканскую эпоху эти слова сохраняли как родительный падеж на *-ium*, так, частично, и винительный падеж на *-īs*. Примером могут служить: *pars*, отлож. п. *partī*, у Плавта (*Persa* 72); см. также у Лукреция (IV, 514):

et libella aliqua si ex parti claudicat hilum,

и *sors*, отлож. п. *sortī* (Плавт, *Cas.*, 428, ямбический сенарий):

sorti sum victus, Casina nubet ilico;

сохранились они и в эпиграфическом языке, ср. *Lex Acilia Repet.* (C. I. L., I¹, 198, l. 51 и 54):

ex altera parti, ex qua sorti pronontiarit.

	Единственное число	Множественное число
Им., зват.	<i>gēns</i> из <i>gent(i)s</i>	<i>gentēs</i>
Вин.	<i>gentem</i>	<i>gentīs, gentēs</i>
Род.	<i>gentis</i>	<i>gentium</i>
Дат.	<i>gentī</i>	<i>gentibus</i>
Отлож., оруд.	<i>gente</i> }	

74. По этому склонению идут:

1) Большое количество односложных слов мужского и женского рода, а именно: слова на *-ns, -rs, -bs, -ps, -lx, -gx*: *mōns* из **montis* (*montium*), *glāns* из **glandis*, ст.-слав. желѣдь (*glandium*), *ars* из **artis*, скр. *ṛtiḥ* (*artium*), *urbs* из **urbis* (*urbium*), *stirps* из **stirpis* (*stirpium*), — но не

¹ Знак *ḥ* в транскрипции, принятой для санскритских слов, обозначает конечное *-s*, редуцированное до дыхательного спиранта. См. примечание на стр. 54.

ops¹, — falx из *falcis (falcium), arx из *arcis (arcium), — но не vōx, — а также односложные с долгой гласной или дифтонгом: cōs, dōs из *dōtis, ст.-слав. дать, скр. dāti-vā-rah «великодушный», līs из *stlitis, faucēs (в именительном падеже единственного числа не употребляется).

2) Существительные или прилагательные на -ās, -īs, -tās: nostrās из *nostrātis (nostrātium), Penātēs, -ium (и -um), optimātēs, -ium (и -um), Quirītēs, -ium (и -um), civitās, -tātium (и -tātum).

Примечание. По аналогии родительный падеж на -ium был введен также и в согласные основы, например: dēns, основа *dent, ср. гр. δόντ-ος; fraus, основа *fraud-; mūs, гр. μῦς; nox, основа *noct-, ср. гр. νύξ, νυκτός² (в noctū представлен древний местный падеж основы *noctū-, скр. naktāu), так что наряду с правильным род. п. dentum (Баррон, L. L, VII, 38, 67), fraudum, mūrūm употреблялись и dentium, fraudium, mūrūm. Noctium даже совершенно вытеснило *noctum. По аналогии с civitātium было образовано servi-tūtium, несмотря на то что в словах на -tūs основа оканчивалась на согласную. Установить в ряде случаев, является ли форма на -ium древней или она образована по аналогии, не представляется возможным.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ПРИЧАСТИЯ

Прилагательные

75. Все сложные прилагательные, употребляемые в именительном падеже без -i-, в отложительном падеже единственного числа с -ī, в родительном падеже множественного числа с -ium и в именительном и винительном падежах среднего рода с -ia, должны рассматриваться как основы на -i-.

Об -s именительного и винительного падежей единственного числа среднего рода см. § 45.

Единственное число

	Мужской и женский род	Средний род
Им., зват.	supplex	supplex
Вин.	supplicem	supplex
Род.	supplicis	supplicis
Дат.	supplicī	supplicī
Отлож., оруд.	supplicī ³	supplicī

¹ Правда, имеется отлож. п. opid (С. I. L., 1^a, 364), но можно думать, что он образовался по аналогии (см. § 49), род. п. мн. ч. opum; ср. Вергилий (Aen., I, 14): dīves opum.

² Индоевропейские языки имеют для этого слова основу на -i-, например лит. naktis, ст.-слав. ношь, см. также скр. мн. ч. naktīh.

³ В поэзии иногда встречается и отлож. п. на -ē: supplicē; см. у Горация (Carm., III, 14, 8, адониев стих): supplicē vitta.

Им., зват.	supplicēs	supplicia
Вин.	supplicēs (supplicēs)	supplicia
Род.	supplicium	supplicium
Дат., отлож., оруд.	supplicibus	supplicibus

Аналогично склоняются: прилагательные типа *āmēns*, *iners*, *expers*, *cōsors* (сложные слова основ на -i-); *praecoquis* — у Новия, фр. 106), *duplex*, *concors*, *anceps*, *praesepe*, *ātrōx*, *ferōx*, отличающиеся от типа *inops*, *inopum*, *quadrupēs*, *quadrupedum* наличием суффикса *-i- (*concors* произошло из *concordis*, засвидетельствованного у Цецилия, 109), а также прилагательные на -āx (*audāx*, *bibāx*) и īx (*fēlīx*) и несколько прилагательных на -es: *hebes*, *perpes*, *praepes*, *teres*.

Причастия настоящего времени

76. Причастия настоящего времени типа *amāns*, *ferēns* и т. д., употребленные в значении прилагательных или причастий, и прилагательные того же образования, например *prūdēns*, перешли в латинском языке в основы на -i-. Однако это не было их первоначальным состоянием. Сравнительное исследование показывает, что только женский род причастий оканчивался на -i-; следовательно, именительный падеж мужского рода был **ferēns* из **ferent-s*, женского рода — **ferentīs*¹, среднего — **ferent*, ср. гр. *φέρων* из **φεροντ*. Позднее i в ж. р. **ferentīs* по фонетическим причинам отпало; когда же форма именительного падежа мужского рода распространилась и на средний род, как в типе *supplex* и т. д., то им. п. *ferēns* обобщился для всех трех родов.

¹ Это утверждение, даже с компаративистской точки зрения, является весьма спорным, поскольку др.-инд. *bharantī*, гр. *φέρουσα* соответствовали бы им. п. ед. ч. ж. р. **ferentī*, а не **ferentīs*. Склонение причастий на -ns — согласное, а формы основ на -i- попали в систему склонения причастий в порядке сближения ее со склонением прилагательных. Различения мужского и женского рода, а возможно, и всех трех родов латинское причастие первоначально могло и не знать. (*Прим. ред.*)

ops¹, — falx из *falcis (falcium), arx из *arcis (arcium), — но не vōx, — а также односложные с долгой гласной или дифтонгом: cōs, dōs из *dōtis, ст.-слав. дать, скр. dāti-vā-rah «великодушный», līs из *stlitis, faucēs (в именительном падеже единственного числа не употребляется).

2) Существительные или прилагательные на -ās, -īs, -tās: nostrās из *nostrātis (nostrātium), Penātēs, -ium (и -um), optimātēs, -ium (и -um), Quirītēs, -ium (и -um), civitās, -tātium (и -tātum).

Примечание. По аналогии родительный падеж на -ium был введен также и в согласные основы, например: dēns, основа *dent, ср. гр. δόντ-ος; fraus, основа *fraud-; mūs, гр. μῦς; nox, основа *noct-, ср. гр. νύξ, νυκτός² (в noctū представлен древний местный падеж основы *noctu-, скр. naktāu), так что наряду с правильным род. п. dentum (Баррон, L. L, VII, 38, 67), fraudum, mūrūm употреблялись и dentium, fraudium, mūrūm. Noctium даже совершенно вытеснило *noctum. По аналогии с civitātium было образовано servitūtium, несмотря на то что в словах на -tūs основа оканчивалась на согласную. Установить в ряде случаев, является ли форма на -ium древней или она образована по аналогии, не представляется возможным.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ПРИЧАСТИЯ

Прилагательные

75. Все сложные прилагательные, употребляемые в именительном падеже без -i-, в отложительном падеже единственного числа с -ī, в родительном падеже множественного числа с -ium и в именительном и винительном падежах среднего рода с -ia, должны рассматриваться как основы на -i-.

Об -s именительного и винительного падежей единственного числа среднего рода см. § 45.

Единственное число

	Мужской и женский род	Средний род
Им., зват.	supplex	supplex
Вин.	supplicem	supplex
Род.	supplicis	supplicis
Дат.	supplicī	supplicī
Отлож., оруд.	supplicī ³	supplicī

¹ Правда, имеется отлож. п. opid (С. I. L., 1², 364), но можно думать, что он образовался по аналогии (см. § 49), род. п. мн. ч. opum; ср. Вергилий (Aen., 1, 14): dīves opum.

² Индоевропейские языки имеют для этого слова основу на -i-, например лит. naktis, ст.-слав. ношть, см. также скр. мн. ч. naktīh.

³ В поэзии иногда встречается и отлож. п. на -ē: supplicē; см. у Горация (Carm., III, 14, 8, адониев стих): supplicē vitta.

Им., зват.	supplicēs	supplicia
Вин.	supplicīs (supplicēs)	supplicia
Род.	supplicium	supplicium
Дат., отлож., оруд.	supplicibus	supplicibus

Аналогично склоняются: прилагательные типа *āmēns*, *iners*, *expers*, *cōnsors* (сложные слова основ на -i-); *praesox* (*praesocquis* — у Новия, фр. 106), *duplex*, *concors*, *anceps*, *praesepe*, *ātrōx*, *ferōx*, отличающиеся от типа *inops*, *inopum*, *quadrupēs*, *quadrupedum* наличием суффикса *-i- (*concors* произошло из *concordis*, засвидетельствованного у Цицилия, 109), а также прилагательные на -āx (*audāx*, *bibāx*) и īx (*fēlīx*) и несколько прилагательных на -es: *hebes*, *perpes*, *praepes*, *teres*.

Причастия настоящего времени

76. Причастия настоящего времени типа *amāns*, *ferēns* и т. д., употребленные в значении прилагательных или причастий, и прилагательные того же образования, например *prūdēns*, перешли в латинском языке в основы на -i-. Однако это не было их первоначальным состоянием. Сравнительное исследование показывает, что только женский род причастий оканчивался на -i-; следовательно, именительный падеж мужского рода был **ferēns* из **ferent-s*, женского рода — **ferentīs*¹, среднего — **ferent*, ср. гр. *φέρων* из **φεροντ*. Позднее i в ж. р. **ferentīs* по фонетическим причинам отпало; когда же форма именительного падежа мужского рода распространилась и на средний род, как в типе *supplex* и т. д., то им. п. *ferēns* обобщился для всех трех родов.

¹ Это утверждение, даже с компаративистской точки зрения, является весьма спорным, поскольку др.-инд. *bhagantī*, гр. *φέρωνσα* соответствовали бы им. п. ед. ч. ж. р. **ferentī*, а не **ferentīs*. Склонение причастий на -ns — согласное, а формы основ на -i- попали в систему склонения причастий в порядке сближения ее со склонением прилагательных. Различения мужского и женского рода, а возможно, и всех трех родов латинское причастие первоначально могло и не знать. (*Прим. ред.*)

Единственное число

	Мужской и женский род	Средний род
Им., зват.	ferēns	ferēns
Вин.	ferentem	ferēns
Род.	ferentis	ferentis
Дат.	ferentī	ferentī
Отлож., оруд.	ferentī и ferente	ferentī и ferente

Множественное число

Им.	ferentēs	ferentia
Вин.	ferentīs (-tēs)	ferentia
Род.	ferentium	ferentium
Дат., отлож., оруд.	ferentibus	ferentibus

Двойная форма отложительного падежа единственного числа свидетельствует о существовании двух флексий: одна — согласной основы, *ferent-, другая — основы на -ī, *ferentī-. Латинский язык ввел различие этих двух форм по их употреблению: форму на -ī принимает причастие в значении прилагательного, например *constantī animō, praesentī tempore*; форма на -ē была оставлена для причастий, употребляемых в их собственном значении: *mē praesente, nullō rogante, ineunte tempestate* (отложительный самостоятельный), или как существительные: *parente, cliente*. Таково постоянное употребление этих форм, по крайней мере в прозе; у поэтов встречаются некоторые отклонения.

В именительном падеже среднего рода множественного числа форма на -ia обобщилась; единственный след основы на согласную — *silenta*, приведенное Авлом Геллием (19, 7, 7).

У архаических авторов, особенно у Плавта, встречается также несколько родительных падежей множественного числа на -um (*Stich.*, 8, колон Рейца):

quorumque nos negotiis apsentum, ita ut aequom est
и (*Pseud.*, 66, ямбический сенарий):

compressiones artae amantum corporum.

Укажем здесь также *cōsentum* и *adulescentum*, *animantum*, *infantum*, *parentum* — родительные падежи множественного числа причастий, употребляемых как существи-

тельные. Впоследствии дактилические поэты из соображений метрики обобщили родительные падежи на -ium, которые у них, таким образом, совершенно искусственны.

77. Большая часть прилагательных, как это следует из сказанного, склоняется как основы на -i-, хотя наряду с ними существуют и прилагательные (в небольшом количестве), склоняемые как основы на согласные, например inops, memos, bipēs, vetus и т.д., причем некоторые из них по аналогии получили в отложительном падеже -ī: artificī, inopī, memosī и др. Несомненно, что это явление возникло первоначально в дактилической поэзии, чтобы избежать последовательности трех кратких гласных.

Однако некоторое количество основ на -i-, например celer, vigil, caelestis, agrestis, имеют в родительном падеже -ium, по крайней мере в поэзии; см., например, у Вергилия (Georg., I, 10):

et vos, agrestum praesentia numina, Fauni

и (20 и Aen., VII, 432):

Caelestum vis magna jubet.

В поэзии родительный падеж на -ium перед начальной согласной часто оказывался неудобным.

Точно так же некоторые прилагательные на -is, -itis имеют отложительный падеж на -e и родительный — на -ium: *caeles, caelites, caelitum (употребленное как существительное), sōspes, superstes, dīves (но ср. р. мн. ч. dītia), compos. Так как сложные слова типа compos, superstes являются древними основами на согласную, то в языке появилось противопоставление типа potis и compos. Что касается других слов, то установить, являются ли они древними основами на согласную, не представляется возможным.

78. ИЗОЛИРОВАННЫЕ ОСНОВЫ

Перейдем теперь к рассмотрению нескольких одиноко стоящих или неправильных существительных. Сюда относятся: одна основа на -ī-: vīs (гр. ἴς); две основы на -ū-: sū-s (ср. гр. ὄς, умбр. sim из *sūm), grū-s; две на -ou-: bōs, bov-is, Juppiter, Jov-is (ср. гр. βούς, Ζεῦς), и слово с двумя основами: senex, senis.

Единственное число

Им., зват.	vīs	sūs	bōs	Juppiter	senex
Вин.	vīm	suem	bovem	Jovem	senem
Род.	(vis) ¹	suis	bovis	Jovis	senis
Дат.	(vī) ¹	suī	bovī	Jovī	senī
Отлож., оруд.	vī	sue	bove	Jove	sene

Множественное число

Им., зват.	vīrēs	suēs	bovēs		senēs
Вин.	vīrīs(-ēs)	suēs	bovēs		senēs
Род.	vīrium	suum	bovm	Jovm(?), Jove- rum(?) ²	senum
Дат., отлож., оруд.	vīribus	sūbus (suibus, sūbus)	būbus (bōbus)		senibus

а) Окончание именительного падежа в слове vī-s (основа *vī-) рассматривалось как принадлежащее основе; отсюда: vīs, vīrēs подобно glīs, glīrēs. Древняя форма вин. п. мн. ч. vīs встречается у Лукреция (II, 586; ср. у Присциана, II, 549, 10), причем он пользуется ею также и для именительного падежа (III, 265).

б) Suibus — дат.-отлож. п. мн. ч. от sūs — образован в соответствии с дат. п. ед. ч. suī по соотношению dicit: dicitibus; дат. п. sūbus — по аналогии с теми падежами, где гласная перед другой гласной сокращалась: sū-ēs, sū-um и т. д.; ср. гр. *ὄσι* вместо *ὄσι.

в) Bōs имеет основу на дифтонг *gwou-, как это видно из гр. βῶς³ и лат. род. п. bov-is. Фонетика свидетельствует о том, что bōs было заимствовано латинским языком из крестьянских говоров Италии. Фонетически, именительный падеж должен был бы быть *būs, однако он нигде не засвидетельствован (bus у Варрона, L. L., VIII, 74, является выдуманной формой). Bōs, повидимому, или представляет собой диалектное развитие дифтонга -ou-, или было образовано заново от древнего вин. п. *bōm, дорийск. βῶν,

¹ Эти два падежа почти не употребляются.

² Только у Варрона (L. L., VIII, 74): signa alios Jovm, alios Joverum...

³ Здесь имеется в виду звуковое соответствие, согласно которому начальный звонкий лабиовелярный гд, определяемый на основании соотношения др.-гр. βῶς и др.-инд. gāuś (ср. русск. гов.-ядина), отражается в латинском как v-, а в оскско-умбской группе как b-. (Прим. ред.)

умбр. *but*, который в свою очередь был заменен формой *bovet*, образованной в соответствии с *bov-is*. Род. п. мн. ч. *boverum*, встречающийся у Катона (*Agr.*, 62): *quot juga boverum, mulorum, asinorum habetis* и у Варрона (*L. L.*, VII, 74), происходит, возможно, от склонения *bovis (или *bover), *boveris*, ср. *anser, anseris*. *Bōbus* — диалектная форма с *ō* из дифтонга *-ou-*, форма латинского языка Рима — *būbus*.

г) *Juppiter* представляет собой форму звательного падежа, использованную в качестве именительного, и происходит из древнего *Jou-pater, в свою очередь восходящего к *Dieu-pater; ср. гр. *Ζεῦ πάτερ*, умбр. *Jupater*. Первая часть **dieu-* родственна слову *diēs* «день»; ср. гр. *Ζεῦς*, винительный падеж которого *Ζῆν* соответствует *diem* (см. § 89). *Juppiter* — это, собственно говоря, «Отец-день», и действительно, его иногда называли *Diespater* (*C.I.L.*, I², 568). От основы **Jov-*, первой части сложения, были образованы и прочие падежи: *Jov-em*, *Jov-is* и т. д.; ср. оск. *Diúveí*, умбр. *Juve* «*Jov*». В соответствии с род. п. *Jovis* был образован (по аналогии с *classis: classis*) и им. п. *Jovis*; ср. у Энния (*Ann.*, 62, 63):

*Juno, Vesta, Minerva, Ceres, Diana, Venus, Mars,
Mercurius, Jovis, Neptunus, Volcanus, Apollo.*

д) Слово, означавшее «старый, старик», имело в индоевропейском языке основу на *-o/e*; **seno-*, ср. скр. *sánañ* «старый», гр. *ἔνος*. Эта основа могла получить суффикс **-ko-*: скр. *sana-káñ* «старый», франк. *Sinigus*; именно этот суффикс и появляется в им. п. *senex* и в *senec-tūs*. В других падежах склонение претерпело влияние флексии *juvenis*, с которым *senex* образовывало пару¹. Возможно, что *senis*, *senem* и т. д. являются заменой древних форм основы на *-o/e-*: *senī, *senim и т. д.

79. ГРЕЧЕСКИЕ ИМЕНА

В греческих именах наблюдаются те же явления, что и в первом склонении. В древние времена латинский язык переносил на слова, заимствованные из третьего греческого склонения, свои собственные флексии, придавая им, таким

¹ В р у г м а н н, «*Arch. f. lat. Lex. u. Gramm.*», XV, стр. 1 и сл.

образом, латинский облик, однако не заботясь о том, чтобы разместить их по соответствующим группам. В большом количестве слов латинский именительный падеж был образован от греческого винительного; эти слова перешли в первое склонение:

ἀμφορεύς, м. р., вин. п. -ρέα > *ampora, -ae (ср. ampulla из *ampor-la), amphora, -ae, ж. р. (-ph- —ученое восстановление);

κρηπίς, ж. р., вин. п. -ῖδα > crepida, -ae, ж. р.;

λαμπάς, ж. р., вин. п. -άδα > lampada, -ae, ж. р.

И наоборот, названия городов рассматривались как основы среднего рода на -o/e-:

Ἀκράγας, м. р., вин. п. -αντα > Agrigentum, -ī, ср. р.;

Τάραξ, м. р., вин. п. -αντα > Tarentum, -ī, ср. р.

Собственные имена воспроизводят греческий именительный падеж:

Ἀχιλλεύς, дорийск. Ἀχιλλής > Achillēs, -is (-ī и -eī);

Ὀδυσσεύς, сицил. Οὐλιξής > Ulixēs, -is (-ī).

Имена среднего рода на -та в народном языке иногда воспринимались как имена женского рода первого склонения; отсюда sc(h)ema, -ae, glaucuma, -ae — женского рода у Плавта наряду с роēma, -atis. Имя собственное Antidamas также имеет род. п. Antidamae.

Существование родительных падежей на -is и на -ī объясняется наличием в греческом языке имен на -ης, -ους (типа Ἀριστοφάνης, -ους) и на -ης, -ου (типа Θεουκιδίδης, -ου). О других смещениях см. § 23.

Имена женского рода на -ώ, -οῦς типа Διδώ и мужского рода на -ῶν, -ῶντος, например Ἀντιφῶν, идут по склонению на ὄ, -ῶνem, за исключением Accheruns, -untis; у Ливия Андроника (фр. 16) имеется Calypsōnem. Однако, стремясь к сближению с греческой литературой, поэты конца республиканского периода ввели в латинский язык греческое склонение; в императорскую эпоху, как правило, греческие имена переносились в латинский язык без всяких изменений. Прочитируем по этому поводу мнение Квинтилиана (Inst. Orat., I, 5, 63—64):

Nunc recentiores instituerunt Graecis nominibus Graecas declinationes potius dare, quod tamen ipsum non semper

fieri potest. Mihi autem placet Latinam rationem sequi, quousque patietur decor. Neque enim jam «Calypsonem» dixerim ut «Junonem», quanquam secutus antiquos C. Caesar utitur hac ratione declinandi. Sed auctoritatem consuetudo superavit. In ceteris quae poterunt utroque modo non indecenter efferi, qui Graecam figuram sequi malet, non Latine quidem, sed tamen citra reprehensionem loquetur ¹.

80. В императорскую эпоху образуется полулатинское, полугреческое склонение, представляющее такое же смешение форм, как и в первом склонении.

Единственное число

Им., зват.	crāter	Sōcratēs	Calypsō
		Sōcrates, -ē	
Вин.	crātēra, -em	Sōcratem, -en	Calypsō
Род.	crātēros, -is	Sōcratis, -ī	Calypsūs
Дат.	crātēri	Sōcrati	
Отлож., оруд.	crātēre	Sōcrate	

Множественное число

Им., зват.	crātērēs
Вин.	crātērās
Род.	crātērum
Дат., отлож., оруд.	crātēribus.

Примечание. Некоторые имена на -is, -idis имеют звательный падеж на -ī: Parī, и винительный — на -idem, -im или -in: Paridem, Parim, Parin ср. Darēs, вин. п. Darēn, Darēta или Darētem. Поэты употребляют эти различные формы в зависимости от требований стиха. Все эти образования пьют совершенно искусственный характер.

¹ «У более поздних авторов вошло в обычай придавать греческим именам предпочтительно греческое склонение, но это не всегда осуществимо. Что касается меня, то я предпочитаю в меру возможного, с точки зрения красоты, латинскую флексию. Я не стал бы, конечно, говорить Calypsonem наподобие Junonem, хотя Гай Цезарь, следуя за древними, и пользуется этим способом склонения. Но обиход оказался здесь сильнее авторитета. В прочих же случаях, где можно выразиться и тем и другим способом, не нарушая красоты речи, — если кто-либо предпочтет пользоваться греческой схемой, то, хотя это и не будет подлинная латинская речь, она все же останется в границах безупречного».

Четвертое склонение

81. ОСНОВЫ НА -и-

Четвертое латинское склонение содержит основы на -и- мужского и женского рода (флексия у них одинаковая) и имена среднего рода. Имена прилагательные не входят в четвертое склонение, за исключением одного сложного слова, второй элемент которого *manus*: *anguimanus*, от которого мы находим винительный падеж множественного числа на *-ūs*, например у Лукреция (II, 537):

in genere anguimanus elephantos, India quorum.

Поскольку это склонение имело общие черты и со вторым и с третьим склонениями, оно подверглось влиянию как того, так и другого; этому благоприятствовало то обстоятельство, что четвертое склонение представлено лишь очень небольшим количеством слов. Таким образом, существование основ на -и- уже с самого начала литературной традиции находилось под угрозой, что и вызвало в конце концов их поглощение основами на -о/е-.

82. Приведем образец склонения:

Единственное число

Им., зват.	<i>fructus</i>	<i>tribus</i>	<i>cornū</i>
Вин.	<i>fructum</i>	<i>tribum</i>	<i>cornū</i>
Род.	<i>fructūs</i>	<i>tribūs</i>	<i>cornūs (cornū)</i>
Дат.	<i>fructuī</i>	<i>tribuī</i>	<i>cornuī (cornū)</i>
Отлож., оруд.	<i>fructū</i>	<i>tribū</i>	<i>cornū</i>

Множественное число

Им., зват., вин.	<i>fructūs</i>	<i>tribūs</i>	<i>cornua</i>
Род.	<i>fructuum</i>	<i>tribuum</i>	<i>cornuum</i>
Дат., отлож., оруд.	<i>fructibus</i>	<i>tribubus</i>	<i>cornubus (cornibus)</i>

Единственное число

Как видно из приведенной таблицы, склонение основ на -и- в точности соответствует склонению основ на -і-, за исключением родительного падежа единственного числа, имеющего *-ū-*, происходящее из древнего дифтонга *-ou-*: оск. *castrous* «*capitis* (?)», умбр. *trifor* из **trifous* «*tribūs*»

(см. § 10, п. 2 г и § 41). Согласно Светонию (Aug., 87), император Август пользовался в родительном падеже формой *domos*, которая предполагает диалектное развитие -о- из дифтонга -ои-.

Долгая гласная родительного падежа обозначалась иногда двумя и, например *conventuus* (C. I. L., II, 2416). Дателный падеж на -иī представляет, несомненно, окончание *ow-ei, *ew-ei: *manū* из *manow-ei. Кроме того, в поэзии употребляется также стяженный дат. п. *manū* по аналогии с *lurō* и *ovī* (см. § 88). Окончание отложительного падежа первоначально было -ūd; косвенное указание на это мы находим в форме *magistratuo* (S. C. de Vac.) вместо *magistratud*, допущенной по ошибке резчика.

83. Именительный, винительный и звательный падежи среднего рода. Появление долгой гласной в этих формах латинского языка, в особенности принимая во внимание гр. ἄστυ, объяснить трудно; впрочем, форма эта засвидетельствована слабо. *Genū*, *cornū* редко встречаются в единственном числе, еще реже в именительном и винительном падежах. Из 16 случаев употребления *cornū* у Вергилия оно 15 раз встречается в отложительном падеже. О долготе этой гласной свидетельствует лишь один ясный пример (Aen., I, 320):

nuda genū, nodoque sinus collecta fluentes,

где *genū* является винительным падежом отношения подобно *os humerosque deo similis* (Aen., I, 589). Можно предположить, что долгая гласная в *genū* обязана своим появлением нахождению ее на ритмически сильном месте стиха; с другой стороны, Вергилий употребляет *cornūbus* (Georg., I, 433):

pura, neque obtusis per caelum cornūbus ibit,

и *genūbus* (Georg., I, 433), что указывает на краткость конечной гласной основы. Показания грамматиков противоречивы: Присциан (G. L., II, 362 K), исходя из метрических соображений, утверждает, что *u* было долгим, в то время как другие авторы придерживаются обратного мнения. Отсюда можно заключить, что *u* этого окончания могло быть и долгим и кратким; возможно, что окончание на *ū* было первоначально окончанием собирательного имени типа индоевр. *rekū наряду с ед. ч. *rekū.

Впрочем, существительные среднего рода на *-ū-* встречаются очень редко, и еще с ранних пор обнаружилась тенденция к замене их дублетами на *-us* или *-um*: *cornus*, *-ūs* и *cornum*, *-ī*. Ср. у Овидия (*Metam.*, V, 383):

oppositoque genu curvavit flexile cornum;

у Варрона (*Menip.*, 141, галлиамбы):

Phrygius per ossa cornus liquida canit anima;

gelus, *-ūs* (Афраний, 106) и *gelum*, *-ī* (Лукреций, V, 205; VI, 156), *tonitrus*, *-ūs* (Лукреций, VI, 171) и *tonitruum*, *-ī*; *verum*, *-ī* (Плавт, *Rud.*, 1302—04).

84. Родительный и дательный падежи среднего рода. В классический период родительный и дательный падежи среднего рода, как и в основах мужского и женского рода, оканчивались на *-ūs* и *-uī*; однако в императорскую эпоху, начиная с Тита Ливия, дательный падеж на *-uī* был заменен формой на *-ū*. Родительный падеж на *-ūs* сохранялся дольше, но и он в свою очередь был заменен родительным падежом на *-ū*, и имена среднего рода на *-ū* стали в единственном числе как бы несклоняемыми словами. Против этого возражал грамматик Марциан Капелла (*G. L.*, III, 293 K), считавший, что правильное склонение — это *cornus*, *cornuī*. Впрочем, от основ среднего рода на *-i-* оставались в это время лишь отдельные следы.

Множественное число

85. Именительный и винительный падежи. Смещение этих падежей — недавнего происхождения. Первоначально именительный падеж оканчивался на *-es*: *manues (или *manuis) из *maneu-ēs, ср. гр. *πῆγυες*, дорийск. *πᾶγυες(F)-ες*; но позднее он был преобразован по винительному падежу: *manūs* из *manu-ns, ср. крит. *μνο-υς*, по аналогии с согласными основами третьего склонения. Тождественность им. п. *hominēs* и вин. п. *hominēs* повлекла за собой и тождественность им. п. *manūs* и вин. п. *manūs*.

86. Родительный падеж. Наряду с *-um* (из *i-ōm, *i-om) в этом падеже встречается и несколько форм на *-um*: *currum* (Вергилий, *Aen.*, VI, 653), *manum*

(там же, VII, 490), *passum* (Плавт, Мен., 177). Последние формы образовались или по аналогии с родительным падежом на *-um* основ на *-o/e-*: *passum* и т. д., или же в соответствии с *manibus* согласно типу *regum: regibus*.

87. Д а т е л ь н ы й и о т л о ж и т е л ь н ы й падежи. Образование этих падежей происходит путем прибавления окончания *-bus* из **-bhos* к основе; отсюда: *manibus*, *corpibus*. В срединном слоге *u* превратилось в звук, средний между *u* и *i*¹, который обозначался то *u*, то *i*, что вызвало в республиканский период колебание между *-ūbus* и *-ibus*. Для некоторых слов засвидетельствовано только окончание *-ibus*: *arcus*, *quercus*, *tribus*. Грамматики считают правильными написания: *arcibus*, *artibus*, *partibus*, что помогает различать эти формы от дат.-отлож. п. мн. ч. *argh*, *ars*, *pars*. В период империи восторжествовало окончание *-ibus*.

88. Как вкратце уже сообщалось, у авторов уже с начала письменной традиции наблюдалось стремление к образованию от основ на *-u-* родительного падежа на *-ī* по образцу *dominus: domīnī*. Сюда относятся: *aestus*, *aspectus*, *cestus*, *exercitus*, *fētus*, *fluctus*, *fructus*, *gelu*, *gemitus*, *luctus*, *partus*, *piscātus*, *portus*, *quaestus*, *senātus*, *sonitus*, *specus*, *strepitus*, *sumptus*, *tumultus*, *victus*. Возникновению этого окончания благоприятствовало то обстоятельство, что некоторые существительные еще в индоевропейский период имели одновременно как основу на *-o/e-*, так и основу на *-u-*. Таково, например, слово *domus*: основа на *-o/e-* — в скр. *dāmañ*, гр. *δομος*, основа на *-u-* — в ст.-слав. *домъ* и в производном скр. *dāmīnas* «домашний». В латинском склонении также воспроизведены эти колебания.

	Единственное число	Множественное число
Им., зват.	<i>domus</i>	<i>domūs</i>
Вин.	<i>domum</i>	<i>domōs, domūs</i>
Род.	<i>domūs, domī</i>	<i>domōrum, domuum</i>
Местн.	<i>domī</i>	} <i>domibus</i>
Дат.	<i>domuī, domō</i>	
Отлож., оруд.	<i>domō, domū</i>	

Кроме того, получил развитие и другой родительный падеж—на *-uīs*, возникший по аналогии с родительным

¹ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 15, п. 4.

падежом основ третьего склонения *duc-is*, но встречающийся только у некоторых архаических авторов (у Плавта никогда), а также в италийских диалектах с чередованием гласной в окончании *-os*: фалиск. *zenatuo*, ср. *senatuos* «*senātūs*» (S.C. de Vac., C.I.L., 1^a, 581). По свидетельству Авла Геллия (4, 16, 5), Варрон и Нигидий не употребляли других форм; Ноний в разных местах кн. VIII приводит из Варрона формы: *anuis*, *domuis*, *exercituis*, *frūctuis*, *graduis*, *partuis*, *rituis*, *senātuis*, *victuis*.

Что касается дательного падежа, то наряду с обычным дательным на *-ī* образовался и дательный падеж на *ū*, который, согласно Авлу Геллию (цит. место), употреблялся Цезарем: *non omnes concedunt in casu dativo «senatui» magis dicendum quam «senatu»...* C. enim Caesar gravis auctor linguae Latinae in Anticatone: «*unius*», inquit, «*arrogantiae superbiae dominatūque*». Item in *Dolabellam actionis I lib. I*: «*isti quorum in aedibus fanisque posita et honori erant et ornatu*». In libris quoque analogicis omnia istiusmodi sine *i* littera dicenda censet¹. Вергилий употребляет дат. п. *amplexū*, *concupitū*, *currū*, *metū*, *portū*, *sinū*.

Обычно этот дательный падеж на *-ū* объясняется как древний местный падеж на *-ūi*, что мало удовлетворительно как с точки зрения фонетики, так и с точки зрения семантики. Скорее здесь имеет место стремление грамматиков привести к равносложности склонение основ на *-i*. Во всех остальных склонениях латинского языка родительный и дательный падежи имеют равное число слогов, и только *senātūs*, *senātūi* является исключением. Дат. п. *senātū*, как и род п. *senātuis*, представляет собой попытку приблизиться с разных сторон к одной и той же цели: *senātūs* влечет за собой *senātū*, подобно тому как *senātūi* влечет за собой *senātuis*. Все это говорит о неустойчивости и нежизненности этого склонения.

---

¹ «Не все согласны с тем, что в дательном падеже лучше говорить *senatui*, чем *senatu*. Так, Гай Цезарь, серьезный авторитет в латинском языке, употребляет в своем „Антикатоне“: *dominatu*. И далее, в первой книге первой сессии против Долабеллы: *ornatu*. Также и в трактате об аналогии он высказывает мнение, что во всех подобных случаях не следует употреблять букву *i*».

Пятое склонение

§ 89. ОСНОВЫ НА -ē-

В пятое склонение входят главным образом производные существительные женского рода, образованные при помощи суффиксов *-уē- и *-it-уē-: *cānitīēs*, *luxuriēs*, *māteriēs*, *speciēs* (производное от основы **spek-*, которую мы находим в *au-spek*), *temperiēs* (от основы **tempes-*, которую мы имеем в *tempes-tas*) и т. д., причем суффикс *-уē- имел чередующуюся с ним форму *-уā-, давшую латинские дублеты *cānitia*, *luxuria*, *māteria* и т. д. (большинство этих существительных — отвлеченные имена).

Кроме того, в пятом склонении встречается также несколько корневых слов, которые в результате аналогических или фонетических воздействий слились с основами на *-уē, например *dīēs*, образованное по аналогии с вин. п. *dīēm, ср. скр. *dyām*, гр. Ζήν; основа именительного падежа была **dī(y)ēu-*, ср. скр. *dyāuñ* и гр. Ζεύς. Следы древней флексии вскрываются в выражениях: *nudiūs tertius* «третьего дня» (**nu-*, ср. *nunc*), где *dīūs—им. п.; *noctū diusque*, где *dīus*—древний род. п., ср. гр. Δι(F)ύς, скр. *divāñ*, а также в наречии *dīū* «днем» — древнем местн. п. из *dīēu.

Сюда же относятся: *rēs* из *rēis, образованное по аналогии с вин. п. *rem*, ср. скр. *rām*, где *i* перед конечным *m* выпало как второй элемент дифтонга с первым долгим элементом; *spēs*, древняя основа на -s-, ср. мн. ч. *spēgēs*. При этом некоторое количество древних основ на -i- типа *clādēs* вследствие сходства их именительного падежа с именительным падежом пятого склонения колеблется между третьим и пятым склонениями: *plēbēs*, древнее склонение которого должно было быть *plēbēs*, *plēbis* и которое расщепилось на *plēbēs*, -*bei* и *plebs*, *plebis*; *famēs*, -*ī* (и -*is*), отлож. п. *famē*; *tabēs*, отлож. п. *tabē*, и *fidēs*. Наконец, в пятое склонение входит и древняя основа на -i-: *quiēs* из *quiētis (ср. др.-перс. *šiyātiš*¹), род. п. *quiētis*, имеет вин. п. *quiēm* и отлож. п. *quiē*, встречающиеся главным образом в формах сложного слова *requiēm*, *requiē*. Все слова этого склонения—женского рода, за исклю-

¹ š обозначает шипящий звук, средний между с и ш.

чением *diēs*, имеющего оба рода¹, и сложного с ним слова *perīdiēs* — мужского рода; во множественном числе употребляются только *rēs* и *diēs*.

Единственное число

Им., зват.	<i>diēs</i>	<i>rēs</i>
Вин.	<i>diem</i>	<i>rem</i>
Род.	<i>diēt, diei</i>	<i>reī, rei</i>
Дат.	<i>diei</i>	<i>rei</i>
Отлож., оруд.	<i>diē</i>	<i>rē</i>

Множественное число

Им., зват., вин.	<i>diēs</i>	<i>rēs</i>
Род.	<i>diērum</i>	<i>rērum</i>
Дат., отлож., оруд.	<i>diēbus</i>	<i>rēbus</i>

90. Именительный падеж. Именительный падеж оканчивается на *-s*: *māteriē-s* и т. д.

91. Родительный падеж. В архаическом языке родительный падеж основ на *-iē-* оканчивался на *-ēs*, что соответствовало родительному падежу на *-ās* основ на *-a-*; он встречается у Лукреция (IV, 1075), в подражание Эннию:

quodcumque est, rabies unde illaec germina surgunt.

Однако под влиянием родительного падежа основ на *-o/e-*, как и в первом склонении, прежнее окончание *-s* очень рано заменилось окончанием *-ī*: *diēt, faciēt*, которое в порядке того же процесса, что и в первом склонении (см. § 16), затем видоизменилось: **-iēt, -iēt, -iēi, -iī*.

По свидетельству Авла Геллия (N. A., IX, 14), грамматики его времени требовали формы родительного падежа на *-iēi*, и именно эта форма и была наиболее употребительна. Однако, согласно его сообщению, наряду с нею в республиканскую эпоху писатели употребляли и родительный падеж на *-iī*: *diī, faciī, aciī, progeniī, luxuriī, speciī, perniciī*; последнее мы встречаем у Пакувия и Цицерона (*pro S. Roscio*, 131):

quorum nihil pernicii causa divino consilio, sed vi ipsa ac magnitudine rerum factum putamus

(в рукописях Цицерона находим *pernicie*).

¹ Встречающихся совместно, например, в одной и той же фразе из *Lex Repet.* (C. I. L., I², 198, l. 63): *ubi ea dies venerit, quo die iusei erunt adesse «ubi ea dies venerit, quo die iussi erunt adesse».*

С другой стороны, Цезарь в своем трактате об аналогии (Авл Геллий, там же) учил, что родительный падеж основ на -iēs должен оканчиваться на -iē:

sed C. Caesar in libro de Analogia secundo «hujus die»
et «hujus specie» dicendum putat¹.

Невозможно установить, произошла ли эта форма фонетически из *diēi с сокращением конечного i и потерей второго элемента дифтонга с первым долгим элементом (см. § 17 — дат. п. Fortūnā), или же это форма, образованная по аналогии, которой Цезарь заменил diī, чтобы восстановить во всей парадигме ē именительного падежа. Во всяком случае, этот родительный падеж появляется в текстах, и Авл Геллий цитирует Саллюстия (Jug., 97, 3):

decima parte die reliqua.

Таким образом, родительным падежом от diēs могли быть: diēs (Энний, A., 413);

diēi (Вергилий, Aen., IX, 155): nunc adeo, melior
quoniam pars acta diēi;

diei, diī (там же, I, 636): munera laetitiamque dii;
diē (он же, Georg., I, 208): Libra die somnique pares
ubi fecerit horas.

В основах на -ē- положение такое же. Родительный падеж от rēs появляется у Плавта в форме rēi (ср. пример, приведенный в § 16), которая встречается и у Лукреция (II, 548):

corpora jactari unius genitalia rēi.

Точно так же в конце стиха Лукреций употребляет fidēi (V, 102):

nec jacere indu manus, via qua munita fidei.

Однако у Плавта встречаются также формы: rēi (Men., 494, ямбический сенарий):

adulescens, quaeso, quid tibi mecum est rēi?

¹ «Гай Цезарь во второй книге трактата «Об аналогии» полагает, что надлежит говорить hujus die и hujus specie».

rei (Pers., 65, ямбический сенарий):

nam publicae reī causa quicumque id facit

и, наконец, форма rē (Trin., 38, ямбический сенарий):

remoramque faciunt re privatae et publicae.

См. также у Теренция (Heaut., 830, ямбический сенарий):

quid re (элидировано) esset dixti huic? — dixt pleraque omnia.

В двусложных словах родительный падеж на -ē типа rē, повидимому, не засвидетельствован; однако встречается форма на -ī: famī (Катон, Луцилий у Авла Геллия, цит. место), fidī, plebī, например: fidi fiduciae causa (C. I. L., II, 5042), lege plebive scito (C. I. L., I², 582, l. 16; lex Bantina). Скандовка fidēt, повидимому, впервые встречается у Манилия (II, 605).

92. Д а т е л ь н ы й падеж. В основах отвлеченных имен на -iē примеры дательного падежа очень редки. В поэзии он почти не употреблялся, почему и ссылаться на ее свидетельство мы не вправе; в прозе же и в разговорном языке обычной формой дательного (как и родительного) падежа в словах типа māteriēs было māteriae.

У других имен дательный падеж имел окончание -ei или -ē. Согласно Авлу Геллию (IX, 14, 21), последнюю форму употребляли юристы:

in casu dandi qui purissime locuti sunt, non «faciei» sed «facie» dixerunt¹.

В противоположность родительному падежу, этот конечный элемент у древних поэтов (Плавта, Энния) был, повидимому, односложным (ср. различие между родительным падежом на -āī и дательным на -āī в первом склонении). Так, у Плавта мы находим: die (Amp., 276), reī или rē (Amp., 674, с элизией; Merc., 300; Trin., 757, конъектура, не вызывающая сомнений), fidē (Pers., 193, с элизией; Poen., 890; Trin., 117, 142); ср. (Poen., 810, ямбический сенарий):

quando id quoī r(ei) operam dedimus, id impetravimus.

¹ «Авторы, отличавшиеся наибольшей чистотой речи, говорили в дательном падеже не faciei, а facie».

И только у Лукреция мы находим двусложный дат. п. *gēt*, сходный с родительным (I, 688; II, 236) и двусложный дат. п. *aquai* (I, 453). После него Гораций пишет *gēt* (*Carin.*, III, 24, 64), но *fidē* (*Serm.*, I, 3, 95), Сенека (*Phaedra*, 131) — *spēt*; у Манилия мы имеем *diēt* (V, 699) и *fidēt* (III, 107). В императорскую эпоху грамматики учили, что дательный падеж оканчивается на *-ei*, которое в надписях иногда встречается с долгой иотой: *fidei* (*C.I.L.*, VI, 148)¹.

93. Отложительный падеж. Этот падеж оканчивается на *-ē(d)* по аналогии с отложительным падежом на *-ō(d)* основ на *-o/e-*, причем конечное *-d* всюду отпало; след его сохранился, повидимому, в фалискском наречии: *foied* «*hodie*».

Множественное число

94. За исключением *diēs* и *rēs*, множественное число имен на *-iēs* и *-ēs* встречается очень редко (несколько примеров на *faciēs*, *speciēs*), причем отвлеченные имена во множественном числе вообще не употребляются. Некоторые заимствуют свое множественное число у первого склонения: так, мн. ч. от *intemperīēs* — *intemperīae*. У Энния мы находим им. п. мн. ч. *spērēs* (*Ann.*, 429):

spero, si speres quicquam prodesse potissunt

наряду с им. п. мн. ч. *spēs* у Плавта (*Rud.*, 1145). Возможно, что *spērēs* является правильным именительным падежом множественного числа древней основы на *-s-* с нулевым суффиксом **spēs-*, род. п. **spēr-is*, которую мы находим также в *spēr-āge* из **spēs-āsī* и которая была введена в состав пятого склонения.

95. а) Именительный и винительный падежи. Именительный падеж на *-ēs* образовался из слияния гласной основы *-ē-* с окончанием **-ēs*: *rēs* происходит из **rē(y)-ēs* и т. д. Винительный падеж отражает **-ē-ns* > *-ēs*. Мн. ч. *diēs* образовано по аналогии с *rēs*: следовало бы ожидать **diēv-ēs* > **joves* или **dioves*.

б) Родительный, дательный и отложительный падежи. Множественное число этих паде-

¹ Lindsay, The dative sing. of the fifth Decl. in Latin, «*Class. Rev.*», X, стр. 424 и сл.

жей представлено только словами: *diērum* и *rērum*, образованными по аналогии с основами на -а- и -о/е-, и *diēbus*, *rēbus*. Правда, Присциан приводит еще (G. L., II, 368 K) род. п. *faciērum*, якобы употребленный Катонам, однако Цицерон (Торика, II, 30) отрицает возможность употребления форм типа *spēciērum* и *spēciēbus*, а Квинтилиан вообще уже не знает множественного числа от *spēs*: *quid plurali «spes» faciet?* (Inst. Orat., I, 6, 26).

Кроме того, по аналогии с дательным-отложительным падежом на -bus грамматики образовали родительный падеж на -um: *spēciem*. Однако этот тип родительного падежа не встречается ни у авторов, ни в языке надписей и представляет собой лишь умозрительную и искусственную попытку упорядочить склонение по образцу *classium*: *classibus*.

Примечание. Сосуществование основ на *-ia- и *-iē- имело своим следствием сохранение лишь первого типа; в результате пятое склонение почти полностью исчезло из народного языка, хотя отдельные следы его и сохранились в романских языках: исп. *baz* восходит к *faciēs*; наоборот, франц. *face*, *glace*, итал. *faccia*, *ghiaccia* представляют **facia*, **glacia*, заменившие *faciēs*, *glaciēs*.

Имена прилагательные

Положительная, сравнительная и превосходная степени

96. Склонение прилагательных, как уже указывалось, не имеет собственных форм и сливается со склонением существительных. В положительной степени прилагательные подразделяются на три группы: 1) прилагательные, примыкающие к основам на -о/е- (мужской и средний род) и на -а- (женский род): тип *bonus*, -а, -um; *pulcher*, -chra, -chrum; *liber*, -era, -erum; 2) прилагательные, примыкающие к основам на -i-: тип *fortis*, -e; *acer*, -acris, -ācre; *audāx*, *supplex*; 3) прилагательные, идущие по склонению основ на согласную: тип *inops*, *quadripēs*. Отличительной чертой латинского языка является стремление устранить в прилагательных различие мужского и женского рода. Оно сохраняется только в первой группе; типы *fortis* и *inops* его уже не знают; выше мы видели, насколько искусственно и непостоянно это различие и в типе *acer*. Характерным новшеством является здесь то, что гр. *βαρῦς*, *βαρεια* латинский язык противопоставляет *gravis* — форму женского

рода, восходящую к *grā-w-is¹, которая и стала общей для мужского и женского рода; гр. ἡδύς (из *σFādus), ἡδέϊα противостоит лат. suāvis, соответствующему по форме скр. ж. р. svādvī; гр. φέρων (из *φερων), φέρουσα (из *φερον-уā) соответствует ferēns, происшедшему из м. р. *ferent-s и *ferentis—древней формы женского рода², которую можно сравнить со скр. bhārantī. Употребление суффикса *-ī- при образовании прилагательных привело к устранению различия между мужским и женским родом как в большом количестве прилагательных, так и во всех причастиях настоящего времени.

О смешении мужского и среднего рода см. § 2, п. б.

97. Особенностью прилагательного является возможность образовывать степени сравнения. Сравнительная степень выражает превосходство лица или вещи над другим лицом или вещью; превосходная степень или выражает то же отношение между несколькими лицами или вещами (относительная превосходная степень), или же указывает на то, что какой-либо предмет обладает очень высокой степенью качества, выраженного прилагательным (абсолютная превосходная степень). Эти идеи сравнительной и превосходной степени передаются в латинском языке особыми суффиксами, прибавляемыми к корню прилагательного. Не имеют специальных форм: сравнительная и превосходная степени недостаточности, а также экватив, т. е. сравнительная степень равенства (последняя имеет свою форму, например, в ирландском языке); они выражаются при помощи наречий: minus, minimē, tam.

98. Сравнительная степень. В латинском языке суффиксом сравнительной степени первоначально было *-уōs-, которое появляется также и в аттическом наречии в винительном падеже мужского рода множественного числа: ἡδίω, ἡδίωος из *σFādīyos-α, *σFād-īyos-ες. Этот суффикс прибавлялся некогда не к основе соответствующего прилагательного, но непосредственно к корню; ср. ἡδ-ίω наряду с ἡδύ-ς. Некоторые следы этого древнего состояния сохранились и в латинском языке; наиболее очевидный случай — major из *mag-уō-s наряду с magnus из

¹ Знак э передает редуцированную гласную неопределенного звучания.

² См. прим. к стр. 79.

*mag-po-s; ср. гр. μαζω из *μεγ-υος-α наряду с μέγα-ς. Сюда же относятся: *nēquior*, *propior*, *senior* наряду с *nēquam*, *propinquus*, *senex*. Но в общем основа положительной степени прилагательного распространилась и на сравнительную степень.

Необходимо отметить, что во всех падежах, кроме именительного, суффиксальное -s- в положении между гласными озвончалось (изменялось в r): род. п. -iōr-is и т. д., причем форма *-iōr распространилась по аналогии и на именительный падеж мужского и женского рода, где она подверглась сокращению подобно *arbōr*. И только в им.-вин. п. ср. р. ед. ч. -ius, из *-yōs, сохранилось конечное -s.

Однако мы находим некоторые следы и древних форм; так, Варрон (L. L., VII, 27) дает *meliosem*; в сокращении Феста имеются *majosibus*, *meliosibus*¹; в Пренесте имена собственные *Maio*, *Mino* (C. I. L., XIV, 3299 и 3166) восходят к *Maiōs, *Minōs с отпадением конечного -s.

В классическую эпоху формы сравнительной степени представлены следующим образом:

<i>altus</i>	<i>altior</i>	<i>altius</i>
<i>pulcher</i>	<i>pulchrior</i>	<i>pulchrius</i>
<i>fortis</i>	<i>fortior</i>	<i>fortius</i>
<i>ācer</i>	<i>ācrior</i>	<i>ācrius</i>
<i>ātrōx</i>	<i>ātrōcior</i>	<i>ātrōcius</i>
<i>prūdēns</i>	<i>prūdentior</i>	<i>prūdentius</i>

Кроме того, мы находим у Присциана такие формы среднего рода, как *prior*, *posterior*, употребляемые архаическими историками: *bellum prior*, *posterior*. Они созданы, очевидно, по аналогии с такими именами среднего рода, как *marmor*, *aequor*, или же образовались от род. п. *prīōr-is*, *posteriōris*. Однако эти очень редко встречающиеся формы не привились в языке.

П р и м е ч а н и я: 1. Помимо приведенных форм образования сравнительной степени, латинскому языку был известен еще суффикс *-erс-², *-tero- (и *-trс-), выражавший противопоставление двух пред-

¹ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 47.

² Правильнее было бы говорить не об «утере» значения сравнительной степени в суффиксе -erс-, а о неиспользовании его в этом значении, более позднем, чем те, в которых он употребляется в латинском языке. (Прим. ред.)

метов друг другу; ср. гр. ἀριστερός «sinis-ter», δεξιτέρος «dex-ter», ὑπερός «sup-er-us». Этот суффикс играл очень значительную роль в греческом языке. В латинском языке он удержался: 1) в некоторых прилагательных, обозначавших место и время: inferus «нижний», противопоставляемое superus, оск. supruis «superis»; exterus, dexter, sinister; posterus, оск. pústrei «in posterō», умбр. postra «posteriōrēs»; 2) в местоименных прилагательных alter «один, второй из двух», оск. altram «alteram», ср. гр. ἕτερος, умбр. etram-a «alteram»; uter «который из двух», оск. им. п. мн. ч. pútúrúspid «utrique», гр. πότερος; poster «наш» (в соотношении с тем, что принадлежит другому); vester «ваш» (в соотношении с тем, что принадлежит нам), ср. гр. ἡμέτερος, ὑμέτερος. Кроме того, этот суффикс встречается также в существительных magister, ср. умбр. mestru «major»; minister, оск. minstreis «minōris». Однако латиняне уже не ощущали значения этого суффикса, как это видно из того, что, создавая сравнительные степени exterior, inferior, superior, они нагромождали в одной и той же форме два суффикса сравнительной степени. *Interus было заменено interior в соответствии с гр. ἑντερο v.

2. Minor, собственно говоря, не является сравнительной степенью. Значение «меньшего» получено этим словом из его корня *mini-, означающего «уменьшать, ослаблять»; ср. minuō. Minor, minus стало служить сравнительной степени к parvus по аналогии с major, majus.

3. Сравнительная степень первоначально имела лишь усилительное значение (см. § 5, п. е), например senior, означавшее вначале «особенно старый». Такое значение сохранилось в формах сравнительной степени, употребляемых без дополнения: homō doctior «человек особенно ученый, очень ученый» и т. д.

99. Превосходная степень. Общей характерной чертой всех форм превосходной степени в латинском языке является суффикс *-mo-; он может или употребляться самостоятельно, или же присоединяться к другим суффиксам; так, мы имеем *-o-mo, *so-mo, *to-mo, *is-so-mo.

1. Суффикс *-mo-:

ī-mus, оск. imad-en «ab-īmō»
 primus из *prīs-mo-s, ср. пелигн. prismi «prima»
 summus из *sup-mos, умбр. somo «summum»
 extrēmus
 postrēmus
 suprēmus

Последние три слова образованы от форм орудийного падежа: *extrē-, *postrē-, *suprē-, ср. certē. Возможно, что сюда же относится и minimus из *minu-mo-s, хотя это слово можно рассматривать и как *min-omo-s подобно *mag-so-mo-s > māximus.

2. Суффикс *o-mo-¹:

infimus из *inf-o-mos, скр. adhamāñ

3. Суффикс *so-mo-:

maximus, maximus из *mag-so-mo-s

pessumus, pessimus из *ped-so-mo-s

proximus, proximus из *proq-so-mo-s

Наречие *prope* произошло несомненно из *proque благодаря ассимиляции лабиовелярной гуттуральной с начальным *p-*.

В глоссах встречается также превосходная степень наречия *oximē* «*ocissimē*» (P.F., 211 L); у Плавта — *medioximus* (Cist., 512, трохеический септенарий):

at ita me di deaeque, superi atque inferi et medioximi,

шутливое образование от *mediocris* по образцу *maximus*.

В результате поглощения краткой гласной предшествующим *r* (см. § 26, п. в, и § 66) *pulcro-so-mo-s, *aceri-so-mo-s превратились в **pulcr̄-so-mo-s*, **acr̄-so-mo-s*, откуда *pulcerso-mo-s, **acer̄-so-mo-s* и в дальнейшем, вследствие ассимиляции группы *-rs-* в *-rr-* и перехода *o* в *i* в срединном слоге², в *pulcerrimus*, *acerrimus*. Точно так же *facil-so-mo-s дало *facillimus*:

acerrimus

gracillimus

miserrimus

humillimus

pauperrimus

simillimus

П р и м е ч а н и я: 1. Превосходная степень *veterrimus* от *vetus* образована по им. п. *veter* (об образовании его см. § 62, п. 1); возможно, что здесь имело место, кроме того, аналогическое воздействие со стороны *pauperrimus*: *veterrimus* относилось к *veteris*, *veterī* так же, как *pauperrimus* к *pauperis*, *pauperī*. Впрочем, *vetus* чаще всего занимает превосходную степень у своего производного *vetustus*: *vetustissimus* имеет в сравнительной степени только *vetustior*; *veterior не засвидетельствовано.

¹ Предлагаемая здесь вокализация *ó*, первого элемента в суффиксах *-o-mo-*, *-so-mo-*, *-to-mo-*, является произвольной; латинское *ī* в открытом срединном слоге может восходить к любому краткому гласному. (Прим. ред.)

² Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, §§ 80 и 15, п. г.

2. В некоторых прилагательных на -li-, -ri- и -go- по аналогии восстановлен наиболее обычный суффикс *-issimo-. Эний употребляет *celerissimus* (Ann., 505):

exin per terras postquam celerissimus rumor.

В классическую эпоху известны лишь *pobilissimus*, *utilissimus*. Впрочем, из прилагательных на -ilis- лишь немногие употребляются в превосходной степени.

4. Суффикс *-to-mo-:

<i>citimus</i>	<i>optimus</i>
<i>dextumus, dextimus</i>	<i>postumus</i>
<i>extimus</i>	<i>sollistimus</i>
<i>intimus</i> , скр. <i>ántamah</i>	<i>ultimus</i> , оск. <i>últiamam</i> « <i>ultimam</i> »

Соотносительные с этими словами формы положительной и сравнительной степеней в большинстве случаев сохранились лишь в наречиях или предлогах: *cis, citrà, ex, intrā, intrō, post, uls, utrā, ultrō*.

Этот же суффикс встречается также в *finitimus* «сопредельный, соседний», *maritimus, quotumus*, ср. скр. *kata-máh*, «который».

5. Суффикс *-is-so-mo-:

altissimus из **alt-is-so-mo-s*
fortissimus
ātrōcissimus
prudentissimus

Из всех латинских суффиксов превосходной степени наиболее распространен последний.

100. Неправильные сравнительная и превосходная степени. а) Выше нами были изучены случаи *major, maximus, pēquior, propior, senior*. В качестве неправильных форм можно назвать:

<i>dīves</i>	<i>dītior</i>	<i>dītissimus</i>
<i>juvenis</i>	<i>jūnior</i>	(превосходной степени нет)

причем *dītior* и *jūnior* являются синкопированными фор-

мами от *dīvitior, *juvenior¹. В позднюю эпоху полные формы были восстановлены:

frūgī   frūgālior   frūgālissimus,

где положительная степень является формой существительного, употребляемой как прилагательное².

В других случаях сравнительная и превосходная степени образуются от наречий. К числу их, помимо рассмотренных ранее, относятся также:

prī   prior   prīmus (см. § 99)
dē   dēterior   dēterrimus

Вовсе не имеет положительной степени dōcior, dōcissimus.

б) Сложные прилагательные на -dīcus, -fīcus, -volus образуют сравнительную и превосходную степени на -entior, -entissimus так, как если бы их второй элемент был причастием на -ēns. Однако эти формы имеют и дублиеты: maledīcus и maledīcēns, malevolus и malevolēns, например у Плавта (Merc., 410, трохеический септенарий):

atque, ut nunc sunt maledīcentes homines, ichori meae;

(Capt., 583, трохеический септенарий):

est miserorum ut malevolentes sint atque inuideant bonis.

Итак, мы имеем:

maledīcus	maledīcentior	maledīcentissimus
malevolus	malevolentior	malevolentissimus
magnīficus	magnīficientior	magnīficientissimus

Однако Катон употребляет beneficissimō: rēge optimō atque beneficissimō (Иордан, 43, 3) и magnīfīcior, mūnīfīcior, magnīfīcissima.

---

¹ Предположение, что jūnior образовано от редуцированной основы *jūp-, чередовавшейся в индоевропейском языке с juven-, не обоснованно. Jūnior относится к juvenior так же, как jūpīx к juvenīx.

² Frūgī «годный, дельный» — застывший дательный падеж; frugi esse—«быть в плод», т. е. на пользу; отсюда употребление его в качестве прилагательного; homo frugi. (Прим. ред.)

Засвидетельствованная в надписях форма *pienitissimus* образована по аналогии с *benevolentissimus*.

в) И наконец, некоторые прилагательные заимствуют сравнительную и превосходную степени у основ, отличных от основы положительной степени:

<i>bonus</i>	<i>melior</i>	<i>optimus</i>
<i>malus</i>	<i>pejor</i> (произносится <i>pejor</i>)	<i>pessimus</i>
<i>multus</i>	<i>plūres</i>	<i>plūrimus</i>
<i>parvus</i>	<i>minor</i>	<i>minimus</i>

Однако все эти явления относятся скорее к лексике, чем к морфологии.

101. Описательная сравнительная и превосходная степени. Некоторые прилагательные не имеют сравнительной и превосходной степеней. Сюда относятся те, у которых конечной гласной основы предшествует другая гласная (типы на *-eus*, *-ius*, *-uus*). В этих случаях латинский язык употребляет описательные формы, образованные с помощью наречий *magis* и *maximē*, которые ставятся перед прилагательными в положительной степени:

<i>idōneus</i>	<i>magis idōneus</i>	<i>maximē idōneus</i>
<i>dubius</i>	<i>magis dubius</i>	<i>maximē dubius</i>
<i>arduus</i>	<i>magis arduus</i>	<i>maximē arduus</i>

Прилагательные на *-quos*, *-quus*, где *u* в сочетании *-qu-* является согласной и не образует слога, имели ранее, как правило, *-quior*, *-quissimus*: *antiquior*, *antiquissimus*. Однако у архаических авторов мы находим и такие восстановленные по аналогии формы сравнительной и превосходной степеней, как *arduius*, *strenuius*, *egregiissima*, *innoxiōrem*, *strenuissimus*, *perpetuius*; в императорскую эпоху — *piissimus*.

Позднее (но еще с давних пор) описательные образования распространились на прилагательные, имевшие и суффиксальные степени сравнения. Кроме того, наряду с *magis* стало употребляться наречие *plūs*; так, у Энния (*Scen.*, 308) мы находим: *plūs miser sim*. В романских языках употребление описательных степеней сравнения, как сравнительной, так и превосходной, стало

общим правилом; при этом одни языки пользуются здесь plūs, другие — magis: франц. plus beau, итал. più bello, но исп. mas hermoso, португ. mais formoso.

102. Сравнительная и превосходная степени наречий. В качестве сравнительной степени наречия используют средний род сравнительной степени соответствующего прилагательного; в качестве превосходной степени — форму орудийного падежа на -ē превосходной степени прилагательного:

altē	altius	altissimē
miserē	miserius	miserrimē
fortiter	fortius	fortissimē
ācriter	ācrius	ācerrimē
tūtō	tūtius	tūtissimē
benē (из benē)	melius	optimē
malē (из *malē)	pejus (pejjus)	pessimē
multum	magis (или plūs)	maximē
parum	minus	minimē

Magis, сравнительная степень от multum, также является средним родом, образованным от основы *mag-, к которой была прибавлена редуцированная форма *-is- суффикса *-yes-, чередовавшегося в индоевропейском языке с *-yos-. Точно так же и plūs, повидимому, восходит к *plō-is: ploeres «plūrēs» (у Цицерона, De Leg., III, 3, 6) и ploirume «plūrimū» (C.I.L., I², 9) из *ploisomoi. Если это предположение правильно, то форма plous в S.C. de Vas. (C.I.L., I², 581) представляет собою ложноархаистическое написание¹.

В diūtius, diūtissimē, сравнительной и превосходной степенях от diū, происхождение t неясное. Возможно, что оно было заимствовано у суффикса -tinus или -turnus, который мы находим в словах diūtinus, diūturnus, в целях сделать эту форму возможной для произношения (произнесение *diuius почти невозможно).

¹ Plous могло бы быть промежуточной формой между *plōis и plus (oi > ou > ū); однако и самое *plōis неясно по своему происхождению. (Прим. ред.)

Местоимения

103. С морфологической точки зрения, латинские местоимения подразделяются на две большие группы: 1) указательные, относительные и вопросительно-неопределенные и 2) личные, причем обе эти группы не соприкасаются друг с другом.

Местоимения первой группы следуют в своем склонении основам на -о/е- для мужского рода и основам на -а- для женского. Этим они приближаются к склонению существительных, чем и объясняется взаимное аналогическое влияние именного и местоименного склонений. Кроме того, местоимения имеют свои собственные характерные черты, придающие их склонению определенное своеобразие: 1) именительный падеж единственного числа оканчивается обычно в мужском роде на -е и в среднем — на -од, -ид; последнее окончание можно сравнить с греческим средним родом τὸ из *τοδ, ποδ- в ποδ-απός, ἀλλοδ- в ἀλλοδαπός, лат. quod, aliud; 2) некоторые формы являются общими для всех трех родов: родительный падеж единственного числа на -йus, дательный падеж единственного числа на -ī, в то время как другие падежи имеют отдельные формы для мужского-среднего и женского родов. Кроме того, эти формы могут сопровождаться послеложными частицами. Впрочем, последнее не распространяется на склонение всех указательных местоимений и даже на всю совокупность какой-либо отдельно взятой флексии.

Указательные местоимения

104. Наиболее ясным примером указательных местоимений служат ille, iste. Эти местоимения имеют совершенно одинаковое склонение, где представлены все указанные выше характерные особенности. Кроме того, за ними первоначально могла следовать послеложная указательная, или «эпидиктическая» (от гр. ἐπιδικτικός), частица -с, в полной форме -се¹, гр. -хе, которую мы находим также в сёдō «дай сюда» и, несомненно, в основе оскского местоимения *еко- «этот»; ср. гр. ἐκεῖνος, κεῖνος. Эта частица служит

---

¹ Об отпадении конечного -е см. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 24, п. 1.

для более точного обозначения лица или предмета, о котором говорят. Кроме нее, этимология вскрывает и другую частицу такого же рода -ī- (ср. гр. *ἴ* в *οἴτος-ἴ*) в именительном падеже единственного числа женского рода и в именительном и винительном падежах множественного числа среднего рода: *illaec, istaec* из **illā-ī-ce, *istā-ī-ce*. Однако эта частица входила, повидимому, в состав основы того местоимения, с которым она срослась, и самостоятельного существования в латинском языке не имела.

105. *Iste*: «вот тот; тот, о котором он говорит» (местоимение); «тот» (прилагательное). *Iste*: «вот этот; тот, о котором ты говоришь» (местоимение); «этот» (прилагательное).

Этимология обоих местоимений точно не установлена. *Iste*, возможно, заменило древнее *olle* (см. ниже) под влиянием *iste*. *Iste* мы находим в умбр. *estu, esto* «*istum, ista*». Первый элемент *-is-* несомненно является неизменяемой частицей; второй *-te* принадлежит основе **to-, *ta-* указательного местоимения, которую мы находим в гр. *τόν, τήν, τό, σκρ. tām, tād* и т. д.¹ Бругман² считает *-te* неизменяемой частицей: с этой точки зрения, в сложном слове *is-te* падежные окончания перешли к концу его, подобно тому как это имело место в *ispse > *ipse*.

Единственное число

	Мужской род	Женский род	Средний род
Им.	<i>ille (illic)</i>	<i>illa (illaec)</i>	<i>illud (illuc)</i>
Вин.	<i>illum (illunc)</i>	<i>illam (illanc)</i>	<i>illud (illuc)</i>
Род.	<i>illius (illiusce)</i>	<i>illius (illiusce)</i>	<i>illius (illiusce)</i>
Дат.	<i>illī (illīc)</i>	<i>illī (illīc)</i>	<i>illī (illīc)</i>
Отлож., оруд.	<i>illō (illōc)</i>	<i>illā (illāc)</i>	<i>illō (illōc)</i>

Множественное число

Им.	<i>illī (illīc)</i>	<i>illae (illaec)</i>	<i>illa (illaec)</i>
Вин.	<i>illōs (illōsce)</i>	<i>illās (illāsce)</i>	<i>illa (illaec)</i>
Род.	<i>illōrum (illōrunc)</i>	<i>illārum (illārunc)</i>	<i>illōrum (illōrunc)</i>
Дат., отлож., оруд.	<i>illīs (illīsce)</i>	<i>illīs (illīsce)</i>	<i>illīs (illīsce)</i>

Iste склоняется, как *ille*.

¹ Meillet, *Revue des Études latines*, 1925, стр. 51 и сл.

² «Grdr.», II², 1, стр. 55.

К основам на -o/e- и на -a- принадлежат: 1) в единственном числе — именительный падеж женского рода, винительный падеж мужского и женского рода, отложительный падеж всех трех родов; 2) все формы множественного числа.

Остальные формы представляют собой отклонения от обычного склонения основ на -o/e- и -a-. Это распределение относится ко всем указательным местоимениям.

Единственное число

106. Именительный падеж. Конечное *e* именительного падежа единственного числа мужского рода — неясного происхождения: возможно, *iste* является основой без окончания на ступени *e*, чередующегося с *o*. У авторов комедий это *e* перед согласной часто синкопируется; отсюда *ill'*, *ist'*, служившие формами бытовой речи¹. Менее вероятно предположение, что *iste* и *ille* являются в этих случаях пиррихическими формами — *īstē*, *īllē*.

Об именительном падеже женского и среднего рода см. § 104.

107. Родительный падеж. О происхождении *-tius* можно лишь строить гипотезы (см. § 133). Формы на *-tius* — древние; *-tius* — результат сокращения гласной перед другой гласной.

У архаических авторов в адвербиальных выражениях встречается энклитическая форма *illī, istī: istīmodī* (Плавт, *Truc.*, 930, трохеический септенарий):

*qui, malum, bella aut faceta es, quae ames hominem
istimodī?*

и *istīformae* (Теренций, *Naut.*, 382). *Istī* представляет здесь *istius*, произносимое двусложно и в результате отпадения конечного гласного давшее **isti(u)s modī*, а позднее с потерей *-s-* перед согласным — *istī-modī*.

108. Дательный падеж. Наряду с обычным дательным падежом на *-ī* (о происхождении его см. § 133) с ранних пор, по аналогии с другими формами, принадлежащими основам на -o/e- и -a-, распространился также дат. п. *illō, istō, illae, istae*. Так, у Плавта мы встречаем:

¹ L i n d s a y, *Early latin verse*, 1922. стр. 71.

istae dedi (Truc., 790) и filiae illae (Stich., 560). В императорскую эпоху мы находим в Помпеях (C. I. L., IV, 1824): quit (=quid) ego non possim caput illae frangere fuste?

В позднюю эпоху появляется уже дат. п. illui, из которого образовалось франц. lui (C. I. L., X, 2564):

quoi (=cui) non licuit in suis manibus ultimum illui spiritum ut exciperet.

Примечание. Наречия места illī, illīc, istī, istīc являются древними местными падежами соответствующих местоимений: illīc, istīc произошли из *ille-i-ce, iste-i-ce, подобно тому как hīc «здесь» образовалось из hei-ce (засвидетельствованного еще в C. I. L., I², 1295); ibī из *ibhei, ср. умбр. ife, и ubī из *ubhei, ср. оск. puf, умбр. rufe, — являются отклоняющимися формами. В illūc, istūc, hūc также представлены, повидимому, древние местные падежи с дифтонгом -oi-, чередующимся с -ei-; illūc из *illo-i-ce и т. д. illō, illōc, istō, istōc, hōc, eō, quō являются, возможно, древними отложительными падежами мужского и среднего рода; illāc, istāc, hāc, eā, quā «здесь, там, где» и т. д. — отложительные падежи женского рода единственного числа; istim, illum, istinc, illinc, hinc, inde, unde не восходят ни к одной из известных падежных форм.

Множественное число

109. **Именительный падеж мужского рода.** У архаических авторов встречается им. п. illisce; о происхождении его см. § 126.

110. **Родительный падеж мужского и среднего рода.** Окончание род. п. -ōrum заменило древнее окончание с дифтонгом *-oisōm, засвидетельствованным в скр. tēsām и в ст.-слав. тѣхъ из *toisōm (гр. τῶν по аналогии с λῶν). Istōrum — новообразование по образцу istārum; ср. скр. tāsām, гомер. τᾶων.

Примечания: 1. В древней поэзии к iste и ille часто присоединяются префиксы; отсюда возникли формы: eccillum, eccistum (префикс esse). ellum представляет скорее *en-lo-m (префикс en-), ср. франц. celui, cet, итал. questo, quello, ello; см. также у Плавта (Bac., 938):

...ellum non in busto Achilli, sed in lecto accubat.

Послеложные частицы появляются в местоимениях, сопровождаемых вопросительной частицей: illicine, illaecine, isticine из *ille-ce-ne, *illā-ī-ce-ne, *iste-ce-ne; ср. у Плавта (Pseud., 847, ямбический сенарий):

istacine caussa tibi hodie nummum dabo?

и illicinest? (954).

2. Наряду с *ille* в архаическую эпоху существовала также форма *olle* (или *ollus*; см. формулу: *ollus leto datus est*, приводимую Варроном, *L. L.*, VII, 42), основа которой встречается и в наречиях: *ōlīm, ultrā*; ср. умбр. *ulo* «*illē, illūs*». Хотя эта форма и вышла из употребления еще очень давно (авторам комедий она неизвестна), однако поэты, и в том числе Вергилий, восстановили ее как резко выраженный архаизм, но только в дательном падеже единственного и множественного числа (см. *Aen.*, I, 254):

olli subridens hominum sator atque deorum.

III. *Hic*: «вот этот» (местоимение), «этот» (прилагательное). О происхождении этого местоимения см. у Мейе¹.

Единственное число

	Мужской род	Женский род	Средний род
Им.	<i>hic</i>	<i>haec</i>	<i>hoc</i>
Вин.	<i>hunc</i>	<i>hanc</i>	<i>hoc</i>
Род.	<i>hujus (hujus)</i>	<i>hujus</i>	<i>hujus</i>
Дат.	<i>huic</i>	<i>huic</i>	<i>huic</i>
Отлож., оруд.	<i>hōc</i>	<i>hāc</i>	<i>hōc</i>

Множественное число

Им.	<i>hī</i>	<i>hae</i>	<i>haec</i>
Вин.	<i>hōs</i>	<i>hās</i>	<i>haec</i>
Род.	<i>hōrum (hōrunc)</i>	<i>hārum (hārunc)</i>	<i>hōrum (hōrunc)</i>
Дат., отлож., оруд.	<i>hīs</i>	<i>hīs</i>	<i>hīs</i>

Местоимение *hic* образовано из соединения основы неясного происхождения с частицей *-с*, которая в полной форме *-се* встречается в надписях и у древних авторов, например *haice* «*haec*» (*C.I.L.*, I², 581), *honce* «*hunc*» (*C.I.L.*, XI, 4766), *hance* (I², 582, l. 8), *hoiusce* (I¹, 198, l. 58), *hoice* «*huic*» (I², 582, l. 26), *heisce* «*hī*» — им. п. мн. ч. (I², 675). Ср. у Плавта (*Amr.*, 974, ямбический сенарий):

iam hisce ambo, et servos et era, frustra sunt duo.

Эта частица сохранилась также в *hicine* «это тот ли, который», *haecine*, *hoccine* из **hi-ce-ne* и т. д. В классическую эпоху она появляется только в синкопированной форме в односложных падежах единственного числа и в именительном и винительном падежах множественного

¹ «*Revue des Études latines*», 1925.

числа среднего рода. Возможно, что следы форм без этой частицы содержатся в *essit*, *essam* «вот он, вот она», происходящих из *esse hom, *esse ham.

Единственное число

112. Именительный падеж. Им. п. *hic* у авторов комедий произносился всегда кратко. Однако, начиная с Луцилия, появляется уже долгое скандирование, отражающее эмфатическое произношение *hicc*; см., например, у Вергилия (*Aen.*, XI, 16):

primitiae, manibusque meis Mezentius hicc est

наряду с (*Aen.*, IV, 22):

solus hic inflexit sensus animumque labantem.

У Марциала (VI, 63) встречается сложное *hiccine*.

В *hic* мы имеем только основу без окончания, как, несомненно, и в *i-pse*, *ali-quis*. В одной древней надписи мы встречаем форму *hec* (*C.I.L.*, I², 40) наряду с *hic*: *hic fuet a[prid vos]* и *hec cepit Corsica*; форма *hec* свидетельствует об очень открытом произношении лат. *i*.

Именительный падеж женского рода состоит из основы на -а-: **ha-*, с последующими двумя частицами *i*+*c(e)*; ср. выше *haice*.

Средний род *hoc* восходит к **hod-ce*¹; у Вергилия читаем еще *hocc* (*Aen.*, II, 664):

hocc erat, alma parens, quod me per tela, per ignes.

113. Родительный падеж. Род. п. *huius* происходит из *hoiios > *hoiuis, ср. выше *hoiuisse* и *huiius* (*C.I.L.*, II, 2102), подобно тому как *eius* происходит из *eiuis*, также засвидетельствованного в надписях; об удвоении *j* между гласными см. у Нидермана². Переход *hojus* в *huius* происходил вначале в тех случаях, когда указательное местоимение было атоническим; затем он распространился и на тонические формы. Древние поэты часто скандируют

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 24, п. 1, § 6³, п. 4. и § 83.

² Там же, § 54.

его как односложное слово, подобно *ejus*, например Плавт (Амр., 51, ямбический сенарий):

post argumentum huius eloquar tragoediae;

ср. *huiusmodi* (там же, 914, ямбический сенарий):

verum irae si quae forte eveniunt huiusmodi.

Указательные местоимения образуют своего рода энклитики, тесно присоединенные к следующему слову; произносились они очень кратко, чем и объясняется сокращение двухсложных форм. Однако во времена Квинтилиана в произношении была восстановлена двухсложная группа в *illius, istius, huius*¹.

114. Д а т е л ь н ы й падеж. *Huic* происходит из *hoi-ei-se; ср. древнюю форму *hoice* (С. I. L., I², 582, 26), *hoic* (590, 30). *Huic* обычно односложно; однако некоторые древние авторы считают его иногда двухсложным, с первым долгим слогом; см. у Плавта (Амр., 702, трохеический сентенарий):

etiam tu quoque adsentaris huic? — quid vis fieri?

Начиная со Стация, его скандируют как ямб (ср. *Silv.*, I, 1, 107):

laetus huic dono videas dare tura nepotes,

несомненно по образцу *ei*. О скандировании родительного и дательного падежей в архаической поэзии см. у Линдсея².

115. В и н и т е л ь н ы й падеж. Древняя форма *hunc* (или *honce*) из *hom-se встречается еще в надписи Сципионов (С. I. L., I², 9); в дальнейшем *o* перед гуттуральной носовой нормально перешло в *u*. *Hunc* произошло из *hām-se.

116. О т л о ж и т е л ь н ы й падеж. *Hoc, hās* из **hōd-se, *hād-se*.

Множественное число

117. И м е н и т е л ь н ы й падеж. Наряду с формами *hei* (архаическое), *hi* в надписях встречаются и расширенные формы с *-s*: *heis* (С. I. L., I¹, 1059), *heisce* (I², 675), несомненно по образцу *is* (см. § 126).

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 36.

² «Early latin verse», 1922, стр. 163 и сл.

Именительный падеж множественного числа среднего рода *hā+ī+se представляет собой в сущности множественное число среднего рода на -ī с двумя последующими частицами. Различие между hae — ж. р. и haec — ср. р. существовало не во все времена. Так, Плавт употребляет еще haec в женском роде (Most., 165, ямбический септенарий):

mudent jam in corde parietes, periere haec oppido aedes.

Разделение hae и haec было вызвано потребностью различать по виду формы разного значения.

Помпониий (Ribb.³, 151) употребляет диалектный им. п. мн. ч. ж. р. has, образованный по образцу именительного падежа основ на -a-; ср. laetitias (§ 19).

118. Родительный падеж. *hōsōm+se, *hāsōm+se — фонетически дают hōgunc, hāgunc¹.

119. Дательный и отложительный падежи. Форма hībus засвидетельствована у Плавта (Curg., 506, ямбический септенарий):

eodem hercle vos pono et paro, parissumi estis hībus.

Образована она по аналогии с формой ībus местоимения is. Однако, принимая во внимание колебания рукописной традиции в написании начального h, невозможно решить, имеем ли мы здесь hībus или ībus.

120. Is, ea, id «тот, который» — местоимение или прилагательное. Местоимение is собственно не является указательным. Оно указывает лишь на предшествующее или последующее относительное местоимение; поэтому is, ea, id не принимают указательных частиц.

Склонение is представляет собой смешение двух основ: одной — на *i-, давшей именительный падеж единственного числа мужского-среднего рода и оставившей известные следы в архаической латыни; другой — на *eуо-, *еуа-, послужившей для образования других падежей. В отличие от hic, iste, ille средний род от is принадлежит к основе на -i-, i-d, а не к основе на -o-. Is, id по форме соответствуют quis, quid. В этом и обнаруживается ясно то коренное различие, которое существует между is, id и указа-

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 47.

тельными местоимениями: *is* стоит в связи с относительным неопределенным местоимением. Эти основы встречаются также и в других италийских диалектах: **i-* в оск. *izis*, *idik* «*is*, *id*» (с частицей); **euo-* в оск. *iúk*, *ioc*, *iak* «*ea*, *eam*», *ionc* «*eum*», умбр. *eam* «*eam*», *eu*, *caf* «*ea* (вин. п. мн. ч. ср. р.)», *eās*» и т. д., а также в санскрите: им. п. ед. ч. м. р. *au-ám*, ср. р. *id-ám*.

Единственное число

	Мужской род	Женский род	Средний род
Им.	<i>is</i>	<i>ea</i>	<i>id</i>
Вин.	<i>eum</i>	<i>eam</i>	<i>id</i>
Род.	<i>ejus</i> (<i>ejjus</i>)	<i>ejus</i>	<i>ejus</i>
Дат.	<i>eī</i>	<i>eī</i>	<i>eī</i>
Отлож., оруд.	<i>eō</i>	<i>eā</i>	<i>eō</i>

Множественное число

Им.	<i>iī, ī, eī</i>	<i>eaē</i>	<i>ea</i>
Вин.	<i>eīs</i>	<i>eās</i>	<i>ea</i>
Род.	<i>eōrum</i>	<i>eārum</i>	<i>eōrum</i>
Дат., отлож., оруд.	<i>iīs, īs, eīs</i>	<i>iīs, īs, eīs</i>	<i>eīs, īs, eīs</i>

Единственное число

121. Именительный падеж. *Is* повсюду краткое. Однако в одном эпитафическом памятнике (*Lex Repetundarum*, C. I. L., I¹, 198) мы находим несколько раз *eis* (I. 9):

sei eis volet patronos sibi in eam rem darei.

Эта форма образована несомненно от род. п. *ei-jus* (см. § 122). -*d* местоимения *id* встречается также и в оск. *id-ík*, скр. *id-ám*.

122. Родительный падеж. *Ejus* скандируется иногда с первым долгим слогом, что предполагает произношение *ejjus* или, скорее, *eijus*. Хотя форма *eiius* и засвидетельствована эпитафически (C. I. L., II, 1065 и т. д.), однако авторы комедий и архаические поэты часто скандируют *ejus* как односложное, подобно *hujus* и *cujus*, например Теренций (*Naui.*, 453, ямбический сенарий):

amator nunquam sufferre eius sumptus queat.

123. Д а т е л ь н ы й падеж. Дат. п. еі имеет древнюю форму еіеі (засвидетельствованную в С. I. L. I^a, 198), причем развитие еіеі совершенно аналогично развитию геі, dieі (см. § 91). В архаическую эпоху у Плавта мы встречаем скандовку еī (Aul., 13, ямбический сенарий):

agri reliquit eī non magnum modum.

Эта скандовка сохранилась еще у Лукреция (III, 554):

sive aliud quidvis potius conjunctius ei.

Однако еī стремится стать монофтонгом еі̄, что также засвидетельствовано со времени Плавта (Trin., 14, ямбический сенарий):

quoniam eī qui me aleret nihil video esse relicui.

У поэтов императорской эпохи появляется уже скандовка еī̄.

Трудно сказать, представляет ли оно промежуточное состояние между еī̄ и еі̄ или же это аналогическая форма, образованная на основании еum, еō. Она встречается, например, у Овидия (Hal., 34):

semper eī̄ similis quem contigit, atque ubi praedam.

Под аналогическим воздействием им. и вин. п. ea, eam у Катона и у Плавта наряду с еі̄ встречается дат. п. ж. p. eae (Mil., 348). Эти формы исчезают в классический период, но вновь появляются в народном языке империи.

124. В и н и т е л ь н ы й падеж. Нормальной формой винительного падежа мужского рода является eum из *euom. Однако грамматики сохранили форму винительного падежа с основой *i-: im или em, которая встречалась в законах XII таблиц, — igitur em capito (табл. I, фр. I), si im occisit (табл. VIII, фр. II).

125. О т л о ж и т е л ь н ы й падеж. В архаических надписях встречается конечное -d, характеризующее отложительный падеж: eōd, eād.

Множественное число

126. И м е н и т е л ь н ы й падеж. Нормальная форма именительного падежа мужского рода была первоначально ī̄ из *eio-ī > *eie-ī; позднее — благодаря стяжению — ī (ср.

dī, dī). Еї несомненно образовалось по аналогии с ебгит, ебс. Кроме того, в древних надписях встречается также форма с s, имеющая написание eeis (C.I.L., I², 581), ieis (C.I.L., I², 402), eis (C.I.L., I², 582, l. 16), которая подобно именительному падежу на -eis основ на -o/e- (см. § 33, примечание) является средней между именительным падежом на -ei латинского языка и именительным падежом других италийских диалектов на -ōs; ср. оск. iusc «ії» из *iōs-se.

127. Родительный падеж. В сокращении Феста (67, 23) сообщается о древнем род. п. м. р. eim, употребляемом вместо ебгит; eim подобно гр. τῶν образовалось по аналогии с древним родительным падежом множественного числа на -im существительных второго склонения.

128. Дательный и отложительный падежи. Eieis дало іs; eis образовалось по аналогии с ебс, с ассимиляцией оно дает іs. У архаических авторов мы находим иногда и дательный-отложительный падеж tbus из *ei-bho-s, построенный на ступени *ei- основы і. Первоначально і в этой форме было долгое; см. у Плавта (M. G., 74, ямбический сенарий):

latrones, ibus dinumerem stipendium.

Предположительно у Лукреция восстанавливается форма tbus (II, 88). Если эта форма действительно реальна, то, надо полагать, она была заново образована от is по образцу соотношения quis, quibus.

По аналогии с deabus был образован также дат. п. ж. р. eabus. Все эти формы в классическую эпоху исчезли.

129. I d e m. Is при помощи неизменяемой частицы -dem дало сложные слова: idem, eadem, idem «именно этот, тот же самый, та же самая», которые склоняются как is. Idem происходит из is-dem, подобно тому как didūcō — производное из *dīsdūcō¹. Перед последующим d губная носовая m переходит в зубную n; отсюда eundem, eandem и т. д. Во множественном числе в древних надписях имеется им. п. eisdem, isdem, образованный подобно вышеприведенному именительному падежу простого местоимения. Средний род idem, повидимому, не мог произойти из *id-dem;

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 96.

скорее, он представляет собою id-em, соответствующее скр. id-am «то», ср. quid-em. Частица мужского и женского рода -dem состоит несомненно из -de+em; -de встречается, например, в архаическом quamde наряду с quam. Можно предположить также, что -dem было извлечено из idem, которое пытались разложить на i+dem, откуда оно и распространилось на всю флексию.

У глоссаторов, кроме того, встречаются формы: emem «eundem» (P.F., 67, 5), im-em «tōn autōn» — усиленные формы с удвоением; о вин. п. im и em см. § 124.

130. К склонению указательного местоимения примыкает склонение противительного местоимения ipse «сам, он сам», характерные черты которого те же: в именительном падеже мужского рода единственного числа оно имеет -e, в родительном — -ius, в дательном — -ī; указательной частицы это местоимение, естественно, не имеет.

Единственное число

	Мужской род	Женский род	Средний род
Им.	ipse	ipsa	ipsum
Вин.	ipsum	ipsam	ipsum
Род.	ipsius	ipsius	ipsius
Дат.	ipsī	ipsī	ipsī
Отлож., оруд.	ipsō	ipsī	ipsō

Множественное число

	Мужской род	Женский род	Средний род
Им.	ipsī	ipsae	ipsa
Вин.	ipsōs	ipsās	ipsa
Род.	ipsōrum	ipsārum	ipsōrum
Дат., отлож., оруд.	ipsīs	ipsīs	ipsīs

Ipse образсвалось, псвидимому, из is или, вернее, из i, именительного падежа без окончания (подобно hi-c; ср. aliquis)¹ + частица -pse, первоначально не изменявшаяся. Действительно, у архаических авторов мы встречаем eapse, em-pse, eampse, eōpse, eāpse (Плавт, Truc., 24, ямбический сенарий):

neque eam rationem eapse umquam educet Venus,

и геāpse «в действительности, на самом деле» из *ге ēāpse. Однако вскоре составные части этого местоимения пере-

¹ Meillet, «M. S. L.» XXII, стр. 201.

стали распознаваться, и местоимение *ipse*, *ipsa* стало склоняться или по образцу *iste*, *ista*, или как *ipsus*, *ipsa*. *Ipsus* часто встречается у Плавта (*Epid.*, 417, ямбический сенарий):

immo ipsus illi dixit conductam esse eam.

От *ipsus* мы имеем род. п. *ipsī* у Афрания (238, ямбический сенарий):

ipsi me velle vestimenta dicito.

Однако близость *ipse* к указательным местоимениям была столь ощутима, что в дальнейшем это склонение исчезло, оставив в латинском языке лишь незначительные следы.

Средний род *ipsum* образовался, повидимому, от древнего *ipsus*, род. п. *ipsī*; в именительном и винительном падежах оно имеет то же окончание *-um*, что и средний род от *ūnus*, *tōtus* и т. д., которые в остальном склоняются, как указательные местоимения (§ 132).

131. Основа **so-*. Кроме приведенных местоимений, в латинском языке существовало еще указательное местоимение с основой **so-*, причем некоторые формы его дошли и до нашего времени: *sam*, *sōs*, *sās*. Фест приводит следующий стих Энния (219):

in somnis vidit, priusquam sam discere coepit.

Встречается также *sapsī=ei ipsī*.

К **so* примыкает наречие *sī-c*, др.-лат. *sōc*. Его связывают обычно с санскритскими местоимениями *sá*, *sā*, гр. *ὁ*, *ἡ*, гот. *sa*, *so*, хотя с точки зрения их употребления и значения эти формы и не соответствуют ему. Скорее, его следовало бы сблизить с анафорическими местоимениями: вед. *sīm*, зендск. *him*, *hiš*, др.-перс. *šim*, *šiš*¹.

132. К склонению указательных местоимений примыкает и склонение ряда слов, означающих «один, целый, другой, единственный»; объединяют их с местоимениями прежде всего одинаковые формы родительного и дательного падежей единственного числа.

Более того: *alius*, *alia*, *aliud* «другой» (ср. им. п. ед. ч. ж. р. оск. *allo* «*alia*», гр. *ἄλλος*, *ἄλλη*, *ἄλλο* из **ἄλγος* имеет, кроме родительного падежа на *-ius* и дательного

¹ Meillet, «R. S. L.», 63, стр. 188.

на -ī, еще средний род на -ud, общий с указательными местоимениями; к ним же оно примыкает и по значению: «другой» близко к «тот». Кроме того, наряду с *alius* мы встречаем и им. п. *alis, alid*, употребляемый некоторыми авторами либо изолированно (Катулл, 66, 28; 29, 15), либо в группах типа *alis alium* (С. I. L., II, 2633, 7; 27 г. н. э.), *alis alibi* (Саллюстий, цитируемый Харисием, G. L. K., I, 159, 31) и, в особенности, в поэзии, в тех случаях, где *aliūs, aliūd* были невозможны, как, например, в выражении: *alis, alid ex aliō. Alis* несомненно происходит из **aly(o)s* (см. § 26, п. б). Однако наряду с *alyo-s можно предположить и форму *ali-s с основой на -i-, сохранившейся в *ali-quis, ali-bī, ali-ter*. *Alis* вновь появляется в поздней латыни в стандартных выражениях типа *sum alis aliō*.

Род. п. *alius* встречается редко; его стремятся заменить формой *alterius*. Дательный падеж — часто стяженный, *alī*. В разговорном языке эти формы заменяются формами, заимствованными у основ на -ā- и -o/e-: род п. *alī, aliae*; дат. п. *aliō, aliae*. Стяженная форма имеется в выражении *alimodi, ср. istimodi*.

В остальных словах этого ряда именительный и винительный падежи среднего рода оканчиваются не на -ud, а на -um (древнего происхождения):

alter, -a, -um «один (другой) из двух» (о суффиксе см. сравнительная степень, § 98). У Плавта (*Rud.*, 750) и у Теренция (*Phorm.*, 928) мы встречаем еще дат. п. *alterae*, свойственный просторечию; то же мы находим и у Цезаря (*V. G.*, V, 27, 5).

uter, -tra, -trum «который из двух», древняя основа на -o/e-, образованная с помощью суффикса сравнительной степени -tero-; несмотря на это, данная форма имеет местоименные родительный и дательный падежи на -īus, -ī. То же относится и к сложным:

neūter, -tra, -trum (у Плавта трехсложные) «ни один, ни другой»;

uterque, utraque, utrumque «и тот и другой», подобно им. п. мн. ч. оск. *pūtúrúspid* «*utrique*»;

alteruter, altera utra, alterum utrum, впоследствии *alterutra, alterutrum* (ср. *rōsmārinus*, род. п. *rōsmarīnī*; *holusatrum*, род. п. *holusatrī*) «один или другой»;

utervis, utravis, utrumvis; uterlibet, utralibet, utrumlibet «какой-либо из двух»;

ūnus, -a, -um «один, единственный» (см. § 155); род. п. ūnī (Катулл, 17, 17), дат. п. ж. р. unae (Катон, Agr., 19, 1); ūllus, -a, -um из *oinolo-s, уменьшительного от ūnus «какой-нибудь»; род. п. ullī (Плавт, Truc., 293), дат. п. ж. р. ullae (Тибулл, IV, 6, 9);

nūllus, -a, -um «никакой» из *ne-ūllus; род. п. nullī (Теренций, Andr., 608), дат. п. ж. р. nullae (Проперций, I, 20, 35);

sōlus, -a, -um «единственный»; дат. п. ж. р. sōlae (Теренций, Eun., 1004);

tōtus, -a, -um «целый»; род. п. ж. р. tōtī (Афраний, 325), дат. п. ж. р. tōtae (Плавт, цитировано Варроном, L. L., VII, 103); дат. п. м. р. totō (Проперций, III, 11, 57).

Все эти прилагательные имеют родительный падеж на -īus, дательный — на -ī. Однако по аналогии с основами на -o/e- язык создал родительный падеж на -ī, -ae и дательный — на -ō, -ae. Древние формы сохранились лишь под влиянием грамматиков и из народного языка исчезли еще в раннее время.

Относительные и вопросительно-неопределенные местоимения

133. Относительное местоимение имеет следующие общие черты с указательным: 1) окончание -d в среднем роде; 2) родительный падеж единственного числа на -īus, дательный — на -ī, аналогичные для всех трех родов. Конечные -us и -ī являются окончаниями третьего склонения (см. §§ 46 и 47), чем и объясняется их одинаковое употребление здесь в мужском, женском и среднем роде. Относительное и вопросительно-неопределенное местоимения произошли из контаминации двух основ: *quo-, *qua-, ср. оск.-умбр. *ro-, *rā- (относительное), и *qui-, ср. оск.-умбр. *rī-, гр. τίς (вопросительно-неопределенное). В дальнейшем эти основы, первоначально различные, частично слились и заимствовали друг у друга отдельные черты склонения. Форма род. п. *quoī-os¹ «сuius» (т. е. *cuijus, *cuiius)

¹ О происхождении *quoīos существуют различные предположения. В нем видели, например, застывший именительный падеж единственного числа притяжательного местоимения quoīus, -a, -um. Другие исходили здесь из окончания род. п. ед. ч. -sjo, засвидетельствованного как вне Италии, так и в некоторых языках Италии, например в венецком и фалигском: *quosjo > *quojjo (ср. diiudicare < *disiudicare), затем *quoīos по аналогии именного окончания род. п. -os (см. § 46). (Прим. ред.)

сочетает в себе окончание основы на -i- с основой на -o/e- + частица -ī-: *quo-ī; точно так же дат. п. *quo-iei «quoī, ciī» произошел из контаминации *quei (дательный падеж основы на -i-) и *quō-i (дательный падеж основы на -o/e-). Эти формы, повидимому, послужили образцами для указательных местоимений. Действительно, вполне вероятно, что они перешли вначале от относительно-неопределенного местоимения к is, находящемуся в постоянном соотношении с quī, а затем распространились и на все указательные местоимения. Сама основа *quo-, с морфологической точки зрения, должна была сблизиться с основой *so- указательного местоимения, следы которого мы уже видели в латинском языке (см. § 130).

	Относительное местоимение			Вопросительно-неопределенное местоимение		
Единственное число						
	Мужской род	Женский род	Средний род	Мужской род	Женский род	Средний род
Им.	quī	quae	quod	quis (quī) (неопределенное qua)	quis, quae	quid
Вин.	quem	quam	quod	quem	quam	quid
Род.	cujus (cujjus)	cujus	cujus	cujus (cujjus)	cujus	cujus
Дат.	cuī	cuī	cuī	cuī	cuī	cuī
Отлож., оруд.	quō	quā	quō	quō	quā	quō

Множественное число

Им.	quī	quae	quae	quī	quae	quae (qua)
Вин.	quōs	quās	quae	quōs	quās	quae (qua)
Род.	quōrum	quārum	quōrum	quōrum	quārum	quōrum
Дат., отлож., оруд.	quibus	quibus	quibus	quibus	quibus	quibus

В классическую эпоху относительное и вопросительное местоимения различались только в именительном падеже единственного числа. Что же касается самого склонения, то основа на -i- отразилась в окончаниях родительного и дательного падежей единственного числа, а также в вин. п. ед. ч. м. р. quem (из *quim подобно navem из navim; ср. оск. вин. п. м. р. phim вместо *rim «quem») и дат. и отлож. п. мн. ч. quibus (с окончанием -bus, как в navibus).

134. Именительный падеж. а) Основой относительного местоимения является *quo-, *qua-. Именительный падеж мужского рода представляет собой *quo + частица ī, уже встречавшаяся в указательном местоимении; при этом quoī первоначально перешло в queī, сохранившееся в архаической надписи (C. I. L., I², 10):

quei apice insigne Dial[is fl]aminis gesistei,

затем в qui. В quae представлено *qua + ī; в именительном и винительном падежах среднего рода — основа *quo + окончание d, характеризующее средний род местоимения. Эти формы встречаются и в оскско-умбрском диалекте: м. р. оск. qui, умбр. qui; ж. р. оск. quae, умбр. quae; ср. р. оск. quid «qui, quae, quod».

б) Вопросительно-неопределенное местоимение. В архаическую эпоху им. п. quis, как и следовало ожидать, был одинаковый и для мужского и для женского рода; так, Плавт (Cist., 695, бакхия) пишет:

era. — hem! — est. — quid est? — haec est. —
quis? — quoi haec excidit cistella.

То же справедливо и для сложных слов с quis: esquis (у Энния, Trag., 346, ямбический сенарий):

esquis illaec est quae lugubri succincta est stola?

и quisnam; далее, quisque, quisquam (C. I. L., I², 581):

neque vir neque mulier quisquam,

и quisquis. Равным образом в оскском и умбрском диалектах мы также находим лишь одну форму для именительного падежа мужского и женского рода: оск. quis, quis, умбр. quis, соответствующую ср. р. оск. quid, умбр. qui-e; ср. гр. τίς, τί. Однако вследствие смешения основы *quo-, *qua- и основы *qui- форма quae понемногу заменила quis в женском роде и стала единственной формой, употреблявшейся в классическую эпоху. Кроме того, для неопределенного местоимения существовала еще форма quā, которая вследствие ее неопределенного характера не

получила указательной частицы; ср. у Вергилия (Вис., VII, 40):

si qui tui Corydonis habet te cura, venito.

Позднее qui и quod стали употребляться и в качестве вопросительно-неопределенного местоимения, однако только в тех случаях, когда они были прилагательными: qui deus? quod templum? Ср. у Вергилия (Georg., I, 3, 4):

...quae cura boum, qui cultus habendo
sit pecori.

Это qui не было тождественно, по крайней мере первоначально, вопросительному qui (Плавт, Aul., 350, ямбический сенарий):

heus, Staphyla, prodi atque ostium aperi. — qui vocat?

где конечное s отпало по условиям междусловной фонетики: quis vocat > qui vocat подобно disvellō > divellō. Действительно, если бы оба qui были тождественны, то объяснить употребление quod в среднем роде было бы трудно; и здесь следовало бы ожидать никогда не встречающегося *quid templum. Во всяком случае, можно предполагать, что qui восходит к древнему *qui без окончания, причем i в односложных словах, не являющихся энклитиками или проклитиками, как правило, удлинялось¹.

Примечания: 1. Quis как относительное местоимение никогда не употребляется. В тех предложениях, где оно, казалось бы, выступает в этой роли, оно в действительности имеет четко выраженное значение неопределенного местоимения, например в фрагменте законов XII таблиц (I, 4): proletario iam civi quis volet vindex esto, или у Катона (Agr., CXLV): homines eos dato, qui placebunt <domino> aut custodi, aut quis eam oleam emerit. В обоих случаях quis представляет собой неопределенное местоимение.

2. Сложные с quis: esquis, aliquis также могут иметь прилагательные формы: esqui, esqua, esquod; aliquis, aliqua, aliquod. Quidam восходит к quis-dam (см. выше idem и у Нидермана²); ж. р. *quādam не засвидетельствован.

135. В и н и т е л ь н ы й падеж. Относительно quiet см. § 133. От вин. п. *quom следов не сохранилось; он был упразднен несомненно во избежание смешения с омонимным союзом quom (cum).

¹ Meillet, «M. S. L.», XXII, стр. 202.

² «Историческая фонетика латинского языка», § 96.

136. Родительный падеж. Древней формой родительного падежа является *quojos, перешедшее затем в quojus и произносившееся *quojjus (C.I.L., 1², 6):

quojus forma virtutei parisuma fuit.

Эта форма распространена в надписях республиканской эпохи. Cuius (cuijus) скандируется обычно с первым долгим слогом; однако архаические поэты передают его часто как односложное. Цицерон (Off., 3, 26) цитирует сенарий древнего поэта:

quoius ipse princeps jurisjurandi fuit;

ср. quoiusmodi у Плавта (Most., 640). Скандовка cūiūs впервые появляется у Венанция Фортуната и возникает в подражание illiūs, istiūs.

137. Дательный падеж. Древней формой дательного падежа является quoiei (C.I.L., 1², 11):

quoiei vita defecit, non honos honore.

Quoiei фонетически дает долгое односложное quot, сохранившееся до времен Квинтилиана (см. Inst. Orat., I, 7, 27), когда это написание было заменено написанием cui. У поэтов позднего времени встречаются и такие скандирования, как cūi (Паулин из Нолы, 28, 297):

— — — — — tibi|me memi|ni de bēre cū i mē

mancipium primis donavit Christus ab annis,

и даже cui (краткое односложное); см. у Пруденция (Cath., 3, 167):

sanguine|pasta cui|cedit a|vis — — — — —

138. Отложительный падеж. Следы отложительного падежа quei, qui от quis, употребленного, впрочем, с катахресой, вместо quō, quā и даже quibus наблюдаются еще в архаическую эпоху; см. у Плавта (Aul., 502);

vehicla qui vehar

и (Capt., 1003, трохеический септенарий):

aut anites aut coturnices dantur, quicum lusitent.

Вергилий также прибегает к этой форме (Aen., XI, 822):

quicum partiri curas, atque haec ita fatur.

Кроме того, употреблялось еще aliqui (Плавт, Aul. prolog., 24 и Most, 174). Что касается qui, то оно осталось в качестве наречия, означающего «каким образом?»; соответственно мы имеем quiqui (Плавт, Men., 1159).

Множественное число

139. Именительный падеж. а) Формами именительного падежа мужского и женского рода в древнем языке были: quēs (из *queyes — им. п. м. и ж. р. от quis) и quei, qui, quae (от основы *quo-, *qua-), причем эти формы между собой различались. Так, в S.C. de Vas. мы читаем:

sei quēs esent... quei deicerent

«sī quēs essent... qui dīcerent». Наряду с этим мы находим у грамматиков также quēsdam, aliquēs. Пакувий пишет (Trag., 221):

quēs sunt isti ignoti? nescio quēs ignobiles.

В классическую эпоху употреблялось уже только qui.

Quas, ср. оск. pas (см. §§ 19 и 116), является диалектной формой именительного падежа женского рода.

б) Формами неопределенного местоимения среднего рода служили quā, aliquā, не имевшие частицы. Союз quia также представляет собой именительный-винительный падеж среднего рода множественного числа от quis, но уже без падежного значения. То же можно сказать и относительно quianam «почему», которое встречается, например, у Акция (583).

140. Родительный падеж. В родительном падеже мы находим только основы на -o/e: quorum, quarum. Однако, согласно Сервию (Aen., I, 95), Катон употреблял и род. п. quium от quis. Позднее от род. п. ед. ч. quouis был образован аналогический род. п. мн. ч. quouum; см. у Плавта (Trin., 534—535, ямбически: сенарии):

neque umquam quisquam est quouis illic ager fuit
quin pessume ei res vorterit; quouum fuit,
alii exsulatum abierunt, alii emortui.

141. Дательный и отложительный падежи. Древним дательным-отложительным падежом основы

*quo- было *quois, превратившееся сначала в queis, а затем в quīs. Оно встречается еще у Вергилия (Aen., I, 94—96):

o terque quaterque beati
quis ante ora patrum, Trojae sub moenibus altis
contigit oppetere!

Однако нормальной формой была форма основы на -i-: quibus.

Примечание. Кроме того, латинский язык имел вопросительное местоимение *uter, utra, utrum* «который из двух» (§ 132), употреблявшееся в тех случаях, когда речь шла о двух лицах; ср. гр. *πότερος*.

Сложные вопросительные и неопределенные местоимения

142. В латинском языке мы находим некоторое количество сложных местоимений с *quis*, образованных:

1) Путем удвоения:

quisquis, quaequae, quicquid или *quidquid*; ср. оск. *pispis* «кто бы ни, всякий».

2) Из местоименной основы + *quis*:

aliquis (aliquī), aliqua, aliquid «некто», образованное из именительного падежа без окончания: **ali-* (ср. *ipse* из *i-pse*, § 130) + *quis*.

3) Из частицы + местоимение:

esquis, esqua, esquid «есть ли кто-нибудь, кто» с той же частицей *es-*, которую имеем в *es-se* и которая встречается в основе оскско-умброского указательного местоимения **eko-*.

4) Из местоимения + неопределенная частица:

quidam, quaedam, quiddam «некто»;

quisnam, quaeenam, quidnam «кто же?» с частицей *nam* «ведь»;

quispiam, quaequam, quippiam или *quidpiam* «кто-то»; *-piam* произошло из *-pe* (ср. *quip-pe*) + *jam*;

quisquam (женского рода нет), quicquam или *quidquam* «кто-нибудь»;

quisque, quaeque, quidque «каждый» и сложный: *ūnusquisque, ūnaquaeque, ūnūquidque* «всякий, каждый в отдельности» с частицей *-que* «и», ср. гр. *τε*.

5) Из местоимения + глагольная форма:

quīvis, quaevis, quidvis «кто хочешь, любой»;

quīlibet, quaelibet, quidlibet «кто угодно».

Все эти местоимения могут употребляться в качестве прилагательных с формой *quod* в среднем роде.

Примечания: 1. *Quīscumque, quaecumque, quodcumque* «кто бы ни» образовались путем сложения с *quī*, а не с *quīs*, что подтверждается отсутствием последних форм в классическую эпоху; и только у Катона мы находим мн. ч. *quīscumque* (Orig., II, фр. 34).

2. От основы местоимения *quī* были образованы два вопросительных местоимения: *cūjus*, -а, -um «чей, чья, чье», употреблявшееся главным образом в именительном падеже единственного числа; ср. у Вергилия (Ecl., III, 1):

dic mihi, Damoeta, cūjum pecus? an Meliboei?

и *cūjās, ātis* «из какой страны», образованное подобно *nostrās, vestrās* при помощи суффикса -ās, обозначающего происхождение; ср. *Arginās*. Пурсты, повидимому, избегали этих форм, как это следует из пародии:

dic mihi, Damoeta, «cūjum pecus», ane Latinum?

Личные местоимения

143. Личных местоимений всего пять: 1) местоимение первого лица единственного числа; 2) местоимение второго лица единственного числа; 3) местоимение первого лица множественного числа; 4) местоимение второго лица множественного числа; 5) возвратное местоимение, обслуживающее третье лицо одновременно и в единственном и во множественном числе. В третьем лице личного невозвратного местоимения нет, как нет и возвратного местоимения первого и второго лица. Личные местоимения образуют изолированную группу с особыми, и к тому же неясными, характерными чертами.

Основа множественного числа отлична от основы единственного числа. В этом нет ничего удивительного: «мы» означает не «несколько я», а «я и другие»; равным образом, «вы» означает «ты и другие», а не «несколько ты», причем для выражения как мужского, так и женского рода существует одна общая форма. Далее, основа именительного падежа единственного числа отличается от основы других падежей. Все эти особенности свойственны не только латинскому языку, но встречаются и в других языках; ср. нем. *ich* (=ego) и *meiner, mir, mich*; *du* (=tū) и *deiner, dir, dich*; гр. *ἐγώ, ἐμοῦ*.

Им.	ego «я»	tū «ты»		
Вин.	mē	tē	sē, sēsē	«себя, -ся»
Род.	meī	tuī	suī	
Дат.	mihi (mī)	tibi	sibi	
Отлож.	mē	tē	sē, sēsē	

Множественное число

Им., вин.	nōs «мы»	vōs «вы»	
Род.	nostrum, nostrī	vestrum, vestrī	
Дат., отлож.	nōbīs	vōbīs	

Единственное число

145. Именительный падеж. Им. п. *ĕgō* восходит к *ĕgō, сократившемуся согласно закону ямбических слов; ср. гр. $\epsilon\gamma\acute{o}$. И только у Плавта в лирических отрывках встречается еще *ĕgō*; однако скандовка здесь ясно не выражена. Классические же поэты знают уже только *ĕgō*; если же авторы поздней эпохи и скандируют *ĕgō*, то это является лишь подражанием гр. $\epsilon\gamma\acute{o}$.

Tū имеет долгую гласную, которая встречается, например, в гомер. $\tau\acute{o}\upsilon\upsilon$ наряду с аттич. $\tau\acute{o}$ и т. д. Повидимому, и этого местоимения действительно имело в индоевропейском праязыке оба количества — краткое и долгое. Следы этого состояния остались, возможно, в латинском языке: *tū* отдельно стоящее — долгое, *tū* с последующей энклитикой — краткое: *tūquidem*¹; см. у Луцилия (*ſat.*, XIV, 25, дактилический гекзаметр):

quod viscus dederas tuquidem, hoc est: viscera largi.

Возвратное местоимение *suī*, естественно, не имеет именительного падежа.

146. Родительный падеж. Род п. *meī, tuī, suī* заимствован у притяжательных местоимений-прилагательных *meus, tuus, suus*: *meī, tuī, suī* означают собственно «моего, твоего, своего». Употребление *suī* как возвратного местоимения третьего лица свойственно именно латинскому языку. В общеиндоевропейском языке возвратное местоимение относилось к наиболее важному лицу в предложении

¹ Сокращение гласного слов *tū* и *sī* в *tūquidem, sīquidem* обычно связывают с примыканием к ним энклитического *quidem*. Объяснение, предлагаемое Эрну, само по себе возможное, не подходит для *sī*, восходящего к местному падежу *seī*. (*Прим. ред.*)

нии (обычно к подлежащему), безразлично в первом, втором или третьем лице единственного или множественного числа; это употребление сохранилось, между прочим, и в языке Гомера.

В архаическую эпоху существовали еще и другие формы родительного падежа — *mīs*, *tīs*, например у Плавта (M. G., 1033, анапестический размер):

quia tis egeat, quia te careat.

Все эти формы восходят к **mī*, **tī* — безударным формам родительного и дательного падежей, происходящим из **mōi* **mei*, **toi* **tei*, с последующим окончанием родительного падежа *-s*. *Mī* сохранилось в качестве звательного падежа от *meus*; **tī* не удержалось; **sīs* не засвидетельствовано.

147. В и н и т е л ь н ы й падеж. В архаическую эпоху встречаются следующие формы винительного падежа: *med*, *ted*, *sed*, например: *Manios med fhefhaked Numasioi* «*Manius mē fēcit Numeriō*» (C. I. L., I², 3); *med feced* («*mē fēcit*») (в надписи Дуэноса, C. I. L., I², 4). Поскольку эти надписи относятся к более раннему времени, чем отпадение конечного *-d*, то предположение о слиянии вин. пад. *mē*, *tē*, *sē* с отлож. п. *mēd*, *tēd*, *sēd* не имеет никаких оснований. Повидимому, конечное *-d* винительного падежа представляет собой усилительную послеложную частицу, присоединенную к форме *mē*, основе без окончания, служившей для образования падежей, отличных от именительного. Это присоединение частицы к основе винительного падежа встречается и в других языках¹.

Форма *mehe*, приводимая Квинтилианом (I, 5, 21), отличается лишь написанием долгой гласной по аналогии с *mīhi*; *mē* обозначается как *mehe* в соответствии с *mīhi/mī*.

148. О т л о ж и т е л ь н ы й падеж. Этот падеж полностью совпадает с винительным. Однако *-d* архаических форм в отличие от *-d* винительного падежа имеет здесь, повидимому, то же происхождение, что и в отложительном падеже основ на *-o/e-*: *lupō-d*.

149. Д а т е л ь н ы й падеж. Происхождение окончания дательного падежа в *mī-hī* и *tī-bī*, *si-bī* различное; первое окончание отражает древнее **-hei* (происшедшее,

¹ Meillet, «M. S. L.», XXII, стр. 52.

несомненно, из *-ghei), ср. умбр. *mehe*; второе (-bī) — древнее *-bhei, оск. *tfei*, умбр. *tefe*, оск. *sifeī* «tibī, sibī». Дифтонг окончания -ei засвидетельствован непосредственно в латинском языке в многочисленных надписях: *mihei* (C.I.L., I², 1206), *tibei* (I², 632), *sibei* (I², 581); -e из -ei: *mihe* (C.I.L., I¹, 1049), *tibe* (I², 10). Дифтонгический характер окончания не избавил его от действия закона сокращения ямбических слов, и поэты скандируют как *mihī*, *tibī*, *sibī*, так и *mihī*, *tibī*, *sibī*, например *mīhei* (C.I.L., I², 1277, ямбический сенарий):

mīhei contra rite partam Venerem mors rapit

наряду с *sībei* (C.I.L., I², 15, дактилический гекзаметр):

maiorum optenui laudem ut sībei me esse creatum.

У Плавта мы находим *mīhī* (Capt., 716, ямбический сенарий):

qui illi fuisti quam mīhī fidelior.

Точно так же у Вергилия мы встречаем и *tībī* (Georg., I, 343) и *tībī* (Vuc., 8, 30).

В результате отпадения *h* между гласными *mīhī* стягивается в *mī*.

Множественное число

150. Именительный и винительный падежи. В противоположность единственному числу, во множественном числе для выражения именительного и винительного падежей служит одна и та же форма: *pōs*, *vōs*. Соответствующие италийские формы не засвидетельствованы; формы греческого языка — иные. Латинские формы можно сравнить с атоническими формами род.-дат.-вин. п. в скр. *paŋ* «нас, нам», *vaŋ* «вас, вам» (где гласная, однако, краткая). Предположение, что *epos* в гимне Арвальских братьев (C.I.L., I², 2), представляет собой личное местоимение, недостоверно.

151. Родительный падеж. Родительный падеж *postrum*, *vestrum* подобно *meī*, *tuī* заимствован у основы притяжательного местоимения с прибавлением древнего окончания -om родительного падежа множественного числа основ на -o/e-. У архаических авторов, у которых смешение

-um и -ōrum встречается часто, мы находим *nostrōrum*, *vostrōrum*; см. у Плавта (*Most.*, 280, трохеический септенарий):

verum illuc est: maxima adeo pars vostrorum intellegit,
а в тех случаях, когда говорится о женщинах (*Stich.*, 141, трохеический септенарий):

*certumne est neutram vostrarum persequi imperium
patris?*

Nostrī, *vestrī* являются родительным падежом единственного числа среднего рода притяжательных местоимений: *nostrum*, *vestrum*. См. у Лукреция (*IV*, 39):

neve aliquid nostrī post mortem posse relinqui.

Обычно эти формы имели разные значения: *nostrum*, *vestrum* употреблялись в качестве партитивного родительного падежа: *pars nostrum*, *vestrum*; *nostrī*, *vestrī* — как объективный родительный падеж: *miserēre nostrī* «сжался над нами».

152. Дательный и отложительный падежи. Окончанием этих падежей служит *-bis*, отражающее древний дифтонг, как на это указывает написание *vobeis* (*S.C. de Vac.*, *C.I.L.*, 1², 581). Наряду с *pōbis* существовала и форма *nis* (*P.F.*, 41, 6):

*callim antiqui dicebant pro clam, ut nis pro nobis, sam
pro suam, im pro eum*¹.

Примечание. Личные местоимения часто сопровождаются эмфатическими частицами *-te*, *-met*, *-pse*, *-pte*: *egomet*, *mihipte*, *mēmet*, *tūte*, *tēte*, *tuīmet*, *suīmet*, *sēpse* и т. д. С той же целью усиления возвратное местоимение удваивается в винительном и отложительном падежах — *sēsē*, например у Теренция (*Andr.*, 954):

qui? — *quia habet aliud magis ex sese et maius...*

Кроме того, личные местоимения могут сопровождаться и усилительным прилагательным *ipse*: *egomet ipse*, *semetipsum*.

Притяжательные прилагательные

153. Личным местоимениям соответствуют притяжательные прилагательные: *meus*, *mea*, *meum*; *tuus*, *tua*, *tuum*; *pos-*

¹ «Древние говорили *callim* вместо *clam*, а также *nis* вместо *nobis*, *sam* вместо *suam*, *im* вместо *eum*».

ter, nostra, nostrum; (voster) vester, vestra, vestrum. Что касается последнего, то огласовка *e* встречается в умбр. *vestra* «*vestrā*»; огласовка *o* в архаическом *voster* (вновь появившаяся в романских языках: франц. *vôtre*) возникла, возможно, по аналогии с *koster*.

Эти прилагательные склоняются как основы на *-a-* и *-o/e-*. *Meus* восходит к древнему *mei-os, образованному от атонической формы **mei-*, представляющей местный, родительный и дательный падежи местоимения первого лица. Звательным падежом единственного числа от *meus* является *mī* (о происхождении его см. выше). *Tuus* произошло из древнего *tovos, ср. *tov(am)* (C.I.L., I¹, 1290) и оск. *tuvai* «*tuae*», умбр. *tover* «*tuī*», гр. гомер. *τέες* из *τεFος. О суффиксе местоимений *nostrer*, *vcster* см. § 98, прим. 1.

В архаическую эпоху родительный падеж множественного числа оканчивался часто на *-um*: *meum*, *tuum*, *nostrum*, *vostrum*, например у Плавта (Pseud., 581):

maiorum meum fretus virtute dicam...

Именительный, дательный и отложительный падежи множественного числа от *meus* выступают в виде *mī*, *mīs* из *mei-ei, *mei-eis. Промежуточная ступень **miei-* сохранилась в дательном и отложительном падежах в одной надписи на могиле Сципионов: *mieis* (C.I.L., I², 15).

Suus, *sua*, *suum* «свой, своя, свое», из *sovos, *-a*, *-om*, ср. *soveis* (C.I.L., I¹, 198, l. 50), гр. гомер. *έές* из *σεFος, оск. *suam* «*suam*», употреблялось как в единственном, так и во множественном числе, но только в возвратном значении; в других случаях оно заменялось родительным падежом указательных местоимений. В романских языках *suus* осталось только для единственного числа, *illōrum* — для множественного (франц. *leur*, итал. *loro*) независимо от того, имело ли оно возвратное значение или нет.

Наряду с *suus* в древнем латинском языке существовала также форма *sus*, *sa*, *sum*, происходящая от основы **swo-*, встречающейся в критском диалекте греческого языка: *Fος* из *σFος. Энний (Ann., 149) пишет:

postquam lumina sis oculis bonus Ancus reliquit.

Эти формы нельзя смешивать с безударными *mo*, *so*, которые встречаются в вульгарной латыни (например,

conjugi so, patri et matri mo.

Примечание. Как и личные местоимения, притяжательные прилагательные могут быть усилены частицей -pte: meāpte, suāpte; см. у Плавта (Трус., 471, трохеический септенарий):

ego quod mala sum, matris opera mala sum et meapte malitia.

Несомненно, что эта частица может употребляться и не только в отложительном падеже.

Имена числительные

154. Имена числительные разделяются на количественные и порядковые.

Количественные	Порядковые
I unus, -a, um	prīmus, -a, -um
II duo, duae, duo	secundus, -a, -um
III trēs, tria	tertius, -a, -um
IV, IIII quattuor	quartus, -a, -um
V quīnque	quīntus, a, -um
VI sex	sextus, -a, -um
VII septem	septimus, -a, um
VIII octo	octāvus, -a, -um
IX, VIIII novem	nōnus, -a, -um
X decem	decimus, -a, -um
XI undecim	undecimus
XII duodecim	duodecimus
XIII trēdecim	tertius decimus
XIV, XIIII quattuordecim	quartus decimus
XV quīndecim	quīntus decimus
XVI sēdecim	sextus decimus
XVII septendecim	septimus decimus
XVIII duodēvigintī	duodēvicē(n)simus
XIX, XVIIII ūndēvigintī	ūndēvicē(n)simus
XX vīgintī	vīcensimus (vīcēsimus)
XXI vīgintī ūnus	vīcē(n)simus prīmus (или
(ūnus et vīgintī)	ūnus et vīcē(n)simus)
XXX trīgintā	trīcē(n)simus
XL, XXXX quadrāgintā	quadrāgē(n)simus
L quinquāgintā	quinqūagē(n)simus
LX sexāgintā	sexāgē(n)simus
LXX septuāgintā	septuāgē(n)simus
LXXX octōgintā	octōgē(n)simus
XC, LXXXX nōnāgintā	nōnāgē(n)simus
C centum	centē(n)simus
CC ducentī, -ae, -a	ducentē(n)simus

CCC	trecentī, -ae, -a	trecentē(n)simus
CCCC	quadringentī, -ae, -a	quadringentē(n)simus
D	quīngentī, -ae, -a	quīngentē(n)simus
DC	sescentī, -ae, -a	sescentē(n)simus
DCC	septingentī, -ae -a	septingentē(n)simus
DCCC	octingentī, -ae, -a	octingentē(n)simus
DCCCC	nōngentī, -ae, -a	nōngentē(n)simus
CI, M	mille	millē(n)simus
MM	duo mīlia	bis millē(n)simus
X̄	decem mīlia	decīē(n)s millē(n)simus
C̄	centum mīlia	centīē(n)s millē(n)simus
X̄	decīē(n)s centēna mīlia	decīē(n)s centīē(n)s millē(n)simus

Количественные числительные

155. От «о д н о г о» до «т р е х». Эти числительные склоняются так:

а) Unus (см. § 132):

	Мужской род	Женский род	Средний род
Им.	ūnus	ūna	ūnum
Вин.	ūnum	ūnam	ūnum
Ред.	ūnūs	unūus	ūnūs
Дат.	ūnī	ūnī	ūnī
Отлож., оруд.	ūnō	unā	ūnō

Unus произошло из древнего oinos с дифтонгом; ср. гр. οἶνη «одно очко (при игре в кости)», гот. ains, нем. ein. На одной надписи на могиле Сципионов (C.I.L., I², 9) читаем:

hunc oino ploirume cosentient Romai

«hunc ūnum plūrimī cōsentiunt Rōmae».

Равным образом, на одном старинном зеркале из Пренесты амазонка обозначена эпитетом Oinumatam «Unimatam» (C.I.L., I², 566). Unus, древним значением которого было «только один, единственный», заменило собою *sem- (ср. § 162).

В значении «единственный» ūnus имеет также зват. п. ūnē. Мн. ч. ūnī, ūnae, ūna встречается с существительными, не имеющими единственного числа.

б) Дуо:

	Мужской род	Женский род	Средний род
Им.	duō	duae	duō
Вин.	duōs	duās	duō
Род.	duōrum	duārum	duōrum
Дат., отлож., оруд.	duōbus	duābus	duōbus

Duō — несомненно древнее двойственное число, заимствованное, однако, окончания множественного числа, за исключением именительного падежа мужского и среднего рода; ср. duōbus наряду с гр. *δύοι*. Конечное -o в duō всегда краткое, как и в гр. *δύο*, и только поэты поздней эпохи скандируют dūō в подражание гомер. *δύο*. Склонение duō — смешанное; оно состоит из окончаний основы на -o/e- и окончаний третьего склонения. В республиканскую эпоху имелся вин. п. duo, встречающийся у древних поэтов и один раз у Горация (Sat., I, 7, 15):

summa fuit; duo si discordia vexet inertis,

а также род. п. duom, употребленный Акцием (556):

mulier una duom virum

и сохранившийся в duumvirum. Плавт употребляет в женском роде (наряду с ambo) duo (Amp., 1108—9, трохеические септенарии):

devolant angues jubatae deorsum in inpluvium duo
maximae; continuo extollunt ambo capita.

Далее, в надписях иногда встречаются и им. и вин. п. ср. р. duī, которые Квинтилиан (I, 5, 15), однако, осуждает как варваризмы. Тем не менее, в обыденной речи эта форма получила, повидимому, широкое распространение, и мы находим ее в застывшем выражении duarondō.

Наряду с duō существовала также форма ambō «оба», ср. гр. *ἄμφω*, которая склоняется как duō, но в именительном падеже имеет ō; см. Овидий (Metam., VIII, 693):

ite simul. Parent ambō, baculisque levati.

В дальнейшем, по аналогии с duō, было введено скандирование ambō; так, Валерий Флакк (VII, 693) пишет:

— — — ambō truces, ambo abscessere minantes.

Кроме того, древние авторы употребляли еще вин. п.

ambō, сохранившийся еще у Тита Ливия (XXVII, 27, 7).

Возможно, что у Плавта сохранились следы и ж. р. ambō (Merc., 231); таково чтение ватиканской рукописи (B), которое издатели исправляют на ambae.

в) Trēs:

	Мужской и женский род	Средний род
Им.	trēs	tria
Вин.	trīs, впоследствии trēs	tria
Род.	trium	trium
Дат., отлож., оруд.	tribus	tribus

Trēs — это древнее *treyes — им. п. мн. ч. м. р. основы на -i-, *tri-; ср. гр. τρεῖς, гортинск. трееε, скр. tráyah; в среднем роде родительный и дательный падежи образованы от редуцированной ступени *tri-, которая встречается также в trī-rēs; о trī- в trigintā см. § 158.

В народном языке duo, trēs имеют тенденцию к превращению в несклоняемые; ср. duo verbis (Новий, 3, R³), annis duo (C.I.L., VI, 2785), an(n)is tres (C.I.L., VIII, 8637).

156. От «четырёх» до «десяти». Quattuor одновременно отражает и древний им. п. мн. ч. м. и ж. р. *kʷətworēs и им. п. ср. р. kʷətworā, давшие quattuor: первый подобно тому, как *līberos дало līber, второй — в силу отпадения конечного -ā (ср. ut из *uta); ср. оск. petoga «quattuor» у Феста (226, 33). Слияние именительного падежа мужского и женского рода с тем же падежом среднего рода имело своим вторичным результатом неизменяемость слова.

Наоборот, гр. τέτταρες (дорийск. τεττορες), скр. catvārah, имеют склоняемые формы.

Итал. quattro и франц. quatre восходят к народной форме quattor (C.I.L., VIII, 8798).

В сложении мы находим quadri-, ср. quadri-rēs и т. д.

Quīnque (с долгой гласной по аналогии с quīntus, правильно образовавшимся из *quinc-to-s) произошло, с ассимиляцией, из *rénikʷe, гр. πέντε; народная форма cinque (C.I.L., X, 5939), итал. cinque, франц. cinq.

Sex — из *seks, гр. ἕξ (дельф. Ἑξ из *sweks).

Septem — из *septm, гр. ἑπτά.

Octō — из *oktō, образовавшегося несомненно из древ-

него *oktōi, вед. aṣṭau, гр. ὀκτώ; народное *otto, ср. ottobres (C.I.L., XI, 2537), итал. otto.

Novem — из *newn; здесь следовало бы ожидать *noven, ср. nōnus, nōnāgintā, нем. neun; novem образовалось по аналогии с septem и decem.

Decem — из *dék_m, гр. δέκα.

157. От «одиннацати» до «двадцати». Имена числительные от одиннадцати до двадцати представляют собой сложные слова, образованные из числительного десять + соответствующая единица: undecim, duodecim, ср. гр. ἐνδεκα, δώδεκα (гомер. δωδέκα) и т. д.; *quīnque-decim, с синкопой ё, превратилось в quīndecim; sēdecim образовалось из *sexdecim¹. Что касается *octō-decim, *novendecim, то их заменили новые образования: duo-dē-vīgintī «два (отнятые) от двадцати», ūn-dē-vīgintī «один (отнятый) от двадцати».

158. От «двадцати» до «ста». Имена числительные от двадцати до ста состоят из соответствующих наименований единиц и имени среднего рода, происходящего от числительного десять и обозначающего «десяток», основа которого *kmt- представляла индоевр. *dkmt-, редуцированную форму от *dekmt-.

Двойственное число *kmtī этого имени появляется в vī-gintī из *wi-kmt-ī «два десятка» через промежуточную форму *vīcentī, ср. гр. εἴκοσι, дорийск. *Ἐἰκασι*, гераклейск. *Ἐἰκασι* (с конечным *ī* кратким в противоположность лат. *ī*). Народная форма vinti (C.I.L., VIII, 8573) дала итал. vinti, франц. vingt. Мн. ч. ср. р. *kmtā с *ā*, от основы *kmt-, послужило для образования других наименований десятков:

trīgintā «три десятка», гр. τριάκοντα с *ā* в противоположность лат. *ā* — народное trienta (C.I.L., XII, 5399), итал. trenta, франц. trente. Форма trī представляет собой древний средний род, засвидетельствованный наряду с tria (ср. скр.-вед. trī);

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 101, п. б.

² Здесь имеется в виду так называемое долгое слоговое *ḡ* «празыка», которым иногда обозначают довольно спорное соответствие лат. *gā*, гр. ρω и т. д., например лат. strātus, гр. στράτος. (Прим. ред.)

quadrāgintā- с ā в quadrā-, происходящим из r^2 , ср. дорийск.-ионич. τετρακόστα, народное quarranta (Bonn. Jahrb., 84, 241), итал. quaranta, франц. quarante;

quinqūāgintā, гр. πενήκοντα, народное cinquaginta (C.I.L., X, 5939), в соответствии с cinque. ā в quinqūāgintā, sexāgintā возникло по аналогии с quadrāgintā;

septu- в septuāgintā возникло под влиянием древнего *octuāgintā, гр. ὀκτώκοντα, замененного octōginta¹. Древнее франц. octante восходит к народной форме octaginta (Эдикт Диоклетиана, C.I.L., III, 810, 811);

nonāgintā произведено от основы порядкового числительного pōnus; ср. гр. ἑβδομήκοντα и т. д.

159. От «ста» до «тысячи». Centum из *(d)kmtóm было первоначально слово среднего рода, обозначавшее «сотню»², ср. гр. ἑκατόν, и ставшее неизменяемым. Эта же основа появляется и в таких сложных словах, как centimanus и т. д. Сложные слова склоняются как прилагательные: dūcentī, -ae, -a и т. д. Quādringentī, quīngentī и т. д. подобно vīgintī, quinqūāgintā и т. д. вместо с имеют g неясного происхождения. Quādringentī, octingentī образованы по аналогии с quīngentī, septingentī.

Mille также является словом среднего рода, которое в архаической латыни употребляется с родительным падежом; см. у Клавдия Квадригария (цитировано Авлом Геллием, I, 16, 1):

ibi occiditur mille hominum.

Отлож. п. millī засвидетельствован Луцилием (506; цитировано Авлом Геллием, I, 16, 21):

hunc milli passum qui vicerit atque duobus

«milli passum dixit pro mille passibus».

Мн. ч. mīlia сохранило склонение: mīlia (millia), mīlibus³.

¹ Wacker n a g e l, Verm. Beitr., стр. 47.

² Вернее, «десяток десятков»; ср. decem и корень *kmt-, входящий в наименование десятков.

³ О написании см. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 66, п. а. О формах латинских числительных см. также W ö l f f l i n, Das Duodecimalsystem, «Archiv. Lat. Lexic. u. Gramm.», IX, стр. 527; I h m, Vulgärformen lat. Zahlwörter auf Inschriften, там же, VII, стр. 64.

160. *Prīmus* в сущности является превосходной степенью (§ 99, п 1); ср. пелигнск. *prīsmi* «*prīma*». Умбрский диалект имеет уже иную форму: *prīmit*, протот из **рго-мо-*, гр. *πρῶμος*. Значение этого порядкового числительного, выделяющего единицу внутри ряда, объясняет употребление суффикса превосходной степени.

Secundus является причастием от *sequor* и означает «следующий», ср. *origundus*; *alter*, как уже было указано, употребляется в том случае, когда речь идет о двух предметах.

Tertius произошло из *trī-tyo-s; перед согласной **ter-*фонетически восходит к **tri-*. Этот же суффикс встречается и в умбр. *tertīm* «*tertium*» из *tertis, подобно *alis* (см. § 26, п. б).

Quārtus, *quīntus*, *sextus* имеют тот же суффикс **-to-*, что и гр. *τέταρτος*, *πέμπτος*, *ἕκτος*. *Quārtus*, происходящее из **k^wtwr̥-to-s*, имеет *a* по аналогии с *quattuor*; правильная фонетическая форма была бы *quortus, сохранившееся в диалектном имени собственном *Quorta* (Пренесте, C.I.L., XIV, 3283). Долгота *a* в *quārtus* засвидетельствована апексом¹ (C.I.L., XII, 3851 и 3852).

Порядковые от семи до десяти образуются с помощью суффикса *-o-*. *Quīntus* произошло из *quīnctus; гуттуральная в *Quīnctus* — результат ученого восстановления. *Sextus* является ученым написанием вместо *sestus, ср. *Sestius*. *Octāvus* произошло из *octōv-os вследствие дифференциации *ō* перед согласной *u*. *Septimus*, *decīmus* (древнее *decumus*) разлагаются на *septem-os, *decem-os, скр. *daçamáh* (ср. гр. *ἑβδόμος*, скр. *septamáh*). *Nōnus* из *noven-o-s должно было фонетически стать *nūnus (ср. *nūper* из *novi-per), но оно претерпело влияние *novem*.

Vīcēsīmus (*vīcēsūmus*) было образовано при помощи сочетания суффиксов **-to-²* и **-mo-* (ср. § 99, п. 5): *vīcēnt-to-mo-s стало **vīcē(n)ssomos*, *vīcēsūmus* (с упрощением *-ss-* после долгой гласной), *vīcēsīmus*. В дальнейшем отсюда был выделен суффикс *-ēsūmus*, *-ēsīmus*, послуживший для образования порядковых числительных — десятков и сотен.

¹ Апекс — значок, служивший римлянам для обозначения долготы гласной. (Прим. ред.)

² См. прим. ред. к стр. 100.

Разделительные и множительные
числительные

161. Сюда относятся:

	Прилагательные	Наречия
singulī, -ae, -a «по одному»	simplus, simplex «единый»	semel «однажды»
bīnī, -ae, -a «по два»	duplus, duplex «двойной»	bis «дважды»
ternī, trīnī	triplex	ter
quaternī	quadruplex	quater
quīnī	quincuplex	quīnquīē(n)s
sēnī		sexīē(n)s
septēnī	septemplex	septīē(n)s
octōnī		octīē(n)s
novēnī		novīē(n)s
dēnī	decemplex	decīē(n)s
ūndēnī		ūndecīē(n)s
duodēnī		duodecīē(n)s
ternīdēnī		terdecīē(n)s
vīcēnī «по двадцати»		vīcīē(n)s
vīcēnī singulī		semel et vīcīē(n)s
trīcēnī «по тридцати»		trīcīē(n)s
centēnī «по сто»	centuplex	centīē(n)s
ducēnī		ducentīē(n)s
singula mīlia (millēnī) «по тысяче»		mīlīē(n)s

162. Singulī, simplex, semel имеют корень *sem- «один», который мы находим также в sem-per «раз навсегда» (гр. εἷς, εἷν из *sem-ς, *sem) и в simul (древнее semol, semul), similis. В sim-plex, как и в duplex и т. д., второй элемент относится к корню *plek- «сгибать», ср. гр. δῖπλαξ, умбр. tuplak — вин. п. ед. ч. ср. р. — «furgam». Bis, bīnī произошли из *dwis, *dwisnoī так же, как bellum из duellum; ср. гр. δίς из *δFις.

Ter образовался от *ters из *trīs, гр. τρίς так же, как tertius из *trityos; ср. terr-uncius. Плавт скандирует еще terr. Quater появился вместо *quatrus, подобно sacer, заменившему sakros, ср. quadru-plex. В quīnquīē(n)s мы находим суффикс *-iē(n)s, ср. tot-iē(n)s, quot-iē(n)s, который, будучи прибавлен к последнему согласному основы числительного, стал служить для образования всех множительных наречий.

Начиная с bīnī, тот же суффикс *-no- употреблялся для образования множительных прилагательных: ter-nī (trīnī по аналогии с bīnī), quater-nī (quadrī-nī по аналогии с trīnī), quīnī, sēnī из *quinc-nī, *sex-nī, septēnī

(с $\bar{e}$ по аналогии с $s\bar{e}n\bar{i}$), $ost\bar{o}n\bar{i}$, $nov\bar{e}n\bar{i}$ (здесь следовало бы ожидать $*n\bar{o}n\bar{i}$, сохранившегося в имени «Нснь» $n\bar{o}nae$) по аналогии с $*sept\bar{e}n\bar{i}$; $d\bar{e}n\bar{i}$ — неожиданная форма вместо $*dec\bar{e}n\bar{i}$, образованная несомненно по аналогии с $*n\bar{o}n\bar{i}$, $s\bar{e}n\bar{i}$. $V\bar{i}c\bar{e}n\bar{i}$ относится к $v\bar{i}c\bar{i}\bar{e}(n)s$ так же, как $sept\bar{e}n\bar{i}$ к $sept\bar{i}\bar{e}(n)s$; далее, $tr\bar{i}c\bar{e}n\bar{i}$, $duc\bar{e}n\bar{i}$ и т. д. $Cent\bar{e}n\bar{i}$ и $mill\bar{e}n\bar{i}$ образованы правильно.

СПРЯЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

ГЛАГОЛ. ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ

163. Спряжение латинского глагола строится исходя из противопоставления двух основ: основы настоящего времени (*infectum*) и основы перфекта (*perfectum*). К последнему примыкает, не вполне точно по форме, но целиком по смыслу, основа отглагольного прилагательного на *-to-*, сыгравшая значительную роль в образовании глагольной системы латинского языка. Эта основа служила для образования перфекта страдательного залога и отложительных глаголов, а в действительном залоге — для образования описательных форм типа *habēo amātum*, которые развились наряду с простым перфектом типа *lēgī, amāvī*.

Это противопоставление, признанное и отмеченное уже Варроном¹, не предполагает, по крайней мере первоначально, противопоставления во времени: основа инфекта выражает действие в состоянии выполнения (несовершенный вид), основа перфекта — законченное действие (совершенный вид).

Первоначально эти основы были независимы одна от другой: по форме инфекта нельзя было установить соответствующую форму перфекта и наоборот; так, *stetī* — перфект от *sistō* и от *stō*, *cubiī* — от *cumbō* и от *cubō*. В дальнейшем ходе своего развития латинский язык стремился уже связать обе основы, т. е. установить между ними тесные отношения. В первичных глаголах, т. е. в глаголах,

---

¹ Варрон (116—27 до н. э.) в трактате «О латинском языке» («*De lingua Latina*», IX, 95 и сл.) устанавливает «несовершенное» («инфектное») и «совершенное» («перфектное») «разделения» в системе латинской глагольной флексии, внутри которых симметрично разветвляются времена. (*Прим. ред.*)

образованных непосредственно от корня, достигнуть этого окончательно не удалось, но в производных глаголах инфект и перфект увязаны полностью. Создание временных форм (настоящее, прошедшее, будущее время), параллельных в обеих основах, выявляет эту существенную тенденцию языка к тесному объединению инфекта и перфекта.

Как известно, выражение идеи времени (настоящего, будущего, прошедшего) в его различных моментах — явление сравнительно недавнее, и в каждом из индоевропейских языков оно осуществляется различными способами. Разные глагольные основы индоевропейского языка указывают на то, что действие или процесс рассматриваются либо в длительности (настоящее время), либо безотносительно к длительности (аорист), либо в законченности (перфект.) Слияние в латинском языке аориста и перфекта и создание собственно временных основ нарушили это первоначальное состояние.

В спряжении латинского глагола, за пределами противопоставления настоящего времени перфекту, которое к тому же не является неизменным и не всегда достаточно отчетливо, понятие вида отсутствует. Для его выражения латинский язык прибегает к другим способам, в частности к префиксации: простому несовершенному (или длительному) глаголу противостоит нередко сложный совершенный (мгновенный). Однако различие между простым и сложным глаголами не обязательно имеет такое значение, оставаясь часто неопределенным¹.

164. Залоги. В спряжении глагола различаются два залога: действительный и страдательный. Действительный указывает на событие, действие или состояние; страдательный имеет двойное значение:

1) Безличная форма на -г со значением неопределенного субъекта; ср. у Плавта (Роем., 835, трохеический септенарий):

tenebrae, latebrae; bibitur, estur, quasi in
popina, hau secus

или (528, трохеический септенарий):

---

¹ V a r b e l e n e t, De l'aspect verbal en latin ancien et particulièrement dans Térence, Париж, 1913, и P. L e j a u в книге R i e m a n n, Syntaxe latine, 7-е изд., § 1416.

an vero non justa causa est cur curratur celeriter.

Безличная конструкция служит здесь для усиления идеи глагольности без указания на действующий субъект. При этом она может иметь дополнение, во всяком случае у глаголов, за которыми следует дательный падеж: *invidētur mihi* «мне завидуют», *non parcitur labōri* «не щадят труда» подобно *invidēs mihi*, *non parcō labōri*. В безличной форме употребляются как переходные, так и непереходные глаголы. Этот оборот встречается также и в итальянских диалектах (ср. умбр. *ferar* «пусть принесут», оск. *sakrafir* «пусть принесут в жертву»), а также в группе кельтских языков.

2) Медиопассив, выражающий, как и в греческом языке, что субъект заинтересован в действии, выраженном глаголом; в латинском языке медиопассив часто имеет возвратное значение: *singor* «опоясываюсь», *conjungor* «присоединяюсь», *corrumpor* «порчусь», *disjungor* «отделяюсь», *induo* «одеваюсь», *vehor* «заставляю себя везти» и т. д. наряду с *singō*, *conjungō*, *corrumpō*, *disjungō*, *induō*, *vehō*.

Обычно в медиопассиве могут употребляться только глаголы, допускающие дополнение в винительном падеже.

165. Отложительные глаголы. Отложительными глаголами (получившими это наименование у латинских грамматиков в связи с тем, что, имея действительное или близкое к действительному значение, они «отбросили» действительные окончания) называются такие глаголы с действительным или средним значением, которые имеют одни лишь страдательные окончания: *sequor* «я следую» (ср. гр. *ἔπομαι*, ирл. *sechur*), *vāscor* «я питаюсь» и др. Отложительные глаголы относятся к наименее жизненным образованиям в латинском языке, что объясняется отсутствием у них в большинстве случаев собственной семантики. В разговорном языке всегда наблюдалась тенденция заменить отложительные глаголы, имевшие действительное содержание, соответствующей действительной формой. Так, Плавт, архаические авторы и вообще те писатели, язык которых приближается к разговорному, спрягают как действительные многие из тех глаголов, которые в классический период рассматривались как отложительные. И наоборот, иногда эти авторы принимают за отложитель-

ные глаголы те, которые в классическом языке спрягались как действительные¹. Такому состоянию неустойчивости и смешения благоприятствовало то обстоятельство, что, с одной стороны, отложительные глаголы имели формы действительного залога, например причастие настоящего времени (*sequēns* подобно *legēns*) и герундий, а с другой — отглагольное прилагательное на *-ndus* имело страдательное значение (*sequendus* «за которым должно следовать» подобно *legendus*); к тому же, некоторые причастия прошедшего времени имели оба значения — действительное и страдательное (см. § 307). Поэтому, несмотря на противодействие грамматиков и стилистов, отложительные глаголы стали понемногу исчезать из языка. У авторов поздней эпохи поражает искусственность отложительных глаголов. Так, Тертуллиан, образуя новые отложительные глаголы: *abstinērī*, *commemorārī*, *comperīrī*, *conjectārī*, *cōsultārī*, *lacrimārī*, употребляет вместе с тем и древние отложительные глаголы в страдательном значении: *cavillārī*, *confitērī*, *cōnsolārī*, *contionārī*, *gratulārī*, *interpretārī*, *remunerārī*, *sortīrī*. С дальнейшим развитием языка понятие отложительности все более и более ослабляется, и традиция теряет всякую определенность. У такого писателя, как Григорий Турский, отложительные глаголы — лишь искусственный пережиток исчезнувшего прошлого. В романских языках от них не осталось никаких следов.

166. Личные и неличные формы. Времена и наклонения.

В спряжении глаголов различаются личные и неличные формы. Первые, наиболее существенные, имеют времена и наклонения с личными окончаниями; вторые формы, как склоняемые, так и несклоняемые, примыкают по своему происхождению и морфологии к существительным.

а) Личные формы имеют три наклонения: изъявительное, или наклонение реальности, утверждения; повелительное — для выражения приказа (для запрещения изредка, по крайней мере первоначально), представляющее в глаголе то же, что звательный падеж в склонении; сослагательное — наклонение подчиненности, указывающее на волеизъявление

---

¹ J. В. Hofmann, *De verbis quae in prisca latinitate extant deponentibus* (диссертация), Грейфсвальд, 1910.

и предвидение; в латинском языке оно имеет также значение желательного наклонения, служащего для выражения желания и возможности, и условного наклонения.

В изъявительном наклонении каждая из основ *infectum* и *perfectum* имеет три времени: н а с т о я щ е е, п р о ш е д ш е е, или п р е т е р и т, и б у д у щ е е. Повелительное наклонение бывает только в настоящем и будущем времени инфекта: *perfectum enim imperat nemo*¹ (Баррон, L. L., IX, 101). Сослагательное наклонение в силу своего значения не имеет будущего времени ни в инфекте, ни в перфекте².

Каждое из этих времен имеет два ч и с л а: единственное и множественное; двойственного числа нет. Каждое из чисел имеет три л и ц а: первое, второе и третье (за исключением повелительного наклонения, не имеющего первого лица).

б) К неличным формам глагола относятся:

1) отглагольные существительные: и н ф и н и т и в (настоящего времени и перфекта в обоих залогах), г е р у н д и й и с у п и н, которые составляют своего рода склонение инфинитива действительного залога;

2) отглагольные прилагательные: п р и ч а с т и я (настоящего и будущего времени действительного залога, перфекта и будущего времени страдательного залога). Инфинитив будущего времени действительного залога при-
мыкает к причастию.

167. Спряжения. Как известно, в латинском языке единого спряжения нет, и найти удовлетворяющую классификацию трудно. Разделение на четыре спряжения, придуманное латинскими грамматиками³ и до сих пор обычное

¹ Хотя *mementō* морфологически представляет собой повелительное наклонение перфекта, семантически это настоящее время.

² Тип *amātūrus sim* — описательная форма недавнего происхождения, которая не входит в систему спряжения. Она имела всегда искусственный характер.

³ Варрон, который, повидимому, первый занимался этим вопросом, различал, исходя из гласной второго лица единственного числа изъявительного наклонения настоящего времени *teō, teās, neō, pēs, guō, guīs*, три спряжения: первое на *-ā-*, второе на *-ē-*, третье на *-ī-*. В императорскую эпоху последнее расщепилось на два в зависимости от количества *i*. Упоминание о четвертом спряжении впервые появляется у грамматика Сацердота (III в.), который, вероятно, заимствовал его у своего предшественника Кв. Реммия

в преподавании латинского языка, учитывает только настоящее время, сводя при этом воедино два различных образования: *legō* и *carīō*. Для перфекта такое деление вовсе непригодно. Образование перфекта не зависит от гласной корня: глагол на *-ā-* может иметь перфект как на *-vī* (*amā-vī*), так и на *-iī* (*son-iī*); кроме того, и перфект с удвоением (*ste-tī*). И наоборот, глаголы с различными основами в настоящем времени могут иметь сходные перфекты, например *auxī* и *jūxī* от *augeō* и *jūgō*, *laccessivī* и *audivī* от *laccessō* и *audiō* и т. д. Поэтому делались попытки установить более рациональную классификацию, объединяя, с одной стороны, первичные глаголы (типа *legō*), а с другой — производные (типа *fīnīō*, *albeō*, *cūrō*). Однако эта классификация, кажущаяся удобной на первый взгляд, при ближайшем рассмотрении оказывается неудовлетворительной: в спряжение типа *legō* входит, как мы увидим, некоторое количество производных глаголов, а в так называемые производные спряжения — некоторое количество первичных глаголов. Разграничить же эти две группы часто бывает трудно. Поэтому возникает необходимость ввести в изложение новые подразделения.

Также неприемлемым оказывается и различие тематических глаголов, т. е. тех, в которых окончание присоединяется к основе посредством так называемой тематической гласной *e/o* (например, *lege-re*), от атематических, где окончание присоединяется непосредственно к основе (например, *es-se*, *fer-re*). В латинском языке окончания тематических и атематических глаголов слились, и, с точки зрения латинского языка, в нем имеются лишь тематические глаголы; скудные следы атематического спряжения представляются уже аномалиями и не образуют целостной живой системы. Эти остатки мы рассмотрим в особом приложении, в связи с системой настоящего времени.

В историческом изложении предпочтительно рассмотреть сначала образования системы настоящего времени, где деление на четыре спряжения в известной мере оправ-

---

Палемона (I в.): *tertia producta quam quidam quartam vocant* (G. L., VI, 434 K). В VI в. Присциан принял и распространил эту классификацию; она удержалась до наших дней с некоторым дополнением к третьему спряжению (тип *carīō*, *caris*).

дано (при условии отделения *carīō* от *legō* и сближения его с *audiō*), а затем перейти уже к рассмотрению перфекта, группируя воедино сходные образования и выявляя отношения зависимости между основой инфекта и основой перфекта.

168. Личные окончания. Рассматривая латинскую глагольную форму *amā-mus, leg-i-tis, audi-t*, мы обнаруживаем две части: корневой элемент и личное окончание.

Более того, в некоторых временах и наклонениях перед окончанием появляется еще один элемент, характеризующий это время и наклонение: *monē-tā-mus, audi-ā-tis*; это — суффикс времени или наклонения. Таким образом, глагольная форма может состоять из трех составных частей:

корневой элемент + суффикс + окончание.

Корневой элемент видоизменяется в зависимости от глагола; он может быть простым, как в *dic-ō*, или же включать один или несколько суффиксов, как в *dic-t-ō, dic-t-it-ō* и т. д. Суффиксы времени и наклонения видоизменяются в зависимости от времен и наклонений, а в некоторых случаях и от спряжений; так, *amō* и *audiō* (или *legō*) имеют разные суффиксы и в будущем времени и в настоящем времени сослагательного наклонения. В некоторых случаях суффиксы могут отсутствовать, например в настоящем времени изъявительного наклонения и в повелительном наклонении. Наоборот, окончания являются общими для всех времен и наклонений всех глаголов, за исключением повелительного наклонения и настоящего времени перфекта изъявительного наклонения, которые характеризуются особыми окончаниями или отсутствием окончания. Во всех остальных случаях для выражения лица и числа служат одни и те же элементы. Это характерное единство мы находим также и в неописательных временах страдательного залога и отложительных глаголов, т. е. во всех временах и наклонениях инфекта: здесь также мы находим лишь один ряд окончаний, за исключением повелительного наклонения; именно эти окончания и служат для дифференциации в инфекте страдательного и отложительного залога от действительного.

ИНФЕКТ
Окончания

169. ОКОНЧАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

	Единственное число	Множественное число
1 л.	-ō или -m	-mus
2 л.	-s	-tis
3 л.	-t	-nt

Единственное число

170. П е р в о е лицо. Конечным элементом тематических глаголов в настоящем времени изъявительного наклонения является -ō; то же мы находим и в будущем времени глаголов на -bō и -sō и в перфективном будущем; ср. гр. λῶω. Однако в ямбических словах архаические поэты иногда сокращали -ō: отсюда различие между scīō (Плавт, Амр., 1082, ямбический октонарий):

scin me tuom esse erum Amphitruonem? — scīō. — vide
etiam nunc! — scīō

и intellegō (Rud., 101, ямбический сенарий):
villam integundam intellegō totam mihi.

По аналогии, а также в силу неопределенности конечных гласных это сокращение распространилось позднее и на другие глаголы, так что в императорскую эпоху одинаково употреблялись и ō и o, но чаще o краткое.

Другое окончание, -m, восходит к первичному¹ атематическому окончанию *-mī в форме sum, гр. εἶμι (§ 252, п.а). Во всех остальных случаях -m отражает вторичное окончание, соответствующее -ν гр. ἔλυον в прошедшем времени (претерите настоящего времени и перфекта), в сослагатель-

---

¹ Сравнительная грамматика индоевропейских языков, исходя по преимуществу из материалов древнеиндийского и греческого языков, различает первичные и вторичные окончания; так, для настоящего времени характерны первичные окончания, для прошедшего или для опатива — вторичные. Как среди первичных, так и среди вторичных могут быть и тематические (с помощью e/o) и атематические образования. В действительном залоге вторичные окончания отличаются от первичных атематических в единственном и в третьем лице множественного числа отсутствием конечного элемента i. Особое место занимают окончания перфекта. (Прим. ред.)

ном наклонении, в будущем на -am, которое по своему происхождению является древним сослагательным; то же в сослагательном на -im, являющемся древним желательным, п в форме inquam.

171. Второе лицо. Окончание второго лица -s может восходить либо к первичному окончанию *-si, ср. es (es-s) наряду с гр. гомер. ἐσ-σι, либо ко вторичному окончанию *-s, ср. erās, гр. ἔλυε-ς. Ни латинский язык, ни итальянские наречия не позволяют разрешить этот вопрос.

172. Третье лицо. Окончание третьего лица -t отражает одновременно как первичное окончание *-ti, гр. ἐσ-τι, так и вторичное окончание *-t, гр. ἔλυε из *ἐλυε-τ. Эти окончания первоначально различались: *-ti давало в латинском языке -t (*es-ti>est), а *-t давало -d (в надписи Дуэноса, C.I.L., I², 4: *siēt>sied; в надписи на форуме, C.I.L., I², 1: *essēt>esed). В оскском и умбрском диалектах это различие сохранилось: *-ti представлено здесь как -t, например оск. faamat «habitat» из *fāmati; *-t — как -d в оскском и как нуль в умбрском, например оск. fusíd «foret», умбр. habia «habeat».

В латинском языке вторичное окончание быстро исчезло, и во II в. до н. э. окончание -t стало общим. Так, в S.C. de Vas. мы находим: velet, eset «vellet, esset» вместо *veled, *esed (подобно sied); в литературном латинском — тоже только -t. В поздней латыни конечные -t и -d слились, вследствие чего в надписях встречаются и sit и sid, rogad и rogat и, наоборот, aput, aliquot вместо apud, aliquod. В народном латинском языке -t могло отпадать; так, в Помпеях читаем (C.I.L., IV, 1173): ama, peria, valia «amat, pereat, valeat».

Множественное число

173. Первое лицо. Окончание первого лица -tus произошло из древнего *-mos, формы, чередующейся с *-mes, которое мы находим в гр. дорийск. φέρομες; ср. род. п. Salutus наряду с Veneres (§ 46). При этом окончание -tus всюду краткое; если же случайно оно оказывается долгим, как, например, у Вергилия (Aen., IX, 609):

terga fatigamūs hasta; nec tarda senectus,

то это результат поэтической вольности, позволяющей в сильном времени и в конце полустиший считать слоги, от природы краткие, долгими (Georg., III, 76):

altius ingreditūr et mollia crura reponit,

где -tur считается долгим.

След окончания *-то без конечного -s сохраняется в конечном элементе медиопассива -tur из *то-г. В санскритском языке мы также находим окончание -mā (вторичное), чередующееся с окончанием -maḥ или -masi (первичным).

174. В т о р о е лицо. В отличие от гр. -τε, ср. λύετε, и скр. -tha (первичного) и -ta (вторичного) латинский язык имеет -tis, фонетически восходящее к *-tes. Обычно считают, что -s в *-tes образовано по аналогии с вторым лицом единственного числа (legiti-s согласно legis) или же с первым лицом множественного числа (legiti-s согласно legiti-s). Однако возможно, что, как и в первом лице, здесь были два окончания: одно без -s, *-te, сохранившееся в повелительном наклонении, и второе — с -s, *-tes (которое можно сравнить с окончанием второго лица двойственного числа, скр. -thas), ставшее характерным для других наклонений.

175. Т р е т ь е лицо. Как и в третьем лице единственного числа, в окончании -nt отражены и первичное окончание *-nti, ср. дорийск. φέρουσι, и вторичное *-nt, ср. гр. ἔλυον из *ἔλυοντ. Можно полагать, что -nti сохранилось в фрагменте гимна Салиев, к сожалению искаженном, который приводится у Теренция Скавра (G. L., VII, 28 K) и Феста (222, 28): prae tet tremonti (в рукописях: praetexere monti или pretet tremonti) «prae te tremunt». Поскольку -i в конечном слоге исчезло, оба окончания слились¹. В латинском языке следы этого различия не со-

---

¹ О возможности отпадения конечного -i > -ě см. Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, §§ 21, 24. Что касается вторичного окончания 3 л. мн. ч., то, учитывая оскс.-умбр. -ns, а в 3 л. ед. ч. свойственное всем италийским языкам -d, мы не имеем основания утверждать, что в латинском языке оно имело бы форму -nt. Утверждение Эрну о «слиянии» двух окончаний слишком решительно. В латинском языке первичное окончание легко могло обобщиться, поскольку основная функция вторичного, указание на прошлое или на нереальность, выполнялась суффиксами времен и наклонений, и в особом вторичном окончании необходимости не встречалось. (Прим. ред.)

хранились, в то время как в оскско-умбрском мы находим: умбр. *sent* «*sunt*», оск. *sins* «*sint*». Конечное *-t* в народном латинском языке перестало звучать и отпало; отсюда такие формы, как *quiescun* (C.I.L., X, 6785), *sun* (X, 5939) и т. д.

176. ОКОНЧАНИЯ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА И ОТЛОЖИТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

	Единственное число	Множественное число
1 л.	-r	-tur
2 л.	-re, -ris	-minī
3 л.	-tur	-ntur

Первое и третье лицо единственного и множественного числа оканчиваются здесь на *-r*, составляя, таким образом, группу, которая противостоит второму лицу единственного и множественного числа, не имеющему этого конечного согласного. Выше мы видели, что данное *-r* характерно для безличной формы (типа *itur* «идут»). По аналогии оно распространилось и на другие лица медиопассива, за исключением двух только что названных лиц.

177. Первое единственного числа. Окончание *-r* этого лица либо прибавляется к конечному *-ō*, которое вследствие этого сокращается, либо ставится вместо *-m*, которое, таким образом, вытесняется; отсюда *-ōr*, *-ār*. У архаических авторов встречается также *-ōr* и *-ār*, например у Плавта (Amp., 1056, асинартетический ямбический октонарий):

iam ut opprimār, ut enicer, me miseram quid agam nescio
и (Rud., 852, ямбический сенарий):

salve. — salutem nil morōr, opta ocus.

178. Второе единственного числа. Окончание второго лица *-re* произошло несомненно из окончания среднего залога **-se*, чередующегося с **-so*, ср. гр. *λύου* из **λυετο*, причем *-s* в положении между гласными озвончилось. *-ris* представляет собой сложное окончание, возникшее из **-se*, к которому присоединилось *-s*, характерное для второго лица: *legeris* по аналогии с *legis*. *-re* является древней формой. У Плавта встречается лишь девять бесспорных случаев на *-ris*. Теренций употребляет

только -re. Поскольку одна и та же форма *legere* служила одновременно для второго лица настоящего времени изъявительного наклонения и для повелительного наклонения, то по образцу противопоставления *legis* «ты читаешь» и *lege* «читай» была образована наряду с *legere* «тебя читают» и «пусть тебя читают» форма *legeris* «тебя читают». Восстановление конечного -s в языке образованных людей Рима благоприятствовало распространению -ris; s, произносившееся в *legis*, способствовало утверждению новой формы *legeris*. Однако в классический период оба окончания сосуществовали, и Цицерон систематически различал их: в настоящем времени изъявительного наклонения он обычно употреблял -ris во избежание смешения с повелительным наклонением (а также с инфинитивом настоящего времени действительного залога); в прошедшем несовершенном и в будущем времени изъявительного наклонения, в настоящем и прошедшем несовершенном сослагательного наклонения, где смешение невозможно, — предпочитал -re.

В диалектных надписях встречается еще конечный элемент *-rus: *spatiarius* (C.I.L., I¹, 1220, Беневент), *utarius* (I¹, 1267, Везузия), *figarius* (C.I.L., IV, 2082, Помпеи), т. е. вторичное окончание *-so+s.

179. Третье лицо единственного и множественного числа. Окончания третьего лица -tur и -ntur представляют собой сложные конечные элементы, состоящие из вторичных окончаний среднего залога *-to, -nto, ср. гр. ἐλύε-το, ἐλύο-ντο, и присоединившегося к ним элемента *-r¹.

В оскско-умбрском и в кельтском языках для третьего лица единственного числа имеются две формы: одна — безличная, без окончания *-to: умбр. *ferar* «пусть принесут», оск. *sakrafir* «пусть принесут в жертву», вторая — личная, сходная с формой латинского языка, но с другой огласовкой: оск. *vincter*, *sakarater* («convincitur, sacratur», умбр. *herter* «oportet»). Отсюда ясно, как образовалось латинское окончание: это — контаминация вторичного окончания медиопассива *-to с безличным окончанием *-r.

¹ Meillet, *Désinences verbales de l'indoeuropéen*, «B. S. L.», XXIII (70), стр. 68; Sur les désinences en -r, там же, XXIV; стр. 189; Vendryes, *Sur les formes verbales en -r du tokharien et de l'italo-celtique*, «Rev. celt.», XXXIV, 1913, стр. 129 и сл.

Во множественном числе оскский диалект еще сохраняет огласовку -e: *karanter* «*pascuntur*», но в умбском имеем -*ntur*, как и в латинском: *emantur* «*emantur*».

180. П е р в о е   л и ц о   м н о ж е с т в е н н о г о
ч и с л а. Конечный элемент первого лица -*ntur* образован из окончания действительного залога *-*mo-* (ср. в действительном залоге -*ntus* из *-*mo-s*) + -*r*.

181. В т о р о е   л и ц о   м н о ж е с т в е н н о г о
ч и с л а. Из всех окончаний второго лица -*nti* — самое неясное; в системе глагола оно совершенно изолировано и происходит, очевидно, от какой-то древней именной формы глагола, скорее всего от причастия (ср. гр. *λεγόμενοι*), включившись в состав личных форм. Предположение о его близости к окончанию греческого инфинитива -*μεναι*, типа *λεγέμεναι*, маловероятно, так как формы инфинитива италийских языков отличны от форм инфинитива греческого языка.

В распределении окончаний страдательного залога обнаруживается интересный параллелизм: первое и третье лицо единственного и множественного числа сходны между собой: *amor*, *amāmur*, *amatur*, *amantur*; второе лицо — *amāre*, *amantī* — не имеют характерного конечного -*r* страдательного залога. Кроме того, здесь представлены лишь вторичные окончания медиопассива: -*so*, -*to*; от первичных окончаний, которые мы находим, например, в греческом языке, никаких следов не сохранилось.

П р и м е ч а н и е. Особые окончания повелительного наклонения и перфекта будут рассмотрены одновременно с этими формами.

Образование основ настоящего времени

182. Из четырех спряжений латинского языка действительно продуктивными и способными непрерывно пополняться являются два; сюда относятся глаголы типа *amāre* и *audīre*, образующие своего рода слабое спряжение. Типы *legō*, *scribō* и даже *monēbō*, *implebō* с развитием языка не пополняются; в большинстве случаев это сильные глаголы.

Последующее изложение начнется с третьего спряжения, содержащего наибольшее количество корневых тематических глаголов.

183. В третье спряжение входит около 570 простых глаголов и 1830 сложных, всего до 2400 глаголов. По большей части, простые глаголы являются корневыми тематическими, т. е. имеют основы, образованные непосредственно от глагольного корня + тематическая гласная -o/e-: legunt из *leg-o-nti, leg-e-re. По гласной корня мы и можем произвести классификацию этих глаголов.

Чаще всего в корне представлена огласовка е.

184. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ ě

- clerō «краду», гр. κλέπτω
 depsō «мну» (заимствовано из гр. δέψω?)
 emō «беру, покупаю», умбр. emanatur, ирл. emim
 fervō «киплю, волнуясь», засвидетельствовано у архаических авторов наряду с ferveō, ирл. berbaim
 fremō «шумлю, ворчу», гр. βρέμω (?)
 gemō «стоню», гр. γέμω
 genō «рождаю» (редкое и архаическое слово наряду с gignō), гр. ἐγενόμην
 gerō «несу» из *gesō, ср. ges-tus и gestāre
 insequō «говорю, рассказываю», архаическое слово, гр. Гомер. ἔννεπε из *ἐν-νεκω-ε
 legō «читаю, собираю», гр. λέγω
 mergō «погружаюсь»
 metō «жну»
 pendō «вешаю, взвешиваю», умбр. ampentu «impenditō»
 petō «прошу», гр. πέτομαι
 premō «давлю»
 queror «жалуюсь» из *quesor, ср. ques-tus, скр. c̥vāsati «дышит»
 regō «правляю», гр. ῥέγω
 sequor «следую», гр. ἔπομαι
 serō «плету», умбр. a-serum «adserere», гр. ἔρμα, εἶρω
 serpō «ползу», гр. ἔρπω
 stertō «храплю»
 strepō «шумлю»
 tegō «покрываю», гр. στέγω
 terō «тру», гр. τείρω

texō «тку»

tremō «дрожу», гр. τρέμω, умбр. tremitu «tremēfacitō»

trepit «он дертит» (приведено у Феста; однако возможно, что оно заимствовано из гр. τρέπω)

vehō «везу» из *weghō, ср. vexāre из *wegh-sāre и гр. памфилийск. *Φεχετω*

vergō «склоняюсь», скр. vārjati «он поворачивает»

vergō «мету»

vertō «поворачиваю», умбр. ku-vertu, covertu «rever-titō», скр. vārtate «он оборачивается»

В трех последних глаголах *e* может быть двоякого происхождения. Оно может быть древним и соответствовать формам на *a* в санскритском языке: лат. vert- = скр. vart-. Но возможно также, что группа ver- произошла из древнего vor- (vortō > vertō подобно vormis > vermis¹), где -or-, повидимому, произошло из гласной -r-, представляющей редуцированную ступень корня: vorsus в точности соответствует санскритскому причастию वृत्ताह, в то время как в старославянском языке vergō имеет соответствующую форму връхъ с -ръ- из -r-. Vortō могло быть вторичным образованием по аналогии с vorsus, поскольку древняя флексия была vertō, vōrsus. Это предположение подтверждается, повидимому, умбрским языком, где ku-vertu, covertu «convertitō» противопоставляется trahvorfi «transvorsē».

О serō «сею» будет сказано при рассмотрении глаголов с удвоением.

Примечание. К этой же группе примыкает и сложный глагол, не имеющий соответствующего засвидетельствованного простого: oc-siŭō из *oc-selō, ср. производное sēlāre (с ē) и др.-в.-нем. hefan «прятать».

185. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ *e*

cēdō «удаляюсь» из *ce-zd-ō, образованного из частицы cē (ср. cē-dō «дай») + *-zd- — редуцированная ступень корня *sed- «итти», который мы находим в ὀδός из *sodos

gērō, «ползу», лит. replióti «ползать»

¹ О переходе or > er см. Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 28.

Сѣдō произошло из *cezđō с первоначальным ě; долгота ē — вторичного происхождения, возникла в связи с упрощением группы согласных; в ġērō долгота ē изначальная.

186. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ I

Чаще всего ĭ представляет собой редуцированную форму корня с дифтонгом -ei-:

dī-vidō «делю» (редуцированная ступень *widh- корня *weidh-, умбр. vetu «dividitō» из *weidhe-tō)

frigō «пищу (о новорожденном)»; этимология неизвестна

mittō «посылаю» (несомненно из *mītō)

187. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ I

Гласная i имеет тройное происхождение:

1) Она может отражать древний дифтонг -ei-:

sōnīvō (приводится у Присциана наряду с sōnīveō)

«закрываюсь, моргаю», гот. hneiwān, нем. neigen

dīcō «говорю», древнее deicō: deicerent (S.C. de Vac.),

оск. deikum «dīcere»

fīdō «доверяю», древнее feidō, d[if]eidens «diffidēns»

(C.I.L., I¹, 1175), гр. πείθομαι

nītor «опираюсь», тот же корень, что и в sōnīvō

nīvit «идет снег» (у Пакувия, Paulus, 3, Ribb.: sagittis

nīvit наряду с nīnguit) от корня *sneigh -, гр. νείφει

strīdō «скриплю», засвидетельствовано наряду с strīdeō

из *streid-, редуцированная ступень *strīd- в гр.

τρίζω

2) Она могла быть всегда долгой в латинском языке:

fīvō, fīgō «втыкаю», figier без дифтонга (S.C. de Vac.),

умбр. fīktu «fīgitō»

-fīgō «бью», гр. φλίζω?

fīgō «жарю», умбр. frehtu «frictum», гр. φρούγω с другой

огласовкой

īcō «ударяю»

scrībō «пишу», оск. scriftas «scriptae», гр. σκαρῖφάομαι

vivō «живу», скр. jīvatī «он живет», оск. bivus «vīvī»,
гр. βίωμα

3) Она могла явиться в результате заменительного удлинения:

irridō «смеюсь», засвидетельствованное наряду с ir-
rideō, из *wrizd-, скр. wrīdyati

pisō «толку», фонетическое написание глагола pin-
sō¹

О sidō «сажусь» см. § 196.

188. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ й

Чаще всего й встречается в группах, происходящих из гласных ɪ, I, давших перед согласной -ur-, -ul-; кроме того, оно может представлять также редуцированную ступень корня с дифтонгом -eu-:

currō из *kɪrsō, ср. др.-в.-нем. hros «Ross»

fulgō «блещу», архаическое слово, наряду с fulgeō из *bhlg-, гр. φλέγω из *bhleg-
furō «неистовствую» (не имеет достоверной этимологии)

rudō «рычу, реву», редуцированная ступень корня *reud-, ср. скр. rōditi, rudānti; форма reud- появляется в дублете rūdō, долгая гласная которого засвидетельствована у Персия (3, 9). Санскритская форма указывает на то, что глагол был некогда атематическим

sculrō «вырезаю из камня, высекаю» (образовано, повидимому, по аналогии со сложными глаголами от scalrō, например in-sculrō и т. д.)

turgō «раздуваюсь» (форма, встречающаяся в глоссариях наряду с turgeō)

Форма с редуцированной ступенью fulgō возникла, повидимому, по аналогии с fulgeō, где нулевая ступень огласовки является нормальной (см. § 218). Можно было бы ожидать *flegō. Что касается turgō, то оно засвидетельствовано слабо; поэтому принимать во внимание эту форму не приходится.

---

¹ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 87.

189. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ *ū*
(восходящей к древнему дифтонгу *-eu-* или *-oi-*)

1) *ū* произошло из *eu* (превратившегося в латинском языке в *ou*) в глаголах:

dūcō «веду», ср. *abdoucīt* (C.I.L., I², 6)

ēgūgō «изрыгаю», гр. ἐρέγγουμαι

glībō «облупляю» из **gleubh-*, ср. соврем. нем. *klauben*, редуцированная ступень **glubh-* в гр. γλύβω

pūbō «выхожу замуж», корень **sneub-*, редуцированная ступень **snūb-* в *rgōpūba*, ср. ст.-слав. *сноубити* «любить, просить руки»

trūdō «толкаю», соврем. нем. *ver-driessen*

ūrō «жгу», гр. εὔω из *εὐσω > *εὐλω

O rūdō «рычу» см. § 188.

2) *ū* произошло из *oi* в:

lūdō «играю», ср. *luidos* (C.I.L., I², 175)

ūtōr «пользуюсь», ср. *oitile* (C.I.L., I², 586)

3) *ū* продолжает древнее *ū* в:

sūgō «сосу» из **sūg-*, соврем. нем. *saugen*

190. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ *ō*

Гласная *ō* имеет двойное происхождение:

1) Она может быть древней *ō*:

olō «пахну», архаическое слово, наряду с *oleō*, ср. *odor* и гр. ὄζω, ὄδωδα

sorbō «хлебаю» наряду с *sorbeō*, гр. ῥοφέω

Vomō, *-is* «блюю» и архаические дублеты *sonō*, *-is* (Эний, Акции, Лукреций), *tonō*, *-is* (Варрон) к *sonō*, *-ās*, *tonō*, *-ās* являются древними атематическими образованиями настоящего времени от двусложных корней. *Vomit* соответствует скр. *vāmiti*; обе формы восходят к *vomā-ti, ставшему в латинском языке *vomāti > *vomāt, *vomit* (ср. *reddīt* из *red-dāt-i). *tonit* соответствует скр. *staniti*, а *sonitum* — скр. *svanitaḥ*. Эти глаголы оказались в группе тематических глаголов типа *legō* лишь вторично вследствие фонетических изменений; ср. *rūdō* (§ 188).

2) Она может быть фонетически закономерным отражением древнего *ō* (или, в исключительных случаях, древнего *a*):

colō «возделываю, обитаю» из *k_welō, ср. гр. πέλωμαι

coquō «варю» из *pek^wō*, давшего *k^wek^wō* > *coquō*

(ср. *quinque* из *penkwe), гр. *πέσσω*, *πέπτω*
loquor «говорю» из **laquor*¹, ср. гр. *λάσσω*, *ἔλακον*
о в *molō* «мелю» может отражать или древнее о: гот.
malan «молоть» (нем. *mahlen*), или древнее е: ирл.
melim.

о приведенного выше глагола *sonō* отражает скорее
древнее е: *swenō > *sonō*.

191. ТЕМАТИЧЕСКИЙ ГЛАГОЛ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ ō

rōdō «грызу» из **rōd-*, чередующегося с **röd-* в скр.
rādati «он грызет»

192. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ ā

agō «веду», гр. *ἄγω*

alō «питаю», др.-ирл. *alim* «питаю»

cadō «падаю»

canō «пою» из *k⁰n-ō, ср. умбр. *kanetu*, гр. *κανάζω*
и *κόναζος*

carō «срываю, щиплю», ср. гр. *καρπός* «плод»

lavō «мою» из *lovō, ср. гр. *λούω*

rasunt «*ragunt» «договариваются», ср. *rasiscor*, в за-
конах XII таблиц

parcō «щажу»

rabō «бешусь» (и *rabiō*)

sarō «обрезаю виноградник», гр. *ἄρπη* «серп»

scabō «чешу», гр. *σκάπτω*, *ἐσχάπτει*

scalpō «скоблю, вырезаю»

scatō «бью ключом» (у Лукреция наряду с *scateō*),
лит. *skastu* «прыгаю» (претерит *skatau*)

spargō «рассыпаю», гр. *σπέρχω*

trahō «тащу», др.-исл. *draga* «тащить»

193. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ ā

cārō «чешу шерсть» (*carrō*?)

lābor «скольжу» (наряду с *lābō*, *-ās*)

rādō «скоблю» (ср. *rōdō*)

vādō «иду, ступаю»

¹ Малодостоверная этимология, не оправданная и фонетически.
(Прим. ред.)

194. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С ДИФТОНГОМ
ae (из ai) или au

baetō «ступаю», умбр. ebetrafe «in exitūs»
caedō «режу, разрезаю»
laedō «ударяю»
quaerō «ищу», ср. quairatis (C.I.L., I², 11)
plaudō «рукоплещу» (возможно, «сверхурбанизм» вме-
сто plōdō)
О claudō см. § 203.

195. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ на -iū

(и может отражать древний дифтонг *-eu, *-ou- или
быть древним *-ū-)

-biū в imbiū «пропитываю»
cliū «слыву, славлюсь» наряду с clueō (см. § 218),
гр. κλέ(F)ος, κλύω¹
cliū «чищу» из *clovō, ср. clo(v)asa, гр. κλύζω из
*κλυδ-ω, ср. κλύδα (вин. п. ед. ч.)
-gruiō «бросаюсь» (con-, in-)
liū «развязываю, плачю» и сложное с ним soluiō,
solvō, гр. λύω (смешалось впоследствии с -liū,
формой от lavō в словосложении)
pol-liū «мараю», гр. λῶμα
-piū «киваю» (ab-, ad-, in-, re-), гр. πείω
pluit «идет дождь», архаич. plovit, гр. πλέ(F)ω,
πλεῖ-σομαι
riū «низвергаю(сь)», гр. ῥύομαι
spiū «плюю», гр. πτύω
siū «шью», гот. siu-ja
struiō «строю», ср. struēs, гот. straujan «рассыпать»,
нем. streuen
tuor «охраняю, гляжу» (наряду с tueor)
-iū «одеваю(сь)» (ex-, ind-), умбр. an-ou-ihī-mi «in-
duitor», корень *ew-, *ow-
voluō, volvō «качу», древняя основа *welu-, ср. гр.(F)ελύω

П р и м е ч а н и е. Fluō «теку» произошло из *fleugwō, ср. flūxtī,
архаич. лат. con-flūgēs «стечение (вод)», fruor «наслаждаюсь» из
*frūgwōr, ср. frūgī, frūgēs и fructus, гот. brūkjan «пользоваться», нем.
brauchen.

¹ Во всяком случае cliū — более поздняя форма, чем clueō
и, возможно, образована в подражание гр. κλύω.

196. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ С УДВОЕНИЕМ

bibō « пью », гр. πῖ-θι

gignō « рождаю » наряду с genō, гр. γίγνομαι, корень *genə-/gnē-

serō « сею » из *si-s-ō, корень *sē-, ср. sēmen

sidō « сажусь » из *si-sd-ō > *si-zd-ō, корень *sed-, гр. ἕζομαι и sedeō « сажу »

sistō « ставлю, останавливаю(сь) », корень *stā-/stə-, ср. stāre, stātus, гр. дорийск. ἵστα-μι

из *σι-στᾶ-μι

197. ФОРМЫ С СУФФИКСАМИ И С ИНФИКСОМ

Помимо рассмотренных выше корневых глаголов, тип с тематической гласной -e/o- содержит также известное количество форм с инфиксом и с суффиксами. Некоторые из таких форм распознаются легко, поскольку инфикс или суффикс появляется только в настоящем времени или же прибавляется к уже существующим именным или глагольным формам для образования отыменных или отглагольных глаголов. Однако мы знаем, что в процессе дальнейшего языкового развития суффикс или инфикс стремится обычно к слиянию с корнем, и тогда выделение его становится невозможным. Так, в латинском языке многие формы, первоначально заключавшие в себе инфикс или суффикс, приобретали характер простых корневых глаголов. Правда, сравнение их с другими словами того же корня в этом же языке или в родственных языках может вскрыть здесь наличие чуждого элемента, но для латинян корень и суффикс (или инфикс) составляли в этом случае единое целое. Так, в fundō (корень *gheu-, ср. гр. χέ(F)ω) п при наличии fūdī представлялось инфиксом настоящего времени, в то время как d, тоже суффиксальное, относили к корню; никто уже не помнил древнего причастия exfutī = effūsī, приводимого в сокращении Феста (71, 13), где корень *fu- появляется без d: exfutus восходит к *ex-fu-to-s, в то время как ef-fū-sus производится из *ec-fud-to-s, ставшего *ec-fūs-so-s и позднее, с упрощением -ss- после долгой гласной, *ec-fūsus, effūsus. Кроме того, различные фонетические изменения нередко преобразовали облик суффикса. Так, например, латинский язык не дает возмож-

ности установить, представляет ли группа II первоначальное двойное l или l+d, или же l+n. Для говорящего, следовательно, существуют только глаголы на -llō, каково бы ни было происхождение этой группы. Все эти обстоятельства способствовали затемнению истории суффиксальных образований в латинском языке.

198. ГЛАГОЛЫ НА -scō (СУФФИКС *-ske/sko-)

Этот суффикс может прибавляться непосредственно к корню, который при этом оказывается:

1) либо в редуцированной форме:

ro-sc-ō «требую» (из *rog-sc-ō с -og- из гласной
r — тот же корень *rgek-, что и в rgesog)

и с удвоением:

di-sc-ō «учусь» (из *di-dc-sc-ō, ср. гр. διδάσκω
из *δι-δαх-σκω — тот же корень *dek-, что

и в каузативном doseō «обучаю»);

2) либо с долгой гласной:

crē-sc-ō «расту»

hiā-sc-ō «разверзаюсь»

nā-sc-or «рождаюсь»

(g)nō-sc-ō «узнаю», гр. эпирск. γνωσκω, аттич. аорист ἔ-γνω-ν

suē-sc-ō «привыкаю»

viē-sc-ō «вяну»

Суффикс *-ske/sko- с предшествующим суффиксом *-ī- служит для образования производных глаголов на -īscō, -īscor:

ap-ī-sc-or

ad-ip-ī-sc-or

«достигаю» (ср. apīō, aptus)

con-cup-ī-sc-ō «страстно желаю, домогаюсь» (cupīō)

pro-fic-ī-sc-or «отправляюсь» (faciō)

com-min-ī-sc-or «измышляю»

re-min-ī-sc-or «вспоминаю»

} (ср. mēns и moneō, а

также гр. μάνομαι из μαν-υ-ομαι, скр. mānyate «он думает»)

pac-ī-sc-or «договариваюсь, заключаю соглашение» (pax и pactus)

ex-perg-ī-sc-or «пробуждаюсь» (expergitus)

ulc-ī-sc-or «мщу» (ultus)

См. также § 200, п. 4.

Кроме того, указанный суффикс служил для образования многочисленной группы начинательных глаголов на -āscō, -ēscō, -īscō, производных от глаголов, прилагательных или существительных, типа:

amā-scō «влюбляюсь» (amō)

calē-scō «нагреваюсь» (caleō)

com-ре-scō «сдерживаю, подавляю» из *com-perc-scō, ср. parcō

obdormī-scō «засыпаю» (dormiō)

dūrē-scō «затвердеваю» (dūrus)

ignē-scō «воспламеняюсь» (ignis)

irā-scor «гневаюсь» (īra)

vesperāscit «вечереет» (vesper)

inveterā-scō «старею» (vetus)

В латинском языке форма на -scō получила широкое распространение. В народном языке она служила для образования не только непереходных глаголов, но и каузативных переходных; так в V в. мы встречаем: innōtescere «делать известным, объявлять», mollēscere «размягчать». В романских языках, особенно в итальянском и французском, этот суффикс существует и поныне, распространившись на настоящее время большинства глаголов на -Ire: je finis, nous finissons, итал. finisco, finiscono.

199. ГЛАГОЛЫ С НОСОВЫМ СУФФИКСОМ

ser-n-ō (из *cri-n-ō, ср. crī-brum и гр. χρῖνω из *кри-ν-уω
«просеваю, различаю» (crē-vī)

li-n-ō «мажу» (lē-vī), скр. lāyate «он прилипает»

sī-n-ō «позволяю» (sī-vī) и сложный с ним:

pō-n-ō «кладу» (из *po-sī-nō, ср. po-sī-tus)

sper-n-ō «презираю» (sprē-vī)

ster-n-ō «стелю, расстилаю» (strā-vī)

con-tem-n-ō «презираю» (con-tem-(p)sī)

Сюда же нужно отнести и глаголы: degustō «отведываю, пробую», являющийся, согласно сокращению Феста, синонимом к dēgustō, и solinō, истолковываемый Фестом с помощью глагола consulō. Далее, у архаических авторов суффикс -n- появляется в целом ряде форм третьего лица

множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения: *da-n-unt* «*dant*», *ferī-n-unt* «*feriunt*», *obī-n-unt* «*obeunt*», *prodī-n-unt* «*prodeunt*», *redī-n-unt* «*redeunt*», *explē-n-unt* «*explent*», *nequī-n-unt* «*nequeunt*», *inse-ri-n-untur* «*inseruntur*». Наиболее распространенной из этих форм является *danunt*; она встречается у авторов комедий, а также засвидетельствована в одной надписи (C.I.L., I¹, 1175):

donu danunt Hercolei maxsume mereto

«*dōnum dant Herculī maximē meritō*». Все эти формы неизвестного происхождения в литературе классического периода отсутствуют.

Примечание. В *miniō* «уменьшаю», *sterniō* «чижаю» (гр. *πτάρνομαι*) суффикс **-ni-* функционирует как часть корня и употребляется во всех временах.

Наряду с простыми глаголами *spernō*, *sternō* встречаются и сложные с суффиксом *-ā-*: *aspernāgī* «отвергать с презрением», *consternāre* «приводить в ужас»; все эти глаголы примыкают к первому спряжению на *-ā-*.

200. ГЛАГОЛЫ С НОСОВЫМ ИНФИКСОМ

В этих глаголах носовая согласная помещается внутри корня, перед его конечной согласной, например *tu-m-rō* — корень **rup-*, *ju-n-g-ō* — корень **jug-* (ср. *jugum*), почему она и называется носовым инфиксом. Многие из этих глаголов были в древности атематическими, как, например, *findō*, *scindō*, однако наряду с ними встречаются и тематические, как об этом свидетельствует ведийская форма настоящего времени *tundate* «он ударяет», лат. *tundit*. Глаголы, имеющие этот инфикс, подразделяются на следующие категории:

1) Глаголы, у которых носовая появляется только в основах настоящего времени:

-cumbō «ложусь» в *ac-cumbō* и т. д. (*cubiū*), ср. *cubō*, *-āre*

findō «раскалываю» (*fidī*), скр. *bhinádmi*

frangō «ломаю» (*frēgī*), гот. *brikan*, нем. *brechen*

fundō «лью» (*fūdī*), корень **gheu-/ghu-*, гр. *χέ(F)ω*

linquō «оставляю» (*līquī*), гр. *λείπω*

ringor «скалю зубы» (*rictus sum*)

rumpō «ломаю» (*rūpī*), скр. *lumpáti* «он разбивает»

scindo «разрываю» (scidī, гр. σχίζω из *σχιδуω, скр. chinádmī)

tangō «трогаю» (tetigī), гр. гомер. τεταγών (причастие)

vincō «побеждаю» (victī), оск. uincter «convincitur»

2) Глаголы, у которых носовая появляется в настоящем времени и в какой-либо другой основе (перфект или причастие на *-to-):

fiŋgō «леплю» (finxī, но fictus, figulus, effigiēs), оск. feihúss «mūrōs», скр. déhmi, 3 л. ед. ч. déghdi (вместо *dédhi)

pandō «распускаю» (pandī, но passus; pānsus — по аналогии с pandī)

rangō «вколачиваю» (repigī и ranxī, pāctus), гр. дорийск. πᾶγνυμί, πέπαγα, аорист ἐπάγη

ringō «вышиваю, рисую» (rinxī, но pictus, pictor), скр. piŋkte наряду с pičáti

pinsō «толку» (pinsī или pinsutī; pistus наряду с pinsitus), умбр. pistu «pistum», скр. pináštī «он размалывает»

prungō «колю» (pruigī и prunxī, punctus; rūgiō «кинжал»)

stringō «стягиваю» (strinxī, strīctus)

tundō «толкаю, ударяю», скр. tundate «он толкает» (наряду с tudáti), tududī, tunsus, но в сложении contūsus; ср. Катулл (62, 39, дактилический гекзаметр):

ignotus pecori, nullo contusus aratro.

3) Глаголы, у которых носовая согласная появляется во всех глагольных основах:

fungor «исполняю» (functus), скр. bhunkte

jungō «запрягаю» (junxī, junctus), ср. jugum и гр. ζεύγνυμι, ζυγόν

lambō «лижу» (lambī или lambūtī; ср. labium?), гр. λάπτω

lingō «лижу» (linxī, но ligūriō), гр. λείχω

ē-mungō «сморкаюсь» (ē-munxī, ēmunctus, ср. mūcus)

ninguit «идет снег» (ninxit, ср. nix и nivit)

plangō «ударяю» (planxī, planctus, но plāga), гр. аорист ἐπλάγη

prehendō «хватаю» (prehendī, prehēnsus, но praeda из *prai-hed-a)

-stinguō «колю, гашу» (dis-, in-, inter-; -stinxī, -stinctus, но instigāre), гр. σίζω из *σιγγω, σίγμα

4) Глаголы, у которых носовая появляется совместно с другими суффиксами:

conquī-n-ī-scō «наклоняюсь» (conquert)

frū-n-ī-scōr «наслаждаюсь» (frūnītus)

pa-n-c-ī-scog «получаю, нахожу» (nactus)

201. ГЛАГОЛЫ, У КОТОРЫХ НОСОВАЯ ВХОДИТ В СОСТАВ КОРНЯ

angō «душу, давлю» (anxī, anctus, angor), гр. ἄγχω, скр. anhañ «тоска»

*-candō «зажигаю» (ac-, in-cendō и т. д.)

cingō «опоясываю» (cinxī, cinctus, cingulum)

clangō «шумлю» (clanxī, clanctus, clangor)

mandō «жую, ем» (mandī, mānsus)

scandō «поднимаюсь» (scandī, scānsus)

ting(u)ō «окрашиваю» (tinxī, tinctus), гр. τέγγω

unguō «мажу» (unxī, unctus, unguentum), умбр. umtu «unguitō», umen «unguentum» из *omben

202. ГЛАГОЛЫ НА -tō

Этот суффикс распространился по всему спряжению и является как бы частью основы:

flectō «гну»

nectō «связываю, плету»

pectō «чешу», гр. πέχω и πέχω

plectō «плету», гр. πλέχω

plectō «ударяю, караю», ср. plangere, plāga

203. ГЛАГОЛЫ НА -dō

Следует отличать сложные глаголы dēdō «сдаю, выдаю», dīdō «раздаю», reddō «отдаю», abdō «прячу», addō «прибавляю», circumdō «окружаю», condō «основываю», crēdō «верю», ēdō «издаю, произвожу», indō «вкладываю», obdō «кладу перед, выставляю», perdō, pessumdō «гублю», prōdō «предаю», subdō «покоряю», trādō «передаю», vēndō, vēnumdō «продаю» —от глаголов, где d является суффик-

сом, например: claudō «запираю», ср. clāvis «ключ», cūdō «кую» (нем. hauen), tendō «натягиваю» от корня *ten-, ср. teneō и tentus, frendō «размалываю, скрежещу» (наряду с fremō), -fendō «ударяю, задеваю» в offendō (ср. гр. θείνω), pendō «вешаю» (ст.-слав. пьнъ) и т. д.

В других глаголах на -dō (например, plaudō) установить, является ли -d- суффиксом или частью корня, невозможно; в спряжении оно используется как корневой элемент.

204. ГЛАГОЛЫ НА -itō

(с -it- из *-ld- или из *-ln-)

-cellō «ударяю» из *celdō, ср. clādēs (per-cellō, prae-cellō)

sallō «солю» из *sal-dō, ср. salsus из *sald-tos

fallō «обманываю» (falsus)

pellō «толкаю» (pulsus, pultāre)

tollō (из *tol-n-ō) «поднимаю, устраняю», ср. со-
слагат. накл. tulam, lātus из *tlātos, tolerō

vellō «рву, щиплю» (volsus)

205. ДЕЗИДЕРАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ НА -scō

(-sō после долгой гласной или дифтонга)

arcessō (accersō) «призываю, приглашаю» (cēdō)

capessō «стараюсь взять, берусь за» (capīō)

facessō «старательно делаю, поспешно удаляюсь»
(faciō)

incessō «наступаю на» (cēdō)

incipessō «начинаю» (incipiō)

laccessō «стараюсь завлечь, дразню» (из *laciō, ср.
illiciō)

petessō «стремлюсь, добиваюсь» (petō)

quaesō (из *quais-sō) «собираюсь искать, прошу»,
ср. quaerō из *quaisō

vīsō «иду смотреть, навещаю» (videō)

206. ОТЫМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ

Помимо приведенных форм, третье спряжение содержит еще некоторое количество отыменных глаголов на -itō, образованных от именных основ на -i-; эти глаголы можно

сопоставить с греческими отыменными глаголами на -ύω типа γήρύω из γήρουω (*γήρυς), δαхρύω из *δαхруω (δαхру) и т. д.:

асиб «заостряю» из *асуоб (acus)

argiб «делаю ясным», ср. ἄργυ-ρος

gruб «кричу» (о журавле, grūs; ср. гр. γήρυς, γήρύω)

metuб «боюсь» (metus)

statuб «устанавливаю» (status)

tribuб «распределяю» (tribus)

Battuб «бью», dēlibuб «поливаю, натираю» — слова неясного происхождения. Gluб (в позднем языке), повидимому, образовалось от им. п. glus, пснятого как glu-s (несмотря на род. п. glutis), по образцу acus, асиб.

Наконец, к отыменным глаголам относятся:

consulб «спрашиваю совета» (consul)

vannб

e-vallб } «вею (хлеб)» (vannus, vallus)

Однако эти производные глаголы очень немногочисленны; это — слова позднейшего или неясного происхождения. Тип legб, формы с суффиксами и носовым инфиксом, составляет наиболее древнюю и значительную часть глаголов третьего спряжения.

Прочие спряжения

207. Прочие спряжения отличаются от спряжения корневых тематических глаголов тем, что в основе настоящего времени у них имеется долгая гласная ā, ē или ī (исключение составляет тип sarib, см. § 223), которая сохраняется во всех временах и наклонениях системы настоящего времени, кроме тех случаев, когда она подвергается сокращению по фонетическим причинам.

Первое спряжение

208. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НА -ā-

Спряжение основ на -ā- долгое, наиболее продуктивное в латинском языке и оставшееся наряду с начинательным типом единственным жизнеспособным спряжением в роман-

ских языках, охватывает около 3620 глаголов, из которых 1800 — простые. Лишь очень немногие из них принадлежат к числу первичных; к ним относятся главным образом древние атематические глаголы. Наибольшую же часть составляют в спряжении на -ā- производные глаголы, отыменные или отглагольные; кроме того, сюда входит и большое количество суффиксальных образований, из которых наиболее распространены: -igāre, -icāre, -ficāre, -illāre, -cināri, -itāre, -issāre.

209. КОРНЕВЫЕ ОДНОСЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ

flō «дую», корень *bhlā-, ср. flābrum
for «говорю», корень *bhā-, ср. гр. дорийск. φῶμι
nō «плаваю», корень *(s)nā-, ср. in-nābilis «несудо-
ходный», умбр. snata, snatu «уместа», скр. snāti
«он купает(ся)»

Dō «даю», dāre не может быть поставлено в этот ряд из-за чередования ā/ā в основе настоящего времени.

Stō, stāre «стою» (корень *stā-, — ср. гр. дорийск. ἵ-στᾶ-μι, obstāculum, — чередуется с *stā-, ср. status, гр. στατός) содержит суффикс *-yo-, о чем свидетельствуют в итальянских языках умбр. stahu «stō» из *stayō, оск. stahint «stant» (h в этих формах служит лишь разделителем двух соседних гласных).

210. КОРНЕВЫЕ ДВУХСЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ

agō «пашу», (ср. agā-trum «плуг», гр. ἄρῳ)
calō «зову», гр. καλέω, κλητός
hiō «зеваю» (ср. hiāscō)

211. ПЕРВИЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ, В КОТОРЫХ -ā- ПОЯВЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО В ОСНОВЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

serō «шумлю» (seruī)
domō «укрощаю» (domuī, ср. гр. δαμάω), где o древ-
него происхождения, др.-в.-нем. zamōn
micō «сверкаю» (micuī)
plicō «свертываю» (plicuī)
secō «режу» (secuī)
sonō «звучу» (sonuī)
tonō «гремлю» (tonuī)

vetō «запрещаю» (vetūī)

O sonere, tonere см. § 190.

Сюда же примыкают два глагола на -vō:

jūvō «радуюсь» (jūvī из *juv-vī, см. § 295, п. б)

lavō «моюсь» (lavī из *lav-vī, см. § 295, п. б)

212. ГЛАГОЛЫ НА -nā-

а) clīnō «наклоняю» (ср. clī-vus, гр. κλίνω, ἐκλίθην)
mānō «теку, сочусь»

б) От глагольные:

carinō «корю» (carō)

farcinō «набиваю» (farcio)

mūginor «ворчу» (mūgiō)

prae-stinō «торгую» (stō)

de-stinō «прикрепляю, назначаю»

ob-stinō «упорствую»

213. ФРЕКВЕНТАТИВНЫЕ («УЧАЩАТЕЛЬНЫЕ») ГЛАГОЛЫ НА -tō(-sō), -itō, -titō

Примеры:

cantō «пою» (canō)

clāmitō «бесперывно кричу» (clāmō)

dictō } «повторяю» (dīcō)

dictitō }

habitō «постоянно нахожусь, обитаю» (habeō)

singultō «рыдаю» — фреквентативный от исчезнувшего простого глагола, след которого остался в отглагольном существительном singultus

mersō «погружаю», архаич. mertō (mergō)

pulsō «сильно толкаю», архаич. pultō (pellō)

rogitō «без конца спрашиваю» (rogō)

versō «вращаю во все стороны, переворачиваю» (vertō)

volūtō «непрерывно катаю» (volvō) и т. д.

gustō «отведываю» — фреквентативный глагол от исчезнувшего простого, соответствующего гр. γεύω, ср. в.-др.-нем. costōm «испытывать» наряду с гот. kiusan.

В латинском языке фреквентативные глаголы производились от причастий на *-to-*; например, от *cantus* образовалось *cantō*, от *habitus* — *habitō* и т. д. Причастию на *-to-*, как обозначавшему состояние, было особенно свойственно выражение длительного или возобновляющегося процесса. Фреквентативные глаголы на *-to-* имели тенденцию заменять усилительно-длительные глаголы (см. § 214), которые с самого начала письменной традиции выступают как уже застывшая, более не пополняющаяся категория.

Глаголам с причастием на *-itus* соответствовал фреквентативный на *-itō*, например *habitō*, *dormitō*. Отсюда в языке выделился суффикс *-itō*, который и послужил для образования фреквентативных глаголов непосредственно от основы настоящего времени: *agō*, *agitō*; этот же суффикс служил и для усиления фреквентативного значения в тех случаях, когда оно оказывалось ослабленным: *dictō*, *dictitō*; *cantō*, *cantitō* и т. д.

Особенно часто встречаются фреквентативные глаголы в архаической и в послеклассической латыни. Повидимому, это была форма, свойственная разговорному языку; классические авторы и пуристы избегали ее. Однако, несмотря на это противодействие, фреквентативные глаголы в конце концов все же вытеснили соответствующие простые, сохранившись и в романских языках: *cantāre*, франц. *chanter*, итал. *cantare*; *jactāre*, франц. *jeter*, итал. *gettare*; *pulsāre*, франц. *pousser*, итал. *pulsare*. Кроме того, фреквентативные глаголы имели то несомненное преимущество, что давали возможность заменять правильной флексией более сложное спряжение таких глаголов, как *canere*, *jacere*, *pellere*, которые поэтому впоследствии исчезли ¹.

214. ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ НА *-ā*, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ КОРНЕВЫМ ГЛАГОЛАМ

Сравнительно с простыми глаголами они обычно имеют длительное значение; ср. *oc-curō* и *carō*, *edūcō*/*dūcō* или усилительное *lābō*/*lābor* и т. д.

а) Некоторые из них имеют редуцированную ступень корня:

¹ Об этих формах см. M. L. Sjoestedt, *Les itératifs latins en -tāre (-sāre)*, «B. S. L.», XXV, XXVI (78 и 79), стр. 152—173 и 113—143.

dīcō «посвящаю» наряду с dīcō, -is (чередование *dik-/deik-)

ē-dūcō «воспитываю» наряду с dūcō, -is (чередование *dūk-/deuk-)

lābō «шатаюсь» наряду с lābor, -eris (чередование *(s)lāb-/-(s)lāb-)

parō, parāre «приготавливаю» от *p^orā наряду с pariō из *p^or-уō

б) Долгую ступень имеют:

cēlō «скрываю» наряду с occūlō, -is из *ob-kēlō

vēnor «охочусь» наряду с скр. vānati «он стремится получить»

в) Другие примеры:

appellō «зову» наряду с pellō, -is

āspornō «отталкиваю, пренебрегаю» наряду с spernō, -is

cubō «лежу» наряду с cumbō, -is

lavō «моюсь» наряду с lavō, -is

occupō «занимаю» наряду с capiō, -is

plācō «успокаиваю» наряду с placēbō, -ēs

suspīcō «подозреваю» наряду с speciō, -is

consternō «опрокидываю, пугаю» наряду с sternō, -is

При известном навыке и с помощью словаря все эти глаголы распознаются легко.

215. ОТЫМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ

Среди глаголов на -ā- наиболее многочисленную группу составляют отыменные. Первоначально они образовывались от именных основ на -a- первого склонения и соответствовали производным глаголам на -άω греческого языка (ср. τιράω, νικάω из *τιραυω, *νικαυω, отыменные от τιρά, νικά (аттич. τιρή, νίκη), но затем по аналогии с этими глаголами образования на -ā- стали производиться от самых разнообразных основ. Большинство этих глаголов — переходные; -āre служило для образования переходных и каузативных глаголов в противоположность типу на -eō или -iō, куда входят непереходные глаголы; ср. albō наряду с albeō; ditō, gravō наряду с ditē-scō, gravē-scō.

Примеры:

а) Производные от основ на -ā:

coquinō «варю» от coquinā (дублет к culinā)
corōnō «венчаю» (corōna)
cūrō «забочусь» (cūra)
fugō «обращаю в бегство» (fuga)

б) Производные от основ на -o/e-:

1) от существительных:

dōnō «дарю» (dōnum)
fūmō «дымлюсь» (fūmus)
mōnstrō «показываю» (mōnstrum)
servō «сохраняю» (servos)

2) от прилагательных:

aequō «равняю» (aequus)
caecō «ослепляю» (caecus)

в) Производные от основ третьего склонения:

gregō «собираю толпу» (grex)
laudō «хваляю» (laus)
iūdicō «сужу» (iūdex)
labōrō «тружусь» (labor)
piscor «ловлю рыбу» (piscis)
breviō «укорачиваю» (brevis)
levō «поднимаю» (levis)
celebrō «часто посещаю» (celeber)
memorō «напоминаю» (memor)
murmurō «ворчу» (murmur)

Наиболее древние производные от основ на -i- оканчиваются на -ō, а не на -iō; ср. levō, -ās, piscor, testor.

Тип на -iō — более поздний: breviō относится к императорской эпохе, а leviō вместо levō появляется только в поздней латыни.

г) Производные от основ на -u-:

aestuō «киплю, нахожусь в жару» (aestus)
fluctuō «волнуюсь» (fluctus)
tumultuor «произвожу беспорядок» (tumultus)

д) Производные от основы на $-ē-$:
glaciō «превращаю в лед» (glaciēs)

е) Производные от несклоняемых:
negō «отрицаю» (от отрицания *neg-, которое мы находим в negōtium)

quīnquē «совершаю очищение» (quīnque)

ж) Производные от звукоподражательных:

baubor «лаю»

soaxō «квакаю» и т. д.

Примечания: 1. Существительное, от которого происходит тот или иной глагол, могло и исчезнуть: так, мы имеем vogāre, хотя имя, соответствующее гр. βορά, уже не встречается.

2. Usurgō является, повидимому, отыменным глаголом, образованным от прилагательного *usurgas «захватывающий (вещь) путем пользования (ею)». Маловероятно, чтобы -грō являлось здесь длительным усилительным, соответствующим гаріо.

Указанный способ образования производных глаголов был самым простым и удобным и приводил к наиболее правильной глагольной парадигме; этим и объясняется широкое применение его как в латинском, так и в новолатинских языках.

Второе спряжение

216. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НА $-ē-$

В эту категорию входит около 570 глаголов, в том числе 180 простых. Среди последних различают: 1) первичные глаголы с корнем на $-ē-$ (по большей части эти глаголы — древние атематические, как и соответствующие им глаголы на $-ā-$); 2) глаголы, указывающие на состояние; 3) каузативные глаголы (фактитивные, итеративные); 4) наконец, отыменные глаголы.

217. ПЕРВИЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ С КОРНЕМ НА $-ē-$

Это $-ē-$ встречается в основе перфекта в следующих трех примерах:

flēb «плачу» (корень *bhlē-)

neō «пряду» (корень *snē-, гр. νῆ-μα, ирл. snít «прядение»)

plēb «наполняю» (корень *pelə/*plē-, ср. plēnus, гр. πλη-το)

Dēleō «разрушаю» относится на первый взгляд к этой же категории; однако настоящее время этого глагола несомненно является новообразованием в соответствии с перфектом *dē-lēvī* и заменило более древнее **dē-linō*.

Обратное мы находим в геог «рассчитываю», *gērtī*, где *ē* долгое настоящего времени чередуется с *ā* в отглагольном прилагательном на *-tō-*, *gātus* (см. § 308). Исходя из *rātus*, в поздней латыни были созданы формы типа *gābar* по аналогии с *dātus/dābam*.

218. ГЛАГОЛЫ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА СОСТОЯНИЕ

Эти глаголы — обычно непереходные и, как правило, имеют нулевую огласовку основы (редуцированная ступень корня). Элемент *-ē*, появляющийся только в основе инфекта, встречается и в других языках в образованиях со сходным значением, в частности в греческом аористе страдательного залога на *-η-* типа *τραπήναι*, *ψυχήναι* от *τρέπω*, *ψύχω* и т. д.

Примеры:

candēō «блещу» (ср. *ac-cendō* «зажигаю»)

jacēō «лежу распростертым» (ср. *jacio* «бросаю»)

liquet «ясно» (ср. *liquō* «очищаю»)

pendēō «вишу» (ср. *pendō* «вешаю»)

placēō «нравлюсь» (ср. *placō* «успокаиваю»)

Приведенные непереходные глаголы имеют соответствия среди переходных; однако в большинстве случаев глаголы этого вида изолированы, например:

careō «лишаюсь»

clueō «слыву» (и редкое архаич. *clueor*)

pateō «быть открытым» (гр. *πετάνωμι*)

sileō «безмолвствую», гот. *ana-silaiþ* «он безмолвствует»

taceō «молчу», др.-в.-нем. *dagēt* из **take-*

tereō «теплю»

Наконец, некоторое количество глаголов употребляется и в переходном и в непереходном значении:

habeō «имею, держу; нахожусь, обитаю»

manēō «жду; остаюсь», арм. *mnām*

teneō «держу; направляюсь к»

vegeō «оживляю; оживлен»

219. КАУЗАТИВНЫЕ ИЛИ ФАКТИТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Эти глаголы указывают на то, что субъект побуждает к исполнению действия, выраженного корнем.

а) С обычной огласовкой корня *ō*, как в гр. φορέω наряду с φέρω и φοβέω наряду с φόβομαι:

doceō «обучаю» из *dokeyō (ср. di-sc-ō из *di-dc-sc-ō, корень *dek-)

monēō «напоминаю, предупреждаю» (ср. re-min-t-sc-o-g и mēns, корень *men-)

Примечание. Значение «напоминаю» обнаруживается в производном существительном monitor (P. F., 115, Th. P.): monitores, qui in scaena monent histriones, т. е. «суфлеры».

torgeō «причиняю страдания», отсюда «кусаю»

moveō «двигаю» (корень *meu-)

poseō «врежу» (первоначальное значение «гублю»; ср. пех)¹

spondeō «обязываюсь», гр. σπένδω

tondeō «стригу», гр. τέυδω «грызу» (ср. также τέμ-νω)

torqueō «верчу»

torreō «сушу» (ср. terra «земля», собственно «суша»)

из *torseyō, ср. tostus из *torstos, скр. taršayati «он сушит»; в гр. τέρσομαι огласовка *e*.

б) С другой огласовкой (кроме *o*):

augeō «взрачиваю, увеличиваю», ср. гр. αὔξω

suādeō «делаю приятным, убеждаю», ср. suāvis из *swādwis, гр. дорийск. ἀδύς из *σφαδύς

terreō «привожу в дрожь» из *ters-ey-ō (тот же корень, что и в tre-mō, tre-pidus, где он выступает, однако, в другом состоянии и с другими суффиксами)

---

¹ В народном латинском языке посеō, как и следовало ожидать, употребляется с винительным падежом. Конструкция с дательным падежом, свойственная классическому латинскому языку, возникла несомненно под воздействием глаголов близкого значения: obesse, officere.

Та же огласовка **е** встречается в греческом аористе ἔτερθεν, истолкованном у Гесихия как ἐφάβηθεν. В умброском языке, наоборот, имеется форма с -ur- из -or-: tur-situ «terrētō». Наличие torreō «сушу» могло благоприятствовать образованию terreō.

220. ОТЫМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ

Эти глаголы, как правило, указывают на состояние и являются непереходными. Первоначально они производились от основ на -o/e- второго склонения и соответствовали греческим производным на -έω типа φιλέω, πολεμέω из *φιλεω, *πολεμεω, ср. φίλος, πόλεμος; однако вскоре они распространились и на другие основы.

а) Производные от основ на -o/e-:

albeō «быть белым» из *albe-yō (albus)
ārdeō «горю» (āridus)
calleō «быть жестким (о коже)» (callus)
dūreō «быть твердым» (dūrus)
nigreō «быть черным» (niger)

б) Производные от других основ:

frondeō «зеленею листвою» (frōns)
lacteō «содержу молоко» (lac, lactis)
pūtreō «гнию» (pūter, основа *pūtri-)
seneō «быть старым» (senex), по аналогии с которым образовалось apeō «быть старой (о женщинах)»
sordeō «быть грязным» (sordēs) и т. д.

221. Большое количество непереходных глаголов, имеющих в этом спряжении, привело к тому, что его стали рассматривать как спряжение непереходных глаголов; поэтому, в то время как в архаическом латинском языке могли сосуществовать два глагола от одного и того же корня — один тематический корневой (типа fulgō, fulgēre) и другой на -ē- (типа fulgeō, fulgēre), в классическом латинском языке первый уступал место второму. Fervō, fulgō, olō, scatō, strīdō и т. д. были вытеснены глаголами ferveō, fulgeō, oleō, scateō, strīdeō и сохранились лишь в поэзии. Наряду с формами excellō засвидетельствованы и формы от excelleō, несомненно по аналогии с ēmineō.

Кроме того, в народном латинском языке тип на -ēre распространялся и на такие глаголы, обозначающие состояние, которые первоначально принадлежали другим спряжениям. Капр (G. L. K., VII, 109, 16) порицает употребление *fidēre* вместо *fidĕre*; романские языки допускают *cadēre*, франц. *choir*, образованное, несомненно, по аналогии с *jacēre*, и -*сарēre*, франц. *recevoir*, по аналогии с *habēre*.

Примечание. Между *ciō*, *cīre* и *cieō*, *ciere* наблюдается колебание; однако таких форм, где за основной *cie-* следовала бы гласная, обычно избегают; например, *cieam, *cieō. Одинаково употребляются: *cītus* и *accītus*, *concītus*. Древняя флексия, возможно, была *ciō*, *cīs*, *cītus* (с редуцированной ступенью в прилагательном на -*to-*, см. § 308). Позднее от *cītus* могло аналогически образоваться *cieō*, так же как от *cīre* — *cītus*.

Встречаются также *tuor* и *tueor*. Формы *or tuor* употреблялись, повидимому, главным образом по соображениям метрики; так, *contuimur*, *intuimur* в дактилическом гекзаметре заменили *contuimur*, *intuimur*.

Abnuēo (у Энния, *Ann.*, 279) представляет собой единичную форму. Возможно, что она была образована по аналогии с *prohibeo*.

Формы типа *ardēre*, *gīdēre*, *torquēre* возникли, несомненно, из перфектов на -*sī* или перфектов с удвоением, казавшихся собственными третьему спряжению; эти формы, равно как и *mordēre*, *spondēre*, *tondēre*, предполагаются на основании романских форм типа франц. *ardre* (архаич.), *rire*, *tordre*, *mordre*, *répondre*, *tondre*. В силу тех же причин в латинском языке *sorbeo* заменилось (ab)-*sorbō* (Апулей, § 189 и прим.); встречаются также *tergō* и *tergeō*.

Переход некоторых из этих глаголов в третье спряжение объясняется, повидимому, тем, что они были переходными (*mordeo*, *sorbeo*, *tondeo*, *torqueo*) и нахождение их среди большого количества глаголов на -*ēre*, обозначавших состояние, представлялось неестественным.

Четвертое спряжение

222. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НА -Ī-

К глаголам на -*iō* относятся:

1) глаголы, в которых суффикс **ye/o-* непосредственно следует за корнем и которые соответствуют типу на -*yo* греческого языка; ср. *βαίνω* из *βανω, лат. *veniō*, корень **g^wen-*; *ἄλλομαι* из *ἄλωμαι, лат. *salīō* и т. д.;

2) каузативный глагол *sōriō*, скр. *svārāyami* «усыпляю»;

3) отыменные глаголы типа *fnīō*, -*tre*.

223. В первой группе необходимо различать две категории:

1) глаголы, суффикс которых имеет краткую форму (типа *carīō*, *carēre*) и которые вследствие этого вводятся обычно в состав глаголов третьего спряжения как дополнение к типу *legō*;

2) глаголы, суффикс которых имеет долгую форму (типа *audiō*, *audīre*).

Краткая форма суффикса -ī-, как правило, появляется после краткого начального слога, если этот слог заканчивается взрывной согласной, или же после краткого срединного слога, если ему предшествует долгий; форма -ī- появляется после долгого слога или же после двух кратких¹.

Об *audiō* из *audiō см. у Нидермана²; там же см. о *audit* из **audit*³ и о *carēre* из **carīse*⁴.

П р и м е р ы:

а) Суффикс -ī-

1) Тип — —

aiō «говарю», произносилось *aiiō*⁵ из *agyō, ср. *adagium*

carīō «беру», *carere*

cupīō «желаю», *cupere*

facīō «делаю», *facere*

iacīō «бросаю», *iacere*

gariō «похищаю», *garere*

sapiō «имею вкус», *sapere*

speciō «замечаю», *specere*

Отложительные глаголы *gradior* «шагаю», *-gradī* (*ingredī*), *patior* «страдаю», *patī*.

2) Тип — — —

cōnspicīō «замечаю», *cōnspicere*

dēsipiō «безумствую», *dēsipere*

illiciō «заманиваю», *illicere*

porriciō «выкладываю внутренности (о жертвоприношениях)», *porricere*

¹ *Nieder mann*, *Une loi rythmique proethnique en latin*, «Mélanges de Saussure», Париж, 1908.

² *Нидерман*, *Историческая фонетика латинского языка*, § 36.

³ Там же, § 24, п. 3.

⁴ Там же, § 16.

⁵ Там же, § 48.

В этот ряд, как мы видим, входят только сложные глаголы, имеющие одинаковую огласовку с простыми глаголами.

б) Суффикс -ī-

1) Тип — —

audiō «слышу», audīre
dormiō «сплю», dormīre
fulciō «подпираю», fulcīre
glōsciō «кудахчу», glōsciīre
prūriō «горю желанием», prūriīre
sōriō «усыпляю», sōriīre
vinciō «связываю, заковываю», vincīre
rūgiō «рычу» (ū засвидетельствовано романскими формами)

2) Тип — — —

amiciō «набрасываю (одежду) на, завертываю», amiciīre
(наряду с iacere)
aperiō «открываю», aperīre
minuriō «щебечу», minuriīre
operiō «покрываю», operīre
reperiō «нахожу», reperīre
sepeliō «погребаяю», sepeliīre

В этой группе латинский язык стремился, повидимому, избежать последовательности трех кратких слогов.

3) Односложные

-ī- встречается также в глаголах с односложным корнем:

sciō, scis «привожу в движение» (наряду с scieō)
fiō, fis «становлюсь» (инфинитив fiēre неправильный)
sciō «знаю», scīre

224. Наконец, долгая форма суффикса -ī- является обычной в глаголах, в которых за краткой гласной корня следовал сонант *n*, *r*, *l*, *v*, например *veniīre* «приходить», *ferīre* «ударять», *sarīre* (*sarriō*) «полоть», *polīre* «полировать», *parīre* «утаптывать», *salīre* «прыгать», *ex-perīri* «испытывать».

Однако из этого закона имеется и несколько исключений. Сюда относится прежде всего *rāgiō* «рожаю», *rāgēre*

(вместо *ragre*, встречающегося у архаических авторов), где имело место аналогическое воздействие: *ragere* от *reperē* было образовано по типу *cesinī*, *canēge*. Далее, сюда же относятся: *morior* «умираю» и *orior* «происхожу, возникаю», в которых флексия колеблется между *mōrītī*, *ōrītī* и *mōrī*, *orī (не засвидетельствовано; однако *ōrēs*, *ōrītur*, *ōrērētur* являются обычными формами, в то время как сложное *adorītī* всегда имеет *ī*). В архаическую эпоху форма на *-ī* была обычной (Энний, *Ann.*, 392):

nunc est ille dies, cum gloria maxima sese
nobis ostendat, si vivimus, sive morimur.

Кроме того, у Энния мы находим также *horītur*, представляющее собой третье лицо от *horior* «увещаваю» (*A.*, 432):

...prandere jubet horīturque.

П р и м е ч а н и е. В архаическую эпоху суффикс *-ī* вторгается в область *-ī-*. Так, у Плавта мы находим: *adgredītī*, *congredītī*, *ēgredītī*, *progredītī*, у Катона — *fodītī* и у Плавта — *exfodītī* (*M. G.*, 374), а также *cupīs* (*Circ.*, 364, трохеический септенарий):

laudo, — laudato, quando illud, quod cupīs effecero.

Также встречаются: у Невия — *facīs*, *inlicīte*, у Луцилия — *adorītur*.

И наоборот, у Энния (*Ann.*, 504) мы находим причастие *fodentes*, образованное в соответствии с инфинитивом *fodere*. Смешанное спряжение *-iō/ēge-*, естественно, должно было испытывать аналогические воздействия как со стороны спряжения на *-īge*, так и со стороны спряжения на *-ēge*. Классическая проза старалась устранить эти смешения. Однако они все же продолжали сохраняться в народном языке и вновь всплыли в самую позднюю эпоху, когда влияние литературного языка не было столь сильным, чтобы диктовать свои нормы. Так, в поздней латыни имеются: *fodīre*, *fugīre* (франц. *fouir*, *fuir*) и перфекты: *fodivī*, *sarivī* наряду с причастиями: *jacentes*, *fodentes* по типу *legere/legentes*.

Вследствие смешения *e* и *i* в зиянии в народном латинском языке глаголы на *-eō* нередко переходили в число глаголов на *-iō*; в надписях поздней латыни имеются такие примеры, как *habibat*, *habiās*, *habiēns* «*habēbat*, *habēās*, *habēns*». Именно из этого смешения и произошли *flōrīre, *implīre, франц. *fleurir*, *emplir*.

225. В отыменных глаголах долгое *-ī-* является уже общим правилом. Правда, глагол *rotītī* имеет несколько форм с суффиксом *-ī-*, но они встречаются в его спряжении

лишь спорадически и, возможно, не происходят от отыменного глагола; ср. *potitur* у Вергилия (*Aen.*, III, 56):

...*Polydorum obtruncat et auro
vi potitur.*

Первоначально эти отыменные глаголы производились от основ на *-i-* подобно гр. *μηρίω* от *μηρίς*:

crātiō, crātīre «бороню» (*crātis*)
fīniō, fīnīre «оканчиваю» (из **fīni-yō*, ср. *fīnis*)
febrīō, febrīre «лихоражу» (*febris*)
ērudīō, ērudīre «обучаю» (*rudis*)
sortiō, sortiī «бросаю жребий» (*sors* из **sortis*)
mentior, -īrī «выдумываю, лгу» (*mēns* из **mentis*)

Впоследствии же по аналогии они образовывались и от основ третьего склонения на согласные:

custōdiō, custōdīre «стерегу» (*custōs* — основа на согласную **custōd-*); ср. гр. *φυλάσσω* из **φυλακ-ω*, основа **φυλακ-*

Rūniō, -īs «наказываю» рассматривается обычно как производное от *роена*, что маловероятно, так как *роена* могло бы дать только **роенāре*, **рūнāре*. *Rūnīre* образовано в соответствии с *-rūnis*, которое мы находим в *īm-rūnis*. *īm-rūnis*, повидимому, древнее, чем *rūniō*, которое до Цицерона не засвидетельствовано. Ср. *mūnīre* и *moenia*.

Среди этих глаголов имеется и некоторое количество непереходных, выражающих физическое состояние: *febrīre, sitiīre, tussiīre, dentiīre, fulguriīre*. После установления этой семантической категории образующий ее суффикс от гласных и согласных основ третьего склонения распространился и на другие основы. Таким образом, мы находим здесь производные глаголы на *-iō, -īre*, означающие состояние и образованные как от основ на *-o/e-* (второе склонение), так и от основ на *-a-, -ia-* (первое склонение) и на *-i-* (четвертое склонение):

ineptiō «говорю нелепости» (*ineptus*)
insāniō, vēsāniō «сумасбродствую» (*sānus*)
lasciviō «резвлюсь» (*lascivus*)
proterviō «нахальничаю» (*protervus*)
superbiō «важничая» (*superbus*)
blandior «ласкаюсь»
lippiō «имею гноящиеся глаза»

- nāviō «усердствую» (глоссарии)
 rauciō «хриплю»
 saeviō «свирепствую»
 fastidiō «чувствую отвращение» (ср. *fastus* и *fastidium*)
 serviō «служу рабом» (по аналогии с этим глаголом в позднюю эпоху были образованы *bubulciō* «работая волопасом», *fabriō* «работая в качестве рабочего»)
 gestiō «жестикуюлю, сильно желаю»
 singultiō «рыдаю» (наряду с *singultō*, фреквентативным глаголом от исчезнувшего простого *singulō, -is, от которого сохранилось глагольное существительное *singultus*)
 abortiō «преждевременно рожаю» (позднее образование наряду с *abortō*, -ās)
 hostiō «раню, оскорбляю»

К этой же категории примыкают глаголы, выражающие звук или крик:

- bilbiō* «булькаю»
bombiō «жужжу»
garrīō «болтаю»
ganniō «тявкаю»
vāgiō «пищу (о новорожденном)»
bulliō «пускаю пузыри, киплю» (*bullāre* — производное от *bulla*)
 и т. д. (см. список у Job., 432 и сл.).

По этому типу были образованы: *barrīre* «кричать как слон» (*barrus*), *hirquitallīre* «иметь ломающийся голос», *hymnīre* «петь гимны», *mittīre* «пикнуть».

226. Довольно значительную группу представляют дезиративные глаголы на -*suriō*, -*turiō* типа: *ēsuriō* «хочу есть» (ср. *edō*, *ēsum*)
parturiō «мучаюсь родами» (ср. *pariō*, *partum*)
empturiō «желаю купить» (ср. *emō*, *emptum* и *emptor*).

Времена и наклонения в системе настоящего времени

227. В предшествующем изложении мы рассмотрели четыре образования настоящего времени, типа *legō*, *amō*, *monēō*, *audiō*, и одно смешанное образование, одновре-

менно примыкающее и к *legō* и к *audiō*, типа *scriō*. Все эти образования, как мы видели, имеют общие окончания, но флектирующие формы их различаются в зависимости от природы и количества тематической гласной, а также в зависимости от способа образования будущего времени и сослагательного наклонения. Нельзя сказать, чтобы все эти спряжения были совершенно независимы одно от другого; первое и второе, с одной стороны, третье и четвертое, с другой, образуют две группы, каждая из которых представляет собой определенное единство (например, в образовании будущего времени, сослагательного наклонения и неличных форм); кроме того, все эти четыре спряжения образуют одинаковым способом прошедшее несовершенное время.

Настоящее время изъявительного наклонения¹

228. **Общие замечания.** Настоящее время изъявительного наклонения отличается от других времен и наклонений отсутствием временного или модального суффикса.

Корневой тематический тип

	Действительный залог	Страдательный залог
	Единственное число	
1 л.	<i>leg-ō</i>	<i>leg-o-r</i>
2 л.	<i>leg-i-s</i>	<i>leg-e-re, leg-e-ris</i>
3 л.	<i>leg-i-t</i>	<i>leg-i-tur</i>
	Множественное число	
1 л.	<i>leg-i-mus</i>	<i>leg-i-mur</i>
2 л.	<i>leg-i-tis</i>	<i>leg-i-minī</i>
3 л.	<i>leg-u-nt</i>	<i>leg-u-ntur</i>

Чередования тематической гласной *e/o* затемнены теми изменениями, которые претерпевают в латинском языке краткие гласные в конечном или срединном слоге.

Несомненно, *o* появлялось в первом лице единственного числа и в первом и третьем лице множественного числа, о чем свидетельствует наличие этой гласной в *legō* и с небольшим изменением в *legunt* из *legonti, ср. гр. *λέγουσι*,

¹ При рассмотрении времен мы будем следовать тому же порядку, что и при образовании основ настоящего времени.

дорийск. λέγ-ο-ντι, подобно *prōmunturium* из *prōmont-¹. В архаических текстах также имеются следы -ont: *cosentiont* (C.I.L., I², 9), *nequinont* (Ливий Андроник, приведено у Феста, 162 Th. P.):

partim errant, nequinont Graeciam redire.

В республиканскую эпоху -ont было постоянным написанием после *u* (согласного или гласного): *ruont, vivont*². Однако в некоторых формах *o* уже не распознается: *legimus* из *leg-o-mos, гр. λέγομεν (ср. *īlicō* из *in stlocōd ³). И только с помощью сравнительного метода можно провести разграничение между такими формами, как, например, *rudimus, vomimus* — древними атематическими формами, происходящими из **vomə-mo-s, rudə-mo-s*, — и *legimus*. О *volumus, possumus* см. ниже.

e было тематической гласной второго и третьего лица единственного числа и второго лица множественного числа; ср. гр. λέγετε. Эта гласная сохранилась перед *r* окончания -re, -ris⁴, но фонетически перешла в *i* в *legis, legit, legitur, legitis, legiminī*, происходящих из **leg-e-s(i), *leg-e-t(i), *leg-e-tes* и т. д.

229. ТИПЫ НА -ā-, -ē-

Единственное число

	Действительный залог	Страдательный залог	Действительный залог	Страдательный залог
1 л.	<i>amō</i>	<i>amor</i>	<i>moneō</i>	<i>moneor</i>
2 л.	<i>amā-s</i>	<i>amā-re(-ris)</i>	<i>monē-s</i>	<i>monē-re(-ris)</i>
3 л.	<i>amā-t</i>	<i>amā-tur</i>	<i>mone-t</i>	<i>monē-tur</i>

Множественное число

1 л.	<i>amā-mus</i>	<i>amā-mur</i>	<i>monē-mus</i>	<i>monē-mur</i>
2 л.	<i>amā-tis</i>	<i>amā-minī</i>	<i>monē-tis</i>	<i>monē-minī</i>
3 л.	<i>amā-nt</i>	<i>amā-ntur</i>	<i>mone-nt</i>	<i>mone-ntur</i>

Поскольку основа здесь оканчивается на гласную, никаких следов от тематической гласной не сохранилось;

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 18, п. 2.

² Там же, § 22, п. 5.

³ Там же, § 15, п. 1д.

⁴ Там же, § 16.

не осталось также следов и от суффикса *-ye-/-yo-, который в других, родственных латинскому, языках имеется между основой и окончанием. Таким образом, никаких указаний на происхождение am-ō, mone-ō из *amā-yō, *mone-yō с отпадением у между гласными и стяжением в первом случае āō в ō мы не имеем.

В других лицах окончание присоединялось непосредственно к основе, почему данные латинского языка недостаточны для того, чтобы установить, представляют ли конечные элементы -ās, -ēs, -āt, -ēt атематический тип, как в первичных глаголах (типа nās, plēs из *(s)nā-si, *plē-si), или же тематический тип, как в производных глаголах, подобных каузативам monēs из *mone-ye-s(i) (см. § 219). В отыменных глаголах типа fugō второе и третье лицо единственного числа обычно объясняются как происходящие из *fugā-ye-s(i), -t(i), но, вернее, они восходят к fugā-si, fugā-ti, т. е. к атематическим формам.

В третьем лице единственного числа действительного залога ā и ē перед конечным -t сокращаются, но сохраняют свою долготу в страдательном залоге, где -t- находится в середине слова. Отсюда различие между amāt, monēt и amātur, monētur. В архаическую эпоху скандируют amāt, monēt; например, у Плавта (Asin., 874, трохеический септенарий):

fundum alienum arāt, incultum familiarem deserit
и (Merc., 696, ямбический сенарий):
solēt hortator remiges hortarier.

Форма 3 л. мн. ч. fugant восходит к fuga-nti; ср. гр. эолийск. διψασι (Алкей) из *διψα-ντι.

Примечание. У Тибулла (3, 3, 36) вместо pent мы находим peunt, а в народной латыни позднего периода — такие формы, как doleunt (C.I.L., III, 3362). Считать эти формы остатками тематического спряжения вряд ли можно; скорее, это аналогические образования по образцу audiō/audiunt, возникновению которых способствовала тенденция к смешению е и і в зиянии¹.

¹ Краткое е перед гласным имело более закрытый оттенок. Форма peunt, принадлежащая, собственно говоря, не Тибуллу, а Лигдаму (стихотворения которого входят в третью книгу Тибулловского корпуса), образована, возможно, от neo по аналогии eo — eunt. Для позднего doleunt вполне уместно объяснение, предлагаемое Эрну. (Прим. ред.)

230. ТИП НА -Ī-

	Тип с долгой гласной		Тип с краткой гласной	
	Единственное число			
	Действительный залог	Страдательный залог	Действительный залог	Страдательный залог
1 л.	audiō	audiōr	capīō	capīor
2 л.	audī-s	audī-re(-ris)	capī-s	capere-ge(-ris)
3 л.	audi-t	audī-tur	capī-t	capī-tur
	Множественное число			
1 л.	audī-mus	audī-mur	capī-mus	capī-mur
2 л.	audī-tis	audī-minī	capī-tis	capī-minī
3 л.	audi-unt	audi-untur	capī-unt	capī-untur

Приведенное спряжение при глагольной основе на -ī вполне закономерно. В третьем лице единственного числа ī в audit подверглось сокращению, но сохранилось в audī-tur в силу тех же причин, что и ā и ē в amat, amātur, monet, monētur. У архаических авторов мы находим еще несколько примеров с долгой гласной в действительном залоге, например у Плавта (Pers., 726, анапестический октонарий):

nam improbus est homo qui beneficium scit accipere
et reddere nescit.

В третьем лице множественного числа мы имеем audiunt, capiunt, а не *audint, *capint. В противоположность тому, что произошло с monent, здесь восторжествовал тип с тематической гласной. Что касается audīmus, audītis, capimus, capitis, то они представляют уже атематический тип *audī-mos, *audī-tes, *capī-mos, *capī-tes; тематический тип *audi-ĕ-mos, *audi-ĕ-tes не имел бы слияния гласных.

В страдательном залоге 2 л. ед. ч. capere образовалось из *capī-se¹.

Прошедшее несовершенное время изъявительного наклонения

231. Прошедшее несовершенное время имеет следующие характерные черты:

1) Вторичное окончание -m в первом лице единственного числа действительного залога (фонетическое состояние

¹ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 16.

латинского языка не позволяет установить существования вторичных окончаний в других лицах).

2) Суффикс *-bā-, состоящий из двух элементов: а) b — такого же происхождения, как и f в fuī, и отражающего f, озвонченное в положении между гласными¹; б) элемента -ā-, служившего для выражения претерита как в инфекте, так и в перфекте; ср. dīcēbās и dīxerās. Однако элемент -ā-, достаточный для выражения прошедшего времени, как об этом свидетельствует прошедшее несовершенное от sum: erās, появляется изолированно только в этой форме и в сложных с нею. В остальных случаях, где основа инфекта оканчивалась на гласную, последняя слилась бы с суффиксом -ā-, который утратил бы свою ясность, а это в свою очередь привело бы к смещениям либо с настоящим временем изъявительного наклонения в глаголах на -ā- (*amā-āmus > *amāmus), либо с настоящим временем сослагательного наклонения в других спряжениях (*tacē-āmus > *tacēāmus, *audī-āmus > *audīāmus). Поэтому -ā- заменилось здесь суффиксом *-bā- прошедшего несовершенного времени от корня *bhewə/*bhū- «быть», ср. оск. fufans «erant» из *bhū-bhwā-nt.

3) Удлинение гласной корневого элемента в корневом тематическом типе: legē-bā-tis наряду с legī-tis из *legē-tes. *Legē- — своего рода глагольное существительное, подобное инфинитиву; первоначальное значение legē-bam — «я находился в процессе чтения». Помимо прошедшего несовершенного времени, сходная форма встречается и в словах, сложных с faciō, типа ārē-faciō, putē-faciō «сушу, гною».

Имели место попытки объяснять *amā-, legē- в amā-bam, legē-bam как формы, происшедшие из причастий настоящего времени amāns, legēns; в этом случае amābam, legēbam восходили бы к *amāns-fam, *legēns-fam «я был любящий, читающий». Однако это объяснение, приемлемое с точки зрения семантики, наталкивается на ряд трудностей. Прежде всего, фонетически объяснить сокращение legēns в *legē трудно; с другой стороны, согласно этому предположению, прошедшее несовершенное от eō должно было бы быть *iēbam (из *iēns-bam), а не ībam.

---

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 46.

Далее, эта гипотеза не учитывает форм множественного числа, для которых пришлось бы предположить неизменяемое причастие; к тому же роль причастия настоящего времени не была, по видимому, в языке столь значительна, чтобы способствовать образованию описательной формы типа *legēns-fam. И наконец, в языках, родственных латинскому, имеются образования, которые могут быть сопоставлены с legē-bam, причем основой является глагольное существительное. Все это побуждает нас предпочесть первое объяснение¹.

232. Приведем образец спряжения:

Единственное число

1 л.	legē-ba-m	legē-ba-r
2 л.	legē-bā-s	legē-bā-re(-ris)
3 л.	legē-ba-t	legē-bā-tur

Множественное число

1 л.	legē-bā-mus	legē-bā-mur
2 л.	legē-bā-tis	legē-bā-minī
3 л.	legē-ba-nt	legē-ba-ntur

Как видно из приведенной таблицы, -ā- перед конечными -m, -t и -r подвергается фонетическому сокращению. У Энния мы встречаем еще rōnēbāt в известном стихе (Ann., 371):

¹ Происхождение форм прошедшего несовершенного на -bam и будущего на -bo представляет собой одну из труднейших проблем латинской морфологии. Перифрастическое происхождение этих форм не вызывает сомнения; несомненна и связь суффикса с глаголом «быть». Долгое а, свойственное как прошедшему несовершенному (ēgās), так и сослагательному наклонению (moneās), служило, вероятно, приметой древнего «инъюнктиву», наклонения, обозначающего всю сферу неналичного и охватывавшего в равной мере прошлое и нереальное. Однако оформление предшествующего элемента apā-, mone-, legē-, carīe-, audīe- (или audī-) не получило еще удовлетворительного объяснения. Хотя гипотеза Скуча о происхождении этих форм из причастий настоящего времени и удовлетворительна семантически и не вызывает той фонетической трудности, на которую ссылается Эрну (см. Нидерман; Историческая фонетика латинского языка, § 102), однако истолкование с этой точки зрения такой несомненно древней «аномальной» формы, как Tbam, представляет действительно непреодолимые трудности. Объяснение, к которому склоняется Эрну, тоже нельзя признать вполне убедительным: он вынужден оперировать изолированными формами типа agē- и принадлежащими притом исключительно основам на -ē-. (Прим. ред.)

латинского языка не позволяет установить существования вторичных окончаний в других лицах).

2) Суффикс *-bā-, состоящий из двух элементов: а) b — такого же происхождения, как и f в fut, и отражающего f, озвонченное в положении между гласными¹; б) элемента -ā-, служившего для выражения претерита как в инфекте, так и в перфекте; ср. dīcēbās и dīxerās. Однако элемент -ā-, достаточный для выражения прошедшего времени, как об этом свидетельствует прошедшее несовершенное от sum: erās, появляется изолированно только в этой форме и в сложных с нею. В остальных случаях, где основа инфекта оканчивалась на гласную, последняя слилась бы с суффиксом -ā-, который утратил бы свою ясность, а это в свою очередь привело бы к смещениям либо с настоящим временем изъявительного наклонения в глаголах на -ā- (*amā-āmus > *amāmus), либо с настоящим временем сослагательного наклонения в других спряжениях (*facē-āmus > *facēamus, *audī-āmus > *audīamus). Поэтому -ā- заменилось здесь суффиксом *-bā- прошедшего несовершенного времени от корня *bhewə/*bhū- «быть», ср. оск. fufans «erant» из *bhū-bhwā-nt.

3) Удлинение гласной корневого элемента в корневом тематическом типе: legē-bā-tis наряду с legī-tis из *legē-tes. *Legē- — своего рода глагольное существительное, подобное инфинитиву; первоначальное значение legē-bam — «я находился в процессе чтения». Помимо прошедшего несовершенного времени, сходная форма встречается и в словах, сложных с faciō, типа āgē-faciō, putē-faciō «сушу, гною».

Имели место попытки объяснять *amā-, legē- в amā-bam, legē-bam как формы, происшедшие из причастий настоящего времени amāns, legēns; в этом случае amābam, legēbam восходили бы к *amāns-fam, *legēns-fam «я был любящий, читающий». Однако это объяснение, приемлемое с точки зрения семантики, наталкивается на ряд трудностей. Прежде всего, фонетически объяснить сокращение legēns в *legē трудно; с другой стороны, согласно этому предположению, прошедшее несовершенное от eō должно было бы быть *iēbam (из *iēns-bam), а не ībam.

---

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 46.

Далее, эта гипотеза не учитывает форм множественного числа, для которых пришлось бы предположить неизменяемое причастие; к тому же роль причастия настоящего времени не была, повидимому, в языке столь значительна, чтобы способствовать образованию описательной формы типа *legēns-fam. И наконец, в языках, родственных латинскому, имеются образования, которые могут быть сопоставлены с legē-bam, причем основой является глагольное существительное. Все это побуждает нас предпочесть первое объяснение¹.

232. Приведем образец спряжения:

Единственное число

1 л.	legē-ba-m	legē-ba-r
2 л.	legē-bā-s	legē-bā-re(-ris)
3 л.	legē-ba-t	legē-bā-tur

Множественное число

1 л.	legē-bā-mus	legē-bā-mur
2 л.	legē-bā-tis	legē-bā-minī
3 л.	legē-ba-nt	legē-ba-ntur

Как видно из приведенной таблицы, -ā- перед конечными -m, -t и -r подвергается фонетическому сокращению. У Энния мы встречаем еще rōnēbāt в известном стихе (Ann., 371):

¹ Происхождение форм прошедшего несовершенного на -bam и будущего на -bo представляет собой одну из труднейших проблем латинской морфологии. Перифрастическое происхождение этих форм не вызывает сомнения; несомненна и связь суффикса с глаголом «быть». Долгое а, свойственное как прошедшему несовершенному (ēgās), так и сослагательному наклонению (tōneās), служило, вероятно, приметой древнего «инъюнктива», наклонения, обозначающего всю сферу неналичного и охватывавшего в равной мере прошлое и нереальное. Однако оформление предшествующего элемента amā-, tōnē-, legē-, carīē-, audīē- (или audī-) не получило еще удовлетворительного объяснения. Хотя гипотеза Скуча о происхождении этих форм из причастий настоящего времени и удовлетворительна семантически и не вызывает той фонетической трудности, на которую ссылается Эрну (см. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 102), однако столкновение с этой точки зрения такой несомненно древней «аномальной» формы, как t̄bam, представляет действительно непреодолимые трудности. Объяснение, к которому склоняется Эрну, тоже нельзя признать вполне убедительным: он вынужден оперировать изолированными формами типа agē- и принадлежащими притом исключительно основам на -ē-. (Прим. ред.)

non enim rumores ponebāt ante salutem.

233. Amābam, monēbam, carīebam и их страдательные формы спрягаются как legēbam, legēbar. Однако прошедшее несовершенное время основ на -ī- представляет уже трудности. Так, наряду с audīebam существовала форма audībam, хотя и более редкая, но все же употреблявшаяся во все периоды истории латинского языка. Встречаясь довольно часто в архаическую эпоху у драматических авторов, она во времена Августа использовалась поэтами в тех случаях, когда обычные формы не вмещались в дактилический стих; см., например, у Вергилия (Aen., VIII, 160):

tum mihi prima genas vestībat flore juventa.

Эта форма употреблялась вплоть до периода упадка; сохранилась она и в романских языках. Даже латинские грамматики неоднократно разбирали вопрос о том, какая из форм правильнее: audīebam или audībam, разрешая его в пользу первой формы. Таково было, в частности, мнение Ауфустия, автора трактата, посвященного Асинию Поллиону.

Форму на -ībam объясняли различно. Большинство исследователей считает, что эта форма первоначально была свойственна лишь первичным атематическим глаголам (типа audī-bam), а форма на -īebam — отыменным глаголам (типа fīniē-bam); впоследствии эти формы смешались, и audīebam под влиянием monēbam, legēbam заменило, возможно, форму audībam. Однако ни в одном из периодов жизни латинского языка это различие не наблюдается. Плавт одинаково употребляет и praesāgībat (Aul., 178), и servībās (Capt., 247), scībās (Aul., 754) и т. д. Далее, эта гипотеза не объясняет отсутствия формы *carībam, которую естественно было бы ожидать.

Объяснение этой формы нужно искать в стремлении латинян сблизить между собой все три спряжения с долгой гласной, amāge, monēge, audīge, которые составляли своего рода слабое спряжение, противопоставляемое типу legēge, или сильному спряжению. Прошедшее несовершенное время на -ībam не следует отделять от будущего на -ībō, которое встречается во все эпохи и приблизительно так же часто, как и прошедшее несовершенное. В глаголах на -īнаблюдалась тенденция уподоблять формы инфекта фор-

мам спряжений на -ā- и -ē-. По типу amāre/amābam, amābō; monēre/monēbam, monēbō аналогия естественно создала audībam и audībō от audīre. Что же касается audiēbam, то это не только более часто встречающаяся форма, но и более правильная и древняя.

Будущее время

234. Будущее время во всех индоевропейских языках образовалось сравнительно поздно; за исключением греческого языка, все языки, представленные наиболее древними памятниками, имеют в первых текстах лишь незначительные следы будущего времени, а некоторые языки вообще его не имели. Идею будущности выражало главным образом сослагательное наклонение: между «я хочу идти», «я намерен пойти» и «я пойду» большой разницы нет. Поэтому, когда потребовалось создать самостоятельное будущее время, каждый язык прибегал к особым приемам. В латинском языке различаются три группы форм будущего времени: 1) на -am, -ēs; 2) на -bō, 3) на -sō.

235. БУДУЩЕЕ НА -am, -ēs

Будущее на -am, -ēs характерно для глагольных основ на -ē- и -ī- (legam, audiam, cariam).

Единственное число

1 л.	leg-a-m	leg-a-r	audi-a-m	audi-a-r
2 л.	leg-ē-s	leg-ē-re(-ris)	audi-ē-s	audi-ē-re(-ris)
3 л.	leg-e-t	leg-ē-tur	audi-e-t	audi-ē-tur

Множественное число

1 л.	leg-ē-mus	leg-ē-mur	audi-ē-mus	audi-ē-mur
2 л.	leg-ē-tis	leg-ē-minī	audi-ē-tis	audi-ē-minī
3 л.	leg-e-nt	leg-e-ntur	audi-e-nt	audi-e-ntur

Единственное число

Множественное число

1 л.	carī-am	carī-a-r	carī-ē-mus	carī-ē-mur
2 л.	carī-ē-s	carī-ē-re(-ris)	carī-ē-tis	carī-ē-minī
3 л.	carī-e-t	carī-ē-tur	carī-e-nt	carī-e-ntur

Будущее на -am есть не что иное, как древнее сослагательное наклонение. И действительно, в эпоху более древнюю, чем начало письменной традиции, латинский

язык обладал двумя формами сослагательного наклонения: одной на -ā- (тип *legās*), ср. оск. *fakiiad*, умбр. *façia* «*faciat*», и другой — на долгую тематическую гласную (тип *legēs*), ср. гр. *λύγτε*. В дальнейшем за одной из этих форм сохранилось значение сослагательного наклонения (*legās*), а другая стала служить для выражения будущего времени (*legēs*). Однако поскольку первое лицо этого древнего сослагательного наклонения, служившего будущим временем, *legō, совпало с первым лицом настоящего времени изъявительного наклонения, оно было заменено первым лицом сослагательного наклонения на -ā-, *legam*, чему благоприятствовала близость значений сослагательного наклонения и будущего времени. Этим и объясняется разница в огласовке между *legam*, *audiam*, *sciam* и *legēs*, *audiēs*, *scipiēs*. Под влиянием форм на -ē-, *legēs*, *legēt*, *legētis*, в третьем лице множественного числа появилось *legent*, заменившее *leg-ō-nt, которое в силу сокращения *ō* перед *nt* превратилось бы сначала в *legōnt, а затем в *legunt и в конце концов слилось бы с третьим лицом множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения. Равным образом влиянием этих же форм объясняется и замена, происшедшая в первом лице множественного числа: *legēmus* вместо *legōmos (ср. гр. *λέγωμεν*), хотя возможность смешения с *legōmos > *legimus* здесь полностью исключалась. Неправильность этой флексии ощущалась уже в латинском языке, что вызвало стремление к упорядочению парадигмы путем распространения -ē- на первое лицо единственного числа. Так, у Феста мы находим: *ostende*, *recipie*, *attinge*, *dice*; во многих рукописях Плавта встречаются такие формы, как *ascipiem*, *experier*, *faciem*, *sinem*; *faciem* засвидетельствовано у Цицерона (*Leg.*, III, 20, 49). Однако форма на -ē, недостаточно характерная для первого лица, оказалась нежизнеспособной. Что же касается формы на -em, то она могла бы укорениться, но, будучи скорее созданием грамматиков, чем языковым творчеством народа, она не смогла заменить -am.

П р и м е ч а н и я: 1. Кроме указанных форм, мы находим в народном архаическом языке некоторые следы будущего времени на -ēbō от корневых глаголов. Так, мы встречаем у Нония (из Новия) *dīcēbō*, *vīvēbō* (*Ribb.*, 8 и 10), у Плавта — *exsūgēbō* (*Epid.*, 188, ямбический октонарий).

jam ego me convortam in hirudinem atque eorum exsugebo sanguinem.

Все эти формы—вторичные, образованные по аналогии с *dīcēbam*, *vīvēbam*, *exsūgēbam* согласно соотношению *monēbam/monēbo*. Они появились вновь (в большем количестве) в последний период истории латинского языка, когда все спряжения стремились смешаться, а древнее будущее время уступило место описательной форме типа *amāre habebō*. К этому времени относятся такие формы, как *dīcēbō*, *fluēbunt*, *inferēbis*, *oblīviscēbor*, *plangēbitis*, *querēbuntur*, *surgēbit*, *tremēbit* и, в обратном направлении, *āmoveam*, *commoveam* вместо *āmovēbō*, *commovēbō*.

2. Форма *reddibō* у Плавта является правильным фонетическим образованием из *red+dābō* (Cas., 141, ямбический сенарий):

jejunum est acque atque ego te ruri reddibo.

236. БУДУЩЕЕ НА -bō

Перейдем теперь к рассмотрению глаголов на *-ā-* и на *-ē-*. Сослагательное наклонение на *-ā-* в основах на *-ā-* невозможно, так как оно слилось бы в этом случае с изъявительным наклонением; то же можно сказать и в отношении сослагательного наклонения на *-ē-* в основах на *-ē-*. И действительно, **ā(y)ā-*, **ē(y)ē-* дали бы *-ā-*, *-ē-* вследствие выпадения *-y-* между гласными с последующим слиянием двух гласных одинакового тембра.

Следовательно, в каждой из этих основ могло быть лишь одно сослагательное наклонение: на *-ē-* в основах на *-ā-* (тип *amēs*) и на *-ā-* в основах на *-ē-* (тип *monēās*).

Типы *amāre* и *monēre* не образовывали будущего времени, поскольку они имели только одно сослагательное наклонение. Отсутствующее будущее время было заменено здесь описательной формой, составленной подобно прошедшему несовершенному времени из своего рода отглагольного существительного **amā-*, **monē-* и изъявительного¹ наклонения корня **bhewə-*, **bhū-* «быть»: **amā-bhwō*, **monē-bhwō*, которые в результате фонетических изменений дали *amā-bō*, *monē-bō*. Можно предположить, что образованию *amābō*, *monēbō* наряду с *amābam*, *monēbam* благоприятствовало наличие будущего времени

¹ Правильнее видеть в *-bō* сослагательное наклонение атематических глаголов, образуемое с помощью тематической гласной (ср. гр. гомер. ἰ-ο-μην), как в *ēgō* (см. § 252, п. в). Будущее на *-bō* окажется в этом случае такой же формой конъюнктивного происхождения, как и будущее на *-am*, *-ēs*. (Прим. ред.)

егѡ от глагола *sum* наряду с прошедшим несовершенным временем *egam*. Следует отметить, однако, что прошедшее совершенное время на *-bam* и будущее на *-bō* не являются одновременными образованиями. Прошедшее несовершенное на *-bam* образовалось раньше и является общим для всех спряжений; наоборот, будущее на *-bō* представляет собою уже сравнительно новое образование, возникшее лишь после выпадения у между гласными; при этом применение его ограничено и носит в известной мере случайный характер. Объясняется это тем, что появление его было связано с невозможностью использовать для *ap.āre* и *monēre* древнее сослагательное наклонение в качестве будущего времени.

Единственное число

1 л.	<i>amā-bō</i>	<i>amā-bo-r</i>	<i>monē-bō</i>	<i>monē-bo-r</i>
2 л.	<i>amā-bi-s</i>	<i>amā-be-re (-ris)</i>	<i>monē-bi-s</i>	<i>monē-be-re (-ris)</i>
3 л.	<i>amā-bi-t</i>	<i>amā-bi-tur</i>	<i>monē-bi-t</i>	<i>monē-bi-tur</i>

Множественное число

1 л.	<i>amā-bi-mus</i>	<i>amā-bi-mur</i>	<i>monē-bi-mus</i>	<i>monē-bi-mur</i>
2 л.	<i>amā-bi-tis</i>	<i>amā-bi-minī</i>	<i>monē-bi-tis</i>	<i>monē-bi-minī</i>
3 л.	<i>amā-bu-nt</i>	<i>amā-bu-ntur</i>	<i>monē-bu-nt</i>	<i>monē-bu-ntur</i>

Народный язык пошел в этом отношении еще дальше, образовав в соответствии с прошедшим несовершенным временем *audībam* будущее *audībō* по образцу *amābam*, *amābō*, *monēbam*, *monēbō*. Эти формы появляются с самого начала письменной традиции и сохраняются во все периоды истории латинского языка¹, хотя классические авторы их

¹ Приведем сгруппированный по периодам список форм прошедшего несовершенного времени на *-ībam* и будущего на *-ībō*:

Прошедшее несовершенное время. Архаический период: *crōcībat*, *exaudībat*, *gestībat*, *grundībat*, *insānībat*, *mollībat*, *nescībat*, *pīnsībant*, *praesāgībat*, *scībam*, *servībam*, *stabilībat*, *ventībat*.

Цицероновский период: *accībant*, *audībam*, *custōdībat*, *haurībant*, *operībat*, *poenībat*, *saevībat*.

Августовский период: *ambībat*, *concībat*, *excībat*, *ferībant*, *insignības*, *largībar*, *lēnībat*, *mōlībar*, *mollībat*, *mūnībat*, *nutrībam*, *polībant*, *redimībat*, *vestībat*.

Два первых века империи: *abligūrībam*, *impertībant*, *inservībat*, *insilībat*, *parturībam*, *scaturībam*.

Поздняя латынь: *aperībat*, *commūnībat*, *condībam*, *inaurībat*, *ligūrībant*, *resilībat*.

Будущее время. Архаический период: *aggredībor*, *amicībor*, *aperībō*, *audībō*, *cībit*, *congregībor*, *convenībō*, *custōdībitur*, *dēmōlībor*, *dormībō*, *expedībō*, *grundībō*, *illargībō*, *inservībis*, *mentī-*

и избегали (ср., однако, *lēntūnt*, Проперций III, 21, 32); *audiēbō, которое нарушило бы правильность системы, созданной аналогией, не встречается.

237. БУДУЩЕЕ НА -s-

Кроме будущего времени на -am, -ēs и на -bō, в латинском языке сохранились некоторые следы будущего на -s-, представленного типом *dīxō*, *faxō*, который можно сравнить с греческим типом на -σω, ср. *δείξω*. Это будущее образуется, по крайней мере в первичных глаголах, от основы, не зависящей от основ инфекта и перфекта, что видно из *capsō*, *faxō* наряду с *capīō*, *facīō* и *cēpī*, *fēcī*. Повидимому, формы типа *amāssō* образовались по аналогии и являются вторичными. *Amāssō*, *amāssim* созданы, очевидно, из *amāssēm*, *amāssē* по образцу *respexō*, которое язык не отделял от *respexim*, *respexem*, *respexe*, и *dīxō*, *dīxim*, неотделимых от *dixī*, *dixem, *dīxe. Народное чувство языка относило эти формы к системе перфекта. Формы на -s- архаичны; ко времени появления литературных текстов их существование уже непрочное. Кроме того, они ограничены всего лишь несколькими глаголами¹; единственная форма, сравнительно часто употребляющаяся, — это *faxō*. Это будущее время имеет особое значение и служит в первую очередь для выявления результата действия, почему оно и может быть названо «результативным». Кроме того, *faxō* имеет конструкцию, отличную от *faciam*; оно употребляется с сослагательным наклонением или будущим временем без союза, в то время как *faciam* может быть употреблено только с *ut*. Так, у Плавта (Вас., 506, ямбический сенарий) мы находим:

bitur, *nescībō*, *obcedībō*, *operībō*, *ordībor*, *parībīs*, *pervenībunt*, *reperībūt*, *saevībunt*, *scībō*, *servībō*, *subblandībūt*, *subvenībō*, *venībō*.

Цицероновский и Августовский период: *ēsurbō*, *impertībīs*, *inventībūt*, *lēntūnt*, *mollībūt*, *pervenībunt*, *venībō*.

Два первых века империи и у грамматиков: *ferībō*, *nufrībō*, (per)-*polībō*, *prōsilībō*.

Поздняя латынь: *cōnstabilībīs*, *custōdībō*, *largībor*, *metībor*, *ōdībīs*, *partībor*, *redimībūt*, *sepelībīs*, *vestībūt*.

¹ Приведем засвидетельствованные формы (некоторые из них встречаются только однажды): *amāssō*, *commōnstrāssō*, *cūrāssint*, *dēlapidāssint*, *dēmūtāssit*, *ēnicāssō*, *indicāssō*, *inritāssis*, *lēgāssit*, *levāssō*, *līberāssō*, *nuncupāssit*, *peccāssō*, *plērāssit*, *reccnciliāssō*, *servāssō*, *jussit*, *capsō*, *accepsō*, *cccepsō*, *clepsit*, *dixō*, *faxō*, (*faxis*, *faxit*, *faxitis*), *dēfexit*, *effexis*, *parsit*, *rapsit*, *respexit*, *ulsit*.

ēgo faxo hau dicet nactam quem derideat
и (Men., 562):

manufesto faxo jam opprimes;
с сослагательным наклонением (Vas, 864, ямбический сенарий):

faxo se hau dicat nactam quem derideat
и (Amp., 972):

... faxo hau quicquam sit morae.

В подобном употреблении будущее время стало своего рода утвердительной формулой. Однако, поскольку с этой формой конкурировали другие образования, она быстро исчезла; у Цицерона мы находим ее только в формулах законов, в дальнейшем — лишь у архаизирующих авторов.

Суффикс *-s-* должен быть, несомненно, сближен, с образованием на *-ssō*, которое дало дезидеративные глаголы типа *carēssō*, *laccēssō*; и действительно, идея дезидеративности соприкасается с идеей будущего, и авторы употребляли часто дезидеративные глаголы в значении будущего времени¹. Так, у Плавта инфинитив *orpuignāssere* заменяет будущее *orpuignātūrōs esse* (Amp., 209, 210, ямбический октонарий):

... sin aliter sint animati neque dent quae petat,
sese igitur summa vi virisque eorum oppidum orpuignassere.

П р и м е ч а н и е. Будущее время латинского языка не сохранилось в романских языках, которые заменили его описательным образованием с *habēo*, *volō* и инфинитивом. Так, итал. *canterò*, франц. (*je*) *chanterai* восходят к *cantar(e) habēo*, фонетически перешедшему в *cantar-aio; румынское будущее время *voiŭ cānta* восходит к *volō cantāre*.

Настоящее время сослагательного наклонения

238. История настоящего времени сослагательного наклонения в латинском языке была освещена выше, в связи с будущим временем. Мы уже видели, как и почему распределились сослагательное на *-ē-* в типе *amāre* и сослагательное на *-ā-* в прочих спряжениях. После этого рассмотрения парадигма уже не представляет трудностей.

¹ Об этом будущем см. *V e n v é n i s t e*, *Les futurs et subjunctifs sigmatiques du latin archaïque*, «B. S. L.», XXIII (70), стр. 32—63.

Единственное число

1 л.	am-e-m	am-e-r	leg-a-m	leg-a-r
2 л.	am-ē-s	am-ē-re(-ris)	leg-ā-s	leg-ā-re(-ris)
3 л.	am-e-t	am-ē-tur	leg-a-t	leg-ā-tur

Множественное число

1 л.	am-ē-mus	am-ē-mur	leg-ā-mus	leg-ā-mur
2 л.	am-ē-tis	am-ē-minī	leg-ā-tis	leg-ā-minī
3 л.	am-e-nt	am-e-ntur	leg-a-nt	leg-a-ntur

Подобно *legam* и *legar* мы имеем: *moneam*, *monear*; *audiam*, *audiar*; *cariam*, *cariar*. При этом долгая гласная перед конечными -m, -t и перед группой -nt, согласно общему правилу, сократилась. Однако у архаических авторов некоторые следы этой долгой еще встречаются; см. у Теренция (*Ad.*, 25, ямбический сенарий):

poetae ad scribendum augeāt industriam.

239. Приведенные выше формы — классические. Однако они не отражают древнего состояния, которое было гораздо более свободным. Так, сослагательное наклонение на -ā- первоначально было самостоятельной формой, основа которой, так же как и основа будущего времени на -s-, была независимой от основ инфекта и перфекта и лишь в сравнительно позднее время примкнула к основе инфекта. Архаическая латынь сохранила некоторое количество форм, которые доказывают первоначальную самостоятельность сослагательного наклонения:

duās, *duat* «*dēs*, *det*» наряду с *dō*, ср. умбр. *purdouitu* «*porricitō*», гр. *δοθέναι*, *δοῦναι*. Эта форма в результате смещения в латинских сложных словах корней **dō-* «давать» и **dhē-* «класть» послужила для образования следующих слов:

crēduam, *crēduas*, *crēduat*, *accrēduas* «*crēdam* и т. д.» (наряду с *crēdō*) и даже *concrēduō* (Плавт, *Aul.*, 585) и *interduō* (фр. 2);

fuam, *fuās*, *fuat*, *abfuat* «*sim* и т. д.» от корня *bhe-wə/**bhū-*, ср. *forem* наряду с *sum*;

tulam, *abstulās*, *attulās*, *attulat* «*ferās* и т. д.»; тот же корень, что и в *tollō*, но без суффикса;

advenat, *ēvenat*, *pervenat* «*adveniat* и т. д.» наряду с *veniō*;

tagam, attigās, attigat, attigātis «tangam и т. д.» наряду с tangō, по аналогии с которыми образовались формы настоящего времени tagō, attigō. Сюда же примыкает аористное сослагательное наклонение taxat, входящее в состав наречия dumtaxat, duntaxat «не далее, вплоть до»¹.

Все эти формы свидетельствуют о самостоятельности настоящего времени сослагательного наклонения и о вторичном характере типа veniam, tollam и т. д. Однако в результате нормализации парадигмы во всем инфекте эти любопытные следы древнего состояния быстро исчезли.

240. Кроме указанных форм, архаический латинский язык сохранил еще следы сослагательного желательного наклонения на -im² или -sim, соответствующего сослагательному наклонению на -am или будущему на -sō. Этот тип сохранился в древних атематических глаголах: siem, sim, edim, velim. В тематических глаголах он засвидетельствован лишь в следующих формах:

duim, duīs, duit, duint «dēs, det», adduit, crēduim, interduim, perduim (ср. duās, § 239), tagit (от tangō)
axim, adaxim, ausim, dixim, empsim, faxim, effexim,
incēnsit, jussim, noxīt, occīsīt, respexīt, spōnsīs, taxit
locāssim, licēssit, negāssim, occupāssit, prohibēssit

Это сослагательное наклонение служит для выражения условия, пожелания (оптатив); см., например, в законе Нумы (приведен у Павла в сокращении Феста, 247, 24): si qui hominem liberum dolo sciens morti duit, parricidas esto и у Плавта (Aul., 50, ямбический сенарий):

utinam me divi adaxint ad suspendium
potius quidem quam hoc pacto apud te serviam.

Кроме того, оно служит и для выражения возможности (Most., 923, трохеический септенарий):

---

¹ Эти две части в отдельном виде мы находим еще в формуле: [dum minoris] partus familias taxsat (C. I. L., I², 582).

² Форма на -im, с морфологической точки зрения, рассматривается как остаток желательного наклонения, так как суффикс iē/i (s-iē-s, s-i-tis) характеризует именно желательное наклонение в тех языках, где оно существует отдельно от сослагательного (греческий, древнеиндийский). (Прим. ред.)

egone te joculari modo ausim dicto aut facto fallere?

и запрещения (там же, 523):

cave respexis, fuge.

Возможно, что конструкция классического языка *pē fēceris* является заменой **nē faxts*.

Прошедшее несовершенное время сослагательного наклонения

241. В целях достижения большего параллелизма между изъявительным и сослагательным наклонениями латинский язык создал в сослагательном наклонении прошедшее несовершенное время, образуемое с помощью суффикса **-sē-*, прибавляемого к глагольной основе (с последующей тематической гласной в типе *legō*). *-s-* этого суффикса в положении между гласными озвончилось в *-r-*, появляясь в форме *-s-* только в единственной глагольной основе, оканчивающейся на *-s*, *essēs*, и в атематическом сослагательном наклонении глагола *edō* «есть», *ēssem* из **ēd-s-em*. Однако косвенным образом существование его засвидетельствовано прошедшим несовершенным временем сослагательного наклонения от *feiō*, *volō*: *ferrem*, *vellem*¹, а также формами италийских диалектов: оск. *fusid* «foret», пелигнск. *upsaseter* «operāretur». Основа первоначально была независимой, о чем свидетельствует *foret* наряду с *sum*, ср. *fuam*.

В результате сходства между суффиксом прошедшего несовершенного времени сослагательного наклонения **-sē-* и суффиксом инфинитива настоящего времени действительного залога **-se* между этими формами установилась тесная связь, несомненно вторичного происхождения. Этим и объясняется, в частности, школьное правило (не вполне, впрочем, верное, поскольку оно не учитывает количества гласной суффикса), гласящее, что прошедшее несовершенное время сослагательного наклонения действительного и страдательного залога образуется путем прибавления к инфинитиву настоящего времени действительного залога соответствующих действительных или страдательных окончаний.

---

¹ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка. §§ 66, 80.

Единственное число

1 л.	leg-e-re-m	leg-e-re-r
2 л.	leg-e-rē-s	leg-e-rē-re(-ris)
3 л.	leg-e-re-t	leg-e-rē-tur

Множественное число

1 л.	leg-e-rē-mus	leg-e-rē-mur
2 л.	leg-e-rē-tis	leg-e-rē-minī
3 л.	leg-e-re-nt	leg-e-re-ntur

Соответственно образуются: amārem, amārer; monērem, monērer; audīrem, audīrer; caperem, caperer.

Повелительное наклонение

242. В латинском языке имеются два повелительных наклонения: повелительное настоящего времени и повелительное будущего времени. Повелительное настоящее имеет всего два лица: второе лицо единственного числа и второе лицо множественного числа; повелительное будущее имеет формы для второго и третьего лица одинаковые в единственном числе и различные во множественном.

243. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Как правило, повелительное наклонение во всех языках стремится к особенно кратким формам. Этому следует и латинский язык, где второе лицо единственного числа настоящего времени повелительного наклонения действительного залога представляет собой чистую глагольную основу без окончания, ср. гр. λέε. Второе лицо множественного числа характеризуется окончанием -te, прибавляемым к глагольной основе, ср. гр. λέε-τε. В страдательном залоге повелительное наклонение заимствует окончания вторых лиц единственного и множественного числа изъявительного наклонения: -re и -minī.

Действительный залог	{	Единственное число			
		2 л.	lege	amā	monē
			audī	cape	
		Множественное число			
	2 л.	leg-i-te	amā-te	monē-te	
		audī-te	capī-te		

Страдательный залог	}	Единственное число			
		2 л.	leg-e-re	amā-re	monē-re
			audī-re	cape-re	
		Множественное число			
	2 л.	leg-i-mini	amā-mini	monē-mini	
		audī-mini	capī-mini		

Legite закономерно произошло из *legete¹, cape — из *capī подобно mare из *mari.

В amā и monē архаические поэты в силу закона сокращения ямбических слов сокращали иногда долгий конечный слог. Однако в классический период долгий слог все же обычно скандировался, несомненно благодаря влиянию форм с первым слогом долгим, подобных dōnā, mōnstrā, torquē, augē, suadē, где конечная долгая гласная избежала сокращения.

Некоторые двусложные формы повелительного наклонения третьего спряжения теряют свое конечное -ē во втором лице единственного числа: dīc, dūc, fac (а также сложные с dīcō и с dūcō, например maledīc, ēdūc, но не с faciō, за исключением тех, которые сохраняют корневое ā, откуда различие между calēfac от calēfaciō и confice от conficiō), в то время как у архаических авторов мы находим еще полные формы: dīce, dūce, face; см., например, у Плавта (Rud., 124, ямбический сенарий):

tu si quid opus est dice.— dic quod te rogo;

(Trin., 384):

tibi permitto; posce, duce;

(Pseud., 18):

face me certum.

К группе усеченных форм, несомненно, примыкает также и частица em «вот и!», которая восходит к *eme «возьми» — повелительному наклонению от emō; ср. французское междометие tiens! Такую же сокращенную форму представляет собою и гр. παῖ — форма новой комедии. У Катутла мы находим повелительное наклонение inger (XXXVII, 2), которое больше нигде не встречается; оно

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 15, п. 16.

могло возникнуть под влиянием *fer*, близкого ему по значению¹. *Fer* представляет собой особый случай (см. ниже).

244. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Повелительное наклонение будущего времени действительного залога характеризуется в единственном числе окончанием **-tō(d)*, которое присоединяется ко второму лицу единственного числа повелительного наклонения настоящего времени; ср. гр. *λῴε-τω*, оск. *líkítúd* «licetō». Это **-tō(d)* представляет собой древний отложительный падеж исчезнувшего в латинском языке местоимения и означает «начиная с этого времени, отныне». Значение будущего в этом повелительном наклонении отчетливо выступает в известном примере из Плавта (*Merc.*, 770):

cras petito; dabitur. Nunc abi.

Прочие формы имеют аналогическое происхождение. Так, по аналогии с *lege, legite* от *legitō* произошло *legi-tōte*; от настоящего времени изъявительного наклонения *legunt* образовалось 3 л. мн. ч. *leguntō*. Таким образом, спряжение представляется в следующем виде:

Единственное число			
2 и 3 л.	<i>amā-tō</i> <i>audī-tō</i>	<i>monē-tō</i> <i>capi-tō</i>	<i>leg-i-tō</i>
Множественное число			
2 л.	<i>amā-tō-te</i> <i>audī-tō-te</i>	<i>monē-tō-te</i> <i>capi-tō-te</i>	<i>leg-i-tō-te</i>
3 л.	<i>ama-ntō</i> <i>audi-u-ntō</i>	<i>mone-ntō</i> <i>capi-u-ntō</i>	<i>leg-u-ntō</i>

Кроме того, в архаической надписи из Сполето (C.I.L., I², 336) мы находим еще формы: *datod, licetod, violatod, suntod*. Повелительное наклонение на *-tō*, часто встречавшееся в архаическую эпоху, исчезло довольно быстро; в классический период оно сохранилось только в текстах законов. В романские языки оно не перешло вовсе.

¹ Объяснение этих форм см. у Нидермана, Историческая фонетика латинского языка, § 24, п. 1.

245. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ БУДУЩЕГО
ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

В республиканский период окончания действительного залога *-tō, *-ntō без -r, характерного для страдательного залога, нередко встречаются еще как в страдательном залоге, так и в отложительных глаголах. Катон употребляет *opsequitō* (Agr., 5, 6), *ūtītō* (96, 2); на одной надписи (C. I. L., I¹, 204, col. I, l. 8) читаем *utunto*. Цицерон, приводя тексты законов, пишет *tuento* (Leg., 3, 3, 7), *patiunto* (там же, 3, 4, 11); ср. *censento* (C. I. L., I¹, 198, 77). Все эти формы были известны и грамматику Диомеду (G. L., I, 339 K): *nonnulli veterum etiam activo more tempus futurum imperativo modo ex verbis quoque passivae declinationis usurpaverunt, ut Tullius in dialogis de republica «nitito», cum «nitor» sit positio verbi*¹.

Отсутствие -r неудивительно, поскольку *-tō этимологически, как мы уже видели, не является глагольным окончанием. Однако, с точки зрения латинского языка, *-tō представлялось входящим в систему спряжения; поэтому к нему прибавилась примета -r пассива, откуда: *amātor*, *monētor* и т. д. Диомед (G. L., I, 339 K) пишет: «*loquitor, largitor*» *reperimus apud Terentium, «loquitor paucula»* (Heaut., 828), *idem «de te largitor puer»* (Ad., 940), *id est «loquere» et «largire» et Plautus in Pseudulo «pietatem ergo amplexator»* (Pseud., 292)².

Единственное число

2 и 3 л.	<i>leg-i-tor</i> <i>audī-tor</i>	<i>amā-tor</i> <i>capī-tor</i>	<i>monē-tor</i>
----------	-------------------------------------	-----------------------------------	-----------------

Множественное число

3 л.	<i>leg-u-ntor</i> <i>audi-u-ntor</i>	<i>ama-ntor</i> <i>capī-u-ntor</i>	<i>mone-ntor</i>
------	---	---------------------------------------	------------------

¹ «Некоторые из древних употребляли в повелительном наклонении будущее время по образцу действительного залога даже от глаголов со страдательной флексией, например Цицерон, который в диалогах о государстве говорит *nitito*, хотя основоположная форма глагола *nitor*».

² «*loquitor, largitor* мы находим у Теренция..., что равносильно *loquere* и *largire*; также у Плавта в «Псевдоле»..., *amplexator*...».

246. Кроме указанных окончаний, в повелительном наклонении страдательного залога встречается еще окончание *-minō, засвидетельствованное главным образом в республиканский период и служащее для образования как второго, так и третьего лица единственного числа; см. у Плавта (Pseud., 859, ямбический сенарий):

si quo hic gradietur, pariter progredimino,

а также fruimino (C. I. L., I², 584, l. 32), profitemino (I¹, 206, l. 3) — 3 л. ед. ч. Эта форма недавнего и притом аналогического происхождения. В действительном залоге третье лицо единственного числа повелительного будущего legitō находилось в соответствии со вторым лицом множественного числа legite; соответственно и в страдательном залоге третье лицо legimino было образовано от legimini. В императорский период эти формы не употребляются.

Неличные формы инфекта

Инфинитив

247. Инфинитив настоящего времени действительного и страдательного залогов является, несомненно, древней падежной формой отвлеченных существительных, которая, примыкая к глаголам, управляет тем же падежом, что и глаголы изъявительного наклонения: *parcere hominī*, как и *parcō hominī*; *amāre patrem*, как и *amō patrem*. Первоначально идея времени не была связана с инфинитивом; *amāre* обозначало «любить» вообще; однако латинский язык, включив инфинитив в свое спряжение, создал для каждого времени особые формы, придав им значение настоящего, будущего или прошедшего времени.

а) Инфинитив настоящего времени действительного залога. Он образуется путем прибавления суффикса *-se к глагольной основе: *es-se*; *-se, озвончаясь в положении между гласными, дает -re: *amā-re*, *monē-re*, *leg-e-re* (с тематической гласной), *audī-re*, *carē-re*. О *fer-re*, *vel-le* см. у Нидермана¹.

С помощью того же суффикса образуется и инфинитив будущего времени от *sum*, *fo-re*.

В народном языке конечное -ё имеет тенденцию к исчез-

---

¹ «Историческая фонетика латинского языка», §§ 66, 80.

новению; так, засвидетельствованы: *biber* (у Харисия, G. L., I, 124 K), *haber* (C. I. L., VIII, 8369), *facere* (VI, 18282); с точки зрения фонетического процесса, эти формы можно сопоставить с *animal* из *animāle.

По образцу *legere* в народном латинском языке поздней эпохи был создан инфинитив *essere*, давший итал. *essere*, франц. *être* из *estre*. Тогда же от *potuī* было образовано *potēre* вместо *posse*, послужившее затем образцом для *volēre*; ср. франц. *pourvoir* (древнее *pooir*), *vouloir*.

б) Инфинитив настоящего времени страдательного залога. Он характеризуется либо конечным *-ī, прибавляемым к конечной согласной основы в глаголах типа *legere*, *carere*, откуда *leg-ī*, *car-ī*, либо окончанием *-rī, прибавляемым к основе в других спряжениях: *amā-rī*, *monē-rī*, *audī-rī*. Объяснить эту двойственность окончания не удалось. Высказывались предположения, что -ī, -rī произошли из *-ai, *-sai или *-ei, *-sei; *agī* часто сближали с санскритским инфинитивом *ajé* «чтобы вести» (из *ag-eī), окончание которого напоминает окончание дательного падежа типа *ped-ī*. Однако в надписи Дуэноса, более ранней по времени, чем ротацизм и упрощение дифтонгов¹, встречается форма *rakarī* (которую, однако, нельзя считать за достоверный инфинитив); с другой стороны, в сокращении Феста (60, 9) мы находим глоссу *dasi* : *dari* с *s* между гласными, но без дифтонга.

Кроме приведенных форм, архаический язык знает также формы на *-ier, *-rier, например *figier*, *gnoscier* (S. C. de Vac.), *percontārier* (Плавт, *Most.*, 963), тоже остающиеся без объяснения. Можно только сказать, что конечное -er этих форм напоминает конечное -er безличного пассива в оскско-умбрских языках; ср. умбр. *hert-er* «орочет». С начала письменной традиции эти формы встречаются редко. Плавт ограничивает их употребление концом стиха (ср. § 252, п. г), а последующие поэты используют их только в качестве архаизма. В классической прозе они не встречаются вовсе.

Примечание. О супине см. в связи с отглагольным прилагательным на *-to- (§ 318).

¹ Эпиграфические формы *mittei*, *solvei* и т. д. относятся к периоду, когда дифтонг *ei* уже не произносился, а в написании -*ei* и -*ī* смешивались.

Причастия

248. а) Причастие настоящего времени действительного залога. Эта форма образуется с помощью суффикса *-nt- и служит как для глаголов действительного залога, так и для отложительных:

amāns, amantis из *amā-nt-s, *amā-nt-es
monēns, monentis из *mone-nt-s, *mone-nt-es
legēns, legentis из *leg-e-nt-s, *leg-e-nt-es
capiēns, capientis из *capi-e-nt-s, *capi-e-nt-es
audiēns, audientis¹ из *audi-e-nt-s, *audi-e-nt-es

То же действительно и для атематических глаголов: fer-ēns, ed-ēns.

В тематических глаголах латинский язык обобщил огласовку е, в противоположность греческому, где повсюду имеется о: λῶων, λῶοντος. Оскский и умбрский языки сходны с латинским: умбр. restef «restituēns».

Единственное причастие, которое имеет в своем склонении чередование -e/o-, — это iēns (из *iēns), euntis (из *ey-ontes); однако в позднюю эпоху по аналогии с iēns был создан род. п. ientis; ср. ientibus (C.I.L., VI, 10241, 12). Причастие настоящего времени от sum появляется только в сложных словах: ab-sēns, con-sēns (dī consentes), prae-sēns.

Прилагательное sōns «виновный» некоторые рассматривали как древнее причастие от sum, однако это отождествление нельзя считать достоверным. Во всяком случае, в латинском языке никакой связи между sum и sōns не наблюдалось. Согласно Присциану (G.L., III, 239 K), Цезарь, исходя из es, est, создал аналогическое причастие ēns. Однако эта форма была забыта, и к ней вернулись лишь в позднюю эпоху, когда она получила широкое распространение в схоластической латыни средних веков. Согласная n причастия фонетически исчезает перед s, откуда такие формы, как libes = libēns².

б) Причастие страдательного залога. В латинском языке формы причастия настоящего времени страдательного залога нет. Правда, нам известны

¹ О склонении см. § 76.

² Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 97.

глаголы, которые, обозначая в соответствии с индоевропейским употреблением одновременно и состояние и действие, например *habeō* «держу» и «держусь», *vehō* «везу» и «еду», *moveō* «двигаю» и «двигаюсь», сохраняли двойное значение и в причастиях настоящего времени действительного залога. Впоследствии такое употребление причастия настоящего времени распространилось и на некоторые другие глаголы, например *gignentia* «*quae gignuntur*», *ēvidēns* «*quod vidētur*», *infāns* «*quod non dicitur*». Однако во всех этих случаях мы все же имеем лишь особое значение причастия действительного залога.

Нечто подобное наблюдается и у некоторых существительных, например *alumnus*, *Vertumnus*, *fēmina*, напминающих своими окончаниями причастия греческого языка на *-μενος* и авестийские причастия на *-mna-*; однако в латинском языке все эти слова не имеют значения причастий и не входят в систему спряжения.

249. Причастие будущего времени страдательного залога. Этот термин, как и термин «отглагольное прилагательное», или, иначе, «герундив», служит для обозначения причастия, образуемого с помощью суффикса **-ndo-*, который прибавляется к основе настоящего времени: *ama-ndus*, *mone-ndus*, *leg-e-ndus*, *cap-e-ndus*, *audi-e-ndus*.

В архаическую эпоху в глаголах третьего и четвертого спряжений мы встречаем как формы на *-endus*, так и формы на *-undus*, происходящие из **o-n-dos* с огласовкой *o* в основе: *legundis*, *scribundi*, *deferundo*, *quaerundai* (*Lex Repetundarum*, C.I.L., I¹, 198) наряду с *e* в *exdeicendum*, *faciendam* (*S.C. de Vas.*). Огласовку *-e-* мы находим также в умбр. *anferener* «*circumferendi*». Позднее под влиянием причастия настоящего времени на *-ēns* произошло обобщение *-e-ndus*. Однако сохранились и некоторые формы на *-undus*: в архаизирующем языке права (например, *repetundae*) и в качестве прилагательных: *origundus*, *secundus*.

Происхождение этого причастия неизвестно. Оно имеет два значения.

Во-первых, оно выражает «идею действия, активного или пассивного»¹ и имеет значение в этом случае либо

¹ М. Gréa l, *Essai de sémantique*, 3 изд., стр. 46.

отвлеченного существительного, либо причастия настоящего времени медиопассива; см. у Теренция (Ad., 967, трохеический септенарий):

postremo hodie in psaltria hac emunda hic adjutor fuit,

где *in psaltria hāc emundā* соответствует «*in emptiōne hujus psaltriaē*».

Во-вторых, оно выражает долженствование и в этом случае употребляется иногда в безличной форме, допуская при себе дополнение; ср. у Цицерона (P. Scauro, II, 13): *obliviscendum nobis putatis matrum in liberos, virorum in uxores scelera?*

Однако чаще употребляется личная конструкция. Обычный тип ее мы находим, например, у Плавта (Cas., 444, ямбический сенарий):

captandus horum clanculum sermo mihi.

Кроме этих форм, мы находим в архаическом языке еще несколько отглагольных прилагательных на *-bundus*, обозначающих действие в процессе его совершения: *moribundus*, *lū dibundus*, *plōrā bundus*, *rudibundus*, *vagā bundus* и т. д. Эти формы составлены из глагольной основы и прилагательного *-bundus*, принадлежащего к корню «быть, становиться» **bhewā/bhū-* и относящегося к тому же типу, что и *secundus*, *origundus*. Классическая проза избегает таких тяжеловесных форм, но поэзия сохранила несколько образований этого рода, причем они перешли частично и в романские языки: *moribond*, *rudibond*, *vagabond*. С этими формами можно сравнить прилагательные на *-cundus*: *fācundus*, *fēcundus*, *īrācundus*, *iūcundus*, *uerēcundus* (и *rubicundus* — аналогическое образование, созданное, несомненно, во избежание *rubibundus*), состоящие из полной ступени глагольной основы и причастия *cundus* от корня **ki-* «вздуться, быть обильным, богатым, сильным»¹.

250. **Герундий.** Причастию будущего времени страдательного залога родственны формы герундия на **-ndum*,

---

¹ Benveniste, «V. S. L.», 34, стр. 186 и сл.

*-ndī, *-ndō, которые служат склонением для инфинитива:

Вин.	amandum	monendum	legendum	capiendum	audiendum
Род.	amandī	monendī	legendī	capiendī	audiendī
Дат., отлож.	amandō	monendō	legendō	capiendō	audiendō

Примечания: 1. Причастие будущего времени страдательного залога и герундий глагола еб имеют ту же огласовку, что и euntem: eundum, eundī, eundō.

2. Инфинитив и причастие будущего времени действительного залога, а также инфинитив будущего времени страдательного залога будут рассмотрены вместе с супином, от которого они образованы.

Неправильные формы в системе настоящего времени

251. Нам остается рассмотреть теперь некоторое количество форм настоящего времени, не вошедших в исследованные выше группы. Сюда относятся в основном древние атематические глаголы, которые в том случае, когда основа их оканчивается на согласную, не имеют обычно тематической гласной во втором и третьем лицах единственного числа и во втором лице множественного числа (тип *fers, fert, fertis; es, es-t, es-tis*), но сохраняют ее в первом лице единственного числа и в первом и третьем лице множественного числа (*ferō, ferimus, ferunt, su-m, su-mus, sunt*). Все эти глаголы сближает одна общая черта, а именно они сохраняют древнее желательное наклонение (оптатив) на *-im*, с помощью которого образуется форма так называемого настоящего времени сослагательного наклонения: *sim, velim, malim, edim*. Отсутствие оптатива от еб объясняется трудностью использования морфемы на *-i* этого наклонения после основы, оканчивающейся на *-i*; что же касается *ferō*, то оно, повидимому, никогда не знало атематического оптатива.

252. Sum

Глагол, означающий «быть», — наиболее употребительный и в то же время наиболее неправильный из всех глаголов латинского языка. В силу частоты своего употребления он в значительной степени избежал аналогических воздействий и сохранил свою сложную структуру. Настоящее время построено на основе **es-*, чередующейся с **s-*. Основа **s-* дала тематические формы настоящего времени изъявительного наклонения и сослагательное наклонение (а также причастия сложных слов); другие формы настоящего времени изъявительного наклонения, повелительное

наклонение, прошедшее несовершенное, будущее и инфинитив настоящего времени построены на основе *es-.

а) Настоящее время изъявительного
наклонения

	Единственное число	Множественное число
1 л.	su-m	su-mu-s
2 л.	es	es-tis
3 л.	es-t	su-nt

Es отражает древнее *es-s(i), ср. гр. гомер, ἐσ-σι. И действительно, конечное -s никогда не элидируется, и es у поэтов-комиков скандируется как долгое, что указывает на произношение ess; см. у Плавта (Amp., 836, троихеический септенарий):

mulier es(s), audacter juras. — quae non deliquit, decet.

Est произошло из *esti, ср. гр. ἐστι. Sunt в противоположность гр. дорийск. ἐντι из *seuti, оск. sent и умбр. sent имеет огласовку o и отражает древнее *sonti; форма sont засвидетельствована в надписях: haec quae infera scripta sont (C.I.L., I¹, 1166). Так как окончание в *s-onti казалось сходным с окончанием в *leg-o-nti, то гласную o в спряжении esse распространили на те лица, которые в тематическом типе имели гласную o, т. е. на первое лицо множественного и первое лицо единственного числа: sumus из *somas (в отличие от гр. ἐσμέν) и sumi из *som(i) (в отличие от гр. εἶμι из ἐσμί). Это обобщение o мы находим во всех древних атематических глаголах (за исключением imus): edunt из *ed-onti, повлекшее за собой edimus из *edomos, edō; ferunt, ferimus, ferō и т. д. наряду с ēs, ēst, ēstis; fers, fert, fertis и т. д.

Согласно Светонию (Aug., 87), император Август говорил simus вместо sumus, в чем ему подражали Мессала, Брут, Агриппа; первое лицо множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения simus мы находим также в одной надписи (C.I.L., IX, 3473, 14). Таким образом, перед нами несомненная попытка ввести в язык образованного общества народную форму, созданную по аналогии с legimus, форму, действительно существовавшую, поскольку к ней восходит итал. siamo. Однако эта попытка не имела успеха.

б) Прошедшее несовершенное время

Оно образуется из основы *es- с последующим суффиксом претерита -ā- и обычными окончаниями.

В результате озвончения s между гласными и сокращения ā в конечном слоге перед любым согласным, кроме -s, *es-ā-m фонетически перешло в eram.

	Единственное число	Множественное число
1 л.	er-a-m	er-ā-mus
2 л.	er-ā-s	er-ā-tis
3 л.	er-a-t	er-a-nt

в) Будущее время

Будущее время представляет собой древнее сослагательное наклонение с краткой тематической гласной; ср. скр. ásati «erit» из *es-e-ti наряду с ás-ti «est(i)», гр. ἔω, аттич. ῶ из *ἔσω. Er-ō спрягается так же, как legō.

	Единственное число	Множественное число
1 л.	er-ō (из *es-ō)	er-i-mus
2 л.	er-i-s	er-i-tis
3 л.	er-i-t	er-u-nt

г) Сослагательное наклонение

Настоящее время сослагательного наклонения. Поскольку древнее сослагательное наклонение употреблялось в функции будущего времени, латинский язык для выражения настоящего времени сослагательного наклонения использовал древнее желательное наклонение, построенное на редуцированной основе *s-, к которой первоначально прибавлялся суффикс с чередованием *-iē-/-ī-; полную форму *-iē- суффикс имел во всех трех лицах единственного числа, сокращенную *-ī- в трех лицах множественного числа — противопоставление, которое мы находим и в греческом языке: εἴην из *ἔσ-ιη-ν, но εἶμεν из *ἔσ-ι-μεν. Древний тип, следовательно, был siem/sīmus; аналогия с sīmus, sītis, sint привела к образованию sim, sis, sit. Несмотря на это, siem сохранялось довольно долго, что объясняется тенденцией языка к искоренению односложных самостоятельных слов; см. у Цицерона (Orat., XLVII, 157): «siet» plenum est, «sit» imminutum; licet utare utroque ¹.

¹ «Siet — полная форма, sit — сокращенная; пользоваться обеими».

У Плавта формы *siet*, *siet* встречаются лишь в конце стиха.

	Единственное число	Множественное число
1 л.	s- <i>ie</i> -m	s-i-m s- <i>i</i> -mus
2 л.	s- <i>iē</i> -s	s- <i>i</i> -s s- <i>i</i> -tis
3 л.	s- <i>ie</i> -t	s-i-t s-i-nt

В надписи Дуэноса мы находим еще *sied* с вторичным окончанием -d. Архаические поэты скандируют *sīt*, причем долгая гласная засвидетельствована и в эпиграфической форме *seit*, *ei=ī* (C.I.L., I², 756). *Sient* (в S.C. de Vas.), возможно, соответствует гр. $\epsilon\acute{\iota}\epsilon\nu$, но, вероятнее, оно образовалось по аналогии с *siet*.

д) Прошедшее несовершенное время
сослагательного наклонения

Прошедшее несовершенное время сослагательного наклонения, согласно общему правилу, образуется от основы **es-* + суффикс *-sē-* и окончание:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	es-se-m	es-sē-mus
2 л.	es-sē-s	es-sē-tis
3 л.	es-se-t	es-se-nt

На первоначальную самостоятельность основы сослагательного наклонения указывают две формы: настоящее время *fuam* и прошедшее несовершенное *forem* (см. § 239); как та, так и другая форма образовались от корня **bhe-wə-/*bhū-* «становиться, быть», отличного от **es-*. *Fuam*, *fuās*, *fuat*, *fuant* сохранились лишь в виде отдельных следов; *forem* из *fu-sē-m, ср. оск. *fusid* «foret», продержалось в течение всего периода существования латинского языка в трех лицах единственного числа и в третьем лице множественного числа.

	Настоящее время	Прошедшее несовершенное время
Единственное число		
1 л.	fu-a-m	fo-re-m
2 л.	fu-ā-s	fo-rē-s
3 л.	fu-a-t	fo-re-t
Множественное число		
3 л.	fu-a-nt	fo-re-nt

Вергилий, который любит употреблять старинные формы, пишет еще *fuat* (Aen., X, 108):

Tros Rutulusve fuat nullo discrimine habebo.

е) Повелительное наклонение

Правильное:

Настоящее время		Будущее время	
2 л. ед. ч.	<i>es</i>	2 и 3 л. ед. ч.	<i>es-tō(d)</i>
2 л. мн. ч.	<i>es-te</i>	2 л. мн. ч.	<i>es-tō-te</i>
		3 л. мн. ч.	<i>s-untō(d)</i>

Кроме того, мы находим один пример употребления *estod* (C.I.L., IX, 782) и *suntod* (см. § 244); -d встречается также в оск. *estud* «*estōd*».

Примечание. Об инфинитиве и причастии см. §§ 247 и 248. Глагол «быть» не имеет герундия.

253. Сложные *sum*. Некоторые глаголы, сложные с *sum*, имеют свои особенности.

В *dēsum* «недостаю» происходит слияние гласной приставки с гласной глагола, откуда формы: *dēst*, *dērō*, *dēram*. Формы *deesse*, *deerō* и т. д. отражают лишь их этимологию¹, но не действительное произношение. *Prōsum* «приношу пользу» произошло из **prōd-sum*, которое в результате ассимиляции перешло в **prōs-sum*, а затем в силу упрощения -ss- после долгой гласной — в *prō-sum*². Перед гласной предлог снова получает форму *prōd-*, например *prōsum*, *prōdes*, *prōdest*, *prōsumus*, *prōdestis*, *prōsunt*.

Possum «могу, в состоянии» имеет флексию, которая является результатом контаминации древнего отыменного глагола **poteō*, ср. оск. *pūtīad* «*possit*», от которого сохранились причастие настоящего времени *potēns*, употреблявшееся только как прилагательное, и перфект *potuī*, с безличным *pote est* «возможно», перешедшим в *potest*. По аналогии с этим *potest* были образованы и остальные лица: *possum*, *potes*, *possumus*, *potestis*, *possunt*, а не от **potis sum*, **potis es* и т. д. (как это принято считать),

¹ *Навет*, Manuel de critique verbale, § 937.

² *Нидерман*, Историческая фонетика латинского языка, §§ 68 и 88.

которые фонетически не могли бы перейти в *possum*. Наряду с *possum* образовался тип *potis sum*, *potis est* и т. д., появившийся в тот период, когда прилагательное *potis*, вытесненное *potēns*, перестало быть живым образованием и рассматривалось (как и *satis*) как неизменяемое наречие. Форма *potis sum* исчезла очень рано.

Примечания: 1. Прошедшее несовершенное время сослагательного наклонения должно было бы быть *potessem* (засвидетельствовано); обычная форма *possem* возникла по аналогии с *possim*, *possum* и *posse*.

2. В безличных предложениях архаические авторы употребляли страдательное *potestur* (равно как и *quītur*, *nequītur*), форму на *-ur*, характеризовавшую безличность. Так, в *Lex Repetundarum* (C.I.L., I¹, 198, 66) читаем: *ubei de plano recte legi possitur*.

3. В позднем латинском языке вновь появляются формы *potēb*, *potēre*, *potēbam*, образованные от *potuī* (см. § 274). Таким образом, аналогия возродила здесь старый глагол, который частично был вытеснен глаголом *possum*.

254. Volō И СЛОЖНЫЕ С НИМ

Глагол *volō* «хочу», происходящий от корня **vel-*, ср. умбр. *eh-veltu* «*jubētō*», *veltu* «*dēligitō*», имеет три особенности: 1) формы без тематической гласной; 2) чередование *-e/o-* в корне, зависящее от того, является ли последующее *l* велярным или нет¹; 3) древние окончания желательного наклонения, сходные с окончаниями *sim*, в настоящем времени сослагательного наклонения.

а) Настоящее время изъявительного наклонения

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>vol-o</i> (<i>vel-ō</i>)	<i>vol-u-mus</i>
2 л.	<i>vī-s</i>	<i>vol-tis</i> , <i>vul-tis</i>
3 л.	<i>vol-t</i> , <i>vul-t</i>	<i>vol-u-nt</i>

Второе лицо *vīs* восходит уже к другому корню²: **wei-*, который появляется также в *in-vī-tus* «хотящий».

Вследствие того что *o* в закрытой позиции сузилось до *u*, атематические формы стали различаться от темати-

¹ Нидерман. Историческая фонетика латинского языка, § 26.

² Не исключена возможность и другого пути: *vols > *vois* (возможно, засвидетельствованного в так называемой надписи Дуэноса, CIL, I², 4), а затем нормально: *vois* > *veis > *vīs*. (Прим. ред.)

ческих (действительных или кажущихся) даже по характеру своей гласной (см. § 252, п. а): *volō, volumus, volunt*.
 О написании *volt, vultis* см. у Нидермана¹.

Союз *vel* «или, хотя» отражает или атематическое 2 л. ед. ч. **vel-si*, давшее сначала **vels* (подобно тому как **essi* дало *ess*), а затем с ассимиляцией *-ls-* в *-ll-* — **vell* и, наконец, *vel*, или второе лицо единственного числа повелительного наклонения.

б) Настоящее время сослагательного наклонения

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>vel-i-m</i>	<i>vel-ī-mus</i>
2 л.	<i>velī-s</i>	<i>vel-ī-tis</i>
3 л.	<i>vel-i-t</i>	<i>vel-i-nt</i>

Никаких следов чередования суффикса **-uē/-ī-*, которое мы находим в *siem, sīmus*, в этом спряжении нет.

в) Прошедшее несовершенное время сослагательного наклонения *vellem* нормально восходит к **vel-sēm*².

г) Будущее и прошедшее несовершенное времена сходны с соответствующими временами типа *legō: volam, volēbam*.

д) Формулы вежливости *sīs, sultis* восходят к *sī vīs, sī vultis*.

255. а) *Nōlō* «не хочу», представляющее в настоящем времени изъявительного наклонения смешение стяженных и нестяженных форм, произошло из **ne volō*, ср. *nesciō*, превратившегося в **novolō* (подобно *novus* из **nevus*, ср. гр. *νέφος*), а затем в *nōlō*. Плавт употребляет еще *nevīs, nevolt* (Pers., 358, ямбический сенарий):

verum insimulari nolo. — at nequiquam nevis.

Впоследствии отрицание *ne* было заменено *nōn*; отсюда: *nōn vīs, nōn vult, nōn vultis*. Грамматик Диомед приводит текст Цицилия (Ribb., 5), где встречается еще форма со стяжением *noltis*:

vultis, empta est; noltis, non empta est.

¹ «Историческая фонетика латинского языка», § 26.

² Там же, §§ 65 и 80.

Исходя из форм сослагательного наклонения *nōlim*, *nōlīs*, было создано настоящее время повелительного наклонения *nōlī*, *nōlīte*, а позднее — и будущее время повелительного наклонения *nōlītō*. Огласовка *ō* в *nōlō* распространилась по аналогии на все времена и наклонения, все формы которых стяженные.

б) *Mālō* «предпочитаю» восходит к **mag(i)s volō*, перешедшему сначала в *mā-volō* (ср. *sexvirī* > *sēvirī*). В архаическую эпоху спряжение содержит еще нестяженные формы: *māvōlō*, *māvōlunt*, *māvelim*, *māvellem*; см. у Плавта (фр. 5, ямбический сенарий):

ору» *facere nimio quam dormire mavolo.*

Позднее *māvōlō* было заменено *mālō*, представляющим собой аналогическую (а не фонетически закономерную) форму: *mālō* было образовано от *māvis*, *māvōlt* по образцу *nōlō nevīs*, *nevōlt*¹. В свою очередь *mālō* повлекло за собой *mālūmus*, *mālunt*, *mālim*, *mālle* и т. д. Если бы *mālō* было фонетически закономерным, то *māvōlt* и *māvōltis* должны были бы перейти в **mālt*, **māltis*. Слоговые соотношения у *nōlō* и *mālō* совпадают в точности:

<i>nōlō</i>	<i>nevīs</i> (<i>nōn vīs</i>)	<i>ne</i> (<i>nōn</i>) <i>vōlt</i>	<i>nōlūmus</i>
<i>mālō</i>	<i>māvis</i>	<i>māvōlt</i>	<i>mālūmus</i>
	<i>ne</i> (<i>nōn</i>) <i>vōltis</i>		<i>nōlunt</i>
	<i>māvōltis</i>		<i>mālunt</i>

П р и м е ч а н и е. Об инфинитиве от *volō* см. выше (§ 247, п. а). *Velle* и сложные с ним не имеют ни герундия, ни причастия будущего времени страдательного залога; причастие настоящего времени засвидетельствовано плохо.

256. *Ferō*

Глагол *ferō* «несу» имеет атематическое спряжение во втором и третьем лицах единственного числа и во втором лице множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения — *fers*, *fert*, *fertis*; в настоящем и будущем временах повелительного наклонения — *fer*, *ferte* и *fertō*, *fertōte*; в прошедшем несовершенном времени сослагательного наклонения — *fer-rem* (из **fer-sēm*) и

¹ Автор, очевидно, не заметил того, что если **nevōlō* > *nōlō*, то *nevōlt* должно было бы на тех же основаниях перейти в **nōlt*. С этой точки зрения, *nevōlt* надлежало бы рассматривать как аналогическое восстановление. (*Прим. ред.*)

в инфинитиве — *fer-re*. В остальных случаях *ferō* спрягается как *legō*. Однако в противоположность *volō* и *edō*, которые в сослагательном наклонении на *-im* сохранили древний оптатив атематического типа, сослагательное наклонение от *ferō* засвидетельствовано только с *-ā-*: *ferās*; *ferō* издревле имеет тематические формы. Нормальное корневое настоящее время от корня **bher-* «нести» является тематическим, ср. гр. *φέρει*; то же и в желательном наклонении, ср. гр. *φέροι*. Атематическая форма наблюдается лишь в настоящем времени изъявительного наклонения, причем, за исключением латинского языка, только в виде следов. Возможно, что тематический и атематический типы здесь совпали. Обобщению атематического типа в тех латинских формах, где он засвидетельствован, могло в известной мере благоприятствовать отпадение гласной после *r* (ср. *ager*, *puer*, *acer*).

В *fers s* фонетически незакономерно; так как конечная группа *-rs* переходила в *-rr* (ср. **tris* > **ters* > *terr*) и в *-r¹*, то мы ожидали бы **fer* (подобно *far* «колба» из **fars*); *s* было восстановлено здесь по образцу других спряжений.

В поздней латыни появилась тенденция упорядочить парадигму; отсюда формы: *feris*, *feritis* и т. д. (IV в. н. э.).

257. *edō* И СЛОЖНЫЕ С НИМ

В *edō* «ем» и сложных с ним: *ambedō*, *comedō*, *exedō* также наблюдается смешение атематических (2 и 3 л. ед. ч., 2 л. мн. ч.) и тематических форм. Таким образом, мы имеем:

а) Настоящее время изъявительного наклонения		Повелительное наклонение
Единственное число		Настоящее время
1 л.	<i>edō</i>	<i>ēs</i>
2 л.	<i>ēs</i>	<i>ēs-te</i>
3 л.	<i>ēs-t</i> (страдательное <i>ēs-tur</i>)	
Множественное число		Будущее время
1 л.	<i>ed-i-mus</i>	<i>ēs-tō</i>
2 л.	<i>ēs-tis</i>	<i>ēs-tōte</i>
3 л.	<i>ed-u-nt</i>	<i>ed-u-ntō</i>

Ēs, *ēst*, *ēstis* восходят к **ēd-s*, *ēd-t*, **ēd-tis*; правильное вместо *ēstis* было бы **ēsis*, так как **ēdt-* > **ēss-* > **ēs*, ср.

¹ Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 80 и § 63, п. 4.

ēsus¹; однако действие аналогии воспрепятствовало этому фонетическому процессу.

Латинские грамматики утверждают, что гласная ē в атематических формах является долгой: ēs, ēst и т. д., в то время как в тематическом спряжении она краткая: ēdō, ēdimus, ēdunt. Эта точка зрения подтверждается повелительным наклонением ēs, супином ēsum, а также обозначением долгой гласной в некоторых эпиграфических памятниках. Здесь мы встречаемся с древним индоевропейским чередованием: гр. ἔδω, гот. ita, представляющие собой тематические формы, имеют ё; лит. ēdmi, атематическая форма, имеет ē.

б) С о с л а г а т е л ь н о е н а к л о н е н и е. Edō имеет две формы настоящего времени сослагательного наклонения: одну — на -im, древнее желательное наклонение атематических глаголов: edim, edīs, edit, другую — на -am: edam, edās, edat и т. д. Обе формы сосуществовали вплоть до времени Августа; Гораций употребляет всегда edim, Овидий — edam.

Прошедшее несовершенное время сослагательного наклонения атематическое: ēssem, ēssēs из *ēd-sēm и т. д.

в) И н ф и н и т и в. Инфинитив также атематический: ēs-se. Edere и сослагательное наклонение ederem — поздние формы, образованные по аналогии.

П р и м е ч а н и е. ēssem, ēsse фонетически должны были бы перейти в *ēsem, *ēse (подобно тому как *vīssō, caussa перешли в vīso, causa), ср. ēsus из *ēdōs > *ēssos; написание -es- сохранилось, несомненно, под влиянием омонимов² essem, esse от sum.

258. Dō

Dō «даю» представляет собой древний атематический глагол с индоевропейским чередованием корня *dō-/dā- (последний звук в латинском языке передается ā), ср. гр. δίδωμι, δότης. Латинский язык провел огласовку ā по всему спряжению, т. е. мы всюду имеем редуцированную ступень корня; следы огласовки ō сохранились лишь в существительных dō-nim, dōs (из *dō-tis) и, возможно, в повелительном наклонении cēdō (см. ниже).

¹ О dt->ss. см. Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 90.

² Термин «омоним» здесь, конечно, неточен: в одном случае ē-, в другом ё-. (Прим. ред.)

	Единственное число	Множественное число
1 л.	dō	dā-mus
2 л.	dā-s (из *dā-s)	dā-tis
3 л.	dā-t	dā-nt

Долгая гласная в dās — вторичного происхождения; она появилась в силу того, что латинский язык избегал краткости в подударных односложных словах. Древняя краткость в dās подтверждается сложными dīdīs, reddīs, восходящими к *dī-dās, *reddās.

От редуцированной ступени *dā- правильно образовались: dābam, dābō, dāte, dātō, dārem, dāre.

Повелительное наклонение dā заменило древнее *dā, очевидно, в силу тех же причин, которые вызвали долготу dās. Попытки обнаружить следы древнего повелительного *dō в форме cēdō «дай сюда» основывались на том, что краткое -dō возникло здесь будто бы под влиянием закона ямбических слов, в то время как множественное число cette «дайте» произошло якобы из *cē-date. Однако эта гипотеза не доказана¹. Некоторые видят в cedo, cette флектирующую частицу, подобную гр. δεῖρο, δεῖτε.

Настоящее время сослагательного наклонения dem в классическом языке образовалось по аналогии с атем; древними формами являются duam, duim (см. § 239).

Изменение ä в ĩ или ě в нена начальном слоге² привело к переходу слов, сложных с dō, в третье спряжение: *dī-dāre, *dī-dās > dīdere, didis и т. д.; dīdunt, reddunt вместо *dīdant, *reddant, которые должны были бы сохраниться в закрытом слоге, появились по аналогии с dīdimus, dīditis, reddimus, redditis. О reddibō см. § 235, прим. 2.

259. Eō

Eō «иду» представляет собой древний атематический глагол, происшедший от корня *ei-, гр. εἶμι, редуцированная ступень которого *ĭ-: ĭμεν. При этом -у- в положении между гласными выпало, откуда eō (перешедшее в тематический тип), eunt (несомненное новообразование от eō по образцу audiō, audiunt), eam из *eуō, *eуonti,

¹ Другое объяснение дает Juret, *Dominance et Résistance dans la phonétique latine*, стр. 131; однако оно мне кажется мало убедительным.

² Нидерман, *Историческая фонетика латинского языка*, § 15, п. 1 в, и § 16.

*eуām; перед согласной *ci- нормально перешло в *ī: īs, īt (долгое у Плавта), а затем в īt, īmus, ītis — атематические формы. В настоящем времени изъявительного наклонения латинский язык уже не сохранил следов чередования ei-/ī-, которое наблюдается в гр. εἶμι, ἴμεν; в латинском языке мы находим всюду долгую гласную.

Прошедшее несовершенное ī-bam из *ei-bam образовано так же, как stā-bam от stāre; будущее ī-bō возникло по аналогии с t̄bam; прошедшее несовершенное сослагательного наклонения ī-rem из *ei-sēm, повелительное ī, ītō, инфинитив ire представляют собою правильные образования. О причастии iēns, euntis см. § 248.

Queō, ne-queō «могу, не могу» спрягаются как eō; возможно, что эти глаголы являются сложными с eō.

260. Fīō

Глагол fīō «становлюсь» принадлежит к корню *bhe-wə-/*bhū- и восходит к древнему *bhwiуō. Спрягается он как audiō; неправильными являются только прошедшее несовершенное время сослагательного наклонения fierem и инфинитив с окончанием страдательного залога fierī вместо *fīrem, *fīre. Эний употребляет инфинитив fiere. Кроме того, перед гласной окончания или суффикса ī сохраняется: fīō, fīēbam, fīam и т. д. В сослагательном наклонении fierem и в инфинитиве fierī, в отличие от ī других времен, часто встречается ī; однако у архаических авторов засвидетельствована долгая гласная; см. у Плавта (Carp., 998, троический септенарий):

vidi ego multa saepe picta quae Accherunti fierent.

261. Inquam

Первое лицо глагола inquam «говорю» принадлежит древнему сослагательному наклонению на -ā-. Inquam собственно означает «хочу сказать». Другие лица: inquis, inquit спрягаются по типу capiō.

СИСТЕМА ПЕРФЕКТА

262. **Определение.** Латинский перфект (perfectum) называется так потому, что он выражает законченное действие: vixit, т. е. или «он прожил», или «он кончил жить»,

в отличие от инфекта (*infectum*), рассматривающего действие в его развитии: *vivō* «живу». Идея времени передается в перфекте претеритом *vixeram* (плюсквамперфектом), который относит представление о законченном действии в прошлое, и будущим временем (перфективным будущим) *vixerō*, которое предполагает действие, законченное в грядущем. Поскольку же идея законченного действия весьма близка к идее действия в прошлом, перфект, естественно, стал служить для выражения прошлого: *vixit* «он жил» со значением греческого аориста изъявительного наклонения или прошедшего совершенного времени французского языка. Однако это лишь вторичное значение. Первоначальное значение перфекта обнаруживается в следующих примерах из Плавта (*Vac.*, 150—151, ямбические сенарии):

*video nimio jam multo plus quam volueram;
vixisse nimio satius jam quam vivere,*

где *plus quam volueram*— «больше, чем я хотел (но я уже перестал хотеть)», *vixisse* — «кончить жить», и (*Vac.*, 708, трохеический септенарий):

*unumquidque agamus: hoc ubi egero, tum istuc
agam,*

hoc ubi egero «как только я кончу это делать».

263. Характерные черты системы перфекта. Сюда относятся: 1) особые формообразующие элементы; 2) особые окончания изъявительного наклонения перфекта в собственном смысле слова; 3) у корневых глаголов основа, строящаяся непосредственно на глагольном корне, независимо от инфекта (тип *vīcī* наряду с *vincō*, *genī* наряду с *gignō*). Производные глаголы распространили на перфект основу настоящего времени (тип *cūrā-vī*, *finī-vī* наряду с *amā-re*, *finī-re*).

264. Соотношение между инфектом и перфектом. Единого способа образования перфекта в латинском языке нет. Прежде всего он унаследовал два древних образования (перфект с удвоением и перфект с чередованиями гласных); далее, он развил уже существовавший способ образования, который в том языке, из которого произошел латинский, принадлежал не перфекту, а аористу (перфект

на -sī), и, наконец, он создал новую форму (перфект на -vī, или слабый перфект). Как уже говорилось выше, единой формы перфекта для каждого спряжения не было; с другой стороны, глаголы, которые в инфекте не принадлежали к одному и тому же спряжению, могли иметь и сходные перфекты. Объясняется это тем, что в латинском инфекте каждое из четырех спряжений объединяет различные глагольные основы, независимость которых обнаруживается в перфекте, и, наоборот, сходные группы, различающиеся в инфекте по корневой гласной, имеют одинаковый перфект (cūrā-vī, fīnī-vī). Впрочем, и глаголы, принадлежащие к одним и тем же группам, не всегда имеют одинаковый перфект, и он изменяется в зависимости от формы корневого элемента. Так:

1) Инфекту на -āre соответствуют:

а) правильный перфект на -āvī с -ā-, распространившимся на все спряжение: flā-vī, flā-tum; amā-vī, amā-tum; cūrā-vī, cūrā-tum;

б) перфект на -uī, когда конечная гласная основы появляется в причастии на *-to- в форме ĩ или же синкопируется: sub-uī, subī-tum, sec-uī, sec-tum, что предполагает чередование ā: ħ(э) или ā: ноль между инфектом и перфектом;

в) в одном случае перфект с удвоением: stetī.

2) Инфекту на -ēre соответствуют:

а) правильный перфект на -ēvī в первичных глаголах с долгой корневой гласной: plē-vī, plē-tum;

б) перфект на -uī в тех же условиях, что и в п. 1б: mon-uī, monī-tum; doc-uī, doc-tum;

в) в виде исключения и в тех же условиях, что и в п. б, сильный перфект с удвоением, чередованиями или на -s-: spo-pond-ī, spōn-sum; sēd-ī, ses-sum; aūx-ī, aūc-tum.

3) Инфекту на -ēre, охватывающему очень большое количество корневых глаголов, соответствуют различные перфекты, смотря по составу согласных и гласных в корне: tutud-ī, ēg-ī, spar-sī, strā-vī, al-uī.

4) Инфекту на -īre соответствуют:

а) правильный перфект на -īvī с -ī-, обобщенным по всему спряжению: audī-vī, audī-tum;

б) различные формы перфекта в других случаях: aperu-ī, reperer-ī, vēn-ī, vīnx-ī.

Глагол латинского языка представляет собой объединение этих двух основ — инфекта и перфекта.

265. Соотношение между перфектом и причастием на *-to-. Аналогические воздействия, как известно, нарушали и изменяли древнее состояние форм языка. Особо большое значение имело здесь аналогическое воздействие на перфект отглагольного прилагательного на *-to- (причастия прошедшего времени страдательного залога). Это причастие, как и перфект, образовывалось от глагольного корня. Отсутствие в обеих этих формах особенностей, характеризующих инфект, привело к тесному, хотя, несомненно, вторичному сближению их, чем и объясняются их взаимные аналогические воздействия: многие латинские перфекты могут объясняться только причастиями на *-to-, и наоборот.

Таким образом, хотя мы и не можем говорить здесь об одном типе перфекта для каждого спряжения, но мы имеем сходные образования, которые необходимо объединить в определенные группы. В первую очередь здесь выделяются две большие группы: 1) корневые элементы и основы, оканчивающиеся на согласную, и 2) корневые элементы и основы, оканчивающиеся на гласную.

Глаголы с корневым элементом на согласную

266. Все глаголы данного типа являются сильными; они сохраняются по традиции, и количество их в латинском языке больше не возрастает. Эти глаголы имеют три способа образования перфекта:

- 1) перфект с удвоением;
- 2) корневой перфект без удвоения;
- 3) сигматический перфект.

Перфект с удвоением

267. В индоевропейском языке, как это можно заключить на основании греческого языка и санскрита, перфект с удвоением был обычной формой для корневых глаголов; однако, в то время как в греческом языке эта форма распространилась и на производные глаголы, в латинском языке от нее сохранились только следы; к тому же, латин-

ский язык смешал в одну группу как древние перфекты (типа *meminī*, гр. μέμνη), так и аористы с удвоением (типа *tetigit*, гр. τεταγών), первоначально различавшиеся между собой и по смыслу и по форме.

Перфект с удвоением встречается только в корневых глаголах третьего спряжения. Во втором спряжении мы находим лишь пять случаев (от *mordeō*, *pendeō*, *spondeō*, *teneō*, *tondeō*), а в первом — всего один (от *stō*—*stetī*, которое к тому же является и перфектом от *sistō*); что касается глагола *dō*, то он, собственно, не принадлежит к первому спряжению (ср. *dā-re*, *dā-bam* и т. д.).

В процессе своего развития язык стремился устранить из этих спряжений тип с удвоением, либо заменяя настоящее время на *-eō* настоящим временем на *-ō* (**mordō*, **spordō*, **tondō*), либо создавая в соответствии с настоящим временем на *-āre* и *-ēre* перфекты на *-āvī* и *-uī*: *tenuī* по типу *poneō*, *ponuī*; *dāvī* (в глоссах, С. G. L., IV, 48), *praestāvī* в юридическом языке по типу *amāre*, *amāvī*. Общая тенденция латинского языка была направлена к установлению единообразия во всех трех спряжениях с долгой гласной *-āre*, *-ēre*, *-īre*, в отличие от третьего спряжения, в котором скоплялись всевозможные архаизмы и неправильности.

Удвоение свойственно главным образом простым глаголам; в формах с приставками оно исчезает и заменяется аналогическими перфектами не *-ē-* — *impregī* наряду с *perigī*; *-uī* — *occinuī* наряду с *cesinī*; *-sī* — *comripinī* наряду с *riurigī*, происшедшими из **im-perigī*, **oc-cesinī*, **com-riurigī*, превратившихся в результате гаплоггии (т. е. слияния в один слог двух слогов с одинаковой начальной согласной) в **im-pigī*, **oc-cinī*, **com-riugī*. Но так как эти новые перфекты оказались недостаточно характерными, то они были заменены другими формами, с более отчетливой характеристикой; отсюда: *impregī*, *occinuī*, *comripinī*. Некоторые из этих перфектов перешли потом из сложных глаголов в простые, что в свою очередь еще более способствовало исчезновению удвоения.

268. **Огласовка.** В противоположность настоящему времени, где гласной удвоения является *i*: *bi-bō*, *gi-gnō*, гр. γί-γνο-μαι, *serō* из **sī-s-ō*, *sīdō* из **sī-zd-ō*, *si-stō*, в перфекте этой гласной, как и в греческом языке, обычно слу-

жит ё; ср. meminī, гр. μέμνηα; dedī, гр. δέδομαι; stetī, гр. ἔστηχα. Однако в тех случаях, когда гласную корневого элемента представляют i, o, u, гласной удвоения может быть также i, o, u: didicī, momordī, tududī. Удвоение с u и i, повидимому, древнее: лат. tududī соответствует скр. tutóda (или, точнее, форме среднего залога tududé). В других случаях мы имеем уже несомненно недавнюю ассимиляцию гласной удвоения с гласной корня; древние формы имели огласовку e, например memordī, peroscī, sponodī, а по аналогии даже там, где гласной корневого элемента служила u: securrī, perugī (см. § 274)¹.

В индоевропейском языке перфект с удвоением в трех лицах единственного числа имел огласовку o, чередовавшуюся с нулевой огласовкой других форм, как об этом свидетельствует противопоставление гр. μέμνηα : μέμαρευ из *με-μη-μεν. Остаток нулевой огласовки сохранился, возможно, еще в ste-ti-mus, гр. ἔστα-μεν. Во всех же остальных случаях латинский язык обобщил в перфекте огласовку настоящего времени, и корневая гласная перфекта совпадает с корневой гласной настоящего времени, если отбросить те фонетические изменения, которым она подверглась в срединном слоге; ср. pēdō, perēdī наряду с гр. πέρομαι, πέποδα. Из всего сказанного следует, что латинский перфект с удвоением не имел собственной огласовки.

269. **Состав согласных.** а) Глаголы с удвоением начинаются всегда с простой согласной, обычно глухой смычной (с, t, p), за исключением dō и discō. Щелевая согласная встречается лишь в одном случае: fallō (перфект fhefhaked «fēcīt» в Пренесте является диалектной формой); то же и носовая: mordeō. Примеров удвоения с b, g (bibō, gignō — формы настоящего времени), s, l, r, n, v, j, а также с согласной + l, r (тип claudō, frangō) мы не имеем.

б) Группа с s + затворная. В тех глаголах, корень которых начинается с группы s + затворная, как-то: s + c, s + p, s + t, слог удвоения включает начальную группу согласных полностью, между тем как в корневом слоге свистящая исчезает:

¹ Обычно тип securrī считают более древним, чем тип ciscurrī, tududī. (Прим. ред.)

stō, si-stō	ste-t-ī
spondeō	spo-pond-ī
scindō	sci-cid-ī

Этот тип удвоения противопоставляется удвоению настоящего времени si-stō, где удваивается только начальная свистящая, между тем как корневой слог сохраняет обе согласные. Stetī, spondī, scidī произошли путем диссимилиации из *ste-st-ī, *spo-spond-ī, *sci-scid-ī.

270. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ а

cadō	cecidī
------	--------

Формы с приставками: ac-cidī, con-cidī (без удвоения). О переходе срединного а в і и о cecidī см. у Нидермана¹.

caedō	cecīdī
-------	--------

Формы с приставками: con-cidī, in-cidī и т. д. Об ae > ī см. у Нидермана².

canō	cesinī
------	--------

Формы с приставками: con-cinuī, sus-cinuī и т. д., образованные по образцу sonō, sonū. По аналогии со сложными глаголами в позднюю эпоху был образован перфект canī.

fallō	fefellī
-------	---------

Закономерно было бы *febellī или, скорее, *febulī без второго l, которое является суффиксом настоящего времени; ср. pellō, reperī. Об e в fefellī см. у Нидермана³.

rangō	perigī
-------	--------

Наряду с perigī встречаются rēgī и ranxī; -rēgī — обычное образование в формах с приставками: con-rēgī, in-rēgī, откуда оно перешло и в простой глагол; ranxī (встречающееся, впрочем, чрезвычайно редко) образовано по аналогии с перфектами на -s- у глаголов с носовым инфиксом, junxī и т. д. Пример этой формы мы находим в эпитафии Энния (Var., 16, пентаметр):

¹ «Историческая фонетика латинского языка», § 15, п. 1, и § 20.

² Там же, § 19.

³ Там же, § 46.

hic vestrum panxit (в рукописях: pinxit) maxima facta
patrum.

parcō   repercī

Более поздняя форма: parsi, образованная по аналогии со сложным com-percō, com-persi. Об е в reperci см. у Нидермана¹.

pariō   reperī²

Сложные формы: com-perī, но per-perī (см. § 271).

tangō   tetigī

tetigī — древняя форма аориста, что ясно из гомеровского причастия аориста τεταγών.

Сложные формы: at-tigī, con-tigī.

271. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ e

pendō	}	perpendī
pendeō		
tendō		tetendī
teneō		tetinī

Tendī, pendī — формы, образовавшиеся по аналогии с sus-pendī, ex-tendī (формами с приставкой); tenuī (от teneō, по аналогии с teneō/tonuī) — форма, появившаяся первоначально в con-tinuī и заменившая затем tetinī, которое употребляется только архаическими авторами.

pēdō   perpēdī
pellō   perpulī

Об и в perpulī см. у Нидермана³.

Несомненные следы удвоения имеются также в gerpulī, происшедшем из *герерулī, и в gerperī, rettudī, rettulī⁴. Позднее по аналогии с expulsus язык создал expulsi.

¹ «Историческая фонетика латинского языка», §18, п. 1.

² Там же, § 16.

³ Там же, § 27.

⁴ Там же, § 20.

272. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ o

poscō   poroscī

Форма poroscī — сравнительно недавняя, о чем свидетельствует суффикс *-ske-/sko-, принадлежавший первоначально основе инфекта; в умбрском языке мы встречаем форму без суффикса: perirkurent «poroscerint»¹.

mordeō   momordī
spondeō   spondī
tondeō   totondī

Древние формы: memordī, spondī; см. у Энния (Sat., 63, ямбический сенарий):

meum non est, ac si me canis memorderit.

Согласно Авлу Геллию (VI, 9):

sic M. Tullius et C. Caesar «mordeō, memordī, pungō, perugī, spondeō, spondī» dixerunt.

Формы с приставками: prae-morsī, re-spondī².

Momordī, spondī, totondī имеют срединную огласовку по аналогии с огласовкой настоящего времени; закономерны были бы: *me-murdī, *spe-pundī, *te-tundī³.

273. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ i

discō   didicī

Настоящее время discō уже само по себе является настоящим временем с удвоением (см. § 198); в перфекте гласная удвоения настоящего времени удвоилась.

scindō   scidī (архаическое)

Формы с префиксами: ab-scīdī, di-scīdī и т. д.; впоследствии scīdī стало перфектом простого глагола.

¹ Posco возводится к *porc-sco (*pork- <*pṛk-, ср. preces, pro-сus). (Прим. ред.)

² От -spondī по образцуprehendō/prehendī в народном латинском языке был образован инфинитив respondēre, франц. répondre; от momordī, totondī по образцу tendo/tetendī: mordēre, tondēre; франц. mordre, tondre.

³ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 18, п. 2.

274. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВОЙ ГЛАСНОЙ *u*

currō   cuscurrī

У Элия Туберона (согласно Авлу Геллию, VI, 9, 15) мы находим *oc-scurrīt*.

pungō	purugī (perugī, ср. § 268)
tundō	tutudī

275. КОРНЕВЫЕ ОДНОСЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ

dō «даю»	dedī
-dō «кладу»	-didī

Последнее мы находим в сложных словах: *condō*, *condidī* и т. д. В народном латинском языке удвоение *-didī* послужило для образования перфектов многочисленных глаголов на *-dō*: *descendidī*, встречающееся уже у Валерия Антиата. В позднюю эпоху количество форм этого рода увеличилось: *abscondidī*, *ascendidī* и т. д. представляют собой перфект, сохранившийся и в некоторых романских языках.

276. ЕДИНИЧНЫЕ ФОРМЫ

tetulī

Эта форма первоначально служила перфектом к *ferō*; впоследствии, исходя из *sus-tulī* (формы с приставкой, которая употреблялась как перфект к *tollō*), *tetulī* было заменено формой *tulī*.

meminī

Перфект, принадлежащий корню **men-* «думать» (ср. гр. μέμνησθαι) и представлявший собой единственный перфект, обладавший повелительным наклонением: *mementō*. Поскольку он имел значение настоящего времени, для него в поздней латыни было создано причастие настоящего времени *meminēns*

277. Приведенные выше формы перфекта с удвоением не являются, конечно, исчерпывающими, тем более что от некоторых глаголов до нас дошли лишь формы с приставками, например *ascendō*, *ascendī* (*candō), *perculī* (*cellō), *offendī* (*fendō). В других случаях формы с при-

Сюда же можно отнести и перфект со значением настоящего времени («претерито-презенс») *ōdī* «ненавижу» наряду с *ōdium* «ненависть».

г) Гласная *i*:

<i>videō</i>	<i>vīdī</i>	<i>vīsus</i>
<i>linquō</i>	<i>līquī</i>	<i>lictus</i>
<i>vincō</i>	<i>vīcī</i>	<i>victus</i>

В глаголе *findō*, *fīdī* количественного чередования нет. Несомненно, что этот глагол имел ранее перфект с удвоением **fefidī* или **fifidī*, но под влиянием форм с приставками (*dif-fīdī* и т. д.) форма *fīdī* была введена и в простой глагол.

Глагол *insīdō* «сажусь на» заимствовал свой перфект *insēdī* у *sedeō*.

д) Гласная *u*:

<i>fugiō</i>	<i>fūgī</i>	<i>fugitum</i> ¹
<i>fundō</i>	<i>fūdī</i>	<i>fūsus</i>
<i>rumpō</i>	<i>rūrī</i>	<i>ruptus</i>

В *i* и *ū* последних двух групп соответственно отражаются древние дифтонги *ei*, *ou* (*eu*).

Все это относится, разумеется, к корням с чередованиями *-ei/-i-*, *-eu/-u-*.

280. ГЛАГОЛЫ С ОДНОВРЕМЕННЫМ ЧЕРЕДОВАНИЕМ ТЕМБРА И КОЛИЧЕСТВА

<i>ägō</i>	<i>ēgī</i>	<i>āctus</i>
<i>-āriō</i>	<i>-ērī</i> (со- <i>ērī</i> , соерī «я начал»)	<i>coeptus</i>
<i>cāriō</i>	<i>cērī</i>	<i>captus</i>
<i>fāciō</i>	<i>fēcī</i> (гр. <i>ἔ-θηκ-α</i>)	<i>factus</i>
<i>frāngō</i> (гот. <i>brikan</i>)	<i>frēgī</i> (гот. <i>brēkum</i>)	<i>fractus</i>
<i>jāciō</i> (гр. <i>ἵημι</i>)	<i>jēcī</i> (гр. <i>ῥηα</i>)	<i>jactus</i>

О *rangō*, *rēgī* см. § 270.

281. Некоторые глаголы не имеют ни удвоения, ни чередования гласных; перфект их характеризуется лишь окончаниями. Количество таких глаголов очень ограничено:

¹ О *fodīvī*, *fugīvī* см. § 224, прим.

bībō	bībī	
cōnīveō	cōnīvī (и cōnīxī)	
īco, īciō	īcī	ictus
lambō	lambī (один пример)	
mandō	mandī	mānsus
pandō	pandī	pānsus и passus

В последнем глаголе удвоение было возможным, но оно исчезло, повидимому, по аналогии с такими не имевшими удвоения глаголами, как

prandeō	prandī	prānsus
pre-hendō	pre-hendī	prehēnsus
psallō	psallī	
sīdō	sīdī	
strīdeō	strīdī	
vellō	vellī (из *vel-sī)	vulsus
	(у Вергилия более поздняя форма vulsī)	
verrō	verrī (из *ver-sī)	versus
	(более поздняя форма versī)	
vertō	vertī	versus
vīsō	vīsī	

В императорскую эпоху вследствие недостаточности форм pandī, grandī были образованы формы pandidī, grandidī (см. § 275).

Как мы видели, некоторые глаголы, теряя удвоение, тем самым потеряли все характерные черты перфекта, например:

cūdō	cūdī (более поздняя форма cūsī)	cūsum
-fendō	-fendī	-fēnsus
īncīdō	īncīdī	
īncīdō	īncīdī	

282. СИГМАТИЧЕСКИЙ ПЕРФЕКТ

Перфект на -sī представляет собою древний аорист на -s- (ср. гр. εἰδὲξα наряду с διῆξι), получивший в латинском языке окончания перфекта. Этот тип распространен весьма широко.

Примеры перфекта на -sī гораздо более многочисленны,

чем перфекты двух предыдущих типов. За исключением единичных глаголов, не имеющих в перфекте особой формы корня, во всех остальных глаголах с основой на согласную, притом не имеющих ни удвоения, ни чередования гласных, развился перфект на -sī. Относительно недавнее образование перфекта на -sī вытекает прежде всего из того, что в глаголах с приставками древние формы с удвоением были вытеснены перфектом этого типа:

*se-culī (не засвидетельствовано), но perculsī (поздняя форма по аналогии с perculsus)
tomordī, но praetorsī
perercī, но compersī
pu-pugī, но compunxī
perulī, но expulsī (позднее образование по аналогии с expulsus).

То же можно сказать и в отношении форм с чередованием:

ēgī, но cōxī (поздняя форма вместо coēgī)
ēmī, но dēmpsī
fūdī, но diffūsisse (позднее образование по аналогии с diffūsus)
jēsī, но amixī (от amicīō, сложного из *am-jaciō)
lēgī, но intellēxī

Хорошим подтверждением позднего появления перфекта на -sī могут служить также глаголы, сложные с emō. В тех сложных словах, где связь с emō была еще ощутима, сохранился перфект ēmī: adimō, dīrimō, eximō, interimō, redimō — adēmī, dīrēmī и т. д.; и наоборот, в тех глаголах, где эта связь из-за слияния гласных уже не ощущалась, развился перфект на -sī: cōmō, dēmō, prēmō, sūmō — cōmpsī, dēmpsī, prēmpsī, sūmpsī (след древней формы сохранился лишь в архаическом surēmīt).

Далее, распространение в перфекте носового инфикса настоящего времени (тип jungō, junxī, ringō, rinxī, см. § 200) относится к тому довольно позднему времени, когда инфикс уже не ощущался и когда стремились установить единообразную основу для всего спряжения.

Наконец, перфекты versī, vulsī, заменившие древние формы verrī, vellī, показывают, что к моменту их образо-

вания действие фонетического закона, согласно которому $l+s$, $r+s$ переходили в $-ll-$, $-rr-$ ¹, уже прекратилось.

283. Сигматический перфект, как правило, не имеет чередования гласных. Однако латинский язык сохранил некоторые следы полной огласовки корня, свойственной аористу на $-s$. Примеры:

$dīxī$ (древнее * $deixei$; ср. $deixsistis$, C.I.L., I², 586), итал. $dissi$, наряду с $dīctus$, итал. $detto$
 $dī-vīdō$ — $dī-vīsī$ из * $dis-weid-sī$ (корень * $weid-$; по аналогии с $dī-vīsī$ вместо * $dī-vīsus$ было образовано $dī-vīsus$)
 $jubeō$ — * $jūssī$ ($iouiset$ « $jūssisset$ » в S.C. de Vas., C.I.L., I², 581), которое не удержалось и под влиянием $jūssus$ было заменено $jūssī$ ²; $jūssī$ фонетически перешло бы в * $jūsi$ ³.

Впрочем, имеется и обратный пример:

$ūrō$ — $ūssi$ (несомненно под влиянием $ūstus$); * $ūssi$ перешло бы в * $ūsi$.

Сюда же относятся: $rēgō$, $tēgō$, $trāhō$, $vēhō$, имеющие в перфекте долгую гласную, засвидетельствованную апексом в надписях для $rēxī$, $tēxī$, $trāxī$, например $rēxit$ (C.I.L., V, 875), $trāxī$ (C.I.L., X, 2311, 8), и свидетельством Прициана для $vēxī$. Однако в то время как $rēxī$ и $tēxī$ могли возникнуть под влиянием $rēctus$, $tēctus$ ⁴, $trāxī$ не могло образоваться из $tractus$, поскольку последнее имеет $ā$, как это видно из $detrectāre$; повидимому, $trāxī$ образовалось по аналогии с $rēxī$ и т. д. Впрочем, в $rēxī$, $tēxī$ долгая гласная может иметь то же происхождение, что и долгая гласная причастия.

Перфект на $-sī$ встречается часто в глаголах третьего спряжения; несколько примеров его мы находим также

¹ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 80.

² Свидетельство S. C. de Vas. опорочивается тем, что в той же надписи встречается настоящее время $ioubeatis$ с несомненно ошибочным дифтонгом. Однако $iouisit$ встречается и в других памятниках, например в декрете Эмилия Павла (C. I. L., I², 614; см. также C. I. L., X, 5807; I², 478). Колебание между $iouisit$ и $iusit$, которое мы находим в некоторых надписях (C. I. L., I², 633, 584; I¹, 198), свидетельствует в пользу долготы гласной. См. Meillet, «V. S. L.», XXII, стр. 161 и сл.

³ Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 65.

⁴ О долготе гласной см. § 311, п. 2 и Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 35, п. 3.

во втором и в четвертом спряжениях. Глаголы, основа или корень которых оканчиваются на гуттуральную, образуют перфект на -sī гораздо чаще, чем другие глагольные типы с зубной, губной или свистящей.

284. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОКАНЧИВАЮЩИМСЯ НА ГУТТУРАЛЬНУЮ, И С НОСОВЫМ ИНФИКСОМ

К о р н е в а я г л а с н а я *i*

а) Глаголы, у которых носовая появляется в перфекте, но отсутствует в причастии прошедшего времени страдательного залога:

fiŋgō	finxī	fictus
piŋgō	pinxī	pictus
stringō	strinxī	strictus, итал. stretto

б) Носовая согласная распространилась по всей парадигме:

liŋgō	linxī	linctus
ninguit	ninxit	(супина нет)
-stinguō (dis-, ex-)	-stinxī	-stinctus
vinciō	vinxī	vinctus

К о р н е в а я г л а с н а я *u*

juŋgō	junxī	junctus
ē-mungō	ē-munxī	ē-munctus
-pungō	-punxī	punctus

К о р н е в а я г л а с н а я *a*

paŋgō	paŋxī (наряду с perigī, см. § 270)	pāctus
plangō	planxī	planctus
sanciō	sanxī	sanctus

Примечания: 1. В angō, anxī; cingō, cinxī; clangō, clauxī; ting(u)ō, tinxī; unguō, unxī носовая относится к корню (см. § 201).

2. О -xī см. у Нидермана¹.

¹ «Историческая фонетика латинского языка», §§ 68 и 93.

285. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОКАНЧИВАЮЩИМСЯ НА ГУТТУРАЛЬНУЮ, БЕЗ НОСОВОЙ СОГЛАСНОЙ

О редукции в перфекте группы из трех согласных (тип *algeō*, *alsī* из *algsī и т. д.) см. у Нидермана¹. Сюда относятся:

<i>algeō</i>	<i>alsī</i>	
<i>cōnīveō</i>	<i>cōnīxī</i> (см. § 281)	
<i>dīcō</i>	<i>dīxī</i>	<i>dīctus</i>
<i>dūcō</i>	<i>dūxī</i>	<i>dūctus</i>
(didūxerunt с апексом на <i>u</i> в Анкирском памятнике)		
<i>farcīō</i>	<i>farsī</i>	<i>fartus, fartus</i>
<i>fīgō, fīvō</i>	<i>fīxī</i>	<i>fīxus</i> (с долгим <i>i</i> в Анкирском памятнике), <i>fictus</i>
<i>flīgō</i>	<i>flīxī</i>	<i>flīctus</i>
	(ср. <i>afleicta</i> ; C.I.L., I ¹ , 1175)	
<i>fluō</i>	<i>flūxī</i>	<i>flūxus, flūctus</i> ²
<i>frīgeō</i>	<i>frīxī</i> (и <i>frīguī</i>)	
<i>frīgō</i>	<i>frīxī</i>	<i>frīxus, frīctus</i>
<i>fulgō, fulgeō</i>	<i>fulsī</i>	
<i>indulgeō</i>	<i>indulsī</i>	<i>indultus</i>
<i>-legō</i> (intel-, neg- и т. д.)	} <i>lexī</i> (с <i>ē</i> ?)	<i>lēctus</i> (с апексом в надписях)
<i>-ligō</i>		
<i>-licīō</i> (al-, pel-)	<i>-lexī</i>	<i>-lēctus</i>
<i>lūceō</i>	<i>lūxī</i>	
<i>mergō</i>	<i>mersī</i>	<i>mersus</i>
<i>mulgeō</i>	<i>mulsī</i>	<i>mulsus</i>
<i>regō</i>	<i>rēxī</i>	<i>rēctus</i>
<i>sarciō</i>	<i>sarsī</i>	<i>sartus</i>
<i>spargō</i>	<i>sparsī</i>	<i>sparsus</i>
<i>specīō</i> (ad-, in- и т. д.)	<i>spexī</i>	<i>spectus</i>

¹ «Историческая фонетика латинского языка», § 98 и сл. (в особенности § 100).

² *Fluī*, т. е. в действительности *fluō*, восходит к *flugvo (ср. *cōnflugēs*). Тот же звонкий лабиовелярный *gv*, переходивший в положении между гласными в *v*, мы имеем и в *cōnīveō*, *fīvō*, *stru(v)ō*. См. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 45. (Прим. ред.)

sūgō	sūxī	sūctus
tegō	tēxī	tāctus
tergō, tergeō	tersī	tersus
torqueō	torsī	tortus
urgeō	ursī	
vehō	vēxī	vectus
vīvō	vīxī	vīctus

Корень последнего глагола в основах перфекта и супина расширен, повидимому, с помощью суффикса *-g-; ср. др.-в.-нем. quēk «живущий», ср.-в.-нем. quicken «оживлять»; однако vīxī может быть образовано от vīvō по аналогии с flūxī: fluō.

Мы имеем farsī, fulsī, indulsī, mersī, mulsī, sarsī, sparsī, tersī, torsī, ursī, а не *farrī, *fullī и т. д. потому, что группы -ls, -rs произошли из -lcs, -rcs в то время, когда закон ассимиляции первоначальных групп -ls-, -rs- уже перестал действовать.

286. К этому же ряду примыкают и глаголы на -ctō, где -t- является суффиксальным элементом:

flectō	flexī	flexus
nectō	nexī	nexus
pectō	plexī	plexus
plectō	plexī	plexus

287. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОКОНЧИВАЮЩИМСЯ НА ЗУБНУЮ

О фонетике этих глаголов см. у Нидермана¹. Сюда относятся:

ārdeō	ārsī	
cēdō (§ 185)	cēssī	cessum
claudō	clausī	clausus
dīvidō	dīvīsī	dīvīsus
laedō	laesī	laesus
lūdō	lūsī	lūsus
mittō	mīsī (древняя форма — missi; C. I. L., I ² , 1216)	missus
plaudō	plausī	plausus
quatiō	*quāssī (con-cūssi)	quassus

¹ «Историческая фонетика латинского языка», §§ 73 и 65.

rādō	rāsī	rāsus
rōdō	rōsī	rōsus
rīdeō	rīsī	rīsus
sentiō	sēnsī	sēnsus
suādeō	suāsī	suāsus
trūdō	trūsī	trūsus
vādō	-vāsī (ē-vāsī)	ē-vāsus

В более позднее время язык образовал форму *diffuisse* (C. I. L., III, 825, § 30) от *diffusus* по образцу *plausi/plausus*.

288. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОКАНЧИВАЮЩИМСЯ НА ГУБНУЮ

clepō	clepsī	cleptus
nūbō	nūpsī	nūptus
rēpō	rēpsī	rēptus
saepiō	saepsī	saeptus
scribō	scripsī	scriptus
scalpō	scalpsī	scalptus
sculpō	sculpsī	sculptus
serpō	serpsī	
sorbeō	sorpsī ¹	sorptus

289. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОКАНЧИВАЮЩИМСЯ НА s

(в настоящем времени s в положении между гласными перешло в r)

gerō	gessī	gestus
haereō	haesī (из *haes-sī)	haesus
hauriō	hausī (из *haus-sī)	haustus
ūrō	ūssi	ūstus

290. ГЛАГОЛ С КОРНЕВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОКАЧИВАЮЩИМСЯ НА НОСОВУЮ

manēō	mānsī	mānsus
-------	-------	--------

Mānsī представляет собой неожиданную форму, по-

¹ Эта форма, согласно Велию Лонгу (74, 4 К) — поздняя и народного происхождения; однако еще у Лукана мы встречаем *absorpsī* (IV, 100). *Sorpsī*, *sorptus* могли быть образованы от *sorbō*, засвидетельствованного наряду с *sorbeō* (см. § 190). Перфектом от *sorbeō* служит *sorpsi* (см. Капр, G. L. K., VII, 94, 14). В позднюю эпоху появляется также *sorbi*, ср. *absorbi* (Itala, Григорий Турский).

сколькy перфект на -s- в латинском языке образуется только от корней, оканчивающихся на смычную или свистящую; во всяком случае, огласовка в *mānsī* может быть объяснена только положением перед гласной. Таким образом, *mānsī* во всех отношениях новообразование¹.

¶ *premtō*   *pressī*   *pressus*

Pressī образовано от корня **pres-*, не зависящего от корня настоящего времени **premt-*; то же и *pressus*.

con-tem-nō   *contempsī*²   *contemptus*

П р и м е ч а н и я: 1. Народный латинский язык также развил несколько перфектов на -sī: от причастий *respōnsus*, *prēnsus*, *cursum* были образованы: *respōnsī*, *prēnsī*, *curstī* (итал. *risposi*, *presi*, *corsi*).

2. О так называемых «стяженных» формах перфекта на -s- см. главу об окончаниях.

Глаголы с корневым элементом на гласную

291. Для этих глаголов латинский язык создал особую форму перфекта, которая не встречается ни в одном из родственных языков, ни даже в других италийских диалектах; о происхождении этой формы можно лишь догадываться. Объясняется это тем, что в большинстве случаев мы имеем здесь дело с вторичными глагольными формами, отыменными или отглагольными, которые в индоевропейском языке имели только основу настоящего времени и для которых каждый язык, независимо от других, образовывал основу аориста или перфекта особыми приемами. Эти разобщенные новообразования, несводимые к единому типу, не поддаются обычно сколько-нибудь достоверному объяснению. Было высказано остроумное предположение, что перфект от *sum* оказал известное влияние на создание перфекта на -vī и что из *bhew-ai, превратив-

¹ Последнее замечание предполагает знакомство с теорией «индоевропейского чередования» гласных. При корне *tep-* (ср. гр. *τέπ-ω*, *τί-μν-ω*, *μν-ή*) огласовка *ā* (*māneo*; в *mānsī* *ā* удлинилось перед -ns-; Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 35, п. 2) указывает на редуцированную ступень корня, нормальную для обозначающих состояние основ на -ē- (см. § 218), но совершенно неоправданную для латинского перфекта на -s-. Перенесение огласовки из настоящего времени в перфект свидетельствует о новообразовании. (Прим. ред.)

² О фонетике см. Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 95.

шегося в *fu(u)-ī, fu(v)ī с промежуточным v на стыке u и ī (ср. fū(u)imus у Энния, приводимое нами в § 295), язык заимствовал окончание -vī, которое распространилось и на другие глаголы с корневым элементом на гласную. Но это только гипотеза. С другой стороны, (g)pōvī, plēvī напоминают санскритские перфекты с удвоением: ja-jāu, pra-prau. Но и эти сопоставления не могут привести к достоверному выводу и не объясняют ни деталей форм, ни огромного распространения типа на -vī.

Глаголы с корневым элементом, оканчивающимся на гласную, образуют перфект путем прибавления *-vī к конечному слогу корневого элемента, если он долгий (тип amāvī); если же он краткий, то краткая гласная корневого элемента ассимилируется с полугласной суффикса: *tonivī (с ī, восходящим к ё в срединном слоге) переходит в *tonu-vī (пишется tonuī)¹. Этот способ образования перфекта является общим для глаголов типа amāge, tonēge, audīge. Он встречается также в некоторых глаголах третьего спряжения, которые образуют перфект от корневого элемента, оканчивающегося на гласную; в этом случае перфект построен на долгой ступени корня.

292. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОКАНЧИВАЮЩИМСЯ НА ДОЛГУЮ ГЛАСНУЮ ²

amō, корень *amā- (amā-tus), amāvī

plēō, корень *pelə-/*plē- (plē-tus и т. д.), plē-vī

¹ О написании см. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, § 53.

² Ряд глаголов из числа приведенных в этом параграфе обнаруживает в своем спряжении сложные соотношения чередования гласных; они объясняются тем, что корень приводится в разных «п्रायязыковых» вариантах в зависимости от ступени чередования. Так, в двусложных корнях имеются два чередующихся элемента. При этом Эрну пользуется (но в упрощенном виде и непоследовательно) символикой, принятой в сравнительной грамматике индоевропейских языков; ə («шва») — гласный неполного образования, служащий «нулевой ступенью» для долгого гласного. Если взять для примера ster-pō, то корень может иметь варианты: *sterə—полная ступень в первом слоге, нулевая во втором; strē — нулевая ступень в первом слоге, полная во втором; st⁰rə- (по другой нотации st₀) > лат. strā — редуцированная ступень в первом слоге, нулевая во втором и т. д. Эти гипотезы компаративистики о системе чередования гласных в «п्रायзыке», вводимые автором без всяких предупреждений и пояснений, следует иметь в виду для понимания данного параграфа книги Эрну. (Прим. ред.)

terō, корень *terə-/*terei-/*trī- (гр. τεράμων, τέρετρον, τριβω, tritus), trī-vī (народное ter-uī)
 serō, корень *sē-/*sə- (sē-men, sātus), sē-vī
 cernō, корень *krei-/*krī¹ (гр. κρίνω из κρίνω, cī-brum), crē-vī; исходя из cī-brum, мы ожидали бы *cī-vī; crē-vī образовалось по аналогии с sprēvī
 spernō, корень *sperə-/*sprē- (sprētus), sprē-vī
 sternō, корень *sterə-/*strē/*strā (гр. στερέσω, ἐστέρωσα, strātus), strā-vī по аналогии с strātus; мы ожидали бы *strēvī подобно sprēvī
 linō, корень *lei-/*lī- (lītus), lē-vī из *lei-vī с ei>ē после l; ср. lēvis наряду с гр. λείως
 sinō, корень *sei-/sī- (sītus), sīvī из *seivī; ср. форму сложного poseivei (C.I.L., I², 638)
 nōscō, корень *genə-/gnō⁻² (гр. ἔγνω-ν), nō-vī
 pāscō, корень *pā-; ср. pābulum: paastores с aa, обозначающим долгую гласную (C.I.L., I², 638), pāvī
 quiēscō, корень *quiē (quiēs, quiē-tus), quiē-vī
 audiō, корень *audī- (audī-tus), audī-vī
 -ciō, корень *kei-/*kī- (cī-tus, ac-cītus, гр. κίω), cīvī
 sciō, корень *scī- (scī-tus), scī-vī
 eō, корень *ei-/*ī- (гр. εἶμι, ἴμεν, ī-vī, ĭ-tum), queō, quī-vī, nequeō, nequīvī)

Новизна этого перфекта обнаруживается в глаголе eō, «длительный» корень которого не мог служить для образования аориста и несомненно не имел перфекта (гр. ἦλον, ἐλήλυθα). Ivī (впрочем, засвидетельствованное слабо и замененное формой ī) могло образоваться лишь в то время, когда в корне *eī- значение настоящего времени больше не ощущалось.

Следует отметить также, что большинство рассмотренных нами глаголов имеет в настоящем времени суффиксы, инфиксы или аффиксы: тип cernō, pascō, quiēscō. Serō представляет собой глагол с удвоением (из *sī-sō).

¹ ser- является «метатезой» crī-; ср. ter «трижды» из *trīs>*tērs->*tērr>tēr. (Прим. ред.)

² Начальное gn->n-. (Прим. ред.)

Примечание. Перфект на -vī распространился за пределы своей области путем аналогии. В глаголах на -ī-, где употребление его первоначально ограничивалось отыменными глаголами, он перешел на такие первичные глаголы, как cupiō (архаический инфинитив cupīre); всюду, где супин оканчивается на -ītum, мы имеем -ī(v)ī. По аналогии с cupīvī были образованы близкие к нему по значению: petīvī от petō, quaesīvī от quaerō (quaeso). Quaeso, quaesīvī могло способствовать образованию arcessō, arcessīvī и laccessō, laccessīvī. Rudīvī от rudēre, представленное лишь одним примером, происходит, повидимому, от *rudīre, вытесненного rudere (ср. дублиеты sallō и sallīō). О fodīvī, sarīvī см. § 224.

293. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОКАНЧИВАЮЩИМСЯ НА КРАТКУЮ ГЛАСНУЮ

а) Краткость гласной обнаруживается в супине:

cubō	cubitum	cubiū (более поздняя форма cubāvī)
domō	domitum	domiū (более поздняя форма domāvī)
gignō	genitum	genuī
molō	molitum	moluī
moneō	monitum	monuī
sonō	sonitum	sonuī (более поздняя форма sonāvī)
vetō	vetitum	vetuī (более поздняя форма vetāvī)
vomō	vomitum	vomuī

Posuī представляет собой новую форму аналогического происхождения; древняя форма — po-sīvī (как sinō, sīvī, от соединения с которым образовалась сложная форма posīvī). По аналогии с monuī, monītus от po-sītus (в ином разложении — posi-tus) образовалось posuī.

б) Тип на -uī образует нормальный перфект также и у глаголов на -eō, обозначающих состояние и не имеющих ни причастия, ни супина:

āreō	āruī
egeō	eguī
pāreō	pāruī
pateō	patuī

в) Этот тип, ставший характерным для второго спряжения, распространился и на глаголы, имевшие первоначально другой перфект.

По аналогии с *monēō*, *monuī* были образованы:

cēnseō cēnsuī, вопреки *cēnsus*
teneō tenuī, вопреки *tentus* (древняя форма — *tetini*)
misceō miscuī, вопреки *mixtus* (мы ожидали бы *mixi)

В этом проявляется стремление латинян нормализовать спряжение; *-āvī*, *-īvī* обобщаются в глаголах первого и четвертого спряжений, *uī* — в глаголах второго спряжения. Прежнюю свободу заменяют тесные и определенные рамки, в которые и укладываются глаголы разного происхождения, объединяемые внешним сходством.

294. Некоторые глаголы, имеющие перфект на *-uī*, не могут быть отнесены к рассмотренным группам. Так, например, в глаголе *volō*, *voluī* обнаруживается влияние *potuī*. В свою очередь, *volō*, *voluī* могло послужить образцом для целого ряда глаголов, корень которых оканчивается на *-l-*:

<i>alō</i>	<i>aluī</i>	<i>altus</i> и <i>alitus</i>
<i>ex-cello</i>	<i>ex-celluī</i>	<i>ex-celsus</i>
<i>colō</i>	<i>coluī</i>	<i>cultus</i>
<i>oc-culo</i>	<i>oc-culuī</i>	<i>oc-cultus</i>
<i>salio</i>	<i>saluī</i> (наряду с <i>salivī</i> , <i>-iī</i>)	<i>saltus</i>

Соотношение *docuī* : *doctus* могло способствовать образованию:

<i>aperio</i>	<i>aperuī</i>	<i>apertus</i>
<i>con-, dis-sero</i>	<i>-seruī</i>	<i>-sertus</i>
<i>rapiō</i>	<i>rapuī</i>	<i>raptus</i>

Amicuī, перфект от *amiciō*, является новой формой, образованной в то время, когда соотношение с простым глаголом *iaciō* больше не ощущалось; *sapuī* (вместо *sapivī*) происходит от дублетной формы *sapere* с *ē* (франц. *savoir*); о *-cīnuī* в *oc-cīnuī* (от *occinō*) и *capuī* см. § 270.

У глаголов, корневой элемент которых оканчивается на *-s*, перфект на *-s* не был бы достаточно характерным; поэтому такие глаголы заимствовали перфект на *uī*:

<i>depsō</i>	<i>depsuī</i>
<i>pīnsō</i>	<i>pīnsuī</i>
<i>texō</i>	<i>texuī</i>

Остаются без объяснения:

metō	messuī	messus
stertō	stertuī (только у Присциана)	

Как видно из сказанного, перфект на -uī имел широкое распространение. В позднюю эпоху он появляется спорадически вместо старых тематических перфектов или перфектов на -sī: leguī, reguī вместо lēgī, rēxī. В романских языках он представлен очень широко. Наличие fuī, habuī, очевидно, благоприятствовало его распространению.

295. ГЛАГОЛЫ НА -uō, -vō, -veō

Здесь подлежат рассмотрению два случая в зависимости от того, является ли u гласной или согласной.

а) В первом случае перфект оканчивается на -uī:

metuō	metuī	из *metu-vī
statuō	statuī	из *statu-vī

То же окончание имеет и перфект от sum, заимствованный от корня *bhewə/bhū-, fu-ī. Согласно Варрону (L. L., IX, 104), перфект отличался от настоящего времени тем, что u произносилось как долгое: in praeteritis u dicimus longum «plūit <lūit>», in praesenti breve «pluit <luit>»¹.

Особенно четко ū проявилось в стихе Энния (Ann., 377):

nos sumus Romani qui fū(v)imus ante Rudini².

В одной древней надгробной надписи встречается форма fuueit (C. I. L., I², 1297). В классическую эпоху общепринятой является уже краткая гласная, что мы находим у Вергилия (Aen., XII, 839):

annuit his Juno, et mentem laetata retorsit

наряду с Эннием (Ann., 133):

adnūit sese mecum discernere ferro.

б) Во втором случае перфект оканчивается на -vī, причем корневой слог (но не гласная) удлиняется: *fov-

¹ «В прошедшем времени мы произносим долгое u: plūit <lūit>, в настоящем — краткое: pluit <luit>».

² H a v e t, Manuel, § 1057.

vī, *lav-vī > fōvī, lāvī¹. С фонетической стороны, этот случай можно сравнить с reior, maior (произносятся rejior, majjor)².

Примеры:

caueō	cāvī	cautus
faveō	fāvī	fautus
lavō	lāvī	lautus (и lōtus)
paveō	pāvī	
foveō	fōvī	fōtus
moveō	mōvī	mōtus
voveō	vōvī	vōtus
juvō	jūvī	jūtus
ferveō	fervī (ferbuī)	

Solvī, volvī лишь по внешнему виду относятся к этой группе. В архаический период solvō, volvō произносились еще как soluō, voluō, т. е. как трехсложные, и относились, следовательно, к первой группе. Начиная со II в. до н. э. они подверглись следующим изменениям: сначала *solu-vī, *volu-vī перешли в soluī, voluī, а затем в solvī, volvī с и согласным. Трехсложные формы, которые мы находим у последующих поэтов, являются новообразованиями, искусственными диэрезами. См. у Тибулла (IV, 5, 16, пентаметр):

nulla queat posthac nos soluisse dies;

у Катутла (одиннадцатисложник, 2, 13):

quod zonam soluit diu ligatam.

Примечание. По образцу других перфектов на -īī было образовано также адьюё «adjūverō»; см. у Энния (Ann., 335, гексаметр):

o Tite si quid ego adjuero curamve levasso.

См. также у Теренция (Phorm., 537) adjuerit; Катутл (66, 18) и Преперций (II, 23, 22) дают juerint.

296. ФОРМЫ НА -īī (audiī)³

Наряду с формами на -īvī встречаются также формы на -īī: audiī, audiīī, audiīimus. Эти формы обязаны своим

¹ Спорное объяснение неясной долготы корневого гласного fōvī, lāvī. (Прим. ред.)

² Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, § 54.

³ См. по этому поводу J u r e t, Dominance et résistance, стр. 213 и сл. (корректирующее примечание).

происхождением выпадению *v* между двумя одинаковыми гласными, как в *sīs* из *sī vīs*, *lātrīna* из **lavatrīna* и т. д. *Audī(v)i*, *audī(v)it*, *audī(v)imus*, которые фонетически должны были бы перейти в **audī*, *audit*, **audīmus*, сохранились, однако, в форме *audīt*, *audīit*, *audiimus* во избежание смещения с омонимными формами настоящего времени изъявительного и повелительного наклонений. *Audīt*, засвидетельствованное в поэзии (ср. *petīt* = *petiit* у Овидия, *Fast.*, I, 109; *Met.*, V, 460 и у Вергилия, *Aen.*, IX, 9) и в котором ударение, по свидетельству Присциана (G. L., II, 130 K), находилось на последнем слоге (*audīt*), считалось не вполне правильным.

В *audīstī*, *audīstis* из *audī(v)istī*, *audī(v)istis* слияние двух *i*, оказавшихся рядом, не влекло за собой никакого смещения; поэтому эти формы могли сохраниться.

Audierunt — фонетически правильное образование; *-v-* в положении между гласными могло выпасть в этом слове еще в то время, когда говорили **audīvisont*, которое превратилось сначала в **audiisont*, а затем, после озвончения *s* между гласными и перехода *-i-* в *-e-* перед *r* из *s*¹ — в **audieront*, *audierunt*². То же относится и к *audieram* из **audīvisam*, *audierō* из *audīvisō*, *audierim* из **audīvisim*. Напротив, в *audīssēm*, *audīssē* из *audī(v)issem*, *audī(v)isse* стяжение закономерно, как и в *audīstī*.

Единственная форма, в которой сохранилось *v*, — это 3 л. мн. ч. *audīvēre*. Однако употреблялась она так редко, что не могла способствовать сохранению полных форм (*audīvī*, *audīvīt* и т. д.), и последние должны были бы бесследно исчезнуть. Тем не менее, они сохранились под влиянием *amō*, *amāvī*, *plēō*, *plēvī* и т. д. Впрочем, выпадение *v* между гласными в латинском языке никогда не было безусловно обязательным, и там, где это выпадение имело место, обе формы, и стяженная и нестяженная, часто сосуществовали: *oblīviscī* и *obliscī*, *dīvitem* и *dītem* и т. д.

В *audīī* и т. д., где два *i* оказались рядом, первое фонетически сократилось, следуя правилу: *vocalis ante vocalem corripitur*³. Однако Сервий (к *Aen.*, I, 451) считает скан-

¹ См. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, §§ 47 и 16.

² Другое предположение у Juret, *Dominance et résistance*, стр. 231 (корректирующее примечание).

³ «Гласная перед гласной сокращается».

довку *audīit, lēnīit* поэтической вольностью несомненно довольно позднего происхождения. Плавт и Теренций допускают, *audīerit*¹. В прозе употребляют *audīit, lēnīit*, несомненно под влиянием полных форм *audīvit, lēnīvit*, где *i* перед *v* обычно сохраняется. Итал. *dormi* предполагает **dormī(v)it*.

Употребление форм на *-īvi, -īi* и стяженных форм часто определяется метрическими соображениями. Так, дактилические поэты употребляют *audīērāmūs*, потому что *audīvērāmūs* не вмещается в гекзаметр. В общем, формы на *-īi* более распространены в глаголах четвертого спряжения (тип *audīi*), формы на *-īvi* — в глаголах третьего спряжения (тип *quaēsīvi*).

297. СТЯЖЕННЫЕ ФОРМЫ ПЕРФЕКТА НА *-vi*

Выпадение *-v-* между гласными повлекло за собой, кроме стяжений типа *audīstī*, ряд сходных стяжений и в глаголах на *-ēvi*, например *dēlēram, dēlērunt* из *dēlēveram, dēlēvērunt, dēlēro* из *dēlēvēro* и т. д., которые в свою очередь послужили источником таких аналогических новообразований, где стяжение фонетически не обосновано². Примеры:

<i>amāstī</i>	<i>dēlēstī</i>
<i>amāstis</i>	<i>dēlēstis</i>
<i>amārunť</i>	

Amāvīmus не синкопируется, так как стяженная форма **amāmus* слилась бы с первым лицом множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения; кроме того, *v* перед краткой гласной + *m* имеет тенденцию сохраняться. *Flēmus* вместо *flēvīmus*, встречающееся у Проперция (II, 7, 2), представляет собой исключительный

¹ *Навет, Manuel, § 1057.*

² Сведение всего многообразия «стяженных» форм системы перфекта к аналогическому воздействию случаев выпадения *v* в положении между одинаковыми гласными (*audīstī, dēlēram*) представляется несколько искусственным. Это обстоятельство в связи с относительно поздним распространением самого типа перфекта на *-v-* привело некоторых исследователей к мысли, что многие из так называемых «стяженных» форм в действительности древнее «полных» и что «нормальная» парадигма *amāvī, amāvistī* и т. д. является уже результатом позднейшего выравнивания образований различного происхождения. Вопрос этот остается неясным. (*Прим. ред.*)

случай, так же как и *svēmus* («*svēvimus*») (Лукреций, I, 60) и *consvēmus* (Проперций, I, 7, 5). *Amāt* вместо *amāvīt* встречается редко и только в поэзии; ср. у Лукреция: *inritāt* (I, 70), *disturbāt* (VI, 587).

В других временах и наклонениях перфекта имеем:

<i>amāram</i>	
<i>amārō</i>	
<i>amārim</i>	
<i>amāssem</i>	<i>dēlēssem</i>
<i>amāsse</i>	<i>dēlēsse</i>

Стяжение происходит также в *pōvī*, перфекте от *pōscō*, откуда *pōstī*, *pōstis*, *pōrunt*, *pōram*, *pōsse*. У Энния (Sc., 160) мы находим *pōmus*: *nomus ambo Ulixem*; у Горация (Carm., 4, 11, 13) — *pōrim*, *pōris*. Будущее время *pōrō* встречается только в сложных словах, например в *cognōrō*.

Эти стяженные формы были весьма употребительны. Во времена Цицерона употреблялись одинаково как полная, так и стяженная формы: *quid quod sic loqui «nosse judicasse» vetant, «novisse» jubent et «judicavisse»?* *Quasi vero nesciamus in hoc genere et plenum verbum recte dici et imminutum usitate*¹ (Orator, XLVII, 157). В императорскую эпоху применялись только стяженные формы, и Квинтилиан издевается над теми, кто продолжал пользоваться полными формами: *his permittamus et «audivisse» et «scivisse»... sed abolita atque abrogata retinere insolentiae cuiusdam est et frivolae in parvis jactantiae* (Inst. Orat., I, 6, 17)². В романских языках сохранились лишь стяженные формы: франц. *aimas*, *aimâtes*, *aimèrent*, итал. *amâsti*, *amâste*, *amârono* из *amâstī*, *amâstis*, *amârunt*.

Формы **lâstī*, **fōram* и т. д. от *lāvisti*, *fōvēram* никогда не встречаются, поскольку *v* в этих формах было удвоенным. Что же касается четырехсложных форм этого типа с приставкой, то здесь имеет место стяжение по образцу *pōtus*: *pōvī*, *pōram*. Объясняется это стремлением избежать

¹ «Что сказать о том, что они [аналогисты] отвергают *iudicasse* и требуют *iudicavisse*? Как будто мы не знаем того, что в этом разряде слов можно употреблять как полный глагол, так и сокращенный».

² «Им [педантам] мы предоставим их *audivisse* и *scivisse* ..., но держаться за уже вышедшее из употребления и отвергнутое — это признак своего рода заносчивости и тщеславия в мелочах».

слишком длинных слов. Отсюда *dēvōgō* вместо *dēvōverō* у Акция (Ribb., 15, трохеический септенарий):

patrio exemplo et me dicabo atque animam devoro
hostibus,

а также *commōrat*, *commōrunt*, *promōrat*, *remōrant*, *remōsse* и т. д.

Примечание. О народных формах типа *probai* см. у Нидермана¹.

298. ЭЛЕМЕНТ *-is-* В ПЕРФЕКТЕ

Помимо особого способа образования, перфект отличается еще наличием во всех временах и во всех наклонениях элемента *-is-* (*-er-* в положении между гласными²), который предшествует окончанию. В настоящем времени изъявительного наклонения перфекта этот элемент ограничен вторым лицом единственного и множественного числа и третьим лицом множественного числа: *lēg-is-tī*, *lēg-is-tis*, *lēgērunt* (из **lēg-is-ont*). В остальных случаях он является постоянным: *lēg-er-am*, *lēg-er-ō*, *lēg-er-im*, *lēg-is-sem*, *lēg-is-se*. То же и в перфекте на *-s-*; ср. *dīxistī* из **deik-s-is-tī*.

Как показал Мейе³, элемент *-is-* встречается и в некоторых других индоевропейских языках, а именно в армянском, хеттском, тохарском, в ведийском санскрите перед окончаниями изъявительного наклонения, начинающимися с *-t-*, а также в модальных формах, в частности в формах сослагательного наклонения. Следовательно, этот элемент нельзя рассматривать как суффикс аориста, как это долгое время считали. «Распределение форм с **-is-* и без **-is-* обусловлено фонетически. В односложных корнях, оканчивающихся на согласную в собственном смысле слова, прибавление окончания, начинающегося с *-s-* или *-t-*, затемняло корень; в таком случае вводился элемент **-is-*, откуда в латинском языке: *ēgistī*, *ēgistis* наряду с *ēgī*, *ēgīt* (где *i* отражает древнее **e* перфекта, расширенное впоследствии окончанием *-t-* [*-d*]). Перед приметами сослагательного и желательного наклонений корневая основа также могла быть недостаточно отчетливой; в этом случае, как мы видели, обобщили **-is-*. В лат. *dīxerō*,

¹ «Историческая фонетика латинского языка», § 56.

² Там же, § 47.

³ «B. S. L.», XXXIV, стр. 127 и сл.

dīxerim, равно как в dīxeram и в 3 л. мн. ч. dīxerunt вставка *-is- существенно способствует характеристике основы» (А. Мейе)¹.

299. ОКОНЧАНИЯ ПЕРФЕКТА ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

	Единственное число	Множественное число
1 л.	-ī	-i-mus
2 л.	-is-tī	-is-tis
3 л.	-it (архаич. -ed, -et;-eit,-īt)	-ērunt, -ēre

Единственное число

300. а) Окончание первого лица -ī восходит не к первоначальному ī, а к древнему дифтонгу, что явствует из латинской формы перфекта reperit, tetulit с велярным l, исключая существование древнего -ī; действительно, перед древним -ī мы имели бы *reperit, *tetulit, поскольку каждая срединная гласная в латинском языке перед палатальным l, т. е. с последующим i, получает тембр i; ср. Siculus, Sicilia². В архаических надписях окончанием служит -ei, например petieei (C.I.L., I², 13), fecsei, poseivei, conquaeisivei, redidei (C. I. L., I², 638); однако это ei не отражает первоначального дифтонга, потому что все эти надписи датируются эпохой, когда ī и ei в написании слились. Между тем, родственные языки свидетельствуют о наличии дифтонга -ai: др.-слав. вѣдѣ «знаю» из *woid-ai (окончание среднего залога).

б) Окончание -is-tī состоит из элемента -is + окончание -tī, ī которого обозначается в архаических надписях как ei; ср. gesistei «gessisti» (C.I.L., I², 10). ī в -tī возникло, несомненно, по аналогии с первым лицом; и действительно, в греческом языке мы находим соответствующее окончание -θα с ā, ср. гр. (F)οἴθηα наряду с υἰδιστῖ.

В некоторых перфектах на -s-, где появляется группа -sis, например misistī, clausistī, группа -si- в результате гаплогонии исчезла; отсюда: mistī, clautī, ср. exclūstī

¹ Предложенное Мейе и принятое Эрну истолкование элемента -is- весьма гипотетично. (Прим. ред.)

² Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, §15, п. 2, и § 19.

(Теренций, Eun., 98), *ēvāstī* (Гораций, Sat., II, 7, 68), *percustī* (там же, II, 3, 73). Синкопы *ī* во втором слоге мы здесь не находим; это видно, во-первых, из того, что *lēgistī* никогда не давало *lēxtī, и, во-вторых, из того, что указанные краткие формы встречаются только там, где имеется группа *-sis-*.

Впрочем, с гаплогогией мы встречаемся и в *accestis* наряду с *accessistis*, в *dīvīsse*, *surrēxe*, *dīxe*, *dūxe* наряду с *dīvīsisse*, *surrēxisse*, *dīxisse*, *dūxisse*, в *intellēxem*, *interdīxem* наряду с *intellēxissem*, *interdīxissem*.

в) В архаическую эпоху третье лицо имело два окончания: одно на *-ed*, другое на *-īt* (обозначавшееся в древних надписях *-eit*).

Форма *-ed* с вторичным окончанием *-d*, которая вытеснила индоевропейское окончание перфекта на *-e* (ср. гр. λέλοιπε,) сохранилась лишь в древнейших надписях: *fhefhaked* (в Пленесте, C.I.L., I², 3), *feced* (C.I.L., I², 4 — надпись Дуэноса — и Glotta, 3, 1910, 45). Это же окончание, но с отпадением конечного *d*, мы находим в *dede* (C.I.L., I², 477) и с переходом *-ed* в *-id* — в *fecid* (C.I.L., I², 561). Кроме того, окончание *-ed* встречается также и в оскско-умбрском языке: оск. *prúfatted* «*probavit*», оск. *deded*, умбр. *dede* «*dedit*».

Однако в общем тенденция латинского языка была направлена на замену вторичных окончаний первичными (см. § 172), и *-d* вскоре исчезло, заменившись *-t*; отсюда: *fuet*, *dedet* (C.I.L., I², 9), *dedet* (C.I.L., I², 48), где *e* окончания может обозначать как *ē* так и *ī*, что подтверждается формами *aidiles* «*aedilis*», *militare* «*militāris*» в тех же надписях. В дальнейшем *-et* перешло в *-īt*.

Окончание *-īt* с *ī* засвидетельствовано большим количеством эпиграфических форм (с *ei = i*): *redieit* (C.I.L., I², 626), *probaveit* (C.I.L., I², 751) наряду с *coeravit*, *posedeit* (C.I.L., I², 584, l. 28) наряду с *posedet*, *fuueit* (C.I.L., I², 1297) и архаической просодией, например у Плавта (Poen., 1059, ямбический сенарий):

emīt et is me sibi adoptavit filium.

Это окончание образовалось по аналогии с окончанием на *-ī* в первом лице. Поскольку в латинском языке каждая долгая конечная гласная сокращалась перед любой согласной, кроме *-s*, древнее *-īt* перешло в конце концов в

-it, и оба окончания, первоначально различные, слились еще в архаическом языке. Примеры долгого окончания, приводимые обычно из памятников классической эпохи, например *subiit* (Гораций, *Sat.*, I, 9, 21), *petiit* (Овидий, *Met.*, I, 114; II, 567), могут быть объяснены метрически положением в сильном времени или перед цезурой и не свидетельствуют, следовательно, об устойчивости долгой гласной.

Множественное число

301. а) П е р в о е л и ц о. Как и в настоящем времени; окончание первого лица — *-mus*; оно присоединяется к основе перфекта с помощью соединительной гласной *-i-*, происхождение которой неясно. В некоторых глаголах она могла принадлежать корню, например в *stetimus*, гр. ἴσταμεν, *dedimus*, гр. δέ-δο-μαι; *i* латинского языка в срединном слоге, а также *α* и *ο* греческого языка отражают здесь одну и ту же редуцированную гласную *э*. Впоследствии это *i* рассматривалось, повидимому, как суффиксальный элемент и могло быть введено и в другие перфекты между основой и окончанием: *lēg-i-mus*. Отсюда, несомненно, по аналогии: *amāvimus*, *monuimus*, *audīvimus*.

б) В т о р о е л и ц о. Оно оканчивается на *-is-tis* с элементом *-is-* и конечным *-tis*, характеризующим в латинском языке второе лицо множественного числа. Пример этого окончания с гаплогогией см. у Вергилия (*Aen.*, I, 201) — *accestis*.

в) Т р е т ь е л и ц о. В третьем лице засвидетельствованы три окончания: *-erunt*, *-ere*, *-erunt* (с *-unt* из *-ont*; ср. *dederont*, *probaveront* в архаических надписях).

Окончание *-erunt* восстанавливается при помощи скандовки; им часто пользуется Плавт в конце стиха или полустихия, а также и позднейшие поэты¹. Эпиграфические формы: *dedro*, *dedrot* «*dederunt*» (*C.I.L.*, I², 378 и 379) также предполагают *dederont*. Синкопированные формы *amāerunt*, *nōerunt* произошли из *amāverunt*, *nōverunt*. В ро-

¹ У Горация *-ere* встречается 81 раз, *-erunt* — 14 раз и *-erunt* — 3 раза: *vertēerunt* (*Epod.*, 9, 17), *adnuērunt* (*Serm.*, I, 10, 45), *dedērunt* (*Ep.*, I, 4, 7); у Вергилия мы находим *stētēerunt* (*Aen.*, III, 48). Отсутствуют лишь формы типа — —, которые не вмещаются в дактилический гекзаметр; см. *Навет*, *Manuel*, § 1058 А.

манских языках также засвидетельствовано -ērunt: итал. *dissero*, ст.-франц. *distrent* восходят к *dīxērunt*. -ērunt состоит из элемента -is- † конечный элемент 3 л. мн. ч. -ont.

Конечный элемент -ēre, соответствующий конечному элементу третьего лица множественного числа в индо-иранском и в «тохарском» языках (см. тохар. *vēpāre* «*dīxēre*»), употребляется сравнительно редко. Плавт пользуется им лишь в особых условиях — перед гласной с элизией; Теренций, повидимому, предпочитает его, однако в классической прозе его избегают, и Цицерон предпочитает -erunt (*Orat.*, XLVII, 157): *nec vero reprehenderim* «*scripsere alii rem*»: «*scripserunt*» *esse verius censeo*¹. Ср. у Квинтилиана (I, 5, 42—45). В романских языках -ēre не сохранилось.

-ērunt представляет собой компромисс между -ērunt и -ēre. Это окончание, повидимому, искусственное² и было введено дактилическими поэтами для того, чтобы избежать кретика типа *amāvērūnt*. Разговорная форма была -ērunt, как об этом свидетельствуют романские языки.

302. Спряжение перфекта представляется в следующей форме:

Единственное число

1 л.	<i>lēgī</i>	<i>dīxī</i>	<i>amāvī</i>
2 л.	<i>lēgīstī</i>	<i>dīxīstī</i> (<i>dīxtī</i>)	<i>amāvīstī</i> (<i>amāstī</i>)
3 л.	<i>lēgīt</i>	<i>dīxit</i>	<i>amāvīt</i>

Множественное число

1 л.	<i>lēgimus</i>	<i>dīximus</i>	<i>amāvimus</i>
2 л.	<i>lēgīstis</i>	<i>dīxīstis</i> (<i>dīxtis</i>)	<i>amāvīstis</i> (<i>amāstis</i>)
3 л.	<i>lēgērunt</i> , <i>lēgēre</i>	<i>dīxērunt</i> , <i>dīxēre</i>	<i>amāvērunt</i> , <i>amāvēre</i> (<i>amārunt</i>)

¹ «Я не стал бы порицать [слова Энния]: *scripsere alii rem* (об этом предмете уже писали другие), но считаю более правильным *scripserunt*».

² Можно согласиться с мыслью, что *ērunt* является перестройкой изолированного -ēre по образцу обычных окончаний 3 л. мн. ч. на -nt, но считать это образование, закрепленное грамматической традицией в качестве нормы, искусственным созданием дактилических поэтов представляется чрезвычайно затруднительным. (*Прим. ред.*)

	Единственное число		Множественное число	
1 л.	audīvi	audiī	audīvimus	audiimus
2 л.	audīvistī	audīstī	audīvistis	audīstis
3 л.	audīvit	audiit (audīt)	audīvērunt	(-ēre) audiērunt (-ēre)

Примечание. В силу своего двойного происхождения перфект латинского языка, как мы видели, был способен выражать одновременно и понятие законченности (собственно перфект) и понятие прошлого. Особенно часто он употреблялся во втором значении. Для того же, чтобы выразить идею перфекта, латинский язык создал форму описательного перфекта. В отложительных глаголах и в медиопассиве перфект выражался с помощью прилагательного на *-to-* и глагола *sum* (см. § 316); в действительном залоге идея законченности выражалась обычно с помощью *habeo* и прилагательного на *-to-*. Этот оборот встречается довольно часто у Плавта и Катона, например (Плавт, *Stich.*, 362): *res omnis relictas habeo*. Его можно найти также и в классическом языке, например у Цицерона (*Div. in Q. Caec.*, 11): *Siculi ad meam fidem quam habent spectatam jam et diu cognitam confugiunt*. Наряду с *habeo* употребляются и другие вспомогательные глаголы: *teneo*, *dō* (*reddō*, *tradō*), *facio*. Эта описательная форма, как известно, получила большое распространение в романских языках.

Времена и наклонения перфекта

303. Прочие времена перфекта не представляют трудностей; это — образования, параллельные образованиям основы настоящего времени. Прошедшему несовершенному и будущему временам соответствуют перфективное прошедшее (плюсквамперфект) и перфективное будущее; настоящему и прошедшему несовершенному сослагательного наклонения соответствуют перфект и перфективное прошедшее сослагательного наклонения. Как в системе настоящего времени, так и в системе перфекта будущее время и сослагательное наклонение образуют естественную группу.

Как уже указывалось выше (§ 166), перфект не имеет повелительного наклонения.

Перфективное прошедшее время

304. а) Перфективное прошедшее время изъявительного наклонения оканчивается на *-eram*, восходящее к **is-ām*, т. е. к суффиксу перфекта $\dagger$ окончание *-am*, характерное для претерита (ср. *er-am*). Следовательно, мы имеем: *tutuderam*, *lēgeram*, *dīxeram*, *amāveram*, *monueram*, *audi(v)eram*.

б) Перфективное прошедшее время сослагательного наклонения оканчивается на *-is-sem̄ с суффиксом перфекта *-is- + показатель претерита сослагательного наклонения -sem (ср. es-sem): *tutudissem, lēgissem, dīxissem, amāvissem (amāssem), monuissem, audī(vi)ssem*; с гаплогией — *intellēxēs, interdīxem, erepsēmus*.

О стяженных формах типа *amāram* см. § 297.

Перфективное будущее время и перфект сослагательного наклонения

305. Выше (в связи с глаголом *sum*) мы видели, как распределились в латинском языке древние формы сослагательного и желательного наклонений: первая форма стала будущим временем (*erō*), вторая — сослагательным наклонением (*sim*). Такое же распределение произошло и в перфекте: *dixerō* стало перфективным будущим, *dixerim* — перфектом сослагательного наклонения. Во всех остальных случаях обе флексии сливаются, по крайней мере в классическую эпоху.

Перфективное будущее	Перфект сослагательного наклонения
Единственное число	
1 л. <i>dīxerō</i>	<i>dīxerim</i>
Множественное число	
2 л. <i>dīxerīs</i>	
3 л. <i>dīxerit</i>	
Множественное число	
1 л. <i>dīxerīmus</i>	
2 л. <i>dīxerītis</i>	
3 л. <i>dīxerint</i>	

Однако это слияние наблюдалось не всегда. Сослагательное наклонение, происходящее из древнего желательного, имело, повидимому, *-ī- (подобно *sīs, velīs*), перфективное будущее — -ī- (подобно *erīs*). Следы этого различия наблюдаются в особенности в формах первого и второго лица множественного числа у архаических поэтов. Так, мы находим следующие сослагательные наклонения: *vēnerīmus* (Плавт., *Vac.*, 1132), *meminerīmus* (*Cist.*, 11), *dīxerītis* (*M. G.*, 862), *dederītis* (Энний, *Ann.*, 194), *nōrīmus* (Теренций, *Ad.*, 271) и будущее время *diffrēgērītis, vīdērītis* (Плавт., *M. G.*, 156—157).

Смещения происходили в третьем лице единственного числа, где сослагательное *dīxerīt перешло в *dīxerīt* (по-

добно тому как *audīt перешло в audīt), и в третьем лице множественного числа, где во избежание сходства с третьим лицом множественного числа настоящего времени перфекта dīxérunt (сходное с ērunt) заменилось формой желательного наклонения dīxerint (сходной с sint, velint). В дальнейшем это смещение распространилось на другие лица, и дактилические поэты одинаково употребляют как долгую, так и краткую гласную в зависимости от требований размера. Так, например:

а) Второе лицо единственного числа: у Плавта flēverīs, ossēperīs, vīserīs употребляются как будущее время, temīperīs — в сослагательном наклонении; у Горация формы перфективного будущего — dederīs, occiderīs (Carm., IV, 7, 20—21); у Вергилия (Aen., 1, 388) перфект сослагательного наклонения — advenerīs. На одной надписи мы встречаем перфективное будущее ambulareis с ei, обозначающим ī (C.I.L., I¹, 1431).

б) Третье лицо единственного числа: у Плавта мы находим будущее addīxerīt (Merc., 924).

Во множественном числе в перфекте сослагательного наклонения Вергилий скандирует ēgerīmus (Aen., VI, 514); у Овидия в перфективном будущем находим dederītis (Met., VI, 357); впрочем, *ēgērīmus и *dēdērītis в гекзаметре были бы невозможны.

Итак, первоначальное спряжение можно восстановить в следующем виде:

	Перфективное будущее	Перфект сосла- гательного наклонения
Единственное число		
1 л.	dīxerō	dīxerim
2 л.	dīxerīs	*dīxerīs
3 л.	dīxerīt	*dīxerīt
Множественное число		
1 л.	dīxerīmus	dīxerīmus
2 л.	dīxerītis	dīxerītis
3 л.	*dīxerunt	dixerint

Неличные формы перфекта

Инфинитив перфекта

306. Он образуется прибавлением к основе перфекта суффикса -is-se, который состоит из элемента -is- перфекта и окончания инфинитива -se, например āmāv-is-se, monu-

isse, lēg-isse, audīv-isse и т. д. О стяженных формах amāsse, dēlēsse, nōsse, audīsse см. § 297.

В латинском языке причастия прошедшего времени действительного залога нет.

Причастие прошедшего времени страдательного залога

307. Роль причастия прошедшего времени страдательного залога выполняло в латинском языке древнее отглагольное прилагательное на *-to-. Это прилагательное указывало, что предмет обладает качеством, выраженным в глаголе; при этом оно могло иметь как действительное, так и страдательное значение. Так, говорили: *homō pōtus*, *sēnātus*, *prānsus* «человек, выпивший, пообедавший, позавтракавший», *homō dēspērātus* «отчаянный человек» (ср. франц. *un homme entendu*, нем. *ein studierter Mann*) наряду с *homō vulnerātus* «раненый человек».

Этим двойным значением прилагательного на *-to- и объясняется его употребление для образования как перфекта отложительных глаголов (*secūtus sum* «я есмь следовавший»), так и глаголов, называемых полуотложительными — *audeō*, *fidō*, *gaudeō*, *soleō*: *ausus sum*, *fīsūs sum*, *gāvīsus sum*, *solitus sum*. Равным образом, им объясняется и то, почему некоторые причастия прошедшего времени употребляются в действительном значении, например *cautus* «берегущий себя» от *saveō*, *scītus* «знающий» от *sciō*, и почему, с другой стороны, некоторые причастия прошедшего времени отложительных глаголов имеют страдательное значение; ср. *meditātus* «обдуманый», *rātus* «рассчитанный» и т. д.

308. ОТГЛАГОЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ НА *-to-

Первоначально причастие прошедшего времени было независимым от основ инфекта и перфекта; оно образовывалось с помощью суффикса *-to-, прибавляемого непосредственно к бессуффиксному глагольному корню в его редуцированной форме. Некоторые следы индоевропейского состояния сохранились еще в латинском языке:

а) Чередование ē/ə (отражающегося в ä):

<i>serō</i>	<i>sēvī</i>	<i>sātus</i>
<i>reor</i> (корень *rē-, rē-rī)		<i>rātus</i>
-dō «кладу»		<i>conditus</i> (из *condātos)
		гр. θετός

б) Чередование $\bar{o}/\bar{a}$ ($\ddot{a}$):

$d\bar{o}$ «даю»
(g)nōscō

$d\ddot{a}tus$, гр. $\delta\omicron\tau\acute{o}\varsigma$
a-, co-gnītus из *a-, *co-gnātos; $n\bar{o}tus$, по аналогии с $n\bar{o}v\bar{i}$

в) Чередование $\bar{a}/\bar{a}$ ($\ddot{a}$):

$st\bar{o}$ ($st\ddot{a}re$)

$st\ddot{a}tus$, гр. $\sigma\tau\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$

г) Чередование $\bar{i}/\bar{i}$:

$ci\bar{o}$

-cītus (con-, ex-, in-, per-)
наряду с ac-cītus, образованным по аналогии с ac-cīvī

$mitt\bar{o}$ из * $m\bar{i}t\bar{o}$

$m\bar{i}ssus$

д) Чередование $ei/\bar{i}$:

$d\bar{i}c\bar{o}$

$d\bar{i}ctus$ (ср. итал. *detto*, франц. *Benoît* из *Benedictum*; $d\bar{i}t$ из * $d\bar{i}ctum$ образовано по аналогии с перфектом $d\bar{i}x\bar{i}$)

$e\bar{o}$

$\bar{i}tum$, гр. $\bar{i}\tau\acute{\epsilon}\omicron\nu^1$

$lin\bar{o}$

$l\bar{i}tus$

$sin\bar{o}$

$s\bar{i}tus$

е) Чередование $eu/\bar{u}$:

$d\bar{u}c\bar{o}$

$d\bar{u}ctus$ (итал. *dotto*)

$\bar{u}r\bar{o}$

$\bar{u}stus$ (скр. $uṣṭáḥ$) «сожженный»

ж) В двухсложных корнях:

$g\bar{i}gn\bar{o}$ (двухсложный корень * $gen\bar{e}$ -, отраженный в лат. *genitor*, *genētrix*, редуцированная ступень обычно * $gn\bar{a}$ -), (g)nātus (*genītus* — новообразование от супина *genitum*, закономерно происходящего из * $gen\bar{e}tum$ с огласовкой e в корне)

$stern\bar{o}$ (редуцированная ступень * $str\bar{a}$ -), $str\bar{a}tus$ (новообразование $str\bar{a}v\bar{i}$, см. § 292; наоборот, $spr\bar{e}tus$ вместо * $spr\bar{a}tus$ — новообразование от $spr\bar{e}v\bar{i}$, как $decr\bar{e}tus$ от $decr\bar{e}v\bar{i}$)

¹ *Ambīre*, родство которого с $e\bar{o}$ больше не ощущалось, было сведено к типу $aud\bar{i}\bar{o}$; отсюда: $amb\bar{i}\bar{o}$, $amb\bar{i}tus$ (например, у Овидия, *Met.*, I, 37). Впрочем, засвидетельствовано и древнее количество гласной в $amb\bar{i}tus$, $amb\bar{i}t\bar{i}\bar{o}$.

tetulī (корень *telə-, гр. τελα-μῶν, редуцированная ступень *tlā-), *(t)lātus

Однако эти остатки немногочисленны и, с точки зрения латинского языка, представляются застывшими и почти безжизненными архаизмами. Помимо этих древних образований, следует рассмотреть два вида глаголов — с корнем, оканчивающимся на согласную и на гласную.

309. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕМ, ОКАНЧИВАЮЩИМСЯ НА СОГЛАСНУЮ

Глаголы с суффиксом, прибавляемым к корню:

clepō	cleptus
queror (из *quesor)	questus
tingō	tinctus
coquō	coctus
scribō	scriptus

Глаголы с суффиксами и с инфиксом часто теряют эти элементы в причастии прошедшего времени:

apiscor	aptus
nanciscor	nactus (впоследствии nactus)
rumpō	ruptus (впоследствии rumpus)
mordeō	morsus
pandō	passus (ср. dispessus; впоследствии pānsūs)
pīnsō	pistus
capīō	captus
jaciō	jactus
rapiō	raptus
aperiō	apertus
veniō	ventum, гр. βατός из *gʷn-tó-s
vinciō	vinctus

Во многих случаях, в частности в глаголах с носовой согласной, происходило аналогическое распространение инфикса или суффикса по всем формам спряжения (см. § 200). О влиянии перфекта см. § 265. Некоторые формы являются новообразованиями от настоящего времени, например frūnītus (народное) от frūnīscor, gignitus (позднее) от gignō, pāstus (часто употребляемое и классическое) от pāscō (корень *pā-).

310. ГЛАГОЛЫ С КОРНЕВЫМ ЭЛЕМЕНТОМ, ОКАНЧИВАЮЩИМСЯ НА ГЛАСНУЮ

а) Все глаголы первого, второго, третьего и четвертого спряжений, перфекты которых оканчиваются на -āvī, -ēvī, -ivī, так же как и отыменные глаголы на -iō третьего спряжения, имеют в причастии прошедшего времени долгую гласную:

amō	amāvī	amātus
plantō	plantāvī	plantātus
pleō	plēvī	plētus
quaerō	quaesivī	quaesītus
audiō	audivī	audītus
statuō	statuī (из *statūvī)	statūtus

По образцу последнего глагола возникли соотношения:

solvō (soluō)	solūtus
volvō (voluō)	volūtus,

а по образцу этих глаголов образовались в свою очередь:

loquor	locūtus
sequor	secūtus

Примечание. Sepultus от sepeliō, sepelivī является исключением. Sepelītus, которое, согласно Присциану (G. L., II, 546 K), употреблялось Катонем, соответствует латинской норме.

Sepelivī представляет собою аналогическое образование по образцу audivī и заменило древнее *sepeluvī (ср. aperīō, aperuvī, apertus). Равным образом, aboleō имеет причастие abolitus; adolescō (adolevī), adultus употребляются наряду с exolētus. Здесь имели место смешения, однако детали их не ясны.

б) Глаголы на -āre, -ēre, -ēre, -īre с перфектом на -uī имеют причастие прошедшего времени на -ītus или на -tus:

1) domō	domuī	domītus ¹
monēō	monuī	monītus
molō	moluī	molītus
2) secō	secuī	sectus
doceō	docuī	doctus
misceō (из *mik-sk-eyō)	muscuī	mixtus

¹ Domitus — аналогическая форма от domuī, равно как genitus — от genuī. Древнее причастие на -to- должно было иметь форму, сходную с гр. *δρατός*.

torreō	torruī	tostus (из *torstos)
alō	aluī	altus (и alitus)
colō	coluī	cultus

(Об -ol>-ul — см. у Нидермана¹.)

в) Глаголы на -vō и на -veō потеряли -й-:

saveō	cāvī	cautus (cavim, C.I.L., I ² , 200, 6)
faveō	fāvī	fautum (др.-лат. favitor)
foveō	fōvī	fōtus
moveō	mōvī	mōtus
juvō	jūvī	jūtus
lavō	lāvī	lautus (lōtus)

Примечания: 1. В связи с тенденцией к обобщению перфекта на -āvī в первом спряжении язык стремился также к замене формы -itus формой -ātus; отсюда: praestātus, plicātus, lavātus, secātus и т. д. Гораций употребляет уже implicāta (Epid., 5, 15), intonāta (там же, 2, 51), sonātūrum (Serm., I, 4, 44), necātus (Carm., I, 29, 6) наряду с implicitum (Ars Poet., 424), enectus (Epist., I, 7, 87).

2. Причастие на -itus распространилось частично и на те глаголы, которые первоначально его не имели, например fugītus от fugere (вопреки fūgī) и bibītus от bibere — поздняя форма, заменившая rōtus, отглагольное прилагательное от корня *ro- (ср. rōculum, гр. ρω-μα), которое служило причастием прошедшего времени страдательного залога глагола bibō.

Равным образом, fruitus заменило frūctus от fruor. От diruī, ēlicuī в позднее время образовались diruitus, ēlicitus; от tueor — tuitus по образцу monēo, monitus. Древняя форма была tūtus; tuitus засвидетельствовано главным образом в сложных словах con-, intueor. В соответствии с pinsuī было образовано pinsitus и т. д.

3. По образцу audīre : audītus были образованы аналогические формы народного латинского языка: opperītus, sallītus, sancītus.

311. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Объединение суффикса *-to- с конечной согласной основы или корня привело к ряду фонетических изменений как в гласных, так и в согласных.

Г л а с н ы е

а) О переходе -ol- в -ul- в закрытом слоге упоминалось в § 310, п. б.

б) О переходе i в e в таких случаях, как effectus из efficiō, retentus из retineō и т. д., см. у Нидермана².

¹ «Историческая фонетика латинского языка», § 27.

² Там же, § 21.

в) Удлинение корневой гласной.

1) Об удлинении в *sēnsus*, *rēnsus*, *mēnsus*, *pānsus* см. у Нидермана¹.

2) Если корень оканчивается на звонкую взрывную гуттуральную *g*, то группа «краткая гласная + звонкая + *t*» переходит в группу «долгая гласная + глухая + *t*»:

ă, ě + *g* + *t* > ā, ē + *c* + *t*.

ăgō, āctus (с апексом, C.I.L., VI, 1377; ср. adāctus наряду с affēctus)

frāngō, frāctus (ср. effrāctus наряду с effrīngō)

pāngō, pāctus (ср. com-pāctus наряду с compīngō)

tāngō, tāctus (ср. contāctus наряду с contīngō)

lēgō, lēctus (с апексом, C.I.L., XI, 1826)

regō, rēctus (франц. d-roit, итал. ritto)

tegō, tēctus (франц. toit)²

Гласная *ī*, однако, в этом случае не удлиняется:

stringō, strīctus (франц. étroit, итал. stretto).

Объясняется это тем, что закрытые гласные типа *i* поддаются удлинению труднее, чем более открытые гласные типа *a*, *e*, *o*.

3) Если корень оканчивается на звонкую взрывную зубную *d*, то группа *d* + *t* переходит в *-ss-*; при этом предыдущая гласная не удлиняется. Правда, имеются:

cadō   cāsus

edō «ем»   ēsus,

однако cāsus возникло под влиянием супина cāsum, где долгая ступень корня закономерна³, а ēsus — под аналогическим воздействием форм с ē: edī, ēs и т. д.

В остальных случаях гласная всегда краткая:

pandō   pāssus (наряду с pānsus)

sedeō   sēssum (вопреки sēdī)

fodiō   fōssus (вопреки fōdī)

Примеры для гласной *ī*:

findō   fīssus

scindō   scīssus

¹ «Историческая фонетика латинского языка», § 35, п. 2.

² Там же, § 35, п. 3, и § 68, п. 1.

³ Meillet, «M. S. L.», XV, стр. 265.

Vīsus от videō возникло под влиянием vīdi, dīvīsus от dīvidō — под влиянием dīvīsī; образование gāvīsus от gaudeō не ясно.

Примечание. Достоверных примеров для корня, оканчивающегося на звонкую взрывную губную b, мы не имеем: pūbō, sc̄rbō имеют долгую гласную; sc̄ābō не имеет причастия прошедшего времени.

С о г л а с н ы е

а) Об упрощениях и ассимиляциях, происходящих в группах из двух или трех согласных, см. у Нидермана¹.

б) Переход t, d + t в -ss- привел в ряде глаголов к тому, что перфект на -sī и причастие на -sus совпали по составу своих согласных (см. § 287), например:

jubeō (b отражает древнее *dh)	jussī	jussus
rīdeō	rīsī	rīsus (из *rid-tos)
suādeō	suāsī	suāsum
mittō	mīsī	missus
sentīō	sēnsī	sēnsus

312. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПА НА -sus

На основе этих совпадений язык образовал от перфектов на -sī большое число аналогических причастий на -sus, например:

а) maneō   mānsī   mānsus

Архаический производный глагол mantāre имеет закономерный состав согласных².

б) Группа глаголов на -ctō:

flectō	flexī	flexus
amplector		amplexus

в) Глаголы на гуттуральную:

mergō	mersī	mersus (наряду с др.-лат. mertāre)
mulceō	mulsi	mulsus

¹ «Историческая фонетика латинского языка», §§ 63 и сл., 98 и сл.

² Фреквентативные (интенсивные) глаголы на -tāre являются производными от причастий на *-tos (§ 213). Поэтому и образование mantare можно отнести к причастию *mantos, более древнему, чем mānsus. Такие же выводы можно сделать и из глаголов mertare, pultare, sectāri и т. п. (Прим. ред.)

mulgeō	mulsi	mulsus
spargō	sparsi	sparsus
tergō	tersi	tersus
fluō (из -flug ō)	fluxi	fluxus (fluctus у Присциана, G.L., II, 488 К)
fivō	fixi	fixus (fictus у Варрона, R.R., III, 7, 4)

противопоставляются фонетически закономерным формам:

farcio	farsi	fartus (из *farctos)
frigo	frixi	frictus
fulcio	fulsi	fultus
sarcio	sarsi	sartus
torqueo	torsi	tortus

г) Глаголы на -llō. Некоторые глаголы на -llō, в которых группа -ll- произошла из -ld-, имели фонетически закономерное причастие на -sus, например:

sallō	salsus
per-cellō	per-celsus

В pellō, где второе l имело суффиксальный характер, оно исчезло и из основы перфекта re-pul-ī и из причастия прошедшего времени на -to-; следовательно, древняя форма была *pult-os, откуда pultāre. Однако аналогия создала pulsus, производное которого pulsāre вытеснило pultāre.

Отсюда тип на -sus перешел по аналогии и в некоторые глаголы, где -ll- отражало древнее -ln-.

fallō	falsus
vellō	volsus

и даже в один глагол на -rr-:

currō	cursus
-------	--------

313. Будучи однажды создан, этот тип в дальнейшем распространялся неограниченно, например:

lābor, lāpsus (вероятно, по аналогии с близким ему по смыслу cāsum; закономерно было бы *lāptus подобно scrīptus из scrībō)

premo, pressus от pressi по образцу jussi, jussus

mētor, mēnsus по аналогии с pēnsus, близким ему по смыслу

abscondō, absconsus наряду с conditus по образцу pēndō, pēnsus

cēnsēb, cēnsus (закономерно было бы *censtus)

Впрочем, впоследствии язык образовал новое настоящее время cēnsiō, откуда cēnsitus; в позднюю эпоху от cēnsēre образовалось cēnsitus.

314. НЕПРАВИЛЬНЫЕ ФОРМЫ

К числу неправильных форм относится mortuus вместо *mortus (ср. ortus от orior); mortuus (mortuos) заимствовало конечный элемент у vīvus (vīvos), с которым оно образовывало пару.

Далее, сюда же относятся: fefellit (Петроний, 61, 8), impulit, repercit, являющиеся варваризмами позднего происхождения и образованные от перфектов fefelli, impuli, reperci; ср. перфект diffusī от diffusus (§ 281).

Certus от certō было образовано вновь, исходя из certvī. Древнее certus из *kri-t-os употреблялось преимущественно как прилагательное; причастное употребление этого слова ощущается еще в facere certum est (ср. в § 308 sternō).

315. Таково в общих чертах состояние причастия прошедшего времени в латинском языке; его первоначальная самостоятельность была сужена постепенно всякого рода аналогическими воздействиями, стремлением объединить его с перфектом, уменьшить количество глагольных основ, создать «спряжения».

Причастие прошедшего времени имело в латинском языке огромное значение: с его помощью образовывались перфект страдательного залога и отложительных глаголов, а также значительная часть инфинитивных форм; наконец, именно от этой основы строились все отглагольные именные образования, а именно, отвлеченные имена на -tiō, имена действия на -tūs, имена действителя на -tor и их многочисленные производные.

Перфект страдательного залога и отложительные глаголы

316. В отличие от действительного залога, имеющего простой инфект и простой перфект, страдательный залог и отложительные глаголы имеют простой инфект и составной перфект, состоящий из причастия и вспомогательного глагола, что послужило началом для образования описательного спряжения романских языков.

Перфект страдательного залога и отложительных глаголов образуется при помощи причастия на *-to-, сопровождаемого разными временами и наклонениями глагола *esse*. Это причастие, обозначая состояние или законченное действие, могло легко приспособиться к выражению перфекта. Так создались формы: *amātus sum, eram, erō, sim, essem, esse*. С учетом значения причастия прошедшего времени такое предложение, как *hic mīrus bene cōstructus est*, означало одновременно и «эта стена хорошо построена» (перфект) и «эта стена была хорошо построена» (прошедшее время). Для различения этих значений латинский язык постепенно пришел к противопоставлению инфекта вспомогательного глагола *sum* перфекту *fuī*: *cōstructus est* и *cōstructus fuit*; первая форма обозначала состояние или достигнутый результат, вторая служила для выражения прошедшего времени. После того как это противопоставление установилось, форма инфекта *amog* должна была постепенно исчезнуть. И действительно, инфект страдательного залога в романских языках не сохранился; последние развили тип со вспомогательным глаголом, противопоставляя настоящее время *je suis aimé* перфекту *je fus aimé*.

Производные формы ст причастия прошедшего времени страдательного залога

317. Производными формами, образованными от корневого элемента причастия прошедшего времени страдательного залога, являются: причастие будущего времени действительного залога и инфинитив будущего времени действительного залога.

а) Причастие будущего времени действительного залога имеет форму производного прилагательного на *-tūrus* (*-sūrus*), *-a*, *-um*; так

причастию <i>amātūs</i>	соответствует	<i>amātūrus</i> ,	<i>-a</i> ,	<i>-um</i>
» <i>monītūs</i>	»	<i>monitūrus</i> ,	<i>-a</i> ,	<i>-um</i>
» <i>lectus</i>	»	<i>lectūrus</i> ,	<i>-a</i> ,	<i>-um</i>
» <i>audītūs</i>	»	<i>auditūrus</i> ,	<i>-a</i> ,	<i>-um</i>

Это причастие указывает на то, что предмет, к которому оно относится, находится в состоянии готовности совер-

шить действие, обозначаемое глаголом: *profectūrus* «готовый отправиться» и т. д.

Однако нам известны некоторые причастия будущего времени, образуемые от основы настоящего времени, например *moritūrus*, *nascitūrus*, *oritūrus*, *paritūrus* от *morior*, *nascor*, *orior*, *pariō*. Все эти глаголы выражают понятия, относящиеся к рождению или смерти. Здесь также имело место действие аналогии: по образцу *perire*, *peritūrus* было образовано *morī*, *moritūrus*. Позднее этот тип распространился и на глаголы, составлявшие с *morī* контрастную, но нераздельную пару: *nascor*, *orior*, *pariō*.

Причастием будущего времени от *esse* является *futūrus*, которое, как и *fore*, произошло от корня **bhewə-/bhū* (см. § 239).

Естественно, что в тех случаях, когда формы на *-āvi*, *-ātum* заняли место форм на *-uī*, *-itum*, создались и соответствующие им причастия, например *juvātūrus*, *sonātūrus*, *secātūrus*.

б) Инфинитив будущего времени действительного залога представляет собою описательную форму, состоящую из причастия будущего времени и *esse*. При этом инфинитиву будущего времени инфекта типа *amātūrum*, *-am*, *-um* *esse* соответствует инфинитив будущего времени перфекта: *amāturum*, *-am*, *-um* *fuisse*.

Необходимо отметить, что причастие согласуется в роде и в числе с подлежащим инфинитивного предложения: *spero vōs brevi profectūrōs (esse)*, причем, во избежание тяжеловесности формы, вспомогательный глагол чаще всего не получает выражения.

Однако в архаическую эпоху мы находим спорадически неизменяемый инфинитив будущего времени на *-tūrum* (*-sūrum*) чаще всего (но не обязательно) без *esse*. См., например, у Присциана (G. L. K., II, 475), цитирующего предложение из Катона: *illi polliciti esse facturum omnia*; согласно Авлу Геллию, Цицерон также писал (Verr., II, V, 65, 167): *hanc rem sibi praesidio futurum*.

Этот инфинитив истолковывается обычно как сложное образование, состоящее из супина на *-um* (типа *amātum*) и формы инфинитива от *sum*, *erom из *es-om, исчезнувшей из латинского языка, но сохранившейся в оскско-умбрском: оск. *ezum*, умбр. *erom* «esse». С этой точки зрения, **amatu(m)erom* «быть готовым к тому, чтобы любить», затем

«начинать любить, долженствовать любить» перешло в amātūrum, став, таким образом, неизменяемой формой. Когда эта форма потеряла свой первоначальный смысл, -tūrum стало рассматриваться как винительный падеж мужского-среднего рода единственного числа, от которого позднее в порядке новообразования было создано целое склонение и произведено причастие будущего времени на -tūrus; последнее с прибавлением к нему esse послужило для образования описательной формы amātūrum, -am esse¹.

Эта гипотеза кажется на первый взгляд правдоподобной; однако она наталкивается на разные трудности. Наиболее серьезный и, повидимому, неопровержимый довод против нее — это отсутствие в латинском языке каких-либо инфинитивных образований на -um оскско-умбрского типа.

В тех случаях, когда в оскском языке употребляется ezum, deikum, edum, по-латыни говорят: esse, dicere, edere (=esse). Формы латинского инфинитива не имеют с оскско-умбрскими формами ничего общего, и гипотеза о существовании инфинитива *esom — произвольная. Более правдоподобно, что возникновение неизменяемых инфинитивов объясняется стремлением распространить на инфинитив будущего времени свойство неизменяемости других инфинитивов: esse, fuisse, fore, amāre и т. д. По аналогии с credō hanc rem bonam fore, esse, fuisse могло образоваться credō hanc rem bonam futūrum, но это были лишь отдельные попытки, не имевшие успеха.

Причастие будущего времени на -tūrus, несмотря на различие в количестве и, напоминает дезидеративные глаголы на -tūriō типа partūriō «собираюсь родить», откуда «мне хочется...»².

¹ Эта гипотеза принадлежит английскому ученому Постгэту, который опубликовал ее в «Indogerm. Forschungen, IV, стр. 252.

² Эрну, автор книги «Диалектные элементы латинского словаря», не избежал в этом случае свойственных буржуазной компаративистике преувеличенных представлений о «чистоте» диалектов. Выведение -tūrum из *-tū ēōm остается наиболее правдоподобным из всех высказанных по этому вопросу предположений, во всяком случае более правдоподобным, чем предположение автора о связи -tūrus с дезидеративными глаголами, где -tūriō имеет краткое и. О том, что причастие будущего времени морфологически происходит от супина, а не от причастия на -tos, свидетельствует, между прочим, и долгота ā в stātūrus (§ 318) при супине stātum и причастии stātus. (Прим. ред.)

Супин

318. Супин представляет собою отглагольное существительное, образованное с помощью суффикса *-tu-, которому первоначально предшествовала полная ступень корня, в противоположность глагольному прилагательному на *-to- с предшествующей редуцированной ступенью. Некоторые следы этого древнего состояния обнаруживаются еще в латинском языке: *cāsum* из *kādtum; *geni-tum* наряду с *nātus*; *stāturum* (форма, сложная с супином) наряду с *stātus*, ср. скр. *sthātum* и *sthitáh*. Сюда же относят и *-crētum*, повлекшее за собой *-crētus*, наряду с *certus*, *cūsum*, *dīvīsum* (откуда *dīvīsus*), *ēsum*, *ind-ex-ūtum*, *gāvīsum*, *vīsum* и др. Однако все эти примеры не столь ясны; здесь могло иметь место вторичное распространение огласовки перфекта на супин и на причастие прошедшего времени. Во всех остальных случаях супин имеет ту же огласовку, что и причастие на *-tus*.

Супин имеет два падежа:

1) винительный на *-um*: *amā-tum*, *monī-tum*, *lēs-tum*, *car-tum*, *audī-tum*. Употребляется он только после глаголов движения (*īre*, *venīre*). В языке комических авторов этот винительный падеж в сочетании с *īre* образует своего рода описательное спряжение; ср. у Плавта (*Aul.*, 736, трохеический септенарий):

*quam ob rem ita faceres meque meosque
perditum ires liberos;*

2) дательный-отложительный на *-ū*, употребляемый после прилагательных: *mīrābile vīsū* «чудно глядеть», *facile dīctū* «легко сказать».

Плавт различает, кроме того, даже по форме, дательный падеж на *-uī*: *res lepida memoratūī* (*Vas.*, 62) «вещь, интересная для рассказывания», и отложительный на *-ū*: *orsonatū redeō* (*Men.*, 288) «возвращаюсь после закупки продуктов».

В классическом языке супин употребляется только со значением дательного падежа как дополнение к прилагательным и иногда с *fas est*, *opus est*: *quod scītū opus est* (Цицерон, *De invent.*, I, 20, 28); *si hoc fās est dīctū* (*Tusc.*, 5, 13, 38).

В народном латинском языке и в поэзии супин заменялся инфинитивом; ср. у Вергилия (*Aen.*, I, 527):

non nos aut ferro Libycos populare penatis
venimus.

То же наблюдается и в послеклассической прозе: Квинтилиан (*Inst. Orat.*, 10,1, 96): *legi dignus*. В романских языках супин не сохранился.

Инфинитив будущего времени страдательного залога

319. Он образуется из винительного падежа супина в соединении с безличным инфинитивом глагола «итти»: *amatum-iri*, *monitum-iri*, *lectum-iri*, *auditum-iri*, *captum-iri*.

Авл Геллий приводит следующее предложение из Катона: *atque evenit ita, Quirites, uti in hac contumelia, quae mihi per hujusce petulantiam factum itur, rei quoque publicae medius fidius miserear, Quirites* (*N. A.*, X, 14), где *quae*, очевидно, заменяет древний винительный падеж, дополнение к *factum*: *quam*. От *factum itur* «идут (собираются) делать» инфинитив был, естественно, *factum iri*. Этот путь образования может быть прослежен и в следующем предложении из Теренция (*Ad.*, 694, трохеические септенарии):

...credebas dormienti haec tibi confecturos deos?
et illam sine tua opera in cubiculum iri deductum domum?

Поскольку *ire* представляет собой непереходный глагол и, следовательно, не имеет страдательного залога, *amatum iri* могло возникнуть лишь в то время, когда инфинитив на *-i* имел в первую очередь безличное значение. Это указывает на выдающуюся роль безличного значения в латинском пассиве.

Iri у архаических авторов иногда заменяется своим дублетом *irier*; ср. у Плавта (*Rud.*, 1242, ямбический сенарий):

mihi istaec videtur praeda praedatum irier.

Когда слияние обоих элементов завершилось, *m* между гласными исчезло (ср. *circuitus* из *circum-itus*), отсюда: *datuiri*, *sublatuiri* и т. д.

П Е Р Е Ч Е Н Ь

НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ЦИТИРУЕМЫХ АВТОРОВ И ТЕКСТОВ

- C. I. L. — *Corpus Inscriptionum Latinarum* (2-е изд. первого тома цитируется по E. Diehl, *Altlateinische Inschriften*, Бонн, 1911).
- S. C. de Bac. — *Senatus consultum de Bacanalibus* (C. I. L., 1², 581).
- G. L. K. — *Grammatici latini ex recensione H. Keilii*.
- Фест (F.), Фест в сокращении Павла (P. F.) — *Sexti Pompei Festi de verborum significatu quae supersunt*, изд. W. M. Lindsay, Лейпциг, 1913.
- Ribb. — *Scaenicae Romanorum poesis fragmenta, tertiis curis recognovit Otto Ribbeck*, Лейпциг, 1897—1898.
- Энний — *Ennianae poesis reliquiae, iteratis curis rec. J. Vahlen*, Лейпциг, 1903.
- Луцилий — *C. Lucilii Carminum reliquiae, rec. Fr. Marx*, Лейпциг, 1904—1905.
- Плавт — *T. Macci Plauti Comoediae, rec. W. M. Lindsay*, Оксфорд, 1903.
- Теренций — *P. Terenti Comoediae*, изд. Fr. Umpfenbach, Берлин, 1870.
- Лукреций — *Lucreti de rerum natura libri sex*, изд. A. Ernout, Париж, 1924.

БИБЛИОГРАФИЯ ¹

- И. В. Нетушил, Генетическое изложение фонетики и морфологии латинского языка. С кратким обзором окского и умбрийского языков, Харьков, 1878.
- И. В. Нетушил, Об аористах в латинском языке, Харьков, 1881.
- М. М. Покровский, Материалы для исторической грамматики латинского языка, Москва, 1898.
- А. А. Грушка, Исследования из области латинского словообразования, Москва, 1900.
- А. А. Грушка, Этюды по латинскому именному основообразованию, Москва, 1906.
- А. Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, 8-е изд., Париж, 1937 (русск. пер. — А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938).
- К. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, т. II, ч. 1, 2-е изд., Страсбург, 1906; ч. 2, 2-е изд., 1911; ч. 3, 2-е изд., 1916.
- К. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Страсбург, 1902—1904.
- W. M. Lindsay, The Latin language, Оксфорд, 1894 (нем. пер. 1897).
- W. M. Lindsay, A short historical grammar of the Latin language, 2-е изд., 1914 (русск. пер. — В. М. Линдсей, Краткая историческая грамматика латинского языка, Москва, 1948).
- F. Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, 2 и 3-е изд., Гейдельберг, 1914 (с дополнением: Kritische Erläuterungen zu lateinischen Laut- und Formenlehre, Гейдельберг, 1914).
- А. Meillet и J. Vendryes, Traité de grammaire comparée des langues classiques, 2-е изд., Париж, 1948.
- F. Stolz и J. H. Schmalz, Lateinische Grammatik, 5-е изд., Мюнхен, 1928 (обработана М. Leumann и J. В. Hofmann).

¹ Пополнена и обработана редактором.

- C. B u c k, Comparative grammar of Greek and Latin, Чикаго, 1938.
- V. P i s a n i, Grammatika latina storica e comparativa, Турин, 1948.
- F. N e u e, Formenlehre der lateinischen Sprache, 3-е изд., 1902—1905.
- E. K i e s c k e r s, Historische lateinische Grammatik, ч. 2, Мюнхен, 1931.
- R. G. K e n t, The forms of Latin, Балтимора, 1946.
- A. J u r e t, Formation des noms et des verbes en latin et en grec, Париж, 1937.
- F. B ü c h e l e r- W i n d e k i l d e, Grundriss der lateinischen Deklination, Бонн, 1879.
- A. M e i l l e t, De quelques innovations de la déclinaison latine, Париж, 1906.
- A. M e i l l e t, Observations sur le verbe latin, «Мém. Soc. Ling.», XIII, 350 и сл.
- L. J o b, Le présent et ses dérivés dans la conjugaison latine, Париж, 1893.
- A. E r n o u t, Recherches sur l'emploi du passif latin a l'époque républicaine, Париж, 1909.
- M. N i e d e r m a n n, Phonétique historique du latin, 3-е изд., Париж, 1945 (рус. пер. — М. Н и д е р м а н, Историческая фонетика латинского языка, Москва, 1949).
- A. W a l d e, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 3-е изд., Гейдельберг, 1930—1938.
- A. M e i l l e t и A. E r n o u t, Dictionnaire étymologique de la langue latine, 2-е изд., Париж, 1939.
- L. H a v e t, Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins, Париж, 1911.
- L i n d s a y, Early latin verse, Оксфорд, 1922.
- A. E r n o u t, Recueil de textes archaïques latins, Париж, 1947.
- J. C o u s i n, Évolution et structure de la langue latine, Париж, 1944.

Приложение

ОБРАЗЦЫ ЛАТИНСКИХ АРХАИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

(по сборнику А. Эрну «Recueil de textes latins archaïques», Париж, 1947)¹

ПРЕНЕСТИНСКАЯ ФИБУЛА

№ 1.

Manios : med : .vhe : vhaked : Numasioi

CIL, I², 3; XIV, 4123.

Надпись на золотой застежке, найденной в Пренесте в 1871 г., выполнена греческими буквами; направление письма — справа налево. Как археологические соображения, так и форма букв позволяют датировать надпись примерно 600 г. до н. э. Эта древнейшая латинская надпись содержит, повидимому, также и диалектные особенности пренестинского говора.

Истолкование надписи не представляет затруднений: Manius me fecit Numerio «Маний сделал меня для Нумерия».

Весьма архаической чертой является написание *vh* для обозначения щелевого *f* — комбинация, встречающаяся также в греческих, этрусских и венецких надписях (Линдсей В. М., Краткая историческая грамматика латинского языка, Москва, 1948, гл. I, § 4).

Краткие гласные в срединных и конечных слогах еще не подверглись изменениям, связанным со спецификой начального слога (Нидерман, § 13 и сл.): *vhevhäkëd* (> *feficît), *Numäsiöi*, *Maniös*; дифтонг с долгой первой элементом *-oi* не потерял конечного *-i*: *Numäsiöi*; *-s-* в положении между гласными не перешло в *-r-*: *Numäsiöi*.

med: см. § 147. *vhe vhaked*: эта форма перфекта с удвоением и вторичным окончанием *-d* является по всей вероятности диалектной; ср. оскск. *fefacid*, 3 л. ед. ч. сослагательного наклонения, *fefacust*, 3 л. ед. ч. перфективного будущего; форма римского говора — *feced* (ср. № 3, стр. 3). Удвоение *vhe* выделено в качестве особого слова, что не лишено значения для объяснения возможности срединного *-f-* в типе *fefelli* (Нидерман, § 46). *Numasioi* — дат. п. с конечным *-öi* (§ 31); в классическом языке было бы *Numerio*; в надписях встречаются *Numesio* («Bull. comunale di Roma», 1906, 61), *Numisio* (CIL, I², 32; VI, 30986).

НАДПИСЬ НА ФОРУМЕ

№ 2

- ¹ *quoi hoj . . .*
- ² *. . . sakros : es-*
- ³ *ed sor! . . .*
- ⁴ *. . . ia . ias*

¹ Из сборника Эрну заимствованы как тексты надписей, так и основной комментарий к ним. Однако редактор считал себя вправе отходить от толкований Эрну и вносить свои дополнения, почему он и несет, таким образом, ответственность за весь комментарий в целом.

Параграфы без указания источника означают параграфы настоящей книги.

⁵ recei : iç . . .
⁶ . . . evam
⁷ quos : re . . .
⁸ . . . m : kalato -
⁹ rem : hai . . .
¹⁰ . . . iod : iouxmen -
¹¹ ta : karia : dotau . . .
¹² m : ite : rit . . .
¹³ . . . m : quoi ha
¹⁴ velod : nequ . . .
¹⁵ . . . od : iovestod
¹⁶ Ioiuquiod . . .

CIL, I², 1.

Надпись на четырехугольной стеле из туфа, найденной в Риме при раскопках форума в январе 1899 г. Сохранилась лишь нижняя часть стелы; буквами покрыты все четыре грани и одно из ребер. Направление письма — вертикальное с систематическим чередованием движения сверху вниз и снизу вверх («вертикальный бустрофедон»). В строках 8 и 9 буквы перевернуты. Форма букв позволяет датировать надпись примерно первой половиной V в. до н. э.

Значительная часть текста утеряна, и размеры этой утраты не поддаются определению; много непонятого и в сохранившейся части. Перед нами, повидимому, сакральный текст, запрещающий вход в некую священную ограду и устанавливающий какие-то права «царя». Поскольку надпись относится, повидимому, к раннему республиканскому времени, имеется в виду так называемый «сакральный царь» (*rex sacrorum*).

Правописание архаично. Для звонкого *g* особой буквы не существует, и пользуются буквой *s*: *recei*; перед *a* и согласными употребляется *k*: *sakros*, *kalatorem*, *karia*. Удвоение согласных не применяется не только внутри слова, но и при наличии словораздела между согласными. Нет признаков, которые свидетельствовали бы о наступлении каких-либо процессов монофтонгизации дифтонгов или ослабления конечных согласных. Группы *-ove-* (*iovestod*) и *-xnt-* (*iouxmenta*) не подверглись никаким упрощениям. Архаична форма им. п. ед. ч. *sakros* (> *sacer*), ср. § 26, п. в.

1. *quoi*: им. п. ед. ч. м. р., см. § 134. *hoi*...: возможно, *hoi[se* (> *hunc*).

2. *sakros*: «проклятый, обреченный подземным богам»; о форме см. выше. *esed*> *esset* (ср. § 172) или *erit*, что более вероятно с точки зрения стиля сакрального закона; при конъюнктивном происхождении формы *erit* вторичное окончание *-d* не представляется невозможным.

3. *sog!*...: возможно, *sogd*...; тогда речь шла бы о запрете выбрасывать в священном месте нечистоты (*sordes*).

5. *recei*: или дат. п. от *geh*, или инфинитив страдательного залога от *rego*.

8—9. *kalatorem*: у римских жрецов были служителями *calatores* (глашатаи).

10—11. *iouxmenta*> *iumenta* (Нидерман, §§ 33 и 101). *karia*=*-kariad* (позднейшее *carpat*); конечное *-d* опущено, так как следующее слово начинается с *d*.

12. ite: вероятно, iter, следующее слово начинается с г.
 15. iovestod>iüstō? ср. nūndīnae<*nōvēm-dīnai.

НАДПИСЬ ДУЭНОСА

№ 3

- ¹ Iovesatdeivosqoimedmitatneitedendocosmisvircosied |
² astednoisiopetoitiesiaipakarivois |
³ duenosmedfecedenmanomeinomduenoimedmaḡostatod.

CIL, I², 4.

Надпись на вазе, состоящей из трех скрепленных между собой сосудов, найденной в 1880 г. в Риме. Буквы, идущие справа налево, перевернуты, а строки расположены так, чтобы замкнуть вазу поясом. Это обстоятельство, равно как и необычная форма тройного сосуда, заставляет предполагать, что перед нами вещь, изготовленная с магическими целями.

Надпись вызвала десятки совершенно различных толкований, и самое разделение текста на слова, особенно во второй строке, остается совершенно недостоверным. Например:

- ¹ iovesat deivos qoi med mitat nei ted endo cosmis virco sied
² as(t) ted nois iopet oites iai pakari vois
³ duenos med feced en manom einom duenoī ne med maḡo statod.

Согласные не удваиваются; q обозначает лабиовелярную, к употребляется перед а, с — в прочих случаях, означая также и звонкое g, знак для которого был введен около 300 г. Дифтонги полностью сохранены; удерживается, повидимому, еще -s- в положении между гласными, а также конечное -d. Все это заставляет отнести надпись к IV в. до н. э.

1. iovesat: iūrat? deivos: древняя форма слова deus (§ 32); им. п. ед. или вин. п. мн. ч. qoi: qui, ср. № 2. med: вин. п. mitat: mittat? возможно, индикатив? nei: nī. endo: in (ср. indigena, indugredi, гр. ἐνδοῦ). cosmisvircosied: cōmis virgo sit? O sied см. § 172.

2. Совершенно гипотетическое деление слов: nois: nīs (§ 152)? oites: ūtens? iai: дат. п. от ea? vois: 2 л. от volo? или vobis?, iopet непонятно (междометие или местоимение с усилительной частицей? ср. i-pse).

3. duenos>duonos>bonus, как duellum>bellum. feced: fecit (§ 300, п. в). en: in (ср. endo, гр. ἐν). manom: «bonum»; Варрон, L. 1., VI, 11: bonum antiqui dicebant manum. einom: возможно «и», оск. inīm. duenoī: дат. п. от duenos? med: вин. или отлож. п.? maḡo: испорчено; вероятно, malo, т. е. им. п. malos, где конечное -s не написано перед s- следующего слова, или malo(m). statod: 3 л. ед. ч. повелительного наклонения будущего времени от stō в переходном значении? — «да не ставит меня дурной»? или «да не произойдет от меня зла»?

НАДГРОБИЯ СЦИПИОНОВ¹

№ 4.

- a) [L. Corneli]o Cn. f. Scipio
 b) ¹ Cornelius Lucius Scipio Barbatus

¹ См. статьи И. И. Холодняка в «Журнале Мин. нар. просвещ.», январь — март 1884; сентябрь 1888.

- ² Gnaivod patre | prognatus, fortis vir sapiensque,
³ quouius forma virtutei parisuma | fuit,
⁴ consol censor aidilis quei fuit apud vos.
⁵ Taurasia Cisauna | Samnio cepit
⁶ subigit omne Loucanam opsidesque abdoucit.

CIL, I², 6, 7.

Пепериновый саркофаг, найденный за Капенскими воротами у Аппиевой дороги; в настоящее время во дворе Ватиканского музея. Это гробница Л. Корнелия Сципиона Бородатого, консула 298 г., цензора 290 г.

Текст состоит из двух частей: первая неполная строка содержит короткую надпись (*titulus*), буквы не вырезаны, а вырисованы киноварью; затем следует стихотворное надгробие (*elogium*) из шести сатурновых стихов, размещенных в четырех строках надписи. Первая из них и часть второй перекрывают более древнюю надпись, от которой сохранились, например, над словом *prognatus* буквы *eso*, очевидно *s[eso]g* (= *sensor*). Стихотворное надгробие является, таким образом, более поздним; указания на «мудрость» и красоту покойного свидетельствуют об идеологических сдвигах, наступивших лишь в конце III в., а язык надгробия заставляет датировать его временем не ранее 200 г. Эта надпись составлена позже, чем надгробие сына Сципиона Бородатого (№ 5).

Правописание архаизирующее, но не всегда последовательное. Дифтонги в большинстве случаев сохранены, однако *Lucius* вместо *Loucius и *fuit* вместо *fueit (ср. *fueit*, CIL, I², 1297); согласные не удваиваются: *parisuma*; конечное -*d* сохранено в *Gnaivod*, конечное -*m* опущено всюду, кроме *Loucanam*, которое сохранено, возможно, в связи с тем, что за ним следует слово, начинающееся с гласной. С другой стороны, для датировки существенны формы им. п. на -*us*: *Cornelius* (ср. *Cornelio* в *titulus'e*), *Lucius* и т. д., а также строгость в написании конечного -*s* и группы -*ns*:- *consol*, *sensor*.

2. *Gnaivod* = *Gnaeb* (Нидерман, § 55).

3. *quouius*: § 136. *parisuma* — превосходная степень (совершенно равный), ср. Плавт, *Curculio*, 506.

5. *Taurasia* — город в Самнии; *Cisauna* — в других источниках не встречается. *Samnio*: вин. или отлож. п.

6. *Loucanam*: *terram*.

№ 5.

a) L. Cornelio L. f. Scipio | aidiles cosol cesor.

b) ¹ Nonc oino ploirume cosentiont R[omai]

² duonoro optumo fuise viro,

³ Luciom Scipione. filios Barbati

⁴ consol censor aidilis hic fuet a[pu]d vos].

⁵ hec cepit Corsica Aleriaque urbe

⁶ dedet Tempestatebus aide mereto[d].

CIL, I², 8, 9.

Сципион, сын Л. Сципиона Бородатого, был консулом 259 г., цензором 258 г. Эта надпись, как и предыдущая, состоит из двух частей: первая, содержащая *titulus* и вырисованная киноварью,

была найдена в 1780 г. на обломке саркофага и находится в Ватиканском музее; вторая, более поздняя, содержит стихотворное надгробие в сатурновых стихах, вырезанное на лицевой части саркофага, найденного в 1614 г. и хранящегося у входа в библиотеку Барберини. Правая сторона саркофага не сохранилась, почему не исключена возможность, что некоторые строки, кончающиеся целым словом, в действительности являются неполными.

В *titulus'e* написание ближе отражает произношение (редукция *p* в группе *-ns-*, колебание в *-ēs*, приведшее к форме *aidiles*; Нидерман, § 22). Стихотворное же надгробие отличается более архаизирующим правописанием, хотя и не лишенным непоследовательностей: *consentiont*, но *consol*, *sensor*; конечное *-m* обычно опускается, но *Luciom*.

1. Нонс: § 115. *oino: unum*, ср. «*oenigenos, unigenitos*», P. F., 211 L; *oinvorsei = universi*, S. C. de Vac. (№ 23, стр. 19). *plourume: §102; -ē(<-ei)> -ī*.

2. *duonogo: bonogum* (Нидерман, § 92), архаизирующее написание. *viro: virum* — род. п. мн. ч. (§ 36).

4. *fuet: § 300*. п. в.

5. *hec* рядом с *hic* предыдущего стиха: § 112. *Corsica* и т. д.: вин. п. без *-m*. Об этих исторических фактах см. Ливий, *Periocha*, XVII и Флор, I, 18, 15 и сл.

6. *dedet Tempestatebus*: ср. Овидий, *Fasti*, VI, 193:

*Te quoque, Tempestatas, meritam delubra fatemur,
Cum paene est Corsis obruta classis aquis.*

В *tempestatēbus* мы находим то же колебание между *ē* и *ī*, что в *hec, aidiles*.

№ 6.

¹ *Quei apice insigne Dial[is fl]aminis gesistei, |*
² *mors perfe[cit] tua ut essent omnia | brevia,*
³ *honos fama virtusque | gloria atque ingenium.*
⁴ *quibus sei | in longa licu[i]set tibe utier vita, |*
⁵ *facile facteis superases gloriam | maiorum.*
⁶ *quare iubens te ingremiu, | Scipio, recip[i]t*
⁷ *terra, Publi, | prognatum Publico, Corneli.*

CIL, I², 10.

Надпись на пепериновом саркофаге, найденном в 1780 г. и находящемся в Ватикане, содержит надгробие Публия Корнелия Сципиона, который был сыном Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего и усыновил Сципиона Африканского Младшего, сына Эмилия Павла (Ливий, XLIV, 44); он был авгуром в 180 г. и умер, вероятно, около 170 г., что позволяет приблизительно датировать надпись.

Первый стих, более мелкими буквами, добавлен позже. Обращают на себя внимание аллитерации в стр. 4 и 5. Эта надпись и последующие являются значительно более поздними, чем предшествующие.

Дифтонг *ei* всюду сохранен; удвоение согласной проведено в *esses* (2); ср., однако, *gesistei* (1), *superases*(5).

1. *Quei: § 134. apice(m) insigne(m)*.

4. *sei*: по происхождению форма местного падежа от местоимен-

ной основы so- (§ 131). utier: древняя форма была бы *oitier (ср. oitile; CIL, I², 586); дифтонг редуцировался.

5. facile: «быть может».

6. ingremiu: in gremium.

6—7. Scipio... Publi... Corneli: единое обращение.

№ 7.

a) L. Cornelius Cn. f. Cn. n. Scipio

b) ¹ Magna sapientia | multasque virtut

² aetate quom parva | posidet hoc saxsum.

³ quoiei vita defecit, non | honos honore.

⁴ is hic situs quei nunquam | victus est virtutei.

⁵ annos gnatus XX is | l[oc]eis m[an]datus:

⁶ ne quairatis honore | quei minus sit mand[at]u[s].

CIL, I², 11.

Пепериновый саркофаг Ватиканского музея. Надпись имеет гораздо более литературный характер, чем предшествующие (аллитерации, противопоставления, игра слов). Сципион, о котором идет речь, повидимому, брат Гнея Сципиона Испанского (№ 9).

1. Magna(m) sapientia(m).

2. quom: гиперархаизирующее написание; предлог никогда не имел лабиовелярной. saxsum: написание -xs- нередко встречается в архаических надписях, например в exstrad в S.C. de Vac. (№ 23, стр. 16).

3. quoiei: дат. п., образованный по аналогии род. п. quoios. honos — в смысле honestas «нравственные качества»; honore(m) — о почетных должностях.

4. virtutei: вероятно местный падеж (§ 109) — в «сфере доблести».

5. l[oc]eis: о «подземных местах», но восстановление не может считаться достоверным; другие предлагают читать d[iv]eis. К конструкции ср. Цицерон, Catil., IV, 10: Lentulum aeternis tenebris mandare.

6. quei: им. или отлож. п. (=quī)?

№ 8.

¹ L. Corneli L. f. P. [n.] | ² Scipio quaist. | ³ tr. mil. annos | ⁴ gnatus XXXIII | ⁵ mortuos. pater | ⁶ regem Antioco | ⁷ subegit.

CIL, I², 12.

Обломок руфового саркофага, найденный в XVII в. и находящийся в Ватиканском музее, с надгробной надписью Л. Сципиона, квестора 167 г., умершего около 160 г.

Сокращения: [n]epos, quaist(or), tr(ibunus) mil(itum).

1. Corneli(us): часто встречающееся сокращение в именах на -ius, ср. S. C. de Vac.: Claudi, Valeri, Minuci.

6. Antioco: о передаче греческой придыхательной см. Нидерман, § 40; нет -m; в греческом имени сохраниено -o.

№ 9.

a) Cn. Cornelius Cn. f. Scipio Hispanus | pr. aid. cur. q. tr. mil. II, X vir sl. iudik. | X vir sacr. fac.

- b) ¹ Virtutes generis mieis moribus accumulavi,
² progeniem genui, facta patris petiei.
³ maiorum optenui laudem, ut sibi me esse creatum
⁴ laetentur: stirpem nobilitavit honor.

CIL, I², 15.

Три пепериновые плитки, найденные в 1782 г.; первая утрачена, остальные находятся в Ватиканском музее. Надгробие Сципиона Испанского, который занимал в 139 г. должность претора по делам чужеземцев (praetor peregrinus); стихотворная часть состоит из двух элегических дистихов.

a) pr(aitor) aid(ilis) cur(ulis) q(uaistor) tr(ibunus) mil(itum) bis, X vir sl(itibus) iudik(andis) X vir sacr(is) fac(iundis). В написании официальных должностей сохраняется архаическая орфография.

b) 1. mieis §153; скандируется здесь как один слог; ei в этой надписи не имеет уже дифтонгического значения и равняется ī (petiei, но genui, optenui).

2. petiei: «старался сравниться».

3. sibi: ~ ~ по закону ямбического сокращения (Нидерман, § 24, п. 4).

4. honor: § 62.

НАДПИСИ ИЗ НЕМИ

№ 10.

Diana | M. Livio M. f. | praitor dedit.

CIL, I², 41; XIV, 4182.

Начало II в. до н. э.

Diana: дат. п., см. § 17. Средневековое местечко Неми получило наименование от озера Неми (в древности Iacus Nemorensis), около которого находились роща (nemus) и храм Дианы.

№ 11.

Poublilia Turpilia Cn. uxor | hocce seignum pro Cn. filiod | Dianai donum dedit.

CIL, I², 42; XIV, 4270.

Более поздняя надпись, чем предшествующая, но архаизирующая и даже гиперархаизирующая в написании: в слове seignum не было дифтонга; однако окончанием среднего рода второго склонения служит -um, а не -om, в 3 л. ед. ч. перфекта — -it.

hocce: hocce (<*hod-ce, см. § 112).

НАДПИСИ ИЗ ТУСКУЛА

№ 12.

a) M. Fourio C. f. tribunos | [milita]re de praidad Fortune dedet.

b) M. Fourio C. f. tribunos | militare de praidad Maurte dedet.

CIL, I², 48 и 49; XIV, 2577 и 2578.

Колонны, найденные в Тускуле около гробницы Фуриев.

Конечное -s сохранено в *tribunos*, однако *Fourio, militare* (<*militaris*, Нидерман, § 21). Дифтонг *ai* сохранен в *praidad*, но *Fortune* редуцировано до *e*, как в умбрском языке.

Maurte: Марсу. Древнее имя бога — *Māvors*, дат. п. *Mavortei* (CIL, I², 991) > *Māortei (Нидерман, § 55) > *Mārtī* (Нидерман, § 37). Если слияния не было, то *ā* сокращалось, а в закрытом срединном слоге -ō-> -ū- (Нидерман, § 17, п. 2): *Māortei > *Maurte(i)*.

НАДПИСИ ИЗ ПРЕНЕСТЕ

№ 13.

¹ *Orcevia. Numeri* | ² *nationu. cratia* | ³ *Fortuna. Diovo. fileia* |
⁴ *primocenia* | ⁵ *donom. dedi*

CIL, I², 60; XIV, 2863.

Бронзовая пластинка. Надпись содержит ряд диалектных особенностей пренестинского говора: в первом склонении дат. п. ед. ч. имеет окончание -ā — *Fortuna, fileia, primocenia*; пародирруемое Плавтом (Trucul., 691: пренест. *sopea* — римск. *ciconia*) открытое произношение *i* перед гласной в написании *fileia*; в третьем склонении род. п. ед. ч. оканчивается на -ō(s) > -ū(s): *nationu, Diovo*, где -o сохранилось из-за предшествующего *u* (v), ср. § 46. Буква *s* служит также и для обозначения звонкого *g*.

1. *Numeri*: жена Нумерия.

2. *nationu cratia*: «по причине родов»; ср. P. F., 165,4 L: *in pessoribus quoque bonus proventus bona natio dicitur*.

3. *Diovo*: *Iovis*, см. § 78, п. г.

4. *primocenia: primigeniae*, без изменения *ō* в открытом срединном слог.

5. *dedi*: не вполне ясно, вероятно *dedit* с отпадением конечного -t.

№ 14.

Dindia Macolnia fileai dedit |
Novios Plautios med Romai fecid.

CIL, I², 561; XIV, 4112.

Надпись на ларце (так называемая *cista Ficoroni*), находящемся в музее Кирхера в Риме. Надпись сделана, очевидно, в Риме, но, судя по именам, мастер — кампанец, а заказчица — пренестинка.

fileai: filiae; ср. *fileia* (№ 13).

ФАЛИСКСКИЕ НАДПИСИ

ПОСВЯТИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ КОЛЛЕГИИ ПОВАРОВ

№ 15.

a) ¹ *I]ovei Iunonei Minervai* | ² *Falesce quei in Sardinia sunt* |
³ *donum dederunt. magistris* | ⁴ *L. Latrius K. f. C. Salv[e]na*
Voltai f. | ⁵ *coiraveront.*

- b) ¹ Gonlegium, quod est aciptum aetatei aged[ai]
² opiparum a[d] veitam quolundam festosque dies,
³ quei soveis a[ast]utieis opidque Volgani
⁴ gondecorant sai[pi]sume comvivia loidosque,
⁵ ququei huc dederu[nt i]nperatoribus summeis,
⁶ utei sesed lubent[es be]ne iovent optantis.

CIL, I², 364; XI, 3078.

Надпись на обеих сторонах бронзовой пластинки: фалисские повара, находящиеся в Сардинии, приносят дар Юпитеру, Юноне и Минерве. Относится, возможно, к концу II в.

Написание — архаизирующее, но очень непоследовательное: колебания в удвоении согласных — summis, но aciptum, между u и o — dederunt, но coiraveront, между g и c — gondecorant, между ei и i — veitam, но comvivia, между ai и ae — aetatei, но saipisume. Стихотворная часть, повидимому, в сатурновых стихах, но не вполне правильных.

a) 1. Falesce: им. п. мн. ч. -ē<-ei.

3. magistreis: § 33, прим.

5. coiraveront: Нидерман, § 31.

b) 1. aciptum: acceptum «приятный»; -i- вместо -e- диалектное (или по аналогии accipio?). aged[ai]: agenda; пропуск -n-, вероятно, ошибка резчика.

2. veitam: ei=ī; дифтонга в этом слове не было. quolundam: colo<*quelō (ср. in-quiīlīnus).

3. a[ast]utieis: если дополнение правильно, то перед нами написание долгой гласной с помощью удвоения буквы (ср. Линдсей, В. М., Краткая историческая грамматика латинского языка, Москва, 1948, гл. I, § 8). opidque: § 49.

4. loidosque: Нидерман, § 31.

5. ququei huc: soci hoc. Cocus (повар) «coquos» <*qweqʷos. В данном случае, очевидно, -i- диалектно перед заднеязычной. inperatoribus summeis: разумеется «капитолийская троица», т. е. Юпитер, Юнона и Минерва.

6. iovent: iuvent; графическая диссимиляция?

№ 16.

¹ Menerva sacru | ² [L]a Cotena L. f. pretod de | ³ zenatuo sententia vootum | ⁴ dedet; cuando datu rected | ⁵ cuncaptum.

CIL, I², 365; XI, 3081.

Бронзовая табличка, найденная в 1860 г. в Фалериях, в настоящее время в музее Кирхера в Риме.

1. Menerva: имя богини связано с этрусск. Menrva, Menervu; о дат. п. на -ā см. § 17.

2. (L)a(rs) Cotena L(artis) f(ilius). pretod: praetor. Дифтонг -ai- монофтонгизировался в e, как в умбрском; конечное -d, если это не ошибка резчика, объясняется влиянием начального d- следующего слова (ср. CIL, I², 547: «oreinod devincam ted» = opinor devincam te).

3. zenatuo: § 88; смешение z и s нередко встречается в фалисских памятниках. vootum: удвоение гласной, как в предыдущей надписи, стр. 3.

4. cuando и т. д.: quando datum, recte conceptum. rected: § 31.

НАДПИСИ ИЗ УМБРИИ
ЗАКОН О СВЯЩЕННОЙ РОЩЕ

№ 17.

¹ Honce loucom | ² nequ[i]s violatod | ³ neque exvehito neque |
⁴ exferto quod louci | ⁵ siet neque cedito | ⁶ nesei quodie res deina |
⁷ anua fiet. eod die | ⁸ quod rei dinai causa | ⁹ [f]iat, sine dolo cedre |
¹⁰ [l]icetod. seiquis | ¹¹ violasit, Iove bovid | ¹² piaculum datod. | ¹³ sei-
quis scies | ¹⁴ violasit dolo malo, | ¹⁵ Iovei bovid piaculum | ¹⁶ datod
et a. CCC | ¹⁷ moltai suntod; | ¹⁸ eius piacli | ¹⁹ moltaique dicator[ei] |
²⁰ exactio est[od].

CIL, I², 366; XI, 4766.

Столбик из известкового камня, найденный в Сполето в 1876 г. и хранящийся там же, в городской библиотеке; надпись вырезана по обе стороны камня.

Согласные не удваиваются. В правописании значительные колебания; так, в отношении конечного -d: violatod, licetod, datod, suntod, estod, bovid, но exvehito. exferto, cedito, dolo. malo; то же с дифтонгами: nesei, seiquis, Iovei и Iove, deina и dinai; dinai, moltai, но cedito, cedre. n редуцируется перед s: scies. Аналогичные колебания встречаются и в другом экземпляре той же надписи, подлинность которого, впрочем, оспаривалась; см. «Notizie degli scavi di antichità», т. 13. 1937, стр. 28—31.

1. honce: § 115. loucom: Нидерман, § 33 (ср. оск. lúvkei = in luco).

4. louci: род. п.

5. cedito: диалектная форма с редукцией ai > e, как в умбрском; ср. умбр. Kvestur, оск. Kvaisstur, лат. quaestor.

6. nesei: nīsi.

8. deina < *deivīna, как sīs < sī vīs.

9. cedre: caedere; синкопа -ě- или пример силлабического письма, где d = de.

11. violasit: § 240. bovid: § 49.

12. piaculum < *piā-tlo-m; *-tlo- (*-tro) — суффикс, обозначающий орудие и отличный от уменьшительного суффикса *-co-lo- > *-culu-. Развитие гласного внутри группы «смычный + l» (так называемый anaptyxis), *-clo- > *-culu-, сделало эти суффиксы омонимичными.

16. a(sses).

17. moltai: multae; сохранение ð перед -lt- может быть диалектным; в умбрском ð перед l + согласный не переходило в ð.

19. dicator[ei]: имя, производное от dicāre и обозначающее, очевидно, носителя какой-то магистратуры или сакральной должности.

№ 18.

¹ Iunone rec. | ² matrona | ³ Pisaurese | ⁴ dono dedrot.

CIL, I², 378; XI, 6300.

1. rec.: reginae.

2. matrona: вероятно диалектный им. п. мн. ч. на -as (§ 19) с отпадением конечного -s, как и в Pisaurese; однако эта форма могла

бы произойти и из им. п. мн. ч. на -i, *matronāi*, с отпадением -i в дифтонге, первый элемент которого долог.

3. *Pisaurese: Pisaurenses* с редукцией п в -ns-.

4. *dono dedrot: donum dedērunt* (ср. § 301); возможно влияние умбрского, где в окончании 3 л. мн. ч. перфекта -ns п нередко выпадает.

№ 19.

¹ *Matre* | ² *Matuta* | ³ *dono dedro* | ⁴ *matrona* | ⁵ *M. Curia* | ⁶ *Pola Livia* | ⁷ *deda*.

CIL, I², 379; XI, 6301.

Строки 5—7 были прибавлены впоследствии.

1—2. *Matre Matūta*: дат. п. *Māter Mātūta* — древнеиталийское божество, в частности богиня родов, отождествлявшаяся с Авророй (ср. *mātūrus, mātūtinus*).

3. *dedro*: § 301.

4. *matrona*: см. предыдущую надпись.

5. *M(ania)*.

7. *deda*: вероятно умбрицизм, настоящее время от корня *do* с удвоенной основой; конечное -nt отпало, как в *dedro*.

НАДПИСИ ИЗ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

ЗАКОН О СВЯЩЕННОЙ РОЩЕ

№ 20.

¹ *In hoc loucarid stircus* | ² *ne [qu]is fundatid neve cadaver* | ³ *proiecitad neve parentatid.* | ⁴ *sei quis arvorsu hac faxit, [in] ium* | ⁵ *quis volet pro ioudicatod n. [L]* | ⁶ *manum iniect[i]o estod. seive* | ⁷ *mac[i]steratus volet moltare, |⁸ [li]cetod.*

CIL, I², 401; IX, 782.

Надпись из Луцерии (в Апулии), опубликованная в 1861 г. Памятник утрачен, и степень точности публикации неизвестна.

Содержит много оскских диалектных особенностей, к числу которых относятся: строгое сохранение дифтонгов и конечного -d, переход е в i перед гласным (*ium*), -erc->-irc- (*stircus*), развитие е внутри групп согласных (*macisteratus*). Диалектный характер имеет и форма аг- префикса *ad-*: *arvorsu* (Нидерман, § 43).

1. *loucarid*: отлож. п. от основы на -i, *loucarī > *lūcar*. Это слово употреблено здесь как синоним *lūcus*; по латыни *lucar* «appellatur aes quod ex lucis captatur» (P. F., 106 L.). *stircus*: ср. в Пренесте *Mircurios* (CIL, I², 553), в Фирме Пиценском *Mircurio* (CIL, IX, 5350), оскск. *amiricatud* «immercato».

2—3. *fundatid, proiecitad, parentatid*: оскские диалектизмы, формы сослагательного наклонения перфекта, образованные от латинских слов по типу оскских перфектов на -tt- (ср. оск. *trībarakatins* «aedificaverint»).

4. *arvorsu hac: adversum hāc*, где *hāc* — отлож. п. ж. р., а *arvorsu* — наречие; ср. *posthāc, praeterhāc, praetereā, proptereā. ium*: ср. оск. *ionc* «eum».

5. *n(immum)*.

6. manus: вин. п. в зависимости от iniectio; в архаической латыни отглагольные существительные на -tio сохраняют иногда глагольное управление, например Плавт (Амп., 519): quid tibi hanc curatiost rem? С помощью процедуры manus iniectio (наложения руки) кредитор получал власть над личностью неисправного должника; право «наложения руки» предоставляется здесь каждому pro iudicato, на правах взыскания присужденной судом суммы, т. е. в действительности без судебного приговора.

№ 21.

a) N. Pumidius Q. f.	M. Raecius Q. [f.]
M. Cottius M. f.	N. Arrius M. f.
M. Eppilius M. f.	L. [H]eioleius P. f.
C. Antracius C. f.	C. Tuccius C. f.
L. Sempronius L. f.	Q. Vibius M. f.
P. Cicereius C. f.	M. Valerius L. f.

b) Heisce magistreis Venerus Ioviae murum | aedificandum coiraverunt ped. CCLXX et | loidos fecerunt Ser. Sulpicio M. Aurelio co[s].

CIL, I², 675.

Надпись из Капуи 108 г. до н. э.

Обращают на себя внимание формы им. п. мн. ч. на -eis (§§ 33, прим., и 117), род. п. на -us (§ 46), дифтонги в loidos, coiravere (архаистическое написание или оскицизм?).

ДЕКРЕТ ЭМИЛИЯ ПАВЛА

№ 22.

¹ L. Aimilius L. f. inpeirator decreivit | ² utei quei Hastensium servei | ³ in turri Lascutana habitarent | ⁴ leiberei essent. agrum oppidumqu. | ⁵ quod ea tempestate posedisent, | ⁶ item possidere habe-reque | ⁷ iousit, dum poplus senatusque | ⁸ Romanus vellet. act. in ca-streis | ⁹ a. d. XII k. Febr.

CIL, I², 614; II, 5041.

Бронзовая плита, найденная в 1866 г. около Кадикса (древний Гадес) в Испании; в настоящее время в Лувре.

Декрет относится к 189 г. до н. э.; см. Тит Ливий, XXXVI, 2; XXXVII, 57; Плутарх в жизнеописании Эмилия Павла, гл. 4.

Дифтонги повсюду сохранены и даже вставлены без нужды в inpeirator (вместо ě) и decreivit (вместо ē), что было вызвано, вероятно, закрытым тембром, который имеет долгое ē и краткое ě в положении перед г. С другой стороны, -ōs, -ōm всюду заменены на -ūs, -ūm, и отпавшее конечное -d больше не отмечается. Это первый текст с удвоением согласных (Hinnad в надписи CIL, I², 608, вероятно грецизм), хотя и не вполне последовательно проведенным. Введение удвоения согласных приписывается Эннию (Фест, 374 L), но окончательно привилось оно лишь в конце II в. до н. э.

2. utei (> ūtī) < ūtā + i (указательная частица), ср. архаич. aliūtā «иначе». Hastensium: жители Hasta Regia, к северу от Гадеса.
 7. iousit: § 280. poplus: синкопированная форма.
 8. act(a).

ПОСЛАНИЕ КОНСУЛОВ С ИЗВЕЩЕНИЕМ О РЕШЕНИИ
 СЕНАТА ПО ВОПРОСУ О СВЯТИЛИЩАХ ВАКХА
 (SENATUSCONSULTUM DE BACANALIBUS)

№ 23.

¹ [Q] Marcius L. f., S. Postumius L. f. cos. senatum consoluerunt n. Octob. apud aedem | ² Duelonai. sc. arf. M. Claudii M. f., L. Valerii P. f., Q. Minucii C. f.

De Bacanalibus quei foederatei | ³ esent, ita exdeicendum censuere:

«Nei quis eorum [B]acanal habuisse velet. sei quis | ⁴ esent, quei sibi deicerent necesus esse Bacanal habere, eis utei ad pr. urbanum | ⁵ Romam venirent deque eis rebus, ubei eorum ver[b]a audita esent, utei senatus | ⁶ noster decerneret, dum ne minus senator[i]bus C adesent [quom e]a res cosoleretur. | ⁷ Bacas vir nequis adiesse velet ceivis Romanus neve nomen Latini neve socium | ⁸ quisquam, nisei pr. urbanum adiesent isque [d]e senatuos sententiad, dum ne | ⁹ minus senatoribus C adesent quom ea res cosoleretur, iousissent. ce[n]suere. |

¹⁰ Sacerdos ne quis vir eset. magister neque vir neque mulier quisquam eset, | ¹¹ neve pecuniam quisquam eorum comoine[m h]abuisse ve[l]et, neve magistratum, | ¹² neve pro magistratu[d] neque virum [neque mul]ierem qui[s]quam fecisse velet, | ¹³ neve post hac inter sed conioura[se nev]e comvovisse neve conspondisse, | ¹⁴ neve compromississe velet, neve quisquam fidem inter sed dedisse velet. | ¹⁵ sacra in [o]quolotod ne quisquam fecisse velet, neve in poplicod neve in | ¹⁶ preivatod neve extrad urbem sacra quisquam fecisse velet, nisei | ¹⁷ pr. urbanum adieset, isque de senatuos sententiad, dum ne minus | ¹⁸ senatoribus C adesent quom ea res cosoleretur, iousissent. censuere. |

¹⁹ Homines plous V oinvorsei virei atque mulieres sacra ne quisquam | ²⁰ fecisse velet, neve inter ibei virei plous duobus mulieribus plous tribus | ²¹ arfuisse velent, nisei de pr. urbani senatuosque sententiad, utei suprad | ²² scriptum est».

Haice utei in coventionid exdeicatis ne minus trinum | ²³ nundinum, senatuosque sententiam utei scientes esetis, eorum | ²⁴ sententia ita fuit: sei quis esent, quei arvorum ead fecissent quam suprad | ²⁵ scriptum est, eis rem capitalem faciendam censuere; atque utei | ²⁶ hoc in tabulam ahenam inceideretis, ita senatus aiquom censuit, | ²⁷ utei que eam figier ioubeatis, ubei facilumed gnoscier potisit; atque | ²⁸ utei ea Bacanalia, sei qua sunt, extrad quam sei quid ibei sacri est, | ²⁹ ita utei suprad scriptum est, in diebus X quibus vobis tabelai datai | ³⁰ erunt, faciatis utei dismota sient. In agro Teurano.

К тексту надписи. На камне читается: стр. 3 — sacanal; стр. 5 — utra; стр. 6 — senatoribus; стр. 12 — magistratuo; quiquam; стр. 15 — dquolotod; стр. 30 — последние слова in agro Teurano добавлены другой рукой; они не входили в текст послания консулов.

Бронзовая плита, найденная в 1640 г. в Бруттии, вероятно на территории *ager Teuranus*, указанного в заключительной приписке, хранится в Венском музее.

В 186 г. по инициативе консула Постумия были подвергнуты гонению ассоциации, справлявшие орфические мистерии («вакханалии»). Наш главный и почти единственный источник — Тит Ливий (XXXIX, 8—18) — рисует «вакхические» сообщества весьма мрачными красками, приписывая им грубый разврат и всевозможные преступления. Все это могло служить официальным предлогом для преследований; однако в действительности причиной этих преследований были орфические ассоциации, казавшиеся опасными как форма организации масс, которая могла принять политический характер.

Наша надпись представляет собой экземпляр циркулярного послания консулов, в котором от имени сената предлагается италийским общинам издавать эдикты против «святилищ Вакха». Самый культ не уничтожается — римское государство всегда избегало конфликта с божественными силами, — но обставляется рядом ограничений, запрещающих культовые сообщества. Для осуществления этого эдикта пришлось прибегнуть к вооруженной силе.

Хотя надпись и искажена несколько ошибками резчика в *ager Teuranus*, однако она является отличным документом официального языка Рима в 186 г. до н. э., с его архаистическими тенденциями и наличием диалектизмов.

Дифтонги воспроизводятся с большой точностью (за исключением, возможно, *сопротесисе* в стр. 14, если долгое *ī* в основе перфекта *mī-* действительно восходит к *ei*); *ei* и *ī* не смешиваются; наблюдается колебание между *ae* (*aedem*, стр. 1) и *ai* (*aiquom*, стр. 26). Древнее *ō* сохраняется в срединном слоге (*consoluerunt* и т. п.), но в конечном слоге мы находим уже *ū*: им. п. ед. ч. второго склонения *-us*, 3 л. мн. ч. *-unt*. Сохраняется *ū* и в срединном открытом слоге: *caputalem* (стр. 25), *facilumed* (стр. 27). Своеобразно, что после *i* другое *i* дифференцируется и становится *e*: *adiese* (стр. 7), *adiesent* (стр. 8).

В отличие от декрета Эмилия Павла (№ 22), составленного на три года раньше, согласные не удваиваются. Греческая придыхательная *χ* передается смычной *s* (Нидерман, § 40): *Vasanalibus* и т. д. Конечное *-d* сохраняется, что является архаизмом: заключительная приписка *in agro Teurano*, не входящая в официальный текст, правильнее отражает произношение своего времени. Архаистично и начальное *di-* в *Duelonai* (стр. 2); см. Нидерман, § 92. Гиперархаизмом является *-qu-* в *oquoltod* «*occulto*», где корень селникогда не имел лабиовелярной; оно возникло на основе таких написаний, как *quom*, в то время как произносилось *sum*.

Группа *-ns-* то сохраняется, то редуцируется в *s*. Группа *-sm-* сохраняется: *dismota* (стр. 30). В приставке *com-* *m* сохраняется перед зубно-губным щелевым *u* (*v*): *comuovise* (стр. 13); в остальных случаях оно переходит в *n*, даже перед *p*: *сопротесисе* (стр. 20).

К диалектизмам относятся: *ar-* вместо *ad-* (стр. 2, 21, 24), ср. № 20, стр. 4; формы род. п. ед. ч. *nominus* (стр. 7; см. § 46), *senatuos*

(стр. 8, 17, 21, 23; см. § 88); последняя форма является вдвойне диалектной — и по флексии и по вокализму окончания.

2. Duelonai: Bellonae. sc(ribundo) arf(uerunt). Claudi — Valeri — Minuci являются, вероятно, не формами им. п. на -i(s) (§ 26, п. б), а сокращенными написаниями обычных имен Claudius и т. д. foidegatei: производное от *foidos>foedus, родственного fīdo<feido; нулевая ступень дифтонга в fidēs.

2—3. Сенаторы постановили, что союзным общинам (eeis) quei foidegatei esent надлежит издать нижеследующий эдикт.

3. Nei: ne+ī (указательная частица)>nī. habuise velet: в конструкции velle и polle с инфинитивом перфекта, особенно частой в запретах, выступает видовое значение этого инфинитива: действие запрещается во всем своем охвате (ср. тип ne feceris). Впоследствии употребление этой конструкции расширяется. ques—quei: неопределенное местоимение и относительное, см. § 139.

4. necessus: ne-*cessus (от cēdo) «нет выхода, необходимо» образовало единое несклоняемое целое, от которого создалось прилагательное на -us, -a, -um, откуда necessum; таким же путем от основы на -i-*cessis были образованы necessis и прилагательное necessis, -e. Necessus встречается, например, у Теренция (Eun., 998; Haut., 360). eeis: им. п. мн. ч. (§ 126). utei: см. предыдущую надпись.

7. Vacas: Vacchas «вакханок». socium: род. п. мн. ч. (§ 36).

9. iousisent: множественное число, здесь и в стр. 18, является, вероятно, не ошибкой резчика, как это иногда считают, а «согласованием по смыслу»: субъект — претор с сенатом. Об -ou- см. § 283.

10. magister: глава культовой коллегии. quisquam: в архаическом языке quis и сложные с ним не имели отдельных форм мужского и женского рода.

11. comoine[m]: Нидерман, § 31.

15. poplicod: от poplus. Publicus, вероятно, результат скрещения с rūbes.

16. exstrad: по происхождению аблативная форма, как и suprad (стр. 21); о -xs- см. № 7, стр. 2.

19. plous: § 102. oinvorsei: *oinvorsei, где написание двух и(v) избегается, впоследствии ūiversi. Homines ... viri ... ne quisquam ... velet: анаколупф.

20. inter: наречие, ibei — по происхождению местн. п. от is mulieribus: вместо mulieres под влиянием tribus.

22. haice: § 117. coventionid: § 49; coventio>contio.

22—23. trinum poundinum: род п. (§ 36), зависящий от coventionid; noundinum (<*novendinom>nundinum).

27. ioubeatis: § 283. facilumed: ср. § 31 о rected. gnoscier: начальное gn->n-; ср. гр. γι-γνώ-σκ-ω. potisit: potissit, possit (§ 253).

29. tabelai: tabellae, вощенные дощечки с письмом консулов.

30. sient: § 252, п. г.

ПОСЛАНИЕ ПРЕТОРА Л. КОРНЕЛИЯ К ТИБУРТИНЦАМ

№ 24.

¹ L. Cornelius Cn. f. pr. sen. cons. a. d. III nonas Maias sub aede Kastorus. | ² scr. adf. A. Manlius A. f. Sex. Iulius... L. Postumius S. f. | ³ Quod Teiburtes v. f. quibusque de rebus vos purgavistis, ea senatus |

⁴ animum advortit ita ut ei aequom fuit, nosque ea ita audiveramus |
⁵ ut vos dehisistis vobis nuntiata esse. ea nos animum nostrum | ⁶ non
indoucebamus ita facta esse, propterea quod scibamus, | ⁷ ea vos merito
nostro facere non potuisse, neque vos dignos esse | ⁸ quei ea faceretis,
neque id vobis neque rei poplicae vestrae | ⁹ otile esse facere. et
postquam vestra verba senatus audivit, | ¹⁰ tanto magis animum no-
strum inducimus, ita ut ei ante | ¹¹ arbitrabamur de eis rebus af
vobis peccatum non esse. | ¹² quonque de eis rebus senatui purgati
estis, credimus, vosque | ¹³ animum vestrum inducere oportet, item
vos populo | ¹⁴ Romano purgatos fore.

CIL, I², 586; XIV, 3584.

Бронзовая плита, найденная в XVI в. в Тибуре (современное Тиволи) и затем утраченная. Претор Л. Корнелий, вероятно тот самый, который был консулом 156 г. до н. э.; причины, вызвавшие письмо, неизвестны.

Сокращения: 1 pr(aetor) sen(atum) cons(uluit) a(nte) d(icem)
2 scr(ibendo) adf(uerunt)
3 v(erba) f(ecistis)

Конечного -d больше нет; согласные удваиваются; дифтонги сохраняются, но в стр. 7 имеем purgati; вместо ai всюду ae.

1. Kastorus: Castoris (§ 46). Буква k сохраняется перед a.

5. dehisistis: ср. № 7, стр. 2. animum: in animum; после глагола, сложного с in, предлог не повторяется; то же в стр. 10 и 13.

8. poplicae: см. предыдущую надпись, стр. 15.

11. eis: § 128. af: дублет предлога ab, вероятно диалектный.

12. quonque: cumque. senatui: дат. п. «в глазах сената».

ПОСВЯТИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ ВЕРТУЛЕЕВ

№ 25.

¹ M. P. Vertuleicis C. f. |

² Quod re sua diffeidens asper | afflicta

³ parens timens | heic vovit, voto hoc | solut[o]

⁴ [de]cuma facta | poloucta leibereis lube tes

⁵ donu danunt | Herculei maxsume | merito.

⁶ semol te | orant, se [v]oti crebro | condemnes.

CIL, I¹, 1175; X, 5708.

Надпись середины II в. до н. э. в сатурновых стихах, найденная на развалинах храма Геркулеса около Соры. Стихи отделены интервалами. Речь идет о том, что братья Вертулеи принесли Геркулесу, согласно обету, «десятину», десятую часть (decuma) своего имущества. Это называлось decumam pollucere.

1. Vertuleicis: им. п. мн. ч. (§ 33, прим.) — братья Марк и Публий; то же в слове leibereis (стр. 4).

2. diffeidens: diffidens сочетается с отложительным падежом по аналогии с fido, confido. Относительно дифтонга см. № 23, стр. 2. asper: «в мрачном состоянии духа»; есть, однако, предложение читать asper[e] и относить к afflicta. afflicta: afflicta. В этом слове дифтонга не было; ei=ī.

3. heic: местн. п. «здесь, у этого алтаря».

4. [de]suma facta poloucta: бессоюзие; десятина была собрана (facta) и принесена в дар (pollucta). lubetes: lubentes; п могло быть утрачено под влиянием им. п. ед. ч. lube(n)s.

5. danunt: § 199.

6. semol: simul. Возможно, что similis <*semilis (е ассимилировалось с последующим i), а similis повлекло за собой simul. |vo|ti condemnare: «приговаривать к исполнению обета», т. е. удовлетворить ту просьбу, которой обусловлен обет.

ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ МУММИЯ

№ 26.

¹ L. Mummi L. f. cos.

² Duct(u) | auspicio imperioque | eius Achaia capt(a).

³ Corinto | delete Romam redieit | triumphans.

⁴ ob hasce | res bene gestas quod | in bello voverat |

⁵ hanc aedem et signu | Herculis Victoris |

⁶ imperator dedicat.

CIL, I², 626.

Надпись на травертиновой плите, найденной в 1786 г. в Риме на горе Целии, хранится в Ватиканском музее.

Л. Муммий, завоеватель Коринфа, был консулом 146 г. до н. э. и справлял свой триумф в 145 г. По этому случаю он воздвигает, согласно обету, данному во время войны, храм и статую Геркулесу Победителю. Надпись составлена в сатурновых стихах.

Возможно, что наш памятник представляет собою позднейшее воспроизведение первоначальной надписи, так как обозначение греческих придыхательных (Achaia, triumphans, хотя, с другой стороны, Corinto) для середины II в. еще необычно.

1. Mummi, ср. № 23, стр. 2.

3. Corinto delete: род имени Corinthus иногда колеблется также и в греческом языке. redieit: § 300, п. в.

4. res bene gestas — специально о военных подвигах.

№ 27.

¹ Sancte

² De decuma, Victor, tibi Lucius Mumius donum

³ moribus antiqueis pro usura hoc dare sese

⁴ visum animo suo perfecit, tua pace rogans te

⁵ cogendei dissolvendei tu ut facilia faxseis,

⁶ perficias decumam ut faciat verae rationis,

⁷ proque hoc atque alieis donis des digna merenti.

К тексту: в стр. 2 Mumius является поправкой издателей, вместо Munius.

CIL, I², 632; IX, 4672.

Другая посвятельная надпись того же Муммия Геркулесу Победителю, но уже в дактилических гекзаметрах. Надпись была найдена в Реате и списана Помпонием Летом (XV в.); в настоящее время утрачена.

2. tibi: ~ ~ по закону ямбического сокращения (Нидерман, § 24, п. 4). Lucius: конечное -s в отношении просодии игнорируется (Нидерман, § 47).

3. Вместо pro usura предлагают читать promiserat.

4. suo и tua — односложны (svo, tva). tua расе: «с твоего разрешения».

5. «Чтобы ты сделал легким дело сбора и уплаты». cogendei dissolvendei: род. п. герундия; ei, как и в faxseis, обозначает лишь долготу ī. faciīā: в этой стопе либо допущено распушение долготы повышения, либо это слово надлежит произносить с синкопой: faciā.

6. decumam verae rationis: «правильно сосчитанную десятину».

МИЛЬНЫЙ СТОЛБ ПОПИЛИЯ

№ 28.

¹ Viam feci ab Regio ad Capuam et | ² in ea via ponteis omnes miliarios | ³ tabelariosque posevei: hinc sunt | ⁴ Nouceriam miliaria LI Capuam XXCIII | ⁵ Muranum LXXIII Cosentiam CXXIII | ⁶ Valentiam CLXXX [.jad fretum ad | ⁷ statu m CXXXXI [.] Regium CCXXXVII. | ⁸ suma af Capua Regium CCCXXI [.]. | ⁹ et eidem praeter in | ¹⁰ Sicilia fugiteivos Italicorum | ¹¹ conquaesivei redideique | ¹² homines DCCCCXVII. eidemque | ¹³ primus feci, ut de agro poplico | ¹⁴ aratoribus cederent paastores. | ¹⁵ forum aedisque poplicas heic feci.

CIL, I², 638; X, 6950.

Мильный столб, найденный в Лукании, около Поллы. Он был поставлен на Попилиевом форуме Публием Попилием, консулом 132 г. Попилий в свое время участвовал в подавлении сицилийского восстания рабов, затем сурово преследовал сторонников Тиберия Гракха. В 123 г. Гай Гракх добился его изгнания, но после гибели Гая Гракха Попилий был возвращен в Рим.

ei обозначает лишь долготу ī; вин. п. согласных основ на -es противостоит вин. п. на -eis (= -īs) от основ на -i. Согласные не удваиваются; долгота гласного однажды отмечена удвоением буквы, как этого требовал Акций: paastores (стр. 14); греческое придыхание не отмечается: Regio (стр. 1), Regium (стр. 8).

3. posevei: posivī (§ 293, п. а).

8. suma: «итого». af: см. № 24, стр. 11.

9. eidem: īdem.

11. conquaesivei: группа aeī, встречающаяся в памятниках II в. до н. э., свидетельствует о промежуточном произношении между ai и ae.

НАДПИСЬ В ЧЕСТЬ БЕТИЛИЕНА ВАРА

№ 29.

¹ L. Betilienus L. f. Vaarus | ² haec quae infera scripta | ³ sont de senatu sententia | ⁴ facienda coiravit: semitas | ⁵ in oppido omnis, porticum qua | ⁶ in arcem eitur, campum ubei | ⁷ ludunt, horolo-

gium, macelum, |⁸ basilicam calecandam, seedes, |⁹ [l]acum bali-
nearium, lacum ad |¹⁰ [p]ortam, aquam in opidum adqu. |¹¹ arduom
pedes CCCXL, fornicesq. |¹² fecit, fistulas soledas fecit. |¹³ ob hasce
res censorem fecere bis, |¹⁴ senatus filio stipendia mereta |¹⁵ ese
iousit, populusque statuam |¹⁶ donavit Censorino.

К тексту: на камне в стр. 10 adou.

CIL, I¹, 1166; X, 5807.

Надпись из Алетрии, составлена между 130 и 90 гг. до н. э.
О Vaarus, seedes см. предыдущую надпись; вместо i находим ё:
soledas, mereta, calecandam.

2. infera: infra; вероятно, по аналогии с inferi.

3. senatu: род. п. с опущением конечного -s перед -s сле-
дующего слова.

6. eitur: ei=ī.

7. ludunt: не *loidont, но coiravit (стр. 4).

8. calecandam: calcandam (anaptyxis), ср. Festus, 51 L: calica-
tis—calce politis.

10—11. adqu(e) arduom: ad arcem «вверх»

14—15. «Сыну была зачтена военная служба», т. е. он был от
нее освобожден.

16. Censorino: почетное наименование лица, дважды избран-
ного цензором (см. Плутарх, Жизнеописание Кориолана, 1;
Валерий Максим, IV, 1, 3).

ИЗ НАДПИСИ НА РОСТРАЛЬНОЙ КОЛОННЕ

№ 30.

¹ ... Secest]ano[sque... op |² sidione]d exemet Iecione]s-
que Cartaciniensis omnis |³ ma]ximosque macistr[a]tos l[uci palam
post dies |⁴ n]ovem castreis exfociont, Macel[amque opidom |⁵ p]uc-
nandod cepet. enque eodem mac[istrat]ud bene |⁶ r]em navebos marid
consol primos c[eset copiasque |⁷ c]lasesque navales primos ornavet
p[ra]ravetque] |⁸ cumque eis navebos claseis Poenicas omn[is, item
ma |⁹ x]umas copias Cartaciniensis praesente[d Hanibaled] |¹⁰ dic-
tatore d[ol]orom in altod marid pucn[andod vicet |¹¹ v]i]que nave-
[is cepe]t cum sociis sept[esm]om I, quin |¹² queresm]osque tri-
resmosque naveis X[XX, merset XIII], |¹³ auro]m captom: numei
ΘΘΘDCIO[...]

...pri¹⁷ mos qu]oque navaled praedad poplom [donavet pri |
¹³ mosque] Cartacini[ens]is |ince]nuos d[uxet in |¹⁹ triumphod].

К тексту, стр. 6: navebos исправлено на камне из navebus.

CIL, I², 25; VI, 1300; add. p. 3136, n. 31591.

Мраморная колонна, найденная в Риме в 1565 г. и хранящаяся
в Palazzo dei Conservatori; содержит надпись в честь Дуилия, кон-
сула 260 г. до н. э., по случаю морской победы над карфагенянами
(см. Плиний, Hist. Nat., XXXIV, 5, 20; Квинтилиан, I, 7, 42; Си-
лий, VI, 663; Сервий к Георгикам, III, 29). Колонна, известная

под именем *Columna Rostrata* (украшенная носами взятых кораблей), была реставрирована в первые времена империи, причем надпись на ней была обновлена в архаизирующем стиле.

Написания мало последовательны и в ряде случаев лжеархаистичны; так, формы *exfociont* (= *effugiunt*) никогда не существовало; написания *[c]lasesque navales* (= *classisquae navalis* с *-is* < *ins*) и *claseis* (= *classis*) в III в. до н. э. были невозможны; лжеархаизмами являются *navaled* (закономерно было бы **navaled*) и *dictatored*. Редакторы систематически заменяли *i* на *o*, *i* на *e* и *k* каждой аблативной форме прибавляли *-d*. Между тем другие формы имеют здесь уже более поздний характер: всюду встречается дифтонг *ae*, а не *ai*, как следовало бы ожидать в памятнике середины III в. Некоторые особенности древних текстов воспроизведены правильно: написание *s* для звонкого *g*, отсутствие удвоения согласных, сохранение группы *-sm-*.

О событиях, упомянутых в стр. 4, см. Полибий, I, 24; Зонара, VIII, 11, 10; Тацит, *Ann.*, II, 49; *Fasti Capitolini*: «*C. Duilius M. f. M. n. cos. primus navalem de Siculeis et classe Poenica egit anno CDXCIII k. intercal*». К стр. 12 см. Полибий, I, 23; Зонара, VIII, 11; Оросий, IV, 7; Эвтропий, II, 20.

УКАЗАТЕЛЬ

(цифры указывают на параграфы)

- abdo 203   A
abdoucit 189
abfuat 239
abiis, -ētis 8, 45
abliguribam 236
abnueo 221
abortio 225
abscidi 273
abscondidi 275
absconsus 313
absens 248
absorbo 221
absorpsi 288
abstineri 165
abstulas 239
accendi 277
accepso 237
accestis 300, 301
Accherunti 10
accibant 236
accidi 270
accipiem 235
accitus 221, 308
accreduas 239
acer, acris 66, 68
acerrimus 99
Achilles 79
acinus, -na 2
āctus 311
acuo 206
adactus 311
adaxim 240
addo 203
adduit 240
adduxerit 305
Adelphoe 33, 39
ademi 282
adgrediri 224
adipiscor 198
adjuero 295
adnuerunt 301
adnūit 295
adoriri, adoritur 224
adulescentum 76
advenat 239
addis 71
Aeneadum 23
Aeneas 23
aequo 215
aes 62
aestuo 215
aestus, -i 88
aevus 2
afleicta 285
Afrani 29
ager 26
agito 213
aggredibor 236
agnitus 308
ago 192
agreis 37
agrestis, -um 77
agricolum 21
Agrigentum 79
Aimilius 26
aio 223
Albai 16
albeo 220
albo 215
Alcmene 23
Alcumena 23
aliques 139
aliqui, -quis 134, 142
aliquī, отлож. п., 138
aliquot 172
alis, -id 26, 132
alius, -a, -ud, склон., 132

alnus 24
 alo 191
 alsī 285
 alter, -rae, dat. п., 93, 132, 160
 alteruter 132
 altissimus 99
 altus, alitus 310
 alui 294
 alumnus 248
 alvus 24
 ama(t) 172
 amantum 76
 amarunt 301
 amasco 198
 amasso 237
 amatores, вин. п., 71
 amatus 310
 amavi 292
 ambabus 22
 ambibat 236
 ambo 3, 155
 ambulareis 305
 amicibor 236
 amicibus 37
 amicio, -cui 223, 294
 amixi 282
 amni, -e 69
 amoveam, будуц. вр., 235
 amphora 79
 amplexu, dat. п., 88
 amplexus 312
 amussim 68
 anceps 45
 Androgeo 39
 aneo 220
 ango 201
 anguimanus 81
 animal, -ale 67
 animantum 76
 Anio, -en 8
 anneis 37
 anser 55
 antiquior, -issimus 101
 anuis 88
 anxī 284
 aperibat, -bo 236
 aperio 223
 apertus 309, 310
 aperui 294
 apiscor 198
 Apollo 60
 Apolones 46, 60
 appello, -as 214
 apsentum 76
 aptus 309
 apum 72
 aput 172
 aquai, dat. п. (?), 17
 aquilā 13
 arāt 229
 arbos, -oris 8, 61, 63
 arcesso, -ivi 205, 292
 arcubus 87
 ardeo, ardo 220, 221
 arduius 101
 arefacio 231
 arguo 206
 aries 45
 armiger 26
 aro 210
 Arpinas 142
 ars 74
 arsi 287
 artifex 77
 artubus 87
 arui 293
 arx 74
 ascendidi 275
 asinabus 22
 aspectus, -i 88
 aspernor 199, 214
 atrocissimus 99
 attigas 239
 attigi 270
 attigo 239
 attinge 235
 attulat 239
 auceps 46
 audeo, ausus 307
 audibam, -bo 236
 audierit 296
 audio 223
 auditus 310
 audivi 292
 augeāt 238
 augeo 219
 augur 55
 aureum, род. п. мн. ч., 36
 ausim 240
 auspex 46, 59
 auspiciis 37
 austerus 26
 avi, -e 69
 axim 240

B

baeto 195
 barbarum 36
 barrio 225
 battuo 206
 baubor 215
 beneficissimo 100
 biber 247
 bibi 281
 bibitus 310
 bibo 196, 268
 bicorpor 62
 bilbio 225
 bini 162
 binum 36
 bipes 77
 bis 162
 blandior 225
 bombio 225
 bonaes 16
 bos, склон., 78
 bovid 49
 brevio 215
 Brundisii 30
 bubulcio 225
 bullio 225
 bullo 225
 -buo 195
 burim 68
 bus 78

C

cadere 221
 cado 192
 Caecilis 26
 caeco 215
 caedo 194
 caeles 77
 caelestis, -um 77
 caelus 2
 caementum, -ta 2
 Caesar 55
 calcar 67
 calefac 243
 calesco 198
 calleis 71
 calleo 220
 calo 210
 Calypsonem 79
 candelabrus 2

candeo 218
 cando 201
 cano 192
 cantito 213
 canto 213
 canum 72
 capere 221
 capesso 205
 capio 223
 capso 237
 captus 309
 caput 44
 carbasus, -sa 2
 cardo 60
 careo 218
 carino 212
 caro, -rnis 8; carni, отл. п., 49
 carpo 192
 carro 193
 Carthaginī 10
 casum 313, 318
 casus 311
 cautus 310
 cavi 295
 cavillari 165
 cavitum 310
 cecidi 270
 cecidi 270
 cecini 267, 270
 cecurri 268
 cedo 185
 cedo, cete 258
 ceives, вин. п. 71
 celebros 215
 celer, -erum 66, 77
 celerissimus 99
 -cello 204
 celo 214
 censento 245
 censitus 313
 censui 293
 census 313
 centeni 162
 centum 159
 cepi 280
 cerebellum, -a 2
 Ceres 61, 62, 63
 cerno 199
 certe 31
 certus 314
 cessi 287
 Cestio, дв. ч. (?), 3

cestus, -i 88
cibit 235
cingo 201
cingor 164
cinis 61
cinquaginta 158
cinque 156
cinxi 284
cio, cieo 221, 223
circuitus 319
circumdo 203
citimus 99
citus 221, 308
civi, -e 69
civi 292
civitas 74
clamito 213
clango 201
clanxi 284
clarus 26
classi, -e 69
claudio 203
clausi, -sti 287, 300
clavim 68
clepo 184
clepsi 288
clepsit 237
cleptus 309
Clerumenoe 39
clino 212
cloaca 195
cluo, -eo 195, 218
coaxo 215
coctus 309
coepi 280
coeravit 300
cognitus 308
cognoro 297
colli, -e 69
collus, -um 2
colo 190
colonis (=niis) 22
colos 62
colui 294
colus 24
cometae 23
commemorari 165
comminiscor 198
commonstrasso 237
commorat 297
commoveam, будущ. вр., 235
communibat 236
comoediai 16
compactus 311
compegi 270
compendi 29
comperi 270
comperiri 165
compersi 270, 282
compesco 198
compos 77
compsi 282
compunxi 267, 282
concibat 236
concidi 270
concordi 270
concinui 270
concius 221
concordis 75
concreduo 239
concubitu, дат. п., 88
concupisco 198
concussi 287
condibam 236
condidi 275
conditus 308
condo 203
confice 243
confiteri 165
confluges 195
congregibor 236
congregiri 224
conius 45
conivi, -xi 281, 285
conivo 187
conjectari 165
conjungor 164
conquae sivei 300
conquinisco 200
consanguineum 36
consens 248
consentum 76
consiliis 37
consolari 165
conspicio 223
constabilibus 236
consterno 199, 214
consul 55
consulo 206
consultari 165
consvemus 297
contactus 311
contemno 199
contempsi 290

contigi 270
continui 271
contionari 165
contuor, -tueor 221
contusus 200
conubjo, conub(i)is 37
convenibo 236
conventus 82
coques 33
coquino 215
coquo 190
cor 45
Corneli 27
cornicen 59
cornu 83
cornum 83
cornus 83
corono 215
corpus 63
corrumpor 164
cos 74
cosentiont 228
coventionid 49
coxi 252
cratim 68
cratio 225
credo 203
creduam 239
creduim 240
crepida 79
crepo 211
cresco 198
cretus 314
crevi 292
cribrum 199
crocibat 236
crus 62
cubo 200, 214
cubui, -avi 293
cucumim 68
cucurri 274
cudi 277, 281
cudo 203
cujas, -atis 142
cujus, -a, -um 142
cultus 310
-cumbo 200
cupido, -inis 8
cupio 223
cupis 224
cupivi 292
curassint 237

curo 215
curro 188
curru, dat. n., 88
currum, rod. n., 86
cursi 290
cursus 312
cusi 281
custodes 71
custodibat, -bo 236
custodio 225
cutim 68

D

danunt 199
Dardanidum 23
Dares, -en, -eta, -em 80
Darius, -ie 27
dasi 247
datai 19
datuiri 319
datus 308
davi 267
debil 66
decem 156
decemvirum 36
decimus 160
decretus 308
dede 300
dedecor 62
dederitis 305
dederont, -unt 301
dedet 300
dedi 268, 275
dedimus 301
dedo 203
dedro, dedrot 301
dee 32
deferundo 249
defexit 237
degener 62
deguno 199
deivos 32
delapidassint 237
Delei 5, 30
deleo 217
deleram 297
delibuo 206
demolibor 236
dempsi 282
demutassit 237
denarium 36
deni 162

dens 74
dentire 225
depso 184
depsui 294
descendidi 275
desipio 223
desum, спряж., 253
deterior, -rimus 100
detrectare 283
deus, склон., 32, 36
devas corniscas 22
devoro 297
dexter 98
dextrabus 22
dextumus, -imus 99
Diana, дат. п., 17
Diane 17
dic, dice 243
dice, будущ. вр. (?), 235
dicebo 235
dico, -is 214
dictatored 49
dicto, -ito 213
dictu 318
-didi 275
didici 273
dido 203
diduxerunt 285
dies, склон., 91
diespater 78
difficul 67
diffregeritis 305
diffusi 282, 287
diibus 37
Diovo, -vos 46
diremi 282
discidi 273
disco 198, 269
disjungor 164
disturbat 297
Dite 49
ditior, -issimus 100
dito 215
dius 89
diutius, -tissime 102
dives 26, 77
divido 188
divine 16
divisi 283, 287
divisse 300
divisus 311
divus, склон., 32

dixe 300
dixeritis 305
dixi 282, 285
dixim 240
dixo 237
do, спряж., 209, 258, 267, 269
doceo 219
doctus 310
doleunt 229
dominatu, дат. п., 88
domitus 310
domo 211
domos, род. п., 82
domui, -avi 293
domuis 88
domus, склон., 24, 88
dono, вин. п., 26
dono 215
dormibo 236
dormio 223
dormito 213
dorsus 2
dos 74
dua 155
duabus 22
duas, -at 239
duc, duce 243
ducenī 162
ducenti, -tum 36, 159
duco 189
ductus 308
duenos 26
duim 240
dumtaxat 239
duo, -ae, -o 3, 155
duo, вин. п., 155
duodecim 157
duodeviginti 157
duom 155
duplex 45
dureo 220
duresco 198
dux 44
duxe 300
duxi 285

Е

eae, дат. п., 123
eampse, eumpse, 130
eccillum 110
eccistum 110
ecquis, ж. р., 134

fagus 24
 fallo 204
 falsus 312
 falx 74
 fames 89
 fami 91
 familias, род. п., 16
 famul 26
 far 56
 farcino 212
 farsi 285
 fartus 312
 fas 62
 fastidio 225
 fatigamūs 173
 fatim 68
 fatus 2
 fauces 74
 fautum 310
 favi 295
 favior 310
 faxim 240
 faxo 237
 febrim 68
 febrio 225
 feced 300
 feci 299
 feci 248, 300
 fecid 300
 fefelli 270
 fefellit 314
 fel 56
 femē 57
 feminae 16
 femur 57
 -fendi 281
 -fendo 203
 ferens, -entem 8
 feribam, -bo 236
 ferinunt 199
 ferire 224
 feris, -itīs 256
 fero, спряж., 256
 ferre 247
 ferrem 241
 ferus 26
 ferveo 221
 fervi 295
 fervo 184
 fesceninoe 33
 fetus, -i 88
 thefhaked 269, 300
 fictus 312
 ficus 24
 fidē 92
 fidēi 91
 fidelis 71
 fidere 221
 fidi, род. п., 91
 fidi, 279
 fido, fisus 187, 307
 figarus 178
 figel 26
 figier 247
 figo 187
 filiabus 22
 filibus 37
 filie 27
 filios, им. п., 26
 findo 200
 fineis, -is 71
 fingo 200
 fini, -e 69
 finio 222, 225
 finitimus 99
 finxi 284
 fio, спряж., 223, 260
 fissus 311
 fivo 187
 fixi 285
 fixus 312
 flamen 59
 flecto 202
 flemus, перф., 297
 fleo 217
 fletus, -i 88
 fleverīs 305
 flexi 285
 flexus 312
 fligo 187
 flixi 285
 flo 209
 florire 224
 flos 62
 fluctuo 215
 fluctus, -i 88
 fluctus 312
 fluebunt 235
 fluo, -xi 195, 285
 fluvi 29; fluvii 33
 fluxus 312
 fodere, fodentes 224
 fodi 279
 fodire, -ivi 224

foederatei 33
foied 10, 93
for 209
fore 247
forem 252
fores 50
fortissimus 99
Fortuna, дат. п., 17
Fortunai 17
Fortunas, род. п., 16
Fortune 17
fossus 311
fotus 310
Fourio 26
fovi 295
fractus 311
frango 200
fraus 74
fregi 280
fremo 184
frendo 203
frictus 312
frigo 186, 187
frigui 285
frixi 285
frondeo 220
fructus, -i, -uis 88
frugi, -alior, -alissimus 100
fruinino 246
fruitus, fructus 310
fruniscor 200
fruor 195
fuam 239, 252
fudi 279
fuet 300
fugire 224
fugitus 310
fugo 215
fui, fui 291, 294, 295
fulcio 223
fulgo, -eo 188, 221
fulgur, -us 63
fulgurire 225
fulsi 285
fultus 312
fumo 215
fundo 197, 200
fungor 200
fur 54
furo 188
fusti, -e 69
futim 68

futurus 317
fueit 295, 300

G

Gabi 33
ganeum, -a 2
gannio 225
garrio 225
gaudeo, gavisus 307, 311
*gaudia, 2
gelum, -i 83, 88
gelus 83
gemitus, -i 88
gemo 184
generibus 37
genitor, genetrix 308
genitus, -tum 308, 318
geno 184
genu 83
Genuateis 71
Gentuenses 71
genui 293
genus, -cris 8
gero 184
gesistei 300
gessi 289
gestibat 236
gestio 225
gignentia 248
gigno 268
glacio 215
glandium 74
glis 62
glocio 223
glos 62
glubo 189
gluo 206
Gnaivod 31
gnatus 308
gnoscier 247
gracillimus 99
gradior 223
graduis 88
Grajugenum 21
granum, -a 2
gratiis, gratis 22
gratulari 165
grauia 50
gravis 96
gravo 215
grego 215

grundibat, -bo 236
-gruo 195, 206
grus 78
группѣс 50
gusto 213

Н

habeo 218, 248
habeo с инф., 237
habeo с прич. прош. вр., 302
haber 247
habias, habibas, habiens 224
habito 213
haec, нареч., 108
haec, ж. р. мн. ч., 117
haesi 289
haice 111
halles, -ex 45
hance 111
Harpage 49
has, им. п. мн. ч., 19, 117
hauribant 236
hausi 289
hec 112
Hecuba 23
heis, heisce, им. п. мн. ч., 111
117
hiasco 193
hibus 119
hic, haec, hoc, склон., 111
hic, нареч., 108
hicc, hocc 112
hiccine 111
hicine 111
hiems 59
hinc 108
hio 210
hirquitallio 225
hoc, нареч., 108
hoice 111, 114
hoiusce 111
homines 71
homo, -inis 8, 59, 60
homonem 60
honce 111,
honos, -nor 62, 63
horior 240
horriferum 36
hosticapas 13
hostio 225
huc 108
huius 113

huiusmodi 113
humillimus 99
humus 24
hymnio 225

I

ibi, 108
ibus 128
ici 281
ico 187
idem, склон., 129
ieis, им. п. мн. ч., 126
iens, euntem 8
iens, ientis 248
ignesco 198
igni, -e 69
ii 292
illac, нареч., 108
illae, illo, дат. п., 108
illargibo 236
ille, -a, -ud, склон., 105
illi, род. п., 107
illi, illic, нареч., 108
illic, illaec, illuc 105
illicine 110
illicio 223
illum, illinc 108
illisce, им. п. мн. ч., 109
illo, illoc, нареч., 108
illuc 108
illui 108
illustris 66
im 124
imber, -bri, -bre 66, 69
imbuo 195
imeum 129
impegi 267, 270
imperator 54
impertibant, -bis 236
implicata 310
implicitum 310
implire 224
impulitus 314
imus 99
inauribat 236
incensit 240
incesso 205
incidi 281
incidi 270, 281
incipesso 205
inde 108

indicasso 237
 indo 203
 indulsi 285
 induo, -or 164
 ineptio 225
 infans, -tum 76, 248
 infer, -erus, -erior 26, 98
 inferebis 235
 infimus 99
 ingreditūr 173
 inlicite 224
 innotescere 198
 innoxiiorem 101
 inops 77
 inquam 261
 inritassis 237
 inritat, нареч., 297
 insanibat 236
 insanio 225
 insequo 184
 inserinuntur 199
 inservibat, -bis 236
 insignibas 236
 insilibat 236
 insperatas, им. п. мн. ч., 19
 intellego 170
 intellexem, -es 300, 304
 intellexi 282
 interdixem 300, 304
 interduo, -duim 239, 241
 interior 98
 interpretari 165
 intimus 99
 intonata 310
 intuor, -tueor 221
 invenibit 236
 inveterasco 198
 ipse, -a, -um, склон., 130
 ipsi, род. п., 130
 ipsus 130
 irascor 198
 iri 319
 irrido, -eo 187
 is, ea, id, склон., 120
 Ismarus, -a 2
 istac, нареч., 108
 istae, isto, дат. п., 108
 iste, -a, -ud, склон., 104
 isti, род. п., 107
 isti, istic, нареч., 108
 istic, istaec, istuc 104
 isticine 110

istim, istinc 180
 isto, istoc, нареч., 108
 istuc 108
 iter 57
 itiner 57
 itum 308
 ivi 292

J

jacentes 224
 jaceo 218
 jacio 223
 jacto 213
 jactus 309
 januaris 22
 jeci 280
 jecur 57
 jocinus 57
 jocus, -ca 2
 joubeatis 283
 joudicis, им. п. мн. ч., 50
 jousit 283
 Jovis, им. п., 78
 judex 59
 judiciis 37
 judico 215
 juerint 295
 jugerum 36
 jungo 200
 junior 100
 Junis 22
 Junone 47
 junxi 284
 Juppiter, Jovis, склон., 78
 jure 47
 jus 62
 jāssi, jussi 283
 jussim 240
 jussit 236
 jussus 311
 jutus 310
 juvaturus 317
 juvenum 72
 juvi 295
 juvo 211

L

labo, -as 214
 labor 193
 laboro 215

labos 62
lac, lacte 45
lacertus, -i 2
laccio, -iv 205, 292
lacrimari 1 15
lacteo 220
Ladinei 30
laedo, -si 194, 287
laetitia, ил. п. мн ч., 19
lambo, -bi 200, 281
lampada 79
lapsus 313
Lar, -ris 8, 54, 55
largibar, -bor 236
lascivio 225
Lases 54
lateis 37
Latini 29
Latonas, род. п. ед. ч., 16
latus 308
laudo 215
lautus 310
lavatus 310
lavi 295
lavo 192, 211
lectus 311
legassit 237
legi 279
lego 183
legundis 249
lenibat, -bunt 236
lepos 62
lepus 62
levasso 237
levi 292
levio 215
levo 215
lex 45
-lēxi 285
-lēxi 285
liberasso 237
liberum, -orum 36
libes 248
licessit 240
licetod 244
lien 59
liguribant 236
lingo, -xi 200, 284
lino 199
linquo 200
linter 66
lippio 225

liquet 218
liqui 277, 279
lis 74
litus 308
locassim 240
locus, -ca 2
locutus 310
loidos 189
longai 16
loquor 190
lotus 310
loucarid 10, 69
Loucina, дат. п., 17
Louciom 28
luci 10
luctus, -i 88
ludeis 37
ludibundus 249
ludo 189
luit 295
luo 195
lusi 287
luxi 285
luxurii 91

л

machina 23
Maenalus, -a 2
magis 102
magister 98
magistratuo (-d) 82
magistreis, -res, -is 33
magnai 16
magnanimum 36
magnificior, -issimus 100
Maio 98
major 98
majosibus 98
maledic 243
maledicus, -centior 100
malevolus, -entior 100
malo, спряж., 255
mancipi 29
mandi 281
mando 201
maneo 218
manibiis 22
mano 212
mansi 290
mansus 312
mantare 312
manum, род. п. мн. ч., 86

manus, -ūs 9
 margo 60
 maritimus 99
 mare, marum 42, 67, 69
 Marseis 37
 mas 8, 62
 mascel 26
 matrona, им. п. мн. ч., 19
 maturus 26
 mavolo и т. д. 255
 maxime 101
 maxumus, -imus 99
 med 147
 medii 29
 mediocris 66
 medioxumus 99
 mehe 147
 mel 56
 melior 100
 meliosem, -sibus 98
 memento 166, 276
 meminertimus, -ris 305
 memini, -nens 267, 268, 276
 memor 55, 77
 memoratui 318
 memordi 268, 272
 memoro 215
 mendum, -a 2
 mens 40, 73
 mensum 72
 mensus 311, 313
 mentibitur 236
 mentio 59
 mentior 225
 mergo 184
 Mercuris 26
 mersi 285
 mersus 312
 merito 213, 312
 merus 26
 messui 294
 metibor 236
 meto 184
 metu, дат. п., 88
 metui 295
 metuo 206
 meus, -a, -um 153
 mi 147
 mico 211
 mihe, mihei 149
 mihi, mi 149
 mihipte 152
 miles, milex 45
 mille, milli, milia 159
 milleni 162
 minister 98
 ministris, им. п. мн. ч., 33
 Mino 98
 minor, -imus, 98, 100
 Minucieis, им. п. мн. ч., 33
 minuo 199
 minurio 223
 mis 146
 miscui 293
 miserrimus 99
 misi 287
 missus 308, 312
 misti 300
 mitto 186
 mixtus 310
 mo 153
 modium 36
 molibar 236
 molitus 310
 mollescere 198
 mollibat, -bit 236
 molo 190
 molui 293
 momordi 272
 moneo 219
 Monetas, род. п. ед. ч., 16
 monitus 310
 monstro 215
 mons 74
 montivagum 36
 monui 293
 morai 16
 mordeo 219, 267, 269
 mordere 221, 267, 309
 moribundus 249
 morigerus 26
 morior 224
 moriturus 317
 moror 177
 mors 73
 morsus 309
 mortuus 314
 mos 62
 motus 310
 moveo 212, 245
 movi 295
 muginor 212
 mulsi 285
 mulsus 312

munibat 236
municipis, -iis 37
munificior 100
munio 225
murmuro 215
mus 62, 74
muttire 225

N

nactus 309
nanciscor 200
nascor 198
natio 60
natus 308
nauta 23
navaled 49
navebos 52
navim 68
navio 225
necatus 310
necto 202
negassim 240
nego 215
nemo 60
neo 217
neptim 68
nequeo 259
nequinont 199, 228
nequior 98
nequitur 253
Nerio, -ien 8
nescibat, -bo 236
neunt 229
neuter 132
nevis, nevolt 255
nexi 286
nigreo 220
nihil 26
ninguit 200
ninxit 284
nitito 245
nitor 187
nivit 187
nix 45
no 209
nobilissimus 99
noceo 219
noctu 74
noenu 26
nolo, спряж., 255
noltis 255

nominus 46
nomus 297
non 26
nonus 160
noram 297
norimus 305
norunt 301
nos 144
nosco 198
noster 98, 153
nosti 297
nostras 142
nostre 16
nostrorum 151
notus 308
novem 156
noveni 162
novi 291
Novios Plautios 26
nox 74
noxit 240
nubo 189
nudius 89
nullus, род. п. nulli 132
Numasioi 10, 26, 31
numeratum, род. п. мн. ч., 36
numerus 26
nummum 36
nuncupassit 237
nundinum 36
-nuo 195
nupsi 288
nutribam, -bo 236

O

obdo 203
obdormisco 198
obinunt 199
obliviscebor 235
oboedibo 236
occecurrit 274
occeperis 305
occepso 237
occinui 267, 294
occisit 240
occulo 184, 214
occului 294
occupassit 240
occupo 214
ocior, -issimus 100
octingenti 159

octo 157
octobris 71
octoginta (octa-) 158
octoni 162
odibis 236
odos 62
offendi 277
oino, oinos 28, 155
Oinumama 155
oinvorsei 33
oitile 189
olim 110
olle, ollus 110
olo, -eo 190
oloes 37
omneis 71
omnigenum 36
opere 47
operibat, -bo 236
operio 223
opid 49
opperitus 310
opprim̄r 177
oppugnassere 237
ops 74
opsequito 245
opsonatu 318
optimates 74
optimus 100
optumo 28
opus, opos 62, 63
orbi, -e 69
ordibor 236
ordo 60
orior 224
oriturus 317
oriundus 249
ornatu, дат. п., 88
os, oris 62
os, ossis 64
oscen 59
ostende, будущ. вр., 235
ossua 64
ottobres 156
ovis 71
oxime 99

P

paastores 292
paciscor 198

pacunt 192
pakari 247
pandi 281
pandidi 281
pando 200
pango 200
pannibus 37
pansus 311
panxi 270
par 8, 54, 55
parco 192
parentum 76
paribis 236
paricidas 13
Paridem, -im, -in 80
paries 8, 45
pario 224
pariturus 317
paro, -as 214
pars, -ti 73
parsi 270
parsit 236
partibor 236
partubus 87
parturibam 236
parturio 226
partus, -i, -uis 88
parui 293
passum, род. п. мн. ч., 86
passus 311
pateo 218
pater, -tris 8
patior 223
patiunto 245
patrii 29
patui 293
pauper, -era 26
pauperrimus 99
pavi 292, 295
pavio 224
pavos 62
peccasso 236
pecten 59
pecto 202
pedes 50
pegi 270
pejor, pessimus 100
pelagus 38
pello 204
pelvim 68
Penates 74
pendeo 218, 267

pendi 271
pendo 184, 203
pensus 311
pepedi 268, 271
pependi 271
peperci 270
pepercitus 314
peperi 270
pepigi 267, 270
peposci 268
pepugi 268, 272
pepuli 270, 271, 300
percellus 312
percontarier 247
perculi 277
perculsi 282
percusti 300
perdo 203
perduim 240
peregri 10
peria(t) 172
pernicii 91
perpetuius 101
Perses 23
pervenat 239
pervenibunt 236
pes, pedis 8, 50
pessumdo 203
pessumus, -imus 99
petesso 205
petiei 300
petīt (-iit) 296, 300
petivi 292
peto 184
pexi 286
Pharos, -us 39
pictāi 16
pietissimus 100
piissimus 101
Pilipum, род. п. мн. ч., 36
pilumnōe, poploe 33
pingo 200
pinsibant 236
pinsui 294
pinus 24
pinxi 284
*pira 2
Pisaurese 19
piscatus, -i 88
piscor 215
piso, pinso 187, 200
placeo 218, 214
placo 214
plangebitis 235
plango 200
plantatus 310
planxi 284
plaudo 194, 203
plausi 287
plebes, -bi 89, 91
plebs, pleps 45
plecto 202
pleo 217
pletus 310
plevi 292
plexi 286
plicatus 310
plico 211
ploeres 102
ploirum: 102
plorabundus 249
plorassit 237
plous 102
pluit, plovit 195
plūit 295
plures, -rimus 100
plus 102
Poblicai 17
pocolo 26
pocolom 26
poenibat 236
poēta 23
polibant, -bo 236
polire 224
polluo 195
Pompei 27
pomus 24
ponebāt 232
pono 199
ponteis 71
poplicod 31
poposci 272
populi Romanei 29
populoi Romanoī 31
populus 24, 26
porricio 223
portus 88
posco 198
posedeit, -dit 300
poseivei 292, 300
possum, спряж., 253
posterior 98
posterum 36
posterus 98

postremus 99
 posui, -ivi 293
 pote 253
 poteo, -ere, -ens 247, 253
 potessem 253
 potestur, possitur 253
 potiri 225
 potis 253
 potus 307
 poumilionom 51
 praecoquis 75
 praemorsi 272, 282
 Praeneste 69
 praesagibat 233, 236
 praesens 248
 praestatus 310
 praestavi 267
 praestino 212
 praidad 18
 praifectos 26
 prandi 281
 prandidi 281
 prehendo, -i 200, 281
 preivatod 31
 premo 184
 prensi 290
 pressi 290
 pressus 313
 primus 160
 princeps 44
 prior, cp. p., 98
 prior, primus 99, 100
 priviclioes 37
 probaveit 300
 probaveront 301
 prodinunt 199
 prodo 203
 profaneis 33
 proficiscor 198
 profitemino 246
 progenii 91
 progredimino 246
 progrediri 224
 prohibessit 240
 Prometheus 39
 prompsi 282
 pronuba 189
 prope 99
 propior 98
 prosilibo 236
 prosum, спряж., 253
 protervio 225

proxumus, -imus 99
 prudentissimus 99
 prurio 223
 psalli 281
 pubes, -eris 8, 62, 63
 Publi 27
 pudibundus 249
 puere 27
 pugio 60
 pulcerrimus 99
 pulcrai 16
 pulso 213
 pulsus 312
 pulto 213, 312
 pungo 200
 punio 225
 punxi 284
 puppis, -im 41, 42, 68
 pupugi 267, 274.
 pus 62
 putefacio 231
 putreo 220

Q

quā 134
 quā, нареч., 108
 quadraginti 158
 quadringenti 159
 quadrupes 156
 quadruplex 162
 quaero 194
 quaerundai 249
 quaesendum, род. п. мн. ч., 36
 quaesitus 310
 quaesivi 292
 quaeso 205
 quairatis 194
 quamde 129
 quarranta 158
 quartus 160
 quas, им. п. мн. ч., 19, 139
 *quassi 287
 quater 162
 quaterni, quadrini 162
 quattuor, quattor 156
 quei 134
 queo 259
 querebuntur 235
 queror 184
 ques 139
 quescumque 142

quesdam 139
questus 309
qui, quae, quod, склон., 133
quia 139
quianam 139
quicum 138
quicumque 142
quidam 134, 142
quies 89
quiescun 175
quievi 292
quilibet 142
Quinctus 160
quindecim 157
quindecimvirum 36
quingenti 159
quini 162
quingenta 158
quinque 156
quinquies 162
quinquo 215
quintus 156, 160
quiqui 138
Quirites 74
quis, quae, quid, склон.,
133
quis, ж. р., 134
quisnam 134, 142
quispiam 142
quisquam 134, 142
quisque 134, 142
quisquis 134, 142
quitur 253
quium 140
quivi 292
quivis 142
quo, нареч., 108
quoiei 137
quoium 140
quouismodi 136
quojus 136
Quorta 160
quoties 162
quotumus 99

R

rabies, род. п., 91
rabo, -io 192
radii 33
rado 193

raimentum 2
rapio 223
rapsit 237
raptus 309
rapui 294
rapum, -a 2
rasi 287
raster 2
ratus 217, 308
raucio 225
ravim 68
reapse 130
reccidi 270
recei 47
recipie, будущ. вр., 235
reconciliasso 236
rected 31
rectus 311
reddibo 235
reddo 203
redidei 300
redieit 300
redimibat, -bit 236
redinunt 199
rego 184
rei 16
rei publicai 16
reminiscor 198
remunerari 165
ren, rien 59
reor 217
rep̄ribit 236
reperio 223
repetudae 249
repo 185
repperi 270, 271
reppuli 271
repsi 288
requiem, requie 89
res 89
resilibat 236
respexis, -it 237, 240
respondi 272
responsi 290
restim 68
retentus 311
retis, rete 69
rettudi 271
rettuli 271
rex 40, 41, 42
rexī 283, 285
rideo 287

ringor 200
risus 311
rituis 88
robur, robus 62
rodo 191
rogad 172
rogito 213
Romai, Rome, местн. п., 10, 17
Romanei, род. п., 29
Romanom, род. п., 36
rosi 287
rudivi 292
rudo 189
Rufeis, им. п. мн. ч., 33
rugio 223
rumo, rupi, ruptus 200, 279
ruo 195
rumim 68
rupi 279
ruri 10
rus 62

S

sacer, -cri 26, 29
saepsi 288
saevibat, -bunt 236
saevio 225
sakros 26
sal 8, 42, 54, 55
salio 222
sallitus 310
sallo 204
salsus 311
salui, -ivi 294
Salutes 46
Salutus 46, 173
sam, sos, sas 131
sancitus 310
sanguen, -is 59
sanxi 284
sapio 223
sapsa 131
sapui, -ivi 224, 294
sarpo 192
sarrio 224
sarsi 285
sartus 312
satrapes 23
satus 308
scabi 279
scabo 192

scalper 2
scalpo 188, 192
scalpsi 288
scandi 277
scando 201
scato, -eo 192, 221
scaturibam 236
scibam, -bo 233, 236
scicidi 269, 273
scidi 273
scindo 200
sciö 170
scio 223
scissus 311
scīt 230
scitu 318
scivi 292
scribo 187
scribundi 249
scripsi 288
scriptus 309
sculpo 188
sculpsi 288
secatus, -urus 310, 317
seco 211
sectus 310
secundus 160, 249
securim 68
securus 26
secutus 310
sed 147
sedecim 157
sedeo 196
sedi 278
sedum 72
seges 46
Segomari 10
Seispitei 47
seit, sit 252
semel 162
sementim 68
senatu, дат. п., 88
senatuos 88
senatus, -i, -uis 88
seneo 220
senex, склон., 78
seni 162
senior 98
sensi 287
sensus 311
sententiad 18
sepelibus 236

sepelio 223
 sepelitus, -ivi 310
 sepse 152
 septem 156
 septeni 162
 septimus 160
 septuaginta 158
 sepultus 310
 sequor 165, 184
 sero 184
 sero «я сею» 184, 196, 268
 serpo 184
 serpsi 288
 -serui 294
 servasso 237
 servibam, -as, -bo 233, 236
 servio 225
 servitus, -tutium 74
 servo 215
 sese 152
 sessum 311
 sestertium, род. п. мн. ч., 36
 Sestius 160
 sevi 292
 sevirum 36
 sex 156
 sexaginta 158
 Sextilis 71
 sextus 160
 sabei 149
 sibilus, -a 2
 sic 131
 sid 172
 sidi 281
 sido 187, 196
 sied 172, 252
 sient 252
 silenta 76
 sileo 218
 silvester 66
 simillimus 99
 simplex 162
 simus 252
 sinem 235
 singuli 162
 singultio 225
 singulto 213, 225
 sinister 98
 sino 199
 sinu, дат. п., 88
 sis 254
 sisto 196, 268
 sitim 68
 sitio 225
 situs 308
 sivi 292
 so 155
 soc 131
 socer, -erus 26
 socium, род. п., 36
 Socrates 23
 sol 54
 soleo, solitus 307
 solēt 229
 sollistimus 99
 solui, solvi 295
 soluisse 295
 soluo, solvo 295
 solus, дат. п. solae 132
 solutus 310
 sonaturum, -rus 310, 317
 sonitus, -i 88
 sono 211
 sono, -is 190
 sons 248
 sont 252
 sonui, -avi 293
 sopio 222, 223
 sorbo, -eo 190
 sordeo 220
 soror 55
 sorpsi 288
 sors, sorti 73
 sortior 165, 225
 sospes 77
 soueis 22, 153
 spargo 192
 sparsi 285
 sparsus 312
 spatiarus 178
 species 89
 specieum 95
 specio 223
 specus, -i 88
 spepondi 268, 272
 sperno 199
 spes, speres 89, 94
 spexi 285
 spondeo 219, 267
 spondēre 221
 spopondi 269, 272
 sponsis 240
 spretus 308
 spreui 292

spuo 195
squamigerum, род. п. мн. ч., 36
stabilibat 236
statui 295
statuo 206
stāturum 318
status 308
statutus 310
sterno 199
sternuo 199
sterto 184
stertui 294
steterunt 301
steti 163, 269
stetimus 268, 301
-stinguo 200
-stinxi 284
stipendis 37
stirps 74
sto 209
stratus 308
stravi 292
strenuius, -issumus 101
strepitus, -i 88
strepo 184
strictus 311
stridi 281
strido, -deo 187
strigilim 68
stringo 200
strinxi 284
struo 195
suadeo 219
suasi 287
suasum 311
suavis 96
subblandibitur 236
subdo 203
subit 300
sublatuiri 319
subvenibo 236
succinui 270
suesco 198
sugo 189
sui, sibi, se 144
suibus 37
suimet 152
sultis 254
sum 170
sum, спряж., 252
summus 99
sumpsi 282

sumpti 88
sun 175
Sunii 30
suntod 244, 252
suo 195
supellex 46
sup̄r 26
superbio 225
superstes 77
superus, -ior 26, 98
supplex 75
supplice 75
suprad 18
supremus 99
suremit 282
surgebit 235
surrexe 300
sus. склон., 78
sus, sa, sum 153
suspendi 271
suspikor 214
sustuli 276
suus, -a, -um 153
suxi 285
svemus 297

T

tabelai 19
tabes 89
taceo 218
tactus 311
tagam 239
tagit 240
tago 239
tango 200
Tarentum 79
Tartarus, -a 2
taurus 26
taxat 239
taxit 240
tectus 311
ted 147
tego 184
Tellus 61
temperi 10
temperies 89
tendi 271
tendo 203
teneo 218, 267
tenui 267, 271, 293
tepeo 218

ter 162
 tergo, tergeo 221
 terni, trini 162
 tero 184
 terras, род. п., 16
 terreo 219
 tersi 285
 tersus 312
 tertius 160, 162
 terui 292
 testor 215
 tetendi 271
 tetigi 267, 270
 tetini 271
 tetuli 276, 300
 texi 283, 285
 texo 184
 texui 294
 Thucydide 23
 tibe, tibeï 149
 Tiberim 68
 Tibure, местн. п., 10
 timos 62
 tinctus 309
 ting(u)o 201
 tinxi 284
 tis 146
 tollo 204
 tondeo 219
 tondere 221
 tonitrus 83
 tonitruum 83
 tono 211
 tono, -is 190
 torqueo 219
 torreo, tostus 219
 torsi 285
 tortus 312
 tostus 310
 toties 162
 totondi 272
 totus, род. п. toti, дат. п. to-
 tae 132
 tractus 283
 trado 203
 traho 192
 traxi 283
 trebibos 52
 tremebit 235
 tremo 184
 tremonti 175
 trepit 184
 tres, tria, tris 71, 155
 tribuo 206
 tricen 162
 trienta 158
 trigintā 10, 34, 50, 158
 trinum 36
 tripes 155
 triumvirum 36
 trivi 292
 trudo 189
 trusi 287
 tu, склон., 144
 tubicen 59
 tuento 245
 tuimet 152
 tulam 239
 tuli 276
 tumulti 88
 tumultus 215
 tundo 200
 -tuor, -eor 221
 turbo 60
 turgo 188
 turrim 68
 Tuscolana, дат. п., 17
 Tusculi, местн. п., 10
 tussire 225
 tute, tete 152
 tutudi 268, 273
 tuus, -a, -um 153; tuai, род. п., 16

U

ulciscor 198
 Ulixes 79
 ullus 132
 ulsit 237
 ultimus 99
 ultra 110
 umerus 26
 unde 108
 undecim 157
 undeviginti 157
 ungui, -e 69
 unguo 201
 uni, род. п., 132
 unus, -a, -um 132, 155
 unusquisque 142
 unxi 284
 urbani 29
 urbe, вин. п., 48
 urbs 74

uro 189
ursi 285
ussi 283, 289
ustus 308
usurpo 215
utarus 178
uter 98, 132
uterlibet 132
uterque 132
uterus (uter), -um 2
utervis 132
utilissimus 99
utito, utunto 245
utor 189

V

vado 193
vagabundus 249
vagio 225
Valeri 27, 29
Valeriaes 16
valia(t) 172
vanno 206
vannus 24
vapos 62
vas, vasis 64
vasi 287
vasum 64
vatum 72
vecos 26
vectigal 66
vegeo 218
veho 184, 248
vehor 164
vel 254
velet 172
velle 247
vellem 241
velli 281
vello 204
vendo, venumdo 203
Veneres 46, 173
venerimus 305
Venerus 46
veni 278, 279
venibat, -bo 236
venio 222, 224
venor 214
Venos 61
ventum 309

Venus 61
ver 56
verbum, -orum 36
vergo 184
verri, -rsi 281
verro 184
versi 282
verso 213
verterunt 301
verti 281
verto 184
Vertuleieis, им. п. мн. ч., 33
Vertumnus 248
verum 83
vesanio 225
vescor 165
vesperascit 198
vester, voster 98, 153
vestibat, -bit 233, 236
vestras 142
veterrimus 99
veto 211
vetui (-avi) 293
vetus, veter 62
vetustior, -issimus 99
vexi 285
vias, род. п., 16
Vibis 26
viceni 162
viceris 305
vicesimus, -umus 160
vici 279
Victorie 17
victus, -i, -uis 88
videritis 305
vidi 279
viesco 198
vigil, -um 66, 77
viginti 3, 157
vincio 223
vinctus 309
vinti 158
vinus 2
vinxi 284
violatod 244
vir 26
virei 33
virtutei 47
virum, -orum 36
virus 38
vis, vires 68, 78
visi 281

viso 205
vīsus 311
vivebo 235
vivo 187
vivus 314
vixi 285
vobeis 152
volo, спряж. 254, с инф.
237
volus 312
volucer, -crum 66, 72
volui 294
volui, volvi 295

voluto 213
volutus 310
vomo, -is 190
vomui 293
vorare 215
vorsus 184
vorto 184
vos 144
vostrorum, -arum 151
vovi 295
vox 45, 74
vulgus 38
vulsi 281, 282

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
От автора	13
Часть I. Склонение в латинском языке (§§ 1—162)	15
Общие понятия (§§ 1—11)	15
Род (§§ 1—2)	15
Число (§ 3)	19
Падеж (§§ 4—6)	20
Приемы латинского склонения (§§ 7—11)	26
Тон (§ 7)	26
Чередования гласных (§§ 8—9)	26
Окончания (§§ 10—11)	30
Склонения (§§ 12—162)	35
Первое склонение (§§ 12—23)	35
Второе склонение (§§ 24—39)	42
Третье склонение (§§ 40—80)	54
Четвертое склонение (§§ 81—88)	86
Пятое склонение (§§ 89—95)	91
Имена прилагательные (§§ 96—102)	96
Местоимения (§§ 103—153)	105
Указательные местоимения (§§ 104—132)	105
Относительное и вопросительно-неопределенное местоимения (§§ 133—141)	119
Сложные вопросительные и неопределенные местоимения (§ 142)	126
Личные местоимения (§§ 143—152)	126
Притяжательные прилагательные (§ 153)	130
Имена числительные (§§ 154—162)	132
Количественные числительные (§§ 155—159)	133
Порядковые числительные (§ 160)	138
Разделительные и множественные числительные (§§ 161—162)	139
Часть II. Спряжение в латинском языке (§§ 163—319)	141
Глагол. Общие понятия (§§ 163—168)	141
Инфект (§§ 169—261)	148
Окончания (§§ 169—181)	148
Образование основ настоящего времени (§§ 182—226)	153

Третье спряжение (§§ 183—206)	154
Первое спряжение (§§ 208—215)	168
Второе спряжение (§§ 216—221)	174
Четвертое спряжение (§§ 222—226)	178
Времена и наклонения в системе настоящего времени (§§ 227—246)	183
Настоящее время изъявительного наклонения (§§ 228—230)	184
Прошедшее несовершенное время изъявительного наклонения (§§ 231—233)	187
Будущее время (§§ 234—237)	191
Настоящее время сослагательного наклонения (§§ 238—240)	196
Прошедшее несовершенное время сослагательного наклонения (§ 241)	199
Повелительное наклонение (§§ 242—246)	200
Неличные формы инфекта (§§ 247—250)	204
Инфинитив (§ 247)	204
Причастия (§§ 248—250)	206
Неправильные формы в системе настоящего времени (§§ 251—261)	209
Система перфекта (§§ 262—319)	220
Глаголы с корневым элементом на согласную (§§ 266—290)	223
Перфект с удвоением (§§ 267—277)	223
Корневой тип без удвоения (§§ 278—281)	230
Сигматический перфект (§§ 282—290)	232
Глаголы с корневым элементом на гласную (§§ 291—302)	239
Времена и наклонения перфекта (§§ 303—305)	254
Перфективное прошедшее время (§ 304)	254
Перфектное будущее время и перфект сослагательного наклонения (§ 305)	255
Неличные формы перфекта (§§ 306—319)	256
Инфинитив перфекта (§ 306)	256
Причастие прошедшего времени страдательного залога (§ 307—315)	257
Перфект страдательного залога и отложительные глаголы (§ 316)	265
Производные формы от причастия прошедшего времени страдательного залога (§ 317)	266
Супин (§ 318)	269
Инфинитив будущего времени страдательного залога (§ 319)	270
Перечень наиболее часто цитируемых авторов и текстов	271
Библиография	272
Указатель	274
Приложение. Образцы латинских архаических надписей	294

Редактор *В. Фрязинов*

Техн. редактор *Б. Корнилов*

Корректор *И. Булгаков*

*

Сдано в производство 12/VIII 1949 г.

Подписано к печати 31/I 1950 г.

А 00130. Печ. л. 20. Уч.-издат. л. 17,7.

Формат 84×108¹/₃₂. Изд. № 13/487.

Цена 14 р. 50 к. Заказ 1051.

15-я типография «Искра революции»

Главполиграфиздата

при Совете Министров СССР

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
62	16 снизу	*-ns	*-ns
136	6 сверху	dékṃ	dékṃ
149	4 „	n	и
156	12 снизу	*sneigh-	*sneigh ^w -
264	5 сверху	-flug ð	-flug ^w ð
279	8 „	virtut	virtutes
212	1-я таблица сверху	Формы: s-i-m, s-ī-s, s-i-t относятся не к множественному числу, а к единственному.	

140301a